

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТУВЕ



ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТУВЕ

(по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции)

Санкт-Петербург

2013



Издание осуществлено при финансовой поддержке и в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России»

Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции). Коллективная монография. — СПб.: ЭлекСис, 2013. 232 с.

Ответственный редактор доктор исторических наук Д. Г. Савинов.

Редакционная коллегия: доктор исторических наук Г. В. Длужневская,
научный сотрудник Н. А. Лазаревская.

Коллективная монография посвящена публикации и историко-культурной интерпретации археологических материалов периода господства Древнетюркского и Уйгурского каганатов (вторая половина I тыс. н. э.), полученных в результате полевых исследований Саяно-Тувинской экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне — Институт истории материальной культуры РАН) в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС (Центрально-Тувинская котловина) в 1965–1982 гг. В числе публикуемых материалов представлены практически все компоненты древнетюркского культурного комплекса: большая серия ранее не публиковавшихся погребений с конем, многочисленные остатки материальной культуры (предметы вооружения, снаряжения верхового коня, украшения и др.), культовые сооружения (каменные изваяния и оградки), рунические надписи.

Адресуется археологам, этнографам, историкам, востоковедам и всем интересующимся древней историей и культурным наследием нашей страны.

На обложке — бронзовая бляха-накладка из собрания Государственного Эрмитажа (по: Л. Р. Кызласов, Г. Г. Король, 1990) — единственная аналогия бляхе, найденной Ю. И. Трифоновым в могильнике Аргалыкты I



*Светлой памяти нашего друга и коллеги
Юрия Ивановича Трифонова
посвящают авторы эту книгу*

От редактора

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ В УЛУГ-ХЕМСКОЙ КОТЛОВИНЕ

Вторая половина XX века в истории отечественной археологии, главным образом восточных районов нашей страны, ознаменовалась проведением многолетних полевых исследований, проводившихся на строительных площадях крупномасштабных промышленных предприятий, в первую очередь гидроэлектростанций, в которых основное и самое активное участие принимало ЛОИА (Ленинградское отделение Института археологии СССР, ныне — Институт истории материальной культуры РАН). Были созданы и успешно функционировали многолетние новостроечные экспедиции — Иркутская, Красноярская, Саяно-Тувинская, Бейская, Сибирская. В результате работ этих экспедиций были открыты и исследованы сотни, если не тысячи, ранее неизвестных археологических памятников, произошло поистине «взрывообразное» накопление нового фактического материала. К сожалению, значительная часть этих бесценных для науки источников до сих пор остается не опубликованной. Объясняется это просто — вновь полученные материалы требуют дополнительной обработки, реставрации, подготовки к изданию и т. д. Для этого необходимы не только значительные усилия, но и дополнительное финансирование под уже «сделанные» работы. А его-то, как правило, уже и нет. В этих условиях публикация ранее полученных материалов, как бы уже известных, но еще не введенных в научный «оборот», представляет одну из актуальных задач современной археологии Центральной Азии и Южной Сибири.

В русле этого направления, благодаря поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН, в предшествующие годы уже были осуществлены монографические издания материалов, полученных в результате полевых исследований Саяно-Тувинской и Средне-Енисейской экспедиций: Г. В. Длужневская, Д. Г. Савинов «Памятники древности на дне Тувинского моря» (2007), «Памятники кокзельской культуры Тувы» (2010), Д. Г. Савинов «Минусинская провинция Хунну (по материалам археологических исследований 1984–1989 гг.)» (2009), Д. Г. Савинов «Памятники тагарской культуры Могильной степи (По результатам археологических исследований 1986–1989 гг.)»

(2012). Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография «Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции)» является естественным продолжением этих изданий, посвященных введению в научный оборот археологических материалов, необходимых для современной научной интерпретации культурно-исторических процессов, происходивших на севере Центральной Азии в эпоху раннего средневековья. В географическом отношении данная область достаточно четко локализована — это Улуг-Хемская котловина (или часть Центрально-Тувинской котловины) и прилегающие к ней участки Саянского каньона Енисея (вплоть до устья р. Хемчик)¹.

Улуг-Хемская котловина приурочена к верхнему течению р. Улуг-Хем (Енисей) и представляет собой северо-западную степную часть Центрально-Тувинской котловины, непосредственно примыкающую к отрогам Западных Саян. Отсюда же начинается Саянский каньон Енисея, прорезающий на протяжении около 200 км горный массив Западных Саян. На выходе из него, уже в Минусинской котловине, находится плотина знаменитой Саяно-Шушенской ГЭС, водохранилище которой занимает значительную часть Улуг-Хемской котловины. В 1965–1984 гг. здесь проходили работы Саяно-Тувинской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР, нацеленные на всестороннее изучение зоны затопления Саяно-Шушенской ГЭС в археологическом отношении. В процессе этих работ были открыты, исследованы и тем самым спасены для науки многочисленные памятники древности всех исторических эпох — начиная от стоянок палеолита до впускных захоронений этнографического времени включительно (Длужневская, Савинов, 2007).

Основными доминантами этой исследованной части Центрально-Тувинской котловины являются два удивительных памятника природного и культурного наследия Тувы, вокруг которых на протяжении веков концентрировалась духовная жизнь местного населения этой самой северной части Центральной Азии — гора Хайыракан около старинного русского города Шагонар (как бы на въезде в Улуг-Хемскую котловину) и буддийское скальное святилище на горе Сюме (у самого начала Саянского каньона Енисея). Между этими двумя доминантами и ниже по течению Улуг-Хема до устья Хемчика, уже в пределах Енисейского каньона, располагалась основная зона полевых исследований Саяно-Тувинской экспедиции (сокращенно — СТЭАН).

Со священной горой Хайыракан («Медведь-гора») связано множество легенд и исторических преданий. Образное описание ее оставил инженер В. М. Родевич, работавший в Урянхайском крае (Тува) в 1907–1910 гг.: «Замечательна гора Хайеркан (Хайыракан) или Медвежья гора, стоящая поперек течения Улуг-Хема на левом берегу. Треугольная форма горы видна верст за 30 при движении сверху по реке и на 70 — снизу. Она сложена из серого мрамора и возвышается над рекой на 842 м... С вершины горы, примерно на

¹ О физико-географических условиях Тувы подробнее см.: Г. В. Длужневская, 2008. С. 11–15.

50 верст к югу и до 10 — к северу, видна Улуг-Хемская котловина: цепь рукавов Енисея и изумрудных тополевых островов, группы гор и глубокие степные площади между ними» (Родевич, 2007. С. 548–549)². С этого места Улуг-Хем разбивается на множество протоков, поросших тополями и ивами; эту часть котловины иногда называют «Сорок Енисеев». Ниже находился поселок Чаа-Холь (быв. Чакуль), прежде своеобразная столица Урянхайского края, основной перевальный пункт в торговле с Россией. Здесь же до 20-х гг. XX в. располагался один из старейших ламаистских монастырей — Чаа-Хольский дацан.

Не менее эмоционально описывает священную гору Хайыракан один из видных общественных деятелей Сибири начала XX в., сын известного купца и золотопромышленника Сафьянова И. Г. Сафьянов: «В самом сердце Сойотии, на левом берегу Улуг-Хема... величественно поднимается красивый и гордый Хоярхан (Хайыракан) — царь прибрежных скал! Сначала в далекой синеве перед глазами очарованного спутника ясно вырисовывается только северная часть Хоярхана с его причудливыми вершинами, точно развалинами древнего храма, а затем уже показывается и весь остов царственной горы, причем каждого сейчас же поразит ее оригинальный вид. Тогда как северная часть Хоярхана полна жизни и белые мраморные колонны скал живописно спускаются в темные волны Улуг-Хема, южная часть его точно смотрит своими черными уступами на раскинувшуюся у ее подножия пустынную степь. Вся Сойотия знает эту необыкновенную гору, и в своих былинах поет о ней красивые таинственные сказки» (Сафьянов, 2007. С. 303).

По своим очертаниям — фигура огромного лежащего медведя — Хайыракан напоминает другой не менее известный природный памятник, очевидно, такого же значения — горный массив Айю-Даг (также «Медведь-гора») в Крыму. Конечно, почитание этих замечательных природных объектов не случайно и говорит о чрезвычайной древности связанных с ними представлений. В 1962 г. во время разведки будущей зоны археологических исследований СТЭАН мы с художником М. А. Петуховым поднимались на Хайыракан. На вершине его находится священное *оваа* (место обитания духов), сложенное из крупных блоков белого мрамора, причем верхние прямоугольные блоки уложены поперек, горизонтально, как будто с раскинутыми «руками», что придает ему антропоморфный облик. В таком виде это незамысловатое сооружение как бы «парит» над всей окружающей местностью, наподобие знаменитого белого распятия из Рио де Жанейро... Одно время у подножия Хайыракана после заполнения водохранилища пытались добывать мрамор и известняк. Сейчас уже, к счастью, нет. Изображение священной горы Хайыракан украшает один из вариантов государственного герба Республики Тыва.

² Здесь и далее ссылки на старые источники даются по замечательному изданию — антологии всех наиболее значительных исследований (полностью или частично) по древней истории Тувы — «Урянхай. Тыва дептер», предпринятому по инициативе С. К. Шойгу и осуществленному благодаря поистине героической работе одного из составителей — К. Д. Аракчаа (всего 7 томов).

Буддийское скальное святилище на горе Сюме (или Чурумал-Бурхан-ныг-Хая) известно с начала XVIII в. Сведения об этом приводит в своей книге «Древние кочевники в центре Азии» А. Д. Грач (1980. С. 9–10). Специальное исследование по этому поводу еще раньше провел В. В. Радлов в Приложении к «Сибирским древностям» (Радлов, 1894. С. 78–80). Найденные при первом посещении святилища рукописи («татарских писем на синей бумаге многое числом») были переданы в Красноярске Д. Г. Мессершмидту, которому эта ниша, судя по всему, также была хорошо известна: «При р. Енисей, на полдня пути выше реки Кемчик, при устье реки Джакуль (Чакуль — Д. С.), существует пещера, в которой находятся разные любопытные вещи, особенно идолы, как мужские так и женские, и много рукописей» (Там же). Одна из этих рукописей, привезенных в Красноярск, была опубликована Ф. И. Страленбергом. В дальнейшем сведения о буддийской нише на Енисее приводятся в сочинениях Г. Ф. Миллера, а также многих других путешественников, маршруты которых проходили через эту отдаленную часть бассейна Верхнего Енисея.

Так, в «Землеведении Азии» Карла Риттера говорится, что «река Джакуль (тот же Чакуль — Д. С.) течет там с востока в Енисей; две мили ниже ее устья и три мили в сторону от западного берега Енисея находится пещера, посреди могильных курганов. Вход в нее, со стороны Енисея, тесен и низок. На наружной стороне скалы высечены изображения идолов, весьма грубой работы... Утверждали, что в пещере было много свитков, но что они большей частью испорчены. Эта пещера служила складом для идолов, которым окрестные жители приносили жертвы» (Риттер, 2007. С. 162). Более подробны сведения, приводимые С. Р. Минцловым: «На левом берегу р. Чакуль (Чаа-Холь), близ сойотского хурэ (ламаистский монастырь) на скале, на высоте приблизительно двух сажен вырублена небольшая ниша, упоминаемая г. Родевичем под именем “полутемной пещеры” Джурмал (Чурумал). На задней стене ее превосходно высечено изображение сидящего Будды; на наружной стене скалы стоят два охраняющие Будду свирепого вида человека с угрожающе поднятыми руками. Горельефы их величиной около аршина» (Минцлов, 2008. С. 122–123). По описанию А. В. Адрианова, более подробному и профессиональному, «в отвесной скале, сложенной из сланцев, на высоте около 3 сажен от земли сделана ниша, имеющая в высоту около 1,5 аршин, а в ширину и глубину до одного аршина. В глубине этой ниши, на задней ее стенке, рельефно высечены три божества; среднее изображение в весьма обыкновенной позе бурхана, с поджатыми под себя ногами, напоминает распространенное изображение Шигемуни (Будды Шакьямуни), а два боковых в стоячем положении. Снаружи, перед входом в нишу, по сторонам ее поставлены две статуэтки около аршина высотой; весьма хорошо и отчетливо отделанные статуи; статуи парные изображают воинов... Группа эта пользуется большим почитанием лам и народа. На земле перед скалой протянуты на кольях бечевки, увешанные тысячами лент, по большей части бумажных, а также матерчатых; целые вороха этого добра навязаны на веревке и при малейшем дуновении ветра поднимают странный шум и шелест среди немых мест» (Адрианов, 2007. С. 140). В 1902–1903 гг.

буддийскую нишу в горе Сюме описал и сфотографировал Ф. Я. Кон. По данным Г. В. Длужневской, эта фотография хранится в Иркутском музее; причем, «самым примечательным на снимке является то, что ниша закрыта деревянными ставнями» (Длужневская, Савинов, 2007. С. 23).

Согласно мнению Л. Р. Кызласова, буддийское святилище Чурумал-Бурханниг-Хая датируется XIII–XIV вв. (Кызласов, 1969. С. 140, рис. 52), однако вполне вероятно, что оно может относиться и к более раннему, в том числе и древнетюркскому, времени. Этот вопрос требует специального исследования. В период полевых исследований СТЭАН у скального святилища на горе Сюме уже не было никаких бечевек с многочисленными ленточками-пожеланиями (как при А. В. Адрианове), ни тем более деревянных ставен (как при Ф. Я. Коне), но также как в XVIII и XIX, и в начале XX в. наверх, к «Будде» вела каменистая дорожка с характерным хрустом под ногами. В настоящее время это самое известное скальное святилище на севере Центральной Азии затоплено водами Тувинского моря. Подхода к нему нет, и от него, конечно, мало что сохранилось. Сейчас на высоте 99 м воссоздано новое, как будто такое же святилище Чурумал-Бурханниг-Хая, но, судя по имеющимся данным, оно имеет мало чего общего с оригиналом.

Я намеренно привожу столь подробные сведения об этих двух замечательных памятниках — доминантах Улуг-Хемской котловины, чтобы оттенить ту степень сакрализации, которой обладала территория, где проходили полевые исследования СТЭАН. Возможно, это одна из причин нахождения здесь столь значительного количества археологических памятников. Другая причина — крайнее, относительно всей остальной территории горно-степной Тувы, положение данного региона, куда, как до «последнего моря», постоянно, из эпохи в эпоху, доходили носители различных культурных традиций. Нечто подобное мы наблюдаем в соседней (через Западные Саяны) Минусинской котловине, где в результате тех же процессов складывается очень сложная стратиграфия археологических культур (Савинов, 2007). И, наконец, последнее и, на наш взгляд, не менее важное обстоятельство — это весьма благоприятные географические (природные) условия Центрально-Тувинской котловины, позволяющие заниматься не только традиционным скотоводством, но и орошаемым, а по сути дела, пойменным земледелием, а также другими видами сопутствующих занятий, что делало нахождение на данной территории особенно притягательным. Скорее всего, указанные факторы выступали во взаимодействии, чем и объясняется большое количество находившихся здесь археологических памятников всех исторических эпох.

С известной долей условности можно сказать, что это был своеобразный «оазис» на самой северной окраине мира центральноазиатских степей и плоскогорий. Поэтому, наверное, не случайно, что именно здесь, в Улуг-Хемской котловине появляются оросительные каналы, строятся раннесредневековые города-крепости и берет свое начало, продолжающаяся в ущелье Саянского каньона, известная дорога Чингиз-Хана.

Общий обзор археологических памятников, открытых и исследованных СТЭАН, уже получил достаточное отражение в литературе (Длужневская, Савинов, 2007). Материалы многих из них (в виде отдельных статей или монографий) опубликованы. Среди них (если следовать в хронологическом порядке): древнейшая эпоха — палеолит (Астахов, 2008); неолит — многослойная стоянка Тоора-Даш (Семенов, 1992); эпоха ранней бронзы — памятники окуневского типа (Стамбульник, Чугунов, 2006); раннескифское время — алды-бельская культура (Грач, 1980. С. 24–28 и сл.); скифское время — саглынская культура (Грач, 1980. С. 30–38 и сл.; Савинов, 1980); хунно-сяньбийское время — кокзельская культура (отдельный тематический Сборник научных трудов «Памятники кокзельской культуры Тувы», 2010); материалы позднего этапа культуры енисейских кыргызов в Туве — могильник Эйлиг-Хем III (Грач, Савинов, Длужневская, 1998); наскальные изображения, в основном с территории Саянского каньона (Дэвлет, 1976; 1998); и др. По сути дела, уже представлена вся хронологическая шкала, позволяющая сравнивать эти материалы с памятниками соседних территорий. Обращает на себя внимание, что в этом ряду отсутствует отдельная публикация памятников важнейшего периода в этнокультурной истории населения Центральной Азии — древнетюркского времени (или эпохи). Имеется только краткий обзор полученных материалов (Длужневская, Овчинникова, 1980), но этого явно недостаточно.

Древнетюркское время, или эпоха, как широкое культурно-историческое понятие — это многовековой период в истории народов алтайской языковой семьи, входивших в состав крупных этносоциальных объединений, созданных тюркоязычными правящими династиями (вторая половина I — начало II тыс. н. э.). В рамках древнетюркской эпохи появились, достигли расцвета и погибли крупные раннесредневековые государственные образования — Первый и Второй тюркский каганаты, Уйгурский каганат, владения которых простирались на всю территорию Центральной Азии, в том числе и Туву; а также государства кыргызов с центром на Енисее и кимако-кыпчаков с центром на Иртыше. На всем протяжении древнетюркского времени происходили постепенное развитие и формирование древнетюркского культурного комплекса, наиболее показательными компонентами которого являются погребальный обряд (с сопроводительным захоронением коня), определенный набор предметов материальной культуры (главным образом вооружения и снаряжения верхового коня), каменные изваяния и древнетюркская руническая письменность. Для каждого из периодов господства того или иного этносоциального объединения характерны свои отличительные особенности древнетюркского культурного комплекса, являющиеся основанием для датировки относящихся к данному периоду археологических памятников.

До начала работ СТЭАН памятников древнетюркского времени в Центрально-Тувинской котловине было известно немного. Первые раскопки погребений с конем здесь были произведены в 1927 г. С. А. Теплоуховым у горы Бай-Даг на могильнике Чааты II (курганы 72 и 75). Материалы полностью опубликованы Л. Р. Кызласовым (Кызласов, 1979. С. 188–191, рис. 144–

147). Судя по найденным в них предметам сопроводительного инвентаря, данные погребения можно датировать: курган 72 — VII–VIII вв.; курган 75 — VIII–IX вв. н. э., хотя четкие дифференцирующие границы между этими двумя этапами развития древнетюркской культуры до сих пор провести сложно. В 1957 г. около пос. Ак-Туруг С. И. Вайнштейном было раскопано еще два погребения с конем и сопроводительным инвентарем VII–VIII вв. (Вайнштейн, 1958. С. 120–121). На основании этих материалов был выделен ак-туругский этап развития древнетюркской культуры в Туве VII–VIII вв. (Вайнштейн, 1966), синхронный (или аналогичный) катандинскому этапу истории алтайских тюрков, по периодизации А. А. Гавриловой (1965. С. 61–66). Памятники катандинского (или ак-туругского) этапа известны на очень широкой территории, и всеми исследователями соотносятся с периодом господства Второго тюркского каганата. Полевые исследования СТЭАН во много раз увеличили количество подобных местонахождений.

В рекомендуемой вниманию читателей коллективной монографии «Древние тюрки в Центральной Туве» представлены все основные виды древнетюркских археологических памятников. В первую очередь, большая серия ранее не опубликованных погребений с конем; причем, они происходят как из степной части котловины (статьи Ю. И. Трифонова, Б. Б. Овчинниковой), так и Енисейского каньона (статья Г. В. Длужневской), относятся как к периоду господства Второго тюркского каганата (статья Ю. И. Трифонова), так и ко времени Уйгурского каганата (статьи Б. Б. Овчинниковой), включают как собственно погребальные (статья Ю. И. Трифонова), так и погребально-поминальные комплексы (статьи Б. Б. Овчинниковой, Г. В. Длужневской).

Представления о древнетюркском культурном комплексе естественным образом дополняют статьи, посвященные наскальным изображениям из Саянского каньона Енисея (М. А. Дэвлет) и руническим надписям — важнейшему источнику по раннесредневековой истории Тувы (С. Г. Кляшторный). В статье М. А. Дэвлет впервые для этого региона предпринимается развернутая попытка выделения пласта наскальных изображений древнетюркского времени (помимо широко известных тамгообразных рисунков горных козлов), что и с методической, и с фактологической точек зрения является важным шагом вперед в изучении данного вида археологических памятников.

Своеобразная ситуация складывается с каменными изваяниями — по сравнению с другими районами Тувы, их здесь известно очень немного и плохой сохранности (Евтюхова, 1952. С. 92, рис. 34–35; Грач, 1961. С. 51–53, рис. 88–90). Ни разу они не были встречены (как обычно) в комплексе с поминальными оградками и рядами камней-балбалов. Точнее, оградки есть, а сопутствующих им изваяний нет. Окончательно судить о причинах этого явления трудно, но, скорее всего, они могли быть разбиты, уничтожены, сняты с первоначальных мест в период уйгурских завоеваний, т. е. в середине VIII в. Тем самым была как бы «зачищена» территория для расположения здесь уйгурских городищ и сопутствующих им подбойных захоронений (без коня), отражающих иную культурную традицию. Что касается памятников рунической пись-

менности и наскальных изображений, то пока они могут рассматриваться только в пределах древнетюркского времени вообще, т. е. в широких хронологических рамках, хотя среди них, несомненно, есть памятники периодов Второго тюркского и Уйгурского каганатов, одновременные публикуемым здесь же материалам погребений с конем.

В серии вводимых в научный оборот погребальных объектов особо следует выделить материалы раскопок Ю. И. Трифонова, производившего (по плану работ СТЭАН) целенаправленные исследования памятников древнетюркского времени на могильниках Аргалыкты, Кара-Тал и Дыттык-Чарык-Аксы³. Всего было раскопано 14 курганов, отражающих устойчивую традицию обряда погребения с конем. Материальный комплекс исследованных курганов отличается двумя особенностями: во-первых, в нем содержатся наиболее представительные наборы вещей (наконечников стрел, предметов конской упряжи, украшений поясных наборов и т. д.), крайне необходимых для их сравнительно-типологического анализа и классификации; во-вторых, он включает такие уникальные находки как деревянные остовы седел, берестяные колчаны, остатки шелковых китайских тканей, имеющие важное значение для изучения древнетюркского культурогенеза. Особенно следует отметить методический аспект полевых исследований Ю. И. Трифонова по выявлению первоначальных конструкций погребальных сооружений, что впервые им было сделано применительно к эпохе средневековья на материале тувинских курганов.

По итогам этих исследований Ю. И. Трифоновым была написана большая обобщающая работа «Археологические памятники Саяно-Алтая в древнетюркское время», в которой основополагающее значение имели тувинские материалы. Предполагалось завершение ее в качестве кандидатской диссертации, которая, к сожалению, осталась не защищенной⁴. В настоящем издании публикуется (с некоторыми сокращениями и редакторской правкой) основная фактологическая часть данной работы, посвященная погребениям древнетюркского времени в Туве. Каждый объект в ней проанализирован всесторонне и, на первый взгляд, даже с излишней скрупулезностью. Однако именно эта тщательность, при существующей в настоящее время инфляции отношения к антикварной ценности источника, окупится для будущих исследователей сторицей.

Д. Г. Савинов

³ Краткую информацию о раскопках погребений древнетюркского времени в Туве см. в сообщениях Ю. И. Трифонова в Сборнике «Археологические открытия в СССР» за 1965, 1966, 1967, 1968, 1974 годы.

⁴ Подробнее о жизни и деятельности Ю. И. Трифонова см.: Г. В. Длужневская, Д. Г. Савинов. Археолог Юрий Иванович Трифонов (1940–1989) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Сборник научных трудов. — Новосибирск, 2000. — С. 203–210.

Литература

- Адрианов А. В. Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 году // Урянхай. Тыва дептер. Т. III. М., 2007. С. 98–159.
- Астахов С. Н. Палеолитические памятники Тувы. СПб., 2008.
- Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. VI. Кызыл, 1958. С. 217–237.
- Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. № 3. 1966. С. 60–81.
- Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. По материалам исследований 1953–1960 гг. М., 1961.
- Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Грач А. Д., Савинов Д. Г., Длужневская Г. В. Енисейские кыргызы в Центральной Туве (Эйлиг-Хем III как источник по средневековой истории Тувы). М., 1998.
- Длужневская Г. В. Основные ландшафтно-орографические зоны // Савинов Д. Г., Длужневская Г. В.. Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири. СПб., 2008. С. 11–15.
- Длужневская Г. В., Овчинникова Б. Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 77–94.
- Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Археолог Юрий Иванович Трифонов (1940–1989) // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 203–210.
- Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб., 2007.
- Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976.
- Дэвлет М. А. Петроглифы на дне Саянского моря. М., 1998.
- Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. № 24. С. 72–120.
- Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.
- Миңцлов С. Р. Памятники древности в Урянхайском крае // Урянхай. Тыва дептер. Т. VII. М., 2008. С. 102–132.
- Памятники кокзальской культуры Тувы: материалы и исследования. СПб., 2010.
- Радлов В. В. Сибирские древности. Т. I. Приложения. СПб., 1988. С. 74–79.
- Риттер К. Землеведение Азии // Урянхай. Тыва дептер. Т. II. М., 2007. С. 108–213.
- Родевич В. М. Урянхайский край и его обитатели // Урянхай. Тыва дептер. Т. III. М., 2007. С. 543–584.
- Савинов Д. Г. Могильник Урбюн III и некоторые вопросы археологии Тувы скифского времени // Археология Южной Сибири. ИЛАИ. Вып. 11. Кемерово, 1980. С. 107–119.
- Савинов Д. Г. Минусинская провинция Хунну (По материалам археологических исследований 1984–1989 гг.). СПб., 2009.

- Савинов Д. Г.* Археологическая периодизация и культурно-экологические области Саяно-Алтайского нагорья // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб., 2007. С. 211–228.
- Савинов Д. Г.* Памятники тагарской культуры Могильной степи (по результатам археологических исследований 1986–1989 гг.). СПб., 2012.
- Сафьянов И. Г.* Прошлое и настоящее сойотского народа // Урянхай. Тыва дептер. Т. V. М., 2007. С. 286–309.
- Семенов Вл. А.* Неолит и бронзовый век Тувы. СПб., 1992.
- Стамбульник Э. У., Чугунов К. В.* Погребения эпохи бронзы на могильном поле Аймырлыг // Окуневский сборник-2. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 292–302.

Глава I

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТУВЕ

Ю. И. Трифонов

Древнетюркское время явилось важнейшим этапом в истории тюркоязычных народов Южной Сибири и Центральной Азии, периодом, в течение которого произошли коренные преобразования во всех областях их общественной жизни: политической, экономической, социальной, культурной и т. д. Это время становления, расцвета и упадка центральноазиатских кочевых империй — каганатов, сыгравших значительную роль в судьбе многих государств и народов (Гумилев, 1967; Кляшторный, 1964. С. 18–43). Это время возникновения новых и развития старых форм хозяйственного уклада и образа жизни (Бернштам, 1946; Киселев, 1951. С. 505–507, 510–514; Кызласов, 1969. С. 44–48, 116–121; Вайнштейн, 1966; Кляшторный, 1973), время упрочения классовой организации общества, усложнения его сословно-иерархической структуры и формирования соответствующих ей институтов. Наконец, это время существования совершенно особых религиозно-идеологических представлений древнетюркских племен, в которых уживались пережитки первобытно-родовых верований (тотемизм, культ предков, магия, анимизм и пр.) с новейшими религиозно-философскими системами (Грумм-Гржимайло, 1926. С. 215; Гумилев, 1967. С. 76–86, 381–386; Кызласов, 1969. С. 54–55, 84–85). Идеологические воззрения древних тюркоязычных народов получили яркое выражение в памятниках изобразительного искусства и рунической письменности, свидетельствующих о своеобразном художественно-эстетическом вкусе их создателей.

В древнетюркское время имели место широкие передвижения огромных масс кочевого населения по необъятным пространствам азиатских степей, часто менявшие административные границы и сферы влияния. Несомненно, переменам подвергались и этнические границы, что не могло не наложить существенного отпечатка на облик древнетюркской культуры в целом. Однако основные этнокультурные зоны при этом неизменными на протяжении нескольких столетий (Грач, 1966. С. 190–191). Именно поэтому древнетюркский пе-

риод явился временем консолидации этнических группировок и оформления крупных и сравнительно устойчивых этнических общностей, легших в основу образования многих современных тюркоязычных народов — тувинцев, алтайцев, хакасов, уйгуров, киргизов и др. Не случайно поэтому исследование древнетюркской эпохи, продолжающееся уже около двухсот лет, в последние годы становится все более интенсивным и привлекает пристальное внимание специалистов разного профиля, особенно возрастающее при получении качественно новых материалов и постановке новых проблем (Потапов, 1970. С. 163–175; Кляшторный, Ромодин, 1970. С. 148–152; Грач, 1967; и др.).

В настоящее время наука располагает довольно большим количеством источников — письменных, археологических и пр. — позволяющих при комплексном их использовании охарактеризовать основные этапы развития древнетюркского общества. Вместе с тем необходимо отметить, что, если, например, рунические надписи или каменные изваяния в основной своей массе, сохранившейся до наших дней, вероятно, уже исчерпаны и вряд ли сейчас можно ожидать резкого притока новых материалов (хотя количество их и будет, конечно, пополняться), то в отношении источников чисто археологических дело обстоит абсолютно иначе. Возможности их увеличения практически безграничны. Значение же этого рода древнетюркских памятников при скудности письменных документов и специфике других, вспомогательных материалов, трудно переоценить. К числу таких памятников относится многочисленная серия древнетюркских погребений с конем, открытая в конце 60-х — начале 70-х годов XX в. в Центральной Туве — могильники Аргалыкты I, VIII, IX, Каратал I–IV, Даттыг-Чарык-Аксы (зона будущего водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС).

I. МОГИЛЬНИКИ АРГАЛЫКТЫ I, VIII, IX¹

Могильники расположены на сравнительно небольшом участке Центрально-Тувинской котловины, в географическом отношении представляющем собой низкую, ровную, часто затапливаемую долину с типично степным ландшафтом. С южной стороны долина ограничена грядой хребта Танну-ола. У подножия хребта, на пологих склонах и на ровных площадках сосредоточено большое количество разнообразных археологических памятников. Подавляющее их число составляют каменные курганы всевозможных типов и вариантов, различной хронологии — от эпохи энеолита до XIX в. н. э. включительно².

Курганы сконцентрированы в могильники, тянущиеся почти непрерывной цепью вдоль хребта Аргалыкты. Могильники, как правило, включают в себя памятники разных эпох, что является одной из характерных черт тувин-

¹ При обозначении могильников и курганов даются следующие сокращения: могильники Аргалыкты I, VIII, IX обозначаются индексами А I, А VIII, А IX; курганы — номерами. Например, курган I могильника Аргалыкты IX — А IX-1.

² Краткие сообщения о раскопках на могильниках Аргалыкты см.: Трифонов, 1966. С. 25–27; 1967. С. 129–131; 1968. С. 174–176; 1969. С. 192–193.

ских курганных комплексов (Грач, 1960. С. 148). Некоторые из них довольно компактны, некоторые же могут быть обозначены лишь условно, с учетом топографической локализации объектов. Группы древнетюркских курганов не являются в этом смысле исключением и представляют собой не отдельные обособленные комплексы, а часть того или иного могильника.

Следует отметить, что на этой весьма ограниченной по площади территории, помимо курганов, встречены все другие основные категории древнетюркских археологических памятников: стелы с надписями (Памятники древнетюркской письменности Тувы, 1963. С. 15–22), петроглифы (Формозов, 1967. С. 134) и каменные изваяния (Евтюхова, 1952. С. 99). Подобная концентрация на сравнительно небольшом участке разнообразных памятников, особенно погребальных, многие из которых разнотипны и, без сомнения, разновременны, имеет определенное значение для решения некоторых вопросов, в частности — вопроса о хронологии рассматриваемых комплексов.

При раскопках древнетюркских курганов (впервые для памятников этого времени) была применена новая методика. Все курганы, включая и наиболее крупные, тщательно расчищались и последовательно разбирались до выявления основ первоначальных конструкций. Если эти основы сохранялись и, таким образом, появлялась возможность теоретически восстановить прежний облик сооружений, то такие попытки предпринимались, о чем говорится в каждом конкретном случае. В особенно сложных ситуациях, например, при почти полном развале первоначальной конструкции, определение вида сооружения дается предположительно. Все объекты раскапывались с оставлением бровок по нескольким осям (ширина бровок была различной — от 0,25 до 1 м). Разборка кургана после его расчистки производилась поэтапно, с первоначальным удалением бессистемных обломков на краях объекта до прежней основы сооружения. Затем разбиралось внутреннее заполнение первоначальной конструкции. При этом оставлялась одна из бровок, бравшаяся по выбору. Могильные ямы на уровне древней поверхности на разных памятниках прослеживались по-разному. Установление точных границ и определение конструкции ям производилось с учетом специфики каждого объекта. При описании положения человека специально фиксировалось положение рук и ног, поскольку оно всегда отражает определенные черты ритуала, совершаемого при захоронении. В описании положения лошади учитывалась, прежде всего, общая линия расположения костяка, а при установлении ее ориентировки — направление передней части туловища животного, но не головы, так как чаще всего она обращена к ногам погребенного. Термин «колода» берется в кавычки потому, что колод как таковых в погребениях не встречено, а зафиксированы лишь плахи перекрытия человека и плахи перекрытия пола.

Могильник Аргалыкты I

Находится на невысокой, слегка всхломленной песчаной площадке, у подножия одного из самых крайних северных отрогов хребта Аргалыкты, на расстоянии 3–4 км от основного русла Енисея. Составляющие его памятники,

хотя и образуют в общем скопление разновременных курганов, все же связаны между собой по целому ряду признаков, которые позволяют отнести их к одному могильному комплексу.

Курган А I-1 (табл. I-II)

Наземное сооружение из обломков горных пород, преимущественно крупных. Частично задерновано, сильно заросло кустами караганника. В плане — подовальной формы, вытянуто по линии С–Ю. Хотя при разборке кургана основа первоначального сооружения не была выявлена целиком, все же отдельные участки ее сохранились. По ним можно предположительно судить о прежней конструкции объекта: наиболее вероятный ее вариант — постройка подцилиндрической формы (округлая или овальная в плане), сложенная из четырех-пяти или более слоев камней. Изменение первоначального вида сооружения было обусловлено не только действием природных факторов, сколько совершением в кургане позднейших впускных погребений, занимавших подавляющую часть его площади.

Впускное погребение 1 — погребение человека с двумя лошадьми. Расположено в центральной и северной частях площади кургана. Границы захоронения отмечены массивными, в некоторых местах плотно пригнанными камнями, свидетельствующими о том, что, очевидно, вокруг человека и животных прежде существовала обкладка из крупных плит с перекрытием, состоящим из деревянных плах и наваленных на них обломков горных пород. Погребенная (женщина, 20–25 лет) находилась в вытянутом положении, на спине; ориентировка — головой на СВ; костяки лошадей — к югу от скелета человека, в ногах. Первоначальное их положение — на животе, с подогнутыми ногами; ориентировка — на ЮВ. Погребение сопровождалось большим количеством вещей. Предварительная датировка — XVIII–XIX вв.

Впускное погребение 2 расположено непосредственно под погребением 1, наискосок к его осевой линии. Захоронение одиночное. Положение погребенного (мужчина, 20–30 лет) вытянутое, на спине; ориентировка — головой на ВСВ. Инвентаря нет.

Впускное погребение 3 находится в восточной части кургана, на уровне древней поверхности. Одиночное. О положении и ориентировке погребенного (младенческого возраста) судить невозможно вследствие перемешанности костей. Инвентаря нет.

Под наземным сооружением, в северной и южной половинах кургана находились две грунтовые могилы, отмеченные на уровне древней поверхности просевшими в ямы скоплениями камней. Как показали раскопки, камни занимали только ту часть площади могил (в верхней их половине), которая находилась над лошадьми. Точные границы могильных ям не установлены. Предполагаемая форма ям в плане — подпрямоугольная, со скругленными углами; ориентировка — сторонами по странам света. В могиле 1 находилось захоронение лошади с принадлежностями человеческого убранства (кенотаф), в могиле 2 — погребение человека с конем.

Погребение 1 (Табл. II, а). Положение лошади — на животе, с подогнутыми под туловище ногами. Голова обращена к мнимому местонахождению человека, морда опущена вниз. Общая линия расположения костяка — В-З; ориентировка — на З. Вокруг животного — обкладка из массивных камней, над ним несколько небольших плит. В северной половине могильной ямы, справа от лошади, на одном с ней уровне обнаружены остатки деревянного настила с помещенными на нем принадлежностями человеческого убранства. Разделительной стенки нет. Судя по положению колчана — устьем на В — ориентировка погребенного подразумевалась головой на В, то есть прямо противоположно ориентировке коня, аналогично с другими погребениями с конем на этом могильнике. Слева от лошади находились кости овцы: бедро, голень и астрагал.



Рис. 1. Аргалыкты I, курган 1, погребение 1. Берестяной колчан

Инвентарь. Справа от лошади, на деревянных плахах лежал колчан с предметами крепления футляра к подвесным ремням (Табл. III, 13–18): крюк, три тройника, две пряжки. Колчан берестяной, с расширенным устьем и основанием и «перехватом» в средней части, ближе к вершине изделия. Колчан двухслойный, состоит из двух футляров — внутреннего и плотно прилегающего к нему внешнего (Рис. 1). Внутренний футляр изготовлен из двух, почти одинаковых по величине кусков бересты (в среднем длиной 47 см), каждый из которых свернут таким образом, что продольные его края по всей длине находят один на другой. Скрепление краев с помощью нитей или сухожилий, пропускавшихся через парные, расположенные почти через равные промежутки отверстия, произведено в обоих случаях так, что получились близкие по форме трапециевидные «футлярчики». Один из них, образовавший внутреннюю часть верхней половины колчана, неглубоко вставлен узким концом в узкий же конец другого «футлярчика» и скреплен с ним тем же способом, что и края каждого изделия. В результате образовалась основа колчана (внутренний футляр). Общая ее форма в плане — в виде двух трапеций, соединенных вершинами. Длина колчана соответствует длине внутреннего футляра — 90 см. Затем эта основа была обернута одним большим куском бересты, образовавшим внешний футляр. Сшивались оба футляра вместе. Для более прочного их соединения было прошито не только место налегания продольных концов берестяных

кусков, но и боковые стороны футляров, и их лицевая сторона. Получившийся таким образом разрыв дополнен здесь подтреугольной вставкой, связывающей эти концы. На лицевой стороне колчана по линии шва отчетливо виден след от узкой несохранившейся полосы из кожи или какого-то другого материала, укреплявшей и, возможно, украшавшей изделие. Здесь же, на лицевой стороне помещено два дополнительных берестяных куска, заходящих и на левую боковую сторону колчана. Один из них находится на основании колчана (длина 9 см), другой (длина 11 см) — на устье. По общей длине внешний футляр несколько меньше внутреннего (84 см). Для его продолжения до общей длины колчана взят дополнительный берестяной кусочек, помещенный и закрепленный между футлярами. На правой боковой стороне этой вставки имеется сквозное отверстие (диаметр 1 см), проходящее и через внутренний футляр, предназначенное, очевидно, для крепления подвешного ремня для ношения колчана. В устье колчана — вырез с лицевой стороны, образующий открытый «карман», в котором находились наконечники стрел. Частично сохранилось дно колчана — деревянная дощечка с заваленными во внутрь краями (Табл. III, 23). По ней видно, что первоначально лицевая сторона колчана была слегка выпуклой, а тыльная — слегка вогнутой. Деревянное дно колчана было прикреплено к берестяной основе тем же способом, что и все другие места соединений в данном изделии, о чем свидетельствуют парные отверстия в краях дощечки.

Железные части крепления колчана состоят из крюка, тройников и пряжек. Тройник представляет собой кольцо с тремя отходящими от него пластинами со штырьками в них (приемники ремней). Пластины преимущественно узкие подпрямоугольные, но имеются и лепестковидные; обычно они двойные, но бывают и ординарные. Пряжки небольшие, с подвижным язычком, овальной рамкой и подпрямоугольным щитком, также либо ординарным, либо двойным.

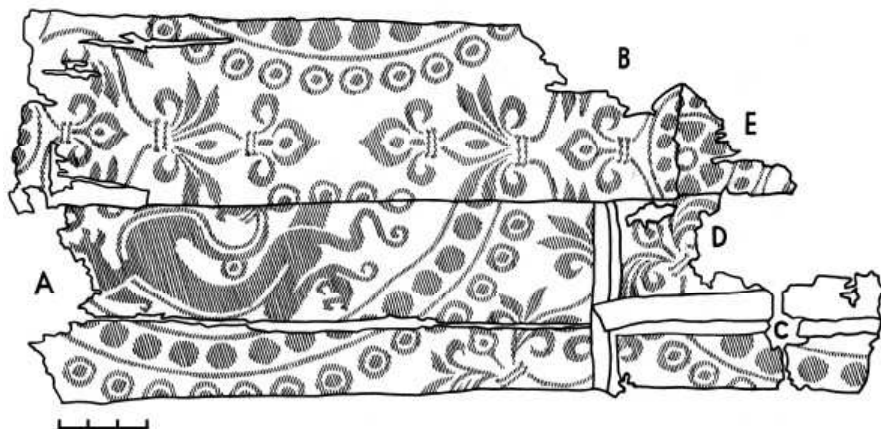


Рис. 2. Аргалыкты I, курган 1, погребение 1.
Фрагменты шелковой ткани

В колчане одиннадцать наконечников стрел (Табл. III, 1–11). Девять наконечников — трехлопастные черешковые: пять экземпляров (Табл. III, 1–5) относятся к типу шестиугольных, три (Табл. III, 7–9) — к листовидным, один (Табл. III, 6) — к угловато-листовидным. Два наконечника плохой сохранности: один из них (Табл. III, 11) напоминает плоский, другой (Табл. III, 10) — близкий к трехгранному, но, очевидно, оба они были, также как и остальные, трехлопастными. Пять наконечников снабжены роговыми шариками биконической формы с тремя округлыми отверстиями в них (стрелы-«свистунки»). В футляре колчана, помимо наконечников, находились фрагменты древков стрел. Среди древков найдена роговая поделка пулевидной формы со сквозным продольным отверстием (Табл. III, 12). На основании колчана находились две роговые срединные накладки на лук (Табл. III, 24) и деревянная палочка (Табл. III, 22). Обе накладки — боковые трапециевидные с нарезками на тыльной (по всей поверхности) и лицевой (по углам и полосе верхнего ряда) сторонах. Под колчаном были обнаружены спрессовавшиеся фрагменты китайских шелковых тканей, лежащих одним небольшим, но весьма толстым куском, и часть наборного пояса (Табл. III, 19, 20). Предварительное изучение тканей показало, что это фрагменты одежды (кафтана или халата) и остатки сумочки (?) с тесемками для подвешивания. От одежды сохранился обшлаг рукава, покрытый сложным растительным узором (Рис. 2). В составе поясного набора — четыре бронзовые фигурные бляшки-оправы с фестончатыми краями (Табл. III, 19) и наконечник подвесного ремешка полукруглой формы (Табл. III, 20).

На спинной части конского костяка находились остатки деревянной основы седла. По обе стороны от седла — по одному стремяни с петельчатым ушком, слегка расширенным и уплощенным подножием (Табл. IV, 7, 8). Дужки стремян округлой формы, изготовлены из толстых прутков, подпрямоугольных в сечении. Около правого стремени лежали две роговые подпружные пряжки; одна из них (Табл. IV, 5) с роговым язычком; другая (Табл. IV, 4) — без язычка. В зубах лошади находились удила с эсвидными псалиями (Табл. IV, 6), у задних ног — три роговые застежки от пут (Табл. IV, 1–3). Между застежками и правым стремянем — деревянный ковшеобразный сосуд с ручкой (Табл. III, 21); по местонахождению сосуда у седла можно полагать, что он был к нему припорочен.

Погребение 2 (Табл. II, 6). Положение погребенного (мужчина, 40–50 лет) вытянутое, на спине; ориентировка — головой на В. Левая нога налегает на правую; правая рука откинута и согнута в кистевом суставе; левая полусогнута, кисть ее на тазе. Погребенный находился в деревянной «колоде»: три плахи внизу под человеком, одна большая (плаха перекрытия) сверху, над ним. Верхняя и нижние плахи не скреплены. В южной половине могильной ямы, слева от человека, на несколько более высоком уровне находился костяк лошади, отделенный от человека стенкой из высоких массивных камней. Вокруг костяка лошади — обкладка из крупных камней, над ним — несколько

небольших плит. Положение лошади на животе, с подогнутыми под туловище ногами. Общая линия расположения костяка — В-З; ориентировка — на З — прямо противоположна ориентировке погребенного. Справа от лошади находились кости овцы: фрагмент таза, бедро, голень и астрагал.

Инвентарь. Справа от человека лежал берестяной колчан с предметами крепления футляра к подвесным ремням (Табл. V, 10–13): крюк, три тройника. Колчан того же типа, что и в соседнем погребении — с открытым «карманом». Сходна у обоих изделий и форма — с расширенным устьем и основанием, но «перехват» у колчана из этой могилы расположен ближе к устью. Несколько отличают этот колчан от предыдущего и другие детали, в частности, отсутствие дополнительных берестяных накладок на основании и около устья, но они не существенны и не заслоняют принципиального сходства между ними. Последнее подчеркивается и системой сшивания футляров (через парные отверстия, помещенные не только на тыльной стороне, где налегают продольные края берестяных отрезков, но и на боковой, и на лицевой сторонах), и такой деталью, как наличие накладной узкой полосы из какого-то нестойкого материала, которая на данном колчане также не сохранилась.

В колчане находилось семь стрел (Табл. V, 1–7); на четырех из них сохранились фрагменты роговых шариков. Все наконечники трехлопастные черешковые: шесть экземпляров (Табл. V, 1–6) листовидные, один — шестиугольный (Табл. V, 7). У левого края колчана, почти посередине футляра найдены три роговые срединные (две боковые и одна нижняя) накладки на лук (Табл. V, 9) с остатками берестяной обмотки кибиты лука. По форме обе боковые накладки близки к трапецевидным, но линии верхнего и нижнего краев их более плавны, овальных очертаний. Нарезками покрыты вся тыльная сторона и часть лицевой (по углам и полосе верхнего края). Нижняя срединная накладка подпрямоугольная, слегка выгнутая, также с нарезками на тыльной (сплошь) и лицевой (по краям) сторонам. У кисти левой руки погребенного лежал нож со следами деревянных ножен и деревянной рукояти на черешке (Табл. V, 8). У таза — овальная пряжка с подвижным язычком (Табл. V, 15).

На спинной части лошадиного костяка находилась деревянная основа седла хорошей сохранности. По формам передней и задней лук и очертаниям полок ленчика она целиком восстанавливается, и тип седла определяется (Рис. 3). По обе стороны от седла найдено по одному стремени с петельчатым ушком и слегка расширенным округлым подножием (Табл. VI, 10, 11). Дужки стремян округлой формы, изготовлены из толстых прутков, округлых в сечении. Около правого стремени находились две роговые подпружные пряжки: одна из них (Табл. VI, 1) с роговым язычком, другая (Табл. VI, 2) — без язычка. Около каждого стремени — по одной железной подпружной пряжке (Табл. VI, 7, 8). Пряжки подпрямоугольные, с подвижным вращающимся язычком, помещенным на одну из боковых сторон рамки, без щитка. В зубах лошади — удила с эсовидными псалиями со скобой и одним дополнительным кольцом для поводка, вставленным в одно из звеньев удила (Табл. VI, 3). У зад-

них ног — две роговые застёжки от пут (Табл. VI, 5, 6). Точно такая же застёжка найдена слева от костяка, у седла (Табл. VI, 4). Здесь же находился деревянный ковшеобразный сосуд с ручкой (Табл. V, 16), очевидно, притороченный к седлу с помощью этой застёжки. Также рядом с седлом найдена поделка из рога косули (Табл. V, 14) — предмет фигурный, орнаментированный.

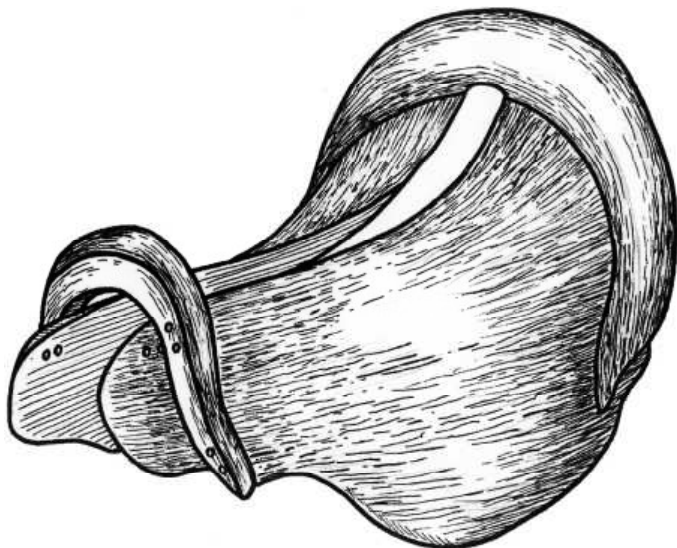


Рис. 3. Аргалыкты I, курган 1, погребение 2.
Остов деревянной основы седла

Два его конца (верхний и правый нижний) оформлены в виде шаровидных набалдашников, третий (левый нижний) оставлен в естественном состоянии (отросток рога). Верхний «набалдашник» просверлен вдоль и поперек двумя сквозными отверстиями, служившими, очевидно, для подвешивания поделки. Функциональное назначение предмета не совсем ясно: он мог служить и как приспособление для развязывания узлов (рис. 4), о чем свидетельствует сильно залощенный роговой отросток, и как составная часть прибора для добывания огня, а именно — накладка-упор, которой прижимали «веретено» при высверливании лунок в деревянной дощечке. Первое предположение более реально, но и второе не лишено оснований, поскольку в этом же погребении рядом с указанным предметом обнаружена дощечка со следами ее использования при сверлении, наполовину покрытая обугленными лунками. Все три оконечности предмета украшены сильно схематизированными зооморфными изображениями (раскрытая пасть волка?). Везде отчетливо видны глаза животных, переданные узкими бороздками миндалевидной формы, на двух изображениях показаны ноздри (маленькими точками). На лицевой стороне предмета имеются завитки, обозначающие, очевидно, уши зверей, на тыльной — ломаные линии, передающие челюсти. На всех трех изображениях отчетлива линия раскрытой пасти хищника, особенно эффектная на верхней оконечности по-

делки (с оскаленными зубами). Близ данного предмета находилась упомянутая дощечка для добывания огня (Табл. V, 17). Кроме того, при определении конского костяка в камеральных условиях была обнаружена поделка из тазовой кости лошади (Табл. VI, 9).

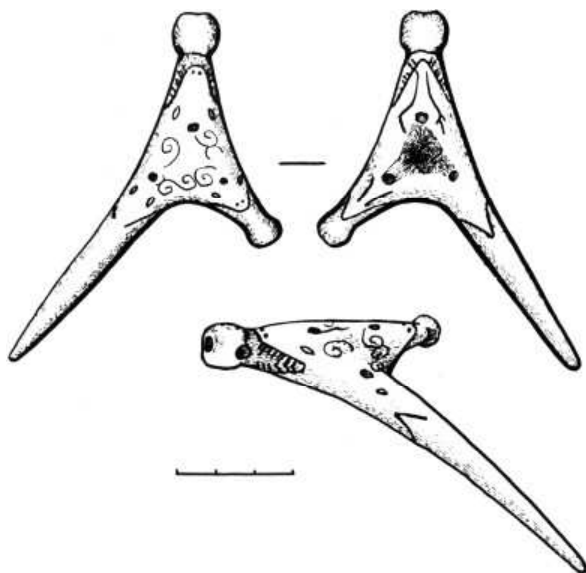


Рис. 4. Аргалыкты I, курган 1, погребение 2.
Роговой предмет для развязывания узлов

Курган А I–3 (Табл. VII, VIII)

Наземное сооружение из обломков горных пород, преимущественно мелких. Частично задерновано, местами поросло караганныком. Сооружение сравнительно низкое, компактное; состоит из двух-трех слоев камней. В плане округлой формы, довольно четкой, но края объекта явно не соответствуют его прежним очертаниям и свидетельствуют о развале первоначальной конструкции. Об облике последней судить трудно, но обращают на себя внимание крупные камни, сосредоточенные в центральной части кургана. Большинство их идет по круговой линии, многие плотно пригнаны один к другому. Вероятно, это остатки внешнего ряда-крепиды первоначальной постройки. Наиболее возможный ее вариант — округлое в плане сооружение цилиндрической формы, сложенное в три-четыре слоя камней.

Под наземным сооружением в центральной части первоначальной площади находилась грунтовая могила, отмеченная на уровне древней поверхности просевшими в яму камнями. Форма ее в плане подпрямоугольная, со скругленными углами; ориентировка — сторонами по сторонам света. Положение погребенного (мужчина, 30–40 лет) — вытянутое, на спине, ориентировка — головой на ВСВ. Правая рука вытянута вдоль тела, левая полусогнута, кисть ее на тазе. Ноги вытянуты, стопа левой наложена на стопу правой.

Справа от предплечья находились остатки жертвенной пищи (два позвонка коровы). В южной половине могильной ямы, слева от человека, на несколько более высоком уровне лежал костяк лошади, отделенный от погребенного стенкой из крупных камней, развалившихся в разные стороны. Положение лошади — на животе, с подогнутыми под туловище ногами. Общая линия расположения костяка — ВСВ–ЗЮЗ; ориентировка на ЗЮЗ прямо противоположна ориентировке погребенного.

Инвентарь. На тазе человека найдены две пластины, вероятно, от поясного набора (Табл. VIII, 1, 2) и предмет неясного назначения, состоящий из двух обоев: железной (Табл. VIII, 4) и костяной (Табл. VIII, 3). Костяная обойма состоит из двух тонких пластин, скрепленных четырьмя железными шпёнками по углам основной части обоймы. Форма основы — подпрямоугольная, с чуть вогнутыми боковыми сторонами. Вверху она переходит в фигурное навершие, образованное двумя сравнительно большими по диаметру отверстиями, которые имеются на обеих пластинах. На внешних сторонах — орнамент из процарапанных линий и углублений; на одной из пластин подтреугольных, на другой — скобообразных. Функциональное назначение обоймы не совсем понятно, внутри нее находился ремешок шириной около 2,5 см и толщиной 0,5 см. На этом же ремешке, судя по местонахождению и устройству поделки, помещалась и железная обойма, изготовленная из узкой свернутой «пополам» пластины, концы которой скреплены шпёнком.

Под левой рукой у таза находился длинный нож с черешком для рукояти (Табл. VIII, 11). У левой ключицы — скопление предметов: два каменных пряслица (?) (Табл. VIII, 7, 8) с прилипшей к одному из них небольшой ножевидной пластиной; обломок прямой стержневидной подвески (Табл. VIII, 5); конический четырехгранный предмет с коротким черешком (Табл. VIII, 6). Слева у черепа две сохранившиеся фрагментарно бронзовые серьги подпрямоугольной формы с биконической напайкой внизу и небольшим «отростком» (Табл. VIII, 9, 10).

По обе стороны спинной части лошадиного костяка находились по одному стремени с петельчатым ушком и узким уплотненным подножием (Табл. VIII, 18, 19). Дужки изделий округлые, изготовлены из толстых подпрямоугольных в сечении прутков. Около правого стремени лежали две роговые фигурные подвески (Табл. VIII, 15, 16). В зубах лошади — удила со стержневыми псалиями, очевидно, со скобой (Табл. VIII, 17). Под костяком найдены две подпружные пряжки (Табл. VIII, 13, 14). Пряжки подпрямоугольно-овальные, с подвижным язычком, помещенным на одну из боковых сторон рамки, без щитка. У черепа лошади — небольшая уздечная пряжка с вращающимся язычком, изготовленная из узкой пластины (Табл. VIII, 12).

Курган А I–4 (Табл. IX, X)

Расположен рядом с курганом А I–3, примыкая к нему с севера. Состоит из обломков горных пород, преимущественно мелких. Сооружение низкое, компактное, округлое в плане. Края еще более деформированы, чем на кургане

А I-3, что свидетельствует о большем развале первоначальной конструкции. Об облике ее судить трудно, но здесь, как и в соседнем объекте, заметны крупные камни в центральной части сооружения, значительно более плотной, чем остальная часть площади кургана. Наиболее возможный вариант первоначальной конструкции — постройка в два-три слоя камней, очевидно, цилиндрической формы, округлая в плане (Табл. IX, а).

Под наземным сооружением в пределах его первоначальной площади находилась грунтовая могила, отмеченная на уровне древней поверхности небольшим подпрямоугольным пятном (размеры пятна $1,9 \times 1,5$ м; вытянуто по линии В-3). Форма ямы в плане подпрямоугольная, со скругленными углами, ориентировка — сторонами по странам света. Положение погребенного (юноша, 15–18 лет) — вытянутое, на спине, ориентировка — головой на В. Сохранность костей плохая. Правая рука вытянута вдоль тела, о положении левой судить невозможно. Ноги вытянуты и не соприкасаются (Табл. IX, б). В южной половине могильной ямы, слева от человека, на несколько более высоком уровне находился костяк лошади, отделенный от погребенного стенкой из массивных каменных плит, сильно наклоненных в сторону человека и частично его перекрывавших. Положение лошади — на животе, с подогнутыми под туловище ногами. Общая линия расположения костяка — В-3; ориентировка — на 3 — прямо противоположна ориентировке человека. Справа от лошади находились кости овцы: фрагмент таза, бедро, голень, астрагал.

Инвентарь. Справа от человека, на линии таза лежали шесть наконечников стрел, трехлопастных, черешковых (Табл. X, 1–6): три наконечника (Табл. X, 1–3) — листовидные, один (Табл. X, 6) — шестиугольный, два неопределимы, но один из них (Табл. X, 4), вероятно, шестиугольный. Ниже и выше наконечников — предметы крепления колчана к подвесным ремням (Табл. X, 13–16): три тройника, пряжка, мелкие пластины. В ногах погребенного найден фрагмент керамического изделия (Табл. X, 10), на поясе — небольшие фрагменты шелковой ткани и остатки наременного набора, состоящего из бронзовых вещей (Табл. X, 12): шарнирная пряжка с вращающимся язычком, три полукруглые и одна прямоугольная бляшки-оправы с четырьмя шпеньками. У черепа слева — небольшой черешковый нож (Табл. X, 11) и обломок бронзовой серьги подпрямоугольной формы с биконической напайкой внизу (Табл. X, 7).

Справа от лошади находились стремя с пластинчатым ушком и округлым подножием (Табл. X, 20). По сравнению со всеми остальными стременами это изделие самое меньшее по размерам; отличается оно от них и типологически. Подножие стремени узкое, с прямыми заостренными краями. Дужка округлой формы, изготовлена из тонкого прутка, квадратного в сечении. Ушко довольно высокое, трапезиевидное, без шейки; посередине его — узкая горизонтальная прорезь. Рядом со стремянем лежала роговая подпружная пряжка с массивным железным язычком (Табл. X, 19). На одной из плит разделительной стенки, у задних ног лошади найдена подпружная пряжка с подвижным язычком (Табл. X, 17). Рамка овальная, без щитка, изготовлена из округлого в се-

чении прутка. В зубах лошади — удила с эсовидными псалиями со скобой и дополнительным кольцом для поводка, вставленным в одно из звеньев удил (Табл. X, 18). Верхний конец одного псалия обломан и не сохранился, на верхнем конце другого — фигурное утолщение, детально неразличимое. Не исключено, что на конце псалия было передано изображение головы животного, возможно, барана (по аналогии с уже известными экземплярами). На правой стороне конского черепа сохранились следы от узких ремешков узды и фрагменты наременных металлических (бронзовых?) бляшек (Табл. X, 8, 9). Точное количество бляшек не установлено, но, судя по уцелевшим фрагментам, их было не менее шести. Бляшки подпрямоугольно-цветковидной формы, украшенные на лицевой стороне четырехлепестковой розеткой.

Курган А I–5 (табл. XI, XII, XII, XIV)

Наземное сооружение из разномасштабных обломков горных пород, частично задернованное, местами поросшее караганником. Сооружение сравнительно высокое, компактное, округлое в плане. Наиболее плотная кладка в центральной части объекта, здесь же сосредоточены самые крупные камни. Края нечетки, деформированы, что свидетельствует о развале первоначальной конструкции. Возможный ее вариант — постройка цилиндрической формы (округлая в плане) в три-четыре плотных слоя камней. При разборке кургана обнаружена каменная зернотерка.

Под наземным сооружением, в центральной части его первоначальной площади находилась грунтовая могила, отмеченная на уровне древней поверхности незначительным скоплением камней, просевших в яму. К северо-западу от них располагались остатки жертвенной пищи (кости коровы и овцы), к югу и юго-западу — разрозненные группы керамических обломков (некоторые из них с наlepным орнаментом в виде горизонтальных параллельных линий). Форма могильной ямы в плане подквадратная, ориентировка — сторонами на ССЗ, ВЮВ, ЮЮЗ, ЗЮЗ. В могиле погребение человека с двумя лошадьми. Положение погребенного (мужчина, свыше 60 лет) — вытянутое на спине, ориентировка — головой на ВЮВ. Череп обращен лицевой частью вправо, за головой — каменная «подушка». Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты и не соприкасаются. В юго-юго-западной половине могильной ямы, слева от человека, на несколько более высоком уровне находились костяки двух лошадей. Разделительной стенки нет. Положение лошадей — на животе, с подогнутыми под туловище ногами. Общая линия расположения костяков — ВЮВ–ЗСЗ, ориентировка — на ЗСЗ — прямо противоположна ориентировке погребенного. Между лошадьми находились кости овцы: фрагмент таза, бедро, голень и астрагал.

Инвентарь. Справа от человека лежал берестяной колчан с предметами крепления футляра к подвесным ремням (Табл. XIII, 9–15): крюк, три тройника, три пряжки. Сохранность колчана плохая, но тип, форму и некоторые особенности его устройства можно установить. Тип колчана — с открытым «карманом». Футляр с расширенными устьем и основанием и «перехватом» в средней части, ближе к вершине изделия. Изготовлен из двух, очевидно, цельных

кусков бересты (двухслойный). В колчане находилось семь наконечников стрел, трехлопастных черешковых (табл. XIII, 1–7): пять экземпляров (табл. XIII, 2–6) — листовидные, один (табл. XIII, 1) — шестиугольный, один (табл. XIII, 7) — трудно определимый. Три наконечника — с фрагментами роговых шариков. Чуть ниже наконечников в футляре у левого края лежал массивный стержень неясного назначения (Табл. XIII, 18). На колчане найдены фрагменты двух роговых срединных накладок на лук (табл. XIII, 19). Обе накладки — боковые, трапециевидной формы, с нарезками на тыльной (по всей поверхности) и лицевой (по углам) сторонах. На поясе погребенного находился наременный набор, состоящий из железных предметов (табл. XIII, 20–23): шарнирная пряжка с вращающимся язычком, овальной рамкой и щитком прямоугольной формы (табл. XIII, 21); шесть одинарных полукруглых бляшек (табл. XIII, 2, 3); две сдвоенные прямоугольные бляшки (табл. XIII, 22); наконечник ремня прямоугольной формы с овально закругленным концом (табл. XIII, 20). У левой кисти, под тазом лежал черешковый нож (табл. XIII, 8). У черепа, слева — две серьги (табл. XIII, 16, 17): одна из них (табл. XIII, 16) бронзовая овальной (?) формы с небольшим штырьком внизу; другая (табл. XIII, 17) — округлая, свернутая из довольно толстого прутка.

На спинной части конских костяков находились фрагменты деревянных основ седел плохой сохранности, поэтому тип изделий не определяется. Справа от каждой лошади лежало по одному стремя с петельчатым ушком и расширенным округлым подножием (Табл. XIV, 15, 16). Подножие одного из стремян (Табл. XIV, 15) образовано находящимися один на другой концами. Дужки стремян округлые, изготовлены из толстых подпрямоугольных в сечении прутков. Около правого стремени по одну сторону лежало массивное кольцо, подпрямоугольное в сечении (Табл. XIV, 13), по другую — две длинные узкие пластины, скрепленные попарно двумя штырями (очевидно, оковки деревянной основы седла — (Табл. XIV, 5). Рядом с ними, ближе к человеку —

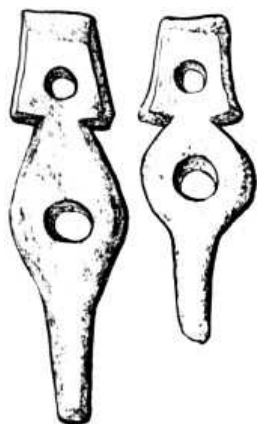


Рис. 5. Аргалыкты I, курган 5.
Костяные подвески

крупная подпружная пряжка с подпрямоугольной рамкой и вращающимся язычком (Табл. XIV, 14). У задних ног лошади находились три роговые застёжки от пут; одна из них фрагментарна (Табл. XIV, 8–10). Рядом с ними — две роговые подвески (так называемые блоки для чумбура) (Табл. XIV, 1, 2; Рис. 5). Здесь же лежали еще две подвески (Табл. XIV, 3, 4): одна из них (Табл. XIV, 3) — костяная фигурная, другая (Табл. XIV, 4) — роговая в виде клыка медведя. В зубах одной лошади находились удила без псалий (Табл. XIV, 12), в зубах другой — удила со стержневыми псалиями со скобой (Табл. XIV, 11).

Могильник Аргалыкты VIII

Находится на одном из участков (западном) довольно большой пологой террасы, прорезанной несколькими неглубокими оврагами и охваченной со всех сторон отрогами хребта Аргалыкты, кроме северной стороны, обращенной к долине Енисея. Площадка, на которой расположен могильник, почти ровная, слегка понижается с юга на север; с востока на запад она ограничена узкими промоинами, а с юга — пашней. Могильник состоит из памятников разных типов, относящихся к различным эпохам. Исследован один курган древнетюркского времени.

Курган А VIII–2 (Табл. XV, XVI)

Наземное сооружение из обломков горных пород, до расчистки разрозненных и бессистемных. Большинство камней задерновано, особенно по краям объекта; в юго-западной части кургана — большой куст караганника. В результате расчистки камней выявлены контуры сооружения и получено более полное представление о современном его облике. Сооружение невысокое, компактное; форма в плане округлая; слегка вытянуто по оси ССЗ–ЮЮВ. В центральной части отчетливо прослеживается большое кольцо из крупных плотно пригнанных обломков. Последовательной разборкой развала выявлена основа конструкции: сооружение в два, местами в три сплошных ряда камней, округлое в плане, с четкими границами, особенно в нижнем слое. Камни внешнего ряда, обрамлявшие основу, наиболее массивны и образуют невысокую сплошную стенку.

Внутреннее заполнение состоит преимущественно из более мелких обломков, в расположении которых особой системы не наблюдается. Лучше всего сохранилась южная половина основы сооружения, верхний слой которой частично прослеживается в кургане в виде кольца и до ее выявления. В северной половине основы хорошо сохранился ряд камней, образующих нижний слой внешнего обрамления сооружения. В их числе среди горизонтально лежащих плит — один вертикально стоящий врытый камень. Первоначальный вид сооружения, полностью реконструируемый по его основе, — постройка правильной цилиндрической формы, сложенная не менее чем из четырех-пяти слоев камней и обрамленная вокруг стенкой-крепидой из наиболее крупных обломков.

После удаления внутреннего заполнения основы первоначальной конструкции оставлены камни, образующие внешний ряд нижнего слоя сооружения, представляющий собой кольцо правильной формы, в пределах которого выявлено могильное пятно. Выбранная по пятну могила (подквадратной в плане формы, со скругленными углами) ориентирована сторонами по странам света. В могиле погребение человека с конем. Положение погребенного (ребенок, 5–6 лет) — вытянутое, на спине, ориентировка — головой на В. Положение рук — вытянутое вдоль тела. Ноги вытянуты. Погребальное сооружение — ящик из массивных вертикально стоящих плит (по две на продольные стороны, по одной — на поперечные). Сверху — перекрытие из таких же

по масштабу плит, пол — из менее крупных. В южной половине могильной ямы, слева от человека, на несколько более высоком уровне находился костяк лошади, отделенный от погребального ящика массивными, высокими, вертикально стоящими плитами. Поверх костяка — неполное перекрытие из горизонтально лежащих, меньших по размеру плит. Положение лошади — на животе, с подогнутыми под туловище ногами. Общая линия расположения костяка (В-3) параллельна линии расположения человека, но его ориентировка — на З — прямо противоположна ориентировке погребенного. Справа от лошади, у разделительной стенки находились кости овцы: бедро, голень, астрагал и фрагмент таза.

Инвентарь. Справа от человека на линии таза и в ногах найдено четыре наконечника стрел (Табл. XVI, 1–4). Все наконечники, трехлопастные черешковые (на одном черешок не сохранился), относятся к типу мелких листовидных. На груди погребенного лежала небольшая овальная пряжка с подвижным язычком (Табл. XVI, 5). У левой руки — нож с черешком для рукояти (Табл. XVI, 6).

На спинной части лошадиного костяка находилась деревянная основа седла удовлетворительной сохранности. Общая форма ее реконструируется по одной из полок ленчика и задней луке, что позволяет достаточно твердо определить и тип седла. По левую сторону от седла лежало стремя с петельчатым ушком и слегка расширенным уплощенным подножием (Табл. XVI, 14). Дужка стремени округлой формы, изготовлена из толстого округлого в сечении прутка. Справа от седла находились две роговые подпружные пряжки (Табл. XVI, 12, 13) и роговая подвеска (Табл. XVI, 8). На левой тазовой кости лошади найдена роговая застежка от пут (Табл. XVI, 7). В зубах — удила с роговыми двухдырчатыми псалиями (Табл. XVI, 9–11). Псалии односторонне изогнуты; один из них более массивен, упрощенной формы (Табл. XVI, 10), другой (табл. XVI, 11) — фигурных очертаний с зооморфизированными окончаниями (на одном конце, верхнем, схематически воспроизведена морда животного, на другом, по-видимому, — клюв птицы).

Могильник Аргалыкты IX

Расположен на небольшом, но довольно крутом склоне той же террасы, на которой находится могильник Аргалыкты VIII, западнее его, у самого подножия хребта. С трех сторон — южной, западной и северной — окружен скальными выходами, восточная сторона обращена к площадке — местоположению Аргалыкты VIII. Могильник небольшой, компактный, состоит всего из трех смежных объектов. Один из них древнетюркского времени.

Курган А IX–1 (Табл. XVII, XVIII)

Наземное сооружение из обломков горных пород, в большинстве крупных и массивных. Высокое, округлое в плане. По краям задерновано, по всей площади поросло кустами караганника. Местами хорошо прослеживаются очертания основы первоначальной конструкции, особенно четко различимые в

северной и восточной частях кургана. После расчистки объекта получено полное представление о современном внешнем облике сооружения. Отчетливо выделяется пояс развала в восточной части объекта: беспорядочно расположенные обломки за стенкой из плотно пригнанных, вертикально стоящих каменных блоков центральной конструкции. В пределах этой конструкции почти все камни верхнего слоя (особенно крупные) лежат наклонно или горизонтально, за исключением одной массивной вертикально торчащей плиты в западной половине кургана.

Первоначальное сооружение сохранилось почти полностью (развалилась лишь его вершина). В целом это постройка неправильной цилиндрической формы, возведенная на уровне древней поверхности. Внешний контур ее образует стена из хорошо обработанных, положенных один на другой и подогнанных камней-блоков; особенно тщательно выложен нижний ряд — фундамент постройки. Восточная часть стены, где сосредотачивалось наибольшее давление, укреплена помимо одного, внешнего, ряда из массивных каменных глыб дополнительным внутренним рядом из почти таких же плотно соединенных блоков, поставленных также вертикально и чуть наклонно внутрь сооружения. Внизу эти блоки подкреплены мелкими плитками. Во внутреннем заполнении такой аккуратной кладки не наблюдается, хотя и здесь можно видеть, что камни уложены послойно. В плане сооружение выглядит почти овальным, слегка вытянутым по линии С–Ю.

Под наземным сооружением находилась грунтовая могила. Форма могилы в плане подпрямоугольная, со скругленными углами; ориентировка — сторонами по странам света. На уровне древней поверхности границы могильной ямы четко прослеживались лишь в южной половине ее площади (над лошадьми).

В яме — погребение человека с двумя лошадьми. Положение погребенного (мужчина, свыше 60 лет) — вытянутое, на спине; ориентировка — головой на В. Руки вытянуты вдоль тела, ноги вытянуты и не соприкасаются. Погребенный находился в деревянной «колоде»: три плахи внизу, под человеком, одна большая — сверху над ним. Верхняя и нижняя плахи не скреплены. За головой человека у верхнего торцового края нижних плах — кости овцы (крестец, девять хвостовых позвонков), лежащие на деревянном блюде типа плошки. В южной половине могильной ямы, слева от человека, на сравнительно высокой приступке находились костяки двух лошадей, отделенные от погребенного стенкой из высоких массивных плит, наклоненных в сторону человека. Поверх лошадей — несколько небольших плит, лежащих горизонтально на уровне верхнего края плит разделительной стенки. Положение лошадей — на животе, с подогнутыми под туловище ногами. Общая линия расположения костяков — В–З; ориентировка — на З — прямо противоположна ориентировке человека. Между лошадьми у седел находились кости овцы: фрагмент таза (правый), голень, бедренная кость, астрагал и пяточная кость (все левые).

Инвентарь. Справа от погребенного за пределами деревянной «колоды» лежал берестяной колчан с предметами крепления футляра к подвесным рем-

ням (Табл. XIX, 8–13): два тройника, две пряжки и несколько мелких пластин. Колчан того же типа (с открытым «карманом»), что и в предыдущих случаях. В колчане — шесть или семь наконечников стрел (Табл. XIX, 1–7). Более или менее удовлетворительно сохранилось шесть наконечников, но судя по количеству фрагментов лопастей и роговых шариков их было, очевидно, не менее семи, что хорошо соотносится с таким же количеством стрел в колчанах, обнаруженных в курганах AI–5 и AI–1 (погребение 2). Все определимые наконечники — трехлопастные черешковые: четыре экземпляра (Табл. XIX, 1–4) относятся к разным типам группы шестиугольных, два (Табл. XIX, 5–6) — к группе угловато-листовидных, один (Табл. XIX, 7) трудно определим. На всех наконечниках — остатки роговых шариков биконической формы с тремя отверстиями в них (стрелы-«свистунки»). Между колчаном и человеком находились части сложносоставного лука. По прослеженным фрагментам его деревянной кибиты (со следами берестяной обмотки на ней) можно заключить, что длина лука с распушенной тетивой составляла 1,25 м. Лук сопровождался роговыми накладками двух типов: двумя срединными и двумя концевыми (Табл. XIX, 20, 21). Обе срединные накладки — боковые трапециевидные с нарезками на тыльной (по всей поверхности) и лицевой (по углам и полосе верхнего края) сторонах. Концевые накладки узкие, слегка изогнутые; один конец их (у места соединения кибиты лука с тетивой) заострен, другой наискосок срезан. На лицевой стороне последнего мелкие нарезки. Тыльная сто-

рона накладок такими же нарезками изборождена сплошь. Рядом с луком обнаружен узкий длинный предмет — деревянная основа лучка от прибора для добывания огня (Табл. XIX, 14). Остальные части этого прибора (дощечка для высверливания лунок, фрагмент деревянного веретена, вставленного в роговую обойму, где находилось и деревянное сверло) зафиксированы у левой руки человека. Дощечка небольшая по размерам, уплощенная, в плане почти полуовальная (Табл. XIX, 18). На ее лицевой поверхности шесть обугленных лунок. От веретена уцелела лишь торцовая часть нижней половины, упиравшаяся в сверло

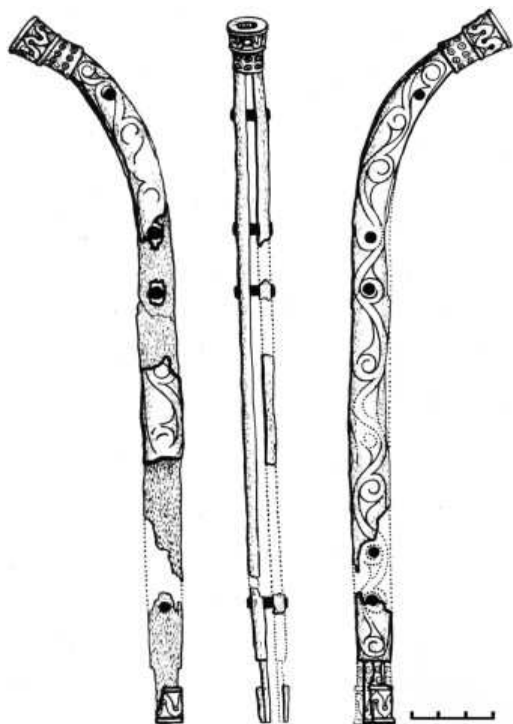


Рис. 6. Аргалыкты IX, курган 1.
Орнаментированная рукоятка плети

(Табл. XIX, 15). Сверло небольшое, хорошей сохранности (Табл. XIX, 16), также как и роговая обойма, в которой оно помещалось вместе с нижним концом веретена (Табл. XIX, 17). Рядом с этими вещами обнаружен кожаный футлярчик (во фрагментах) с находившимся в нем каменным оселком (Табл. XIX, 31, 32). Здесь же, у кисти погребенного пальштабовидное тесло (Табл. XIX, 30) и костяной богато орнаментированный предмет (Табл. XIX, 28), состоящий из двух одинаковых по форме и размерам костяных пластин, скрепленных пятью или шестью железными шпеньками (Рис. 6).

Пластины тонкие, узкие, довольно длинные, в разрезе полуовальные. Один конец их прямой, другой плавно изогнут. Скреплены пластины таким образом, что между сторонами имеется свободное пространство (ширина его в среднем 1 см), которое было предназначено для закрепления ремешков из кожи или какого-то иного нестойкого материала, в настоящее время полностью истлевшего. Последние являлись, возможно, частью плетки, а само изделие — ее рукояткой. Помимо составлявших рукоятку пластинок, внешние стороны которых сплошь покрыты вырезным орнаментом в виде стилизованной виноградной лозы, предмет снабжен двумя костяными втулками, насаженными на концы пластины. Втулки, как и пластины, абсолютно тождественны и по форме, и по деталям орнамента. Верхняя половина втулок несколько больше по внешнему диаметру нижней их половины и украшена вокруг фигурным орнаментом (вариант так называемой «плетенки»). На поверхности нижней, более тонкой половины втулок нанесен другой орнамент — циркульный. На целиком сохранившейся втулке, в верхней ее половине расположены два сквозных отверстия, через которые был пропущен, очевидно, ремешок для подвешивания предмета. Здесь же был найден массивный железный предмет (кинжал?) со следами деревянной обкладки на нем (Табл. XIX, 33). Также со следами деревянной обкладки (ножен) в погребении под тазом человека обнаружен массивный нож с черешком для рукояти (Табл. XIX, 29). На поясе погребенного находились остатки наременного набора (Табл. XIX, 22–27): пряжка с вращающимся язычком, прямоугольной рамкой и длинным щитком прямоугольной формы (Табл. XIX, 26); семь двойных полукруглых прорезных бляшек (Табл. XIX, 23); две двойные прямоугольные бляшки с прорезью в нижней части (Табл. XIX, 24); одна пирамидальная накладная бляшка (Табл. XIX, 25); наконечник ремня прямоугольной формы с закругленным углом (Табл. XIX, 22); одна роговая фигурная подвеска (Табл. XIX, 27).

На спинной части лошадиных костяков находились деревянные основы седел. Типы седел тождественны, о чем можно определенно судить по очертаниям хорошо сохранившихся полок ленчика обоих изделий и формами их задних луков (Рис. 7). Несколько выше седла первой лошади по обе стороны от костяка найдено два стремени. Типы стремян различны: одно из них — с петельчатым подтреугольным ушком без шейки (Табл. XX, 7), другое — с петельчатым полукруглым ушком на шейке (Табл. XX, 8). Между стремянами, у шейных позвонков первой лошади лежала роговая подпружная пряжка с язычком

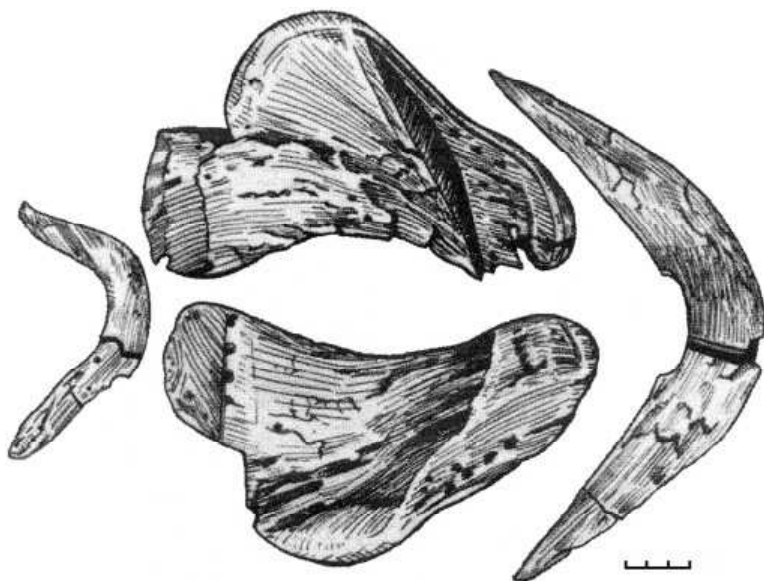


Рис. 7. Аргалыкты IX, курган 1. Деревянные луки и полки седла

(Табл. XX, 4). У седла второй лошади две железные подпружные пряжки (Табл. XX, 5, 6). Рядом с ними — роговая застежка от пут (Табл. XX, 9) и небольшой деревянный предмет — угловатая палочка, выполнявшая, возможно, роль накладки-упора для прижимания веретена при сверлении (Табл. XIX, 19), то есть часть прибора для добывания огня. В зубах одной лошади находились удила без псалий (Табл. XX, 2), у второй — удила с эсовидными псалиями (Табл. XX, 1). Псалии двухдырчатые, изготовлены из подпрямоугольных в сечении прутков, раскованных на месте узких прямоугольных отверстий, через которые продевались ремни (для скрепления с удилами). Обе половины псалий плавно изогнуты (в противоположные стороны); у обоих изделий верхняя часть заканчивается очень схематичным зооморфным изображением, напоминающим клюв птицы. На черепе первой лошади найдены фрагменты кожаной узды с помещенными на ней декоративными бляшками, изготовленными из очень тонкой фольги (Табл. XX, 3). Бляшки не орнаментированы, двух типов: полушарные (Табл. XX, 3) и листовидные с небольшим прямоугольным выступом вверх (Табл. XX, 3). Первые крепились к ремням с помощью шпеньков через равные промежутки, вторые — с помощью закраин.

II. МОГИЛЬНИК КАРА-ТАЛ I–IV³

Представляет собой четыре компактные группы курганов, расположенные поблизости от поселка Кара-Тал. Находятся в той же долине между Енисеем и хребтом Аргалыкты, где сосредоточено подавляющее количество археологических памятников левобережного участка зоны водохранилища. Однако от боль-

³ Как и в предыдущих случаях, обозначение курганов: Кара-Тал I, курган 3 — КТ I–3.

ших скоплений курганных комплексов (группа могильников Аргалыкты) несколько удалены и не входят в их почти непрерывную цепь. Могильники образованы из курганов гунно-сарматского и древнетюркского времени. Все они полностью исследованы (Трифонов, 1967. С. 123–131; 1968. С. 174–176; 1969. С. 192–193). Публикуемые здесь древнетюркские памятники входили в состав двух могильников — Кара-Тал I (курган 3) и Кара-Тал IV (курганы 1, 2, 6, 7).

Курган КТ I–3 (Табл. XXI–XXII)

Наземное сооружение из обломков горных пород, преимущественно мелких. Форма в плане округлая, контур сооружения прослеживается четко. Восточная половина кургана отмечена двумя невысокими вертикально стоящими плитами, одна из которых находится в пределах едва улавливаемого до раскопок кольцевидного ряда из наиболее крупных камней. Как показали исследования, сохранность этого ряда плохая, но несомненно, что он представляет собой остатки внешней стенки-крепиды основы первоначального сооружения. Наиболее возможный ее вариант — цилиндрической формы постройка в три-четыре слоя мелких обломков, обрамленная по краю крупными камнями, среди которых и находится одна вертикально стоящая плита; вторая (в виде стелы) помещена за пределами первоначальной конструкции. Сохранность последней плохая, что объясняется не только ее естественным развалом, но и совершением в кургане позднейшего впускного захоронения. Отчетливые его признаки (скопление камней, среди которых виднелось несколько деревянных плашек) зафиксированы в северной половине объекта.

Впускное погребение. Расположено в северной половине объекта, несколько выше уровня древней поверхности. Одинокое (ребенок, 13–14 лет). Сохранность костей плохая, череп раздавлен. Положение погребенного — вытянутое, на спине; ориентировка — головой на ЮВ. Руки вытянуты вдоль тела, левая нога налегает на правую. Инвентарь — железная поделка в виде крючка (у пояса).

Под наземным сооружением, в центральной части его первоначальной площади находилась грунтовая яма, отмеченная на уровне древней поверхности пятном подпрямоугольных очертаний. В могиле на глубине приблизительно 0,5 м от поверхности — заполнение из массивных камней, образующих также подпрямоугольную в плане, почти сплошную выкладку. Под выкладкой — погребение человека с двумя лошадьми. Северная половина выкладки (над человеком) характеризуется большим скоплением обломков, нежели южная (над лошадьми); камни здесь преимущественно более крупные, лежат плотным слоем. Положение погребенного (мужчина, 40–50 лет) — вытянутое, на спине; ориентировка — головой на В. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги вытянуты, соприкасаются ступнями.

В южной половине могильной ямы слева от человека на несколько более высоком уровне находились костяки двух лошадей, отделенные от человека стенкой из нескольких крупных камней и валунов. Положение лошадей на животе, с подогнутыми ногами; общая линия расположения (В–З) одинакова для

обоих животных; ориентировка — на 3 — прямо противоположна ориентировке погребенного. Кроме того, в могильной яме находились кости овцы: в восточной половине за черепом человека — фрагмент крестца, в западной, среди лошадиных костей — фрагмент бедра.

Инвентарь. Справа от человека у кисти руки лежали фрагменты берестяного колчана, по которым форма его не восстанавливается. Рядом с ними — предметы крепления футляра к подвесным ремням (Табл. XXII, 10–14): крюк с бронзовой заклепкой на щитке, две пряжки плохой сохранности и несколько мелких обломков пластин. Несколько выше их, справа от лучевой кости погребенного находились не менее десяти наконечников стрел. Все наконечники трехлопастные черешковые, из определимых четыре экземпляра (Табл. XXII, 1–4) относятся к группе шестиугольных (один — мелкий остроугольный, три — крупные остроугольные), три (Табл. XXII, 6–8) — к мелким листовидным; один наконечник (Табл. XXII, 5), очевидно, — шестиугольный фигурный. На черешке одного массивного наконечника — остатки рогового шарика. Около фрагментов колчана и наконечников найдена небольшая роговая накладка на лук (срединная боковая) с нарезками на тыльной стороне и на лицевой (по углам и на полосе верхнего края) (Табл. XXII, 15). За головой человека лежал предмет неясного назначения (Табл. XXII, 30): подковообразный, из узких тонких плоских или прямоугольных в сечении пластин, одна из которых на конце утолщается, а затем переходит в конический четырехгранный стержень (Табл. XXII, 30А). Ниже его, слева от черепа погребенного найдена мелкая пластина, сходная с теми, которые составляют выше описанный предмет (Табл. XXII, 31).

На тазе человека и под ним находилось большое скопление предметов: остатки одежды и поясного набора. Первые представлены довольно большим количеством фрагментов китайской шелковой ткани золотисто-желтого цвета и кусками войлока, вторые — наременными аксессуарами пояса (бляшками и пр.) и носившимися на нем предметами. В числе последних — массивный нож с черешком для рукояти и остатки деревянных ножен (Табл. XXII, 9); фрагменты кожаной сумочки с кресалом (Табл. XXII, 24), кремнями (Табл. XXII, 25), трутом и китайской монетой «Кайюань Тунбао» (Табл. XXII, 23); деревянный предмет неизвестного назначения (Табл. XXII, 16), форма которого напоминает боковую срединную накладку лука.

От наборного пояса, помимо его металлических атрибутов, уцелели и части кожаного ремня со следами бронзовых блях-оправ на них и прорезями для подвесных ремешков, пропускавшихся через эти бляшки. Сами бляхи-оправы сохранились хуже, но по следам на ремне устанавливается, что их было не менее восьми, тогда как удовлетворительно сохранились лишь три подделки. Две из них (Табл. XXII, 19, 21) полукруглые, прорезные, с орнаментом на лицевой поверхности. Орнамент растительный, в виде неглубоких линий, нанесенных по фону из мелких ячеек, покрывающих всю поверхность бляшек (Табл. XXII, 21). Одна бляшка прямоугольная, неорнаментированная

(Табл. XXII, 20). Кроме этих изделий функционального назначения, в состав поясного набора входили и декоративные одинарные бляшки (Табл. XXII, 17), бронзовая фигурная подвеска (Табл. XXII, 26) и три миниатюрных бронзовых предмета: полуконическая ворворка (Табл. XXII, 27), овальной формы оправка из тонкого прутка (Табл. XXII, 28) и бляшка полуовальной формы с фигурно вырезанными краями, служившая наконечником узкого и тонкого подвесного ремешка (Табл. XXII, 29). По форме ей аналогичен бронзовый наконечник от основного ремня — прямоугольный с овально закругленным концом (Табл. XXII, 18). Пряжка ремня (Табл. XXII, 22) также бронзовая, шарнирная, с вращающимся язычком, овальной рамкой и двойным щитком, формы и размеры которого почти тождественны форме и размерам наконечника. На лицевой пластине щитка — цветковидный орнамент, нанесенный на позолоченный фон из мелких ячеек, покрывающих всю поверхность этой части пряжки. К принадлежностям человеческого убранства относится и пальштабовидное тесло, обнаруженное за разделительной стенкой у спинной части лошадиного костяка (Табл. XXII, 32).

Принадлежности конского убора находились лишь при одной лошади, вторая не была заседлана и не взнуздана. Слева от спинной части лошадиного костяка найдена роговая подпружная пряжка без язычка (Табл. XXII, 36). На лицевой ее поверхности — несложный орнамент из неглубоко прочерченных продольных и поперечных линий. По другую сторону костяка, также у спинной части лежала железная подпружная пряжка округлой формы с подвижным язычком без щитка (Табл. XXII, 33). В зубах лошади находились удила без псалий (Табл. XXII, 35).

Курган КТ IV-1 (Табл. XXIII; XXV, 1-7)

Наземное сооружение из разномасштабных обломков горных пород, сильно задернованное. Форма объекта в плане после расчистки округлая; в центре ее — сохранившаяся часть основы первоначального сооружения: кольцевидный ряд из крупных обломков, заполненный внутри более мелкими камнями. Первоначальный вид сооружения — низкая, округлая в плане постройка в два-три слоя мелких обломков, обрамленная по контуру рядом из плотно пригнанных крупных камней, служивших одновременно крепидой конструкции. При расчистке и разборке объекта обнаружены керамические фрагменты.

Под наземным сооружением в пределах его первоначальной площади находилась грунтовая могила, отмеченная на уровне древней поверхности галечно-земляным пятном и просевшими в яму каменными обломками. Граница могилы в плане прослеживалась достаточно четко, особенно в юго-юго-восточной ее половине. Форма могилы в плане овально-трапециевидная, ориентировка — сторонами на ССЗ, ВСВ, ЮЮВ, ЗЮЗ. Вытянута по линии ВСВ-ЗЮЗ. В могиле погребение человека с конем. Положение погребенного (женщина, 20-30 лет) — вытянутое, на спине; ориентировка — головой на ВСВ. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги вытянуты и не соприкасаются. Над ногами погребенной, на уровне расположения конского костяка лежала большая пли-

та. В юго-юго-восточной половине могильной ямы, слева от человека на несколько более высоком уровне находился костяк лошади. Разделительной стенки нет. Положение лошади — на животе, с подогнутыми под туловище ногами. Общая линия расположения костяка — ВСВ–ЗЮЗ — прямо противоположна ориентировке человека. Между человеком и конем на плите находились кости молодой особи овцы: два фрагмента крестца, фрагмент таза, бедро, голень, астрагал и пяточная кость.

Инвентарь. На поясе человека найдена небольшая пряжка овальной формы с подвижным язычком без щитка (Табл. XXV, 4). Рядом с пряжкой лежал тонкий нож с длинным черешком для рукояти (Табл. XXV, 3). Под головой погребенной — два небольших фрагмента керамики (Табл. XXV, 1, 2). У спинной части лошадиного костяка справа находилось стремя с петельчатым ушком и узким округлым подножием (Табл. XXV, 7). Дужка изделия округлая, изготовлена из тонкого подквадратного в сечении прутка. Также у спинной части костяка ниже стремени находилась роговая подпружная пряжка без язычка (Табл. XXV, 5). В зубах лошади удила без псалий (Табл. XXV, 6).

Курган КТ IV–2 (Табл. XXIV; XXV, 8–12)

Расположен рядом с курганом КТ IV–1, близок ему по внешнему виду, но значительно превосходит его по размерам. Наземное сооружение из обломков горных пород, преимущественно мелких, низкое, сильно задернованное. После расчистки получено более полное представление о внешнем виде памятника. В плане это округлая, почти сплошная выкладка в один-два слоя мелких обломков. В центре ее — хорошо сохранившаяся основа первоначальной конструкции, внешняя граница которой очерчена четким рядом из крупных плитообразных камней. Первоначальный вид сооружения — низкая округлая в плане постройка в три-четыре слоя мелких обломков, обрамленная по контуру рядом-крепидой из крупных камней. При расчистке объекта встречены керамические фрагменты и обломок железного предмета.

Под наземным сооружением в пределах первоначальной его площади находилась грунтовая могила, отмеченная на уровне древней поверхности галечно-земляным пятном и просевшими в яму каменными обломками. Просад камней в яму приходился почти на всю площадь могилы, так же как и заполнение ее обломками в верхней половине. Форма могилы в плане овально-подпрямоугольная, ориентировка — сторонами на ССЗ, ВСВ, ЮЮВ, ЗЮЗ. Вытянута по линии ВСВ–ЗЮЗ. В могиле погребение человека с конем. Положение погребенного (женщина, 40–50 лет) — вытянутое, на спине, ориентировка — головой на ВСВ. Левая рука вытянута вдоль тела, правая согнута в локтевом и кистевом суставах, кисть ее на тазе. Ноги вытянуты, соприкасаются ступнями.

В юго-юго-восточной половине могильной ямы, слева от человека, на несколько более высоком уровне находился костяк лошади. Разделительной стенки нет. Положение лошади — на животе, с подогнутыми под туловище ногами. Ориентировка лошади — на ЗЮЗ — прямо противоположна ориенти-

ровке человека. Между человеком и конем находились кости молодой особи овцы: четыре фрагмента крестца, два фрагмента таза, бедро, голень, астрагал, пяточная кость и пястная (все левые).

Инвентарь. На поясе погребенной найден плохой сохранности нож с черешком для рукояти (Табл. XXV, 10). У спинной части лошадиного костяка справа находилось стремя с петельчатым ушком и узким округлым подножием (Табл. XXV, 8). Дужка стремени округлой формы, изготовлена из тонкого подквадратного в сечении прутка. Рядом со стремянем на спинной части костяка лежали фрагменты железных пластин (Табл. XXV, 11, 12), скрепленных попарно тонкими штырями (очевидно, оковки деревянной основы седла). В зубах лошади находились удила с одним эсовидным псалием, вставленным в кольцо одного из звеньев удил, и дополнительными кольцами для повода (Табл. XXV, 9). Псалий со скобой изготовлен из сравнительно тонкого подпрямоугольного в сечении прутка, раскованного на месте прикрепления скобы и на одном из загнутых концов.

Курган КТ IV–6 (Табл. XXVI, Б)

До расчистки представлял собой семь отчетливо видных на поверхности крупных камней, расположенных по круговой линии. В пределах образуемого ими кольца и вне его — несколько мелких обломков, разрозненных, едва выступающих из земли. После расчистки получено более полное представление о внешнем виде памятника. В современном состоянии это выкладка, довольно компактная, в один, местами в два слоя мелких обломков. Форма в плане округлая; в восточной половине обломков меньше, чем в западной. Вокруг выкладки кольцо из семи камней, хорошо прослеживаемое и до расчистки кургана. Первоначальный вид сооружения — низкая постройка в три-четыре сплошных слоя мелких обломков, обрамленная рядом из крупных плотно пригнанных камней. Форма ее в плане — округлая. Общая высота конструкции едва ли превышала высоту камней внешнего ряда, служившего одновременно крепидой сооружения. Два крупных камня внешнего ряда конструкции находят на яму, что свидетельствует о сооружении кольца после засыпки могилы.

Под наземным сооружением в пределах первоначальной его площади находилась грунтовая могила, отмеченная на уровне древней поверхности галечно-земляным пятном и просевшими в яму (в юго-юго-западной ее половине) каменными обломками. Форма могилы в плане трапециевидная, со скругленными углами. Яма вытянута длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. В могиле погребение человека с конем (Табл. XXVI, Б). Положение погребенного (ребенок младенческого возраста) — вытянутое, на спине, ориентировка — головой на В. Скелет плохой сохранности, многие кости смещены, некоторые отсутствуют. Правая рука вытянута вдоль тела, левая полусогнута, кисть ее на тазе. Ноги вытянуты и не соприкасаются. В юго-юго-западной половине могильной ямы, слева от человека, на одном с ним уровне находился костяк лошади. Разделительной стенки нет. Положение лошади — на животе, с подогнутыми под туловище ногами. Ориентировка лошади — на З — прямо проти-

воположна ориентировке человека. Справа от лошади находились кости овцы: бедро, голень, астрагал. *Инвентарь* составляет одна железная пряжка овальной формы с подвижным язычком (Табл. XXVII, 22).

Курган КТ IV–7 (Табл. XXVI, А, В)

Находится в непосредственной близости от предыдущего объекта, к северу от него. Значительно превосходит его по размерам. До расчистки представлял собой скопление разномасштабных обломков горных пород, разрозненных и бессистемных. Мелкие камни едва заметны на поверхности, наиболее крупные (в основном в западной половине объекта) расположены по круговой линии. После расчистки внешний облик памятника значительно усложнился, но не изменилась его общая конфигурация. В современном состоянии это сравнительно широкая кольцевая выкладка, представляющая собой разваленную первоначальную конструкцию. Крупные камни выкладки, заметные до расчистки и расположенные по круговой линии — часть внутреннего кольца (основы ограды). В первоначальном виде основа ограды почти целиком уцелела лишь в северо-западном секторе объекта и в южной его оконечности. В остальных секторах основа конструкции сохранилась крайне фрагментарно. Внутри кольцевой ограды в центральной части объекта — довольно плотное скопление камней, преимущественно мелких (остатки сильно разрушенного надмогильного сооружения). Между ним и оградой — камни развала обеих конструкций.

В целом памятник представляет собой сочетание двух сооружений — околomoгильного (ограды) и надмогильного. Первоначальный вид ограды — невысокое сравнительно широкое (в среднем 1 м) кольцо, выложенное на уровне древней поверхности. Местами кольцо состоит исключительно из крупных, плотно подогнанных камней (южная часть объекта), местами подобные камни составляют лишь внешний и внутренний ряд ограды, в промежутке между ними заполненной более мелкими обломками. О форме надмогильного сооружения судить трудно. Предположительный вариант — постройка в несколько слоев разномасштабных обломков, подпрямоугольная в плане, вытянутая длинной осью по линии В–З. По высоте, вероятно, близка к ограде. При расчистке кургана в его северо-западной части обнаружен керамический фрагмент, в центре — пастовая буса.

Внутри ограды, в центральной части площади объекта находилась грунтовая яма, отмеченная на уровне древней поверхности галечно-земляным пятном и просевшим в яму (в юго-юго-западной ее половине) большим количеством каменных обломков. Форма могилы в плане трапецевидная, со скругленными углами. Яма вытянута длинной осью по линии ЗСЗ–ВЮВ. В могиле погребение человека с конем. Положение погребенного (мужчина, 50–55 лет) — вытянутое, на спине, ориентировка — головой на ВЮВ. Руки вытянуты вдоль тела. Ноги вытянуты и не соприкасаются. В юго-юго-западной половине могильной ямы, слева от человека, на более низком уровне находился костяк лошади. От погребенного отделен стенкой из нескольких камней. Положение лошади — на животе, с подогнутыми под туловище ногами. Ориентировка

лошади — на ЗСЗ — прямо противоположна ориентировке человека. На ребрах коня находились кости овцы: фрагмент таза, бедро, голень и астрагал.

Инвентарь. На поясе человека, у лучевой кости правой руки найдены предметы крепления футляра колчана к подвесным ремням: крюк, три тройника, две пряжки. Здесь же, несколько выше их, — три наконечника стрел (Табл. XXVII, 1–3). Все наконечники трехлопастные черешковые, относятся к типу шестиугольных: два экземпляра (Табл. XXVII, 1, 2) — фигурные шестиугольные, один (Табл. XXVII, 3) — мелкий тупоугольный. У правой руки погребенного лежали две роговые накладки на лук (одна боковая и одна нижняя срединные) (Табл. XXVII, 13). Боковая накладка плохой сохранности, но форма ее была, несомненно, трапецевидная. Форма узкой нижней накладки — подпрямоугольная, концы ее с лицевой стороны слегка срезаны. Тылные стороны обеих поделок сплошь покрыты нарезками. Кроме того, у боковой накладки нарезками покрыты углы и полоса верхнего края лицевой стороны, а у нижней — боковые продольные стороны. Рядом с накладками — два овальных колечка из тонких прутков (Табл. XXVII, 10), входивших вероятно, в состав поясного набора. Собственно поясной набор (Табл. XXVII, 12) представлен шарнирной пряжкой с вращающимся язычком, овальной рамкой и щитком прямоугольной формы с закругленным концом; четырьмя бляшками-оправами, две из которых прямоугольные, а две — полукруглые; двойным наконечником ремня прямоугольной формы с овально закругленным концом. Ниже их, у кисти левой руки лежал небольшой нож с черешком для рукояти, на котором заметны следы самой деревянной рукояти (Табл. XXVII, 11).

По обе стороны спинной части лошадиного костяка находились по одному стремени с петельчатым ушком и узким округлым подножием (Табл. XXVII, 19, 20). Дужки обоих стремян округлой формы изготовлены из тонких подпрямоугольного (Табл. XXVII, 20) и подквадратного (Табл. XXVII, 20) в сечении прутков. Рядом с правым стремянем, также у спинной части костяка лежали роговые предметы: застежка от пут (Табл. XXVII, 16), подвеска (так называемый блок для чумбура) (Табл. XXVII, 17) и подпружная пряжка (Табл. XXVII, 21). На черепе лошади найдены два железных предмета (возможно, украшения узды) (Табл. XXVII, 14–15): один из них (Табл. XXVII, 15) в виде удлинненной подпрямоугольной пластины, заостренный верхний конец которой слегка отогнут, а к противоположной от него стороне прикреплен двойной «щиток» из узкой пластинки; второй (Табл. XXVII, 14) состоит из двух таких же тонких пластинок ромбической формы, соединенных шпильком. В зубах лошади находились удила с двухдырчатыми псалиями хорошей сохранности (Табл. XXVII, 18). Псалии изготовлены из подпрямоугольно-округлых с сечении прутков, раскованных в виде восьмерки на месте узких прямоугольных отверстий, через которые продевались ремни для скрепления псалий с удилами. Верхние концы обоих псалий загнуты и заканчиваются шишковидными утолщениями, нижние — расплюсчены в виде узкой длинной лопаточки трапецевидной формы с продольным ребром в середине одной из ее плоских сторон.

III. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ

Среди многочисленных и разнообразных погребальных памятников Центральной и Средней Азии, Южной Сибири и Казахстана эпохи раннего средневековья особое место принадлежит тому типу древнетюркских погребений, к которому относятся публикуемые здесь комплексы, то есть погребениям, совершенным по обряду трупоположения с конем. Этот специфический тип захоронений, издавна характерный почти исключительно для кочевых и полукочевых племен евразийских степей, и в VI–X вв. н. э. встречается преимущественно в основных областях сложения и бытования их этнополитических объединений — Туве, Алтае, Монголии, Казахстане и Средней Азии, Минусинской котловине. Уже одно это предопределяет необходимость детального анализа всех составных компонентов столь специфического и одновременно стойкого обряда — от особенностей наземных конструкций до характеристики способа погребения и разбора всех основных категорий инвентаря. Естественно, что последнее обстоятельство должно оказаться самым существенным, прежде всего, для выяснения различных вопросов собственно тюркской культуры Центральной Азии и сопредельных областей.

1. Погребальный обряд

А. Наземные сооружения

По общему виду наземных сооружений все рассматриваемые памятники подразделяются на две основные группы. В первую группу входят объекты, сооружения которых до разборки представляли собой как бы бессистемные «наброски» из разномасштабных обломков горных пород (курганы А I–1, 3–5, А VIII–2, А IX–1, КТ I–3). Величина и вес камней в целом соотносились с размерами самих курганов, которые колебались от сравнительно небольших по площади и невысоких (А I–4, А VIII–2) до весьма крупных (А I–1, А IX–1). Степень задерновки их невелика, и потому общие очертания и границы определялись достаточно хорошо еще до расчистки. Форма курганов первой группы почти всегда близкая к округлой. Совершенно противоположную картину представляют объекты, которые относятся ко второй группе (КТ IV–1, 2, 6, 7). Их наземные сооружения выглядели как низкие, почти сплошь задернованные выкладки из мелких, обычно разрозненных камней. Точные границы памятников до их тщательной расчистки почти не улавливались, Форма построек также не была однотипной: прослеживались и явно округлые, и как будто кольцевидные выкладки. Сильно варьировали и размеры, несмотря на незначительное количество объектов: от небольших по площади (КТ IV–6) до сооружений, превышающих первые в два с лишним раза (КТ IV–7).

Столь существенные различия во внешнем облике памятников не зависели от условий их местонахождения, так как на том же участке долины Енисея, где сосредоточены объекты, относящиеся ко второй группе, расположен и один из курганов первой (КТ I–3). То, что это явление не единичное и не случайное показывает обращение к аналогичным объектам. Так, наряду с соору-

жениями первого типа, широко распространенными в Туве (Вайнштейн, 1966а. С. 294–311; Грач, 1960. С. 120–143; 1960а. С. 21, 31; 1966. С. 96), в Казахстане (Кадырбаев, 1959. С. 184), на Алтае (Евтюхова и Киселев, 1941. С. 92–94) и в Монголии (Евтюхова, 1957. С. 205), нередко встречаются и сооружения второго типа, ареал которых не менее значителен (Гаврилова, 1965. С. 22–28; Левашова, 1952. С. 129, прим. 2; Грач, 1960а. С. 33, рис. 35; Винник, 1963. С. 87–89; Бернштам, 1952. С. 81–82). Зафиксированы и иные варианты наземных конструкций, причем опять же в памятниках однотипных и, более того, сходных с представляемыми здесь по таким существенным деталям погребального обряда как ориентировка человека и коня, их положение и пр.

Таким образом, наличие, несомненно, разнотипных наземных сооружений в серии очень близких, иногда тождественных по способу погребения памятников — факт достаточно очевидный. Тем не менее, данное обстоятельство до сих пор почти не привлекало к себе внимания исследователей, а сопоставление древнетюркских погребений с конем производилось лишь по двум линиям — по особенностям способа погребения и инвентарю. Однако в таком случае совершенно неизбежен вопрос: насколько же соответствует современный облик наземной конструкции каждого объекта его первоначальному виду? Вполне возможно, что однотипные и даже тождественные до их исследования сооружения на самом деле прежде были разнотипными, и наоборот — различные в настоящее время по форме, величине и т. п. конструкции первоначально представляли собой сходный тип построек. Момент этот чрезвычайно важен, особенно при классификации археологических комплексов (как погребальных, так и поминальных), поскольку только при полном выявлении первоначальной основы сооружения и реконструкции памятника в целом в руках исследователя оказываются объективные, точные и весьма ценные данные по одному из главных показателей конкретного памятника.

К сожалению, подобных работ в отношении курганов древнетюркского времени почти не производилось. Наземные сооружения (как правило, каменные с большей или меньшей степенью задерновки) не расчищались, а сразу разбирались, причем методика разборки часто исчерпывалась лишь оставлением бровок для получения разрезов курганов. В результате вне поля зрения исследователей оставались такие существенные детали, как наличие или отсутствие первоначальной основы сооружения, степень его разрушенности и т. д. Такой принцип изучения памятников особенно отражался на низких, почти полностью задернованных выкладках типа кудыргинских или каратальских, которые довольно быстро меняли свои изначальные очертания и форму. Следует отметить, что иногда удавалось проследить некоторые специфические элементы конструкции-крепиды (Максимова, 1968. С. 146), «кольца по основанию» (Арсланова, 1969. С. 45, 48), которые позволяли судить о некоторых особенностях первоначального облика построек. Но в целом и здесь первоначальные виды основной массы раскопанных курганов остаются неясными и теперь, конечно, невозможными.

Все сказанное определило то особое внимание к наземным сооружениям, которое было уделено им в процессе наших работ. В целом среди раскопанных курганов можно выделить три типа построек. Первые два, представленные несколькими объектами, являются, очевидно, ведущими не только в Центральной Туве, но и на других территориях. Третий тип своеобразен и пока представлен лишь одним объектом (КТ IV–7), поэтому о его распространении даже на ограниченной территории говорить еще преждевременно.

Сооружения первого типа, к которым относятся два аргалыктынских кургана (А VIII–2 и А IX–1) — это постройки цилиндрической правильной (округлой в плане — А VIII–2) или неправильной (подовальной в плане — А IX–1) формы, сравнительно высокие (первоначальная высота до 1 м), сложенные в несколько (первоначально, вероятно, не менее четырех-пяти) слоев крупных камней, довольно массивные, укрепленные по внешнему краю небольшими по величине обломками, образующими плотную стенку-крепиду, иногда весьма внушительную (А IX–1). Очевидно, в эту же группу можно включить и остальные аргалыктынские и один кара-тальский (КТ I–3) курганы, на что дает право не только отмеченное выше сходство всех этих объектов по внешнему виду до раскопок, но и обнаруженные в процессе их изучения уцелевшие в некоторых местах отдельные сочетания — связки крупных камней по основанию построек как раз на месте предполагаемых стенок-крепид конструкций.

Второй тип наземных сооружений представлен тремя кара-тальскими памятниками (КТ IV–1, 2, 6). Их специфика заключается в том, что это низкие, первоначально составленные не более чем из трех-четырёх слоев камней, сплошные плоские выкладки округлой (КТ IV–6) или округло-овальной (КТ IV–1, 2) в плане формы, сложенные преимущественно из мелких обломков горных пород с однорядной крепидой по внешнему краю из наиболее массивных камней. Оригинальна конструкция кургана КТ IV–7 (третий тип сооружений). Первоначально она представляла собой сочетание двух построек — внешней и внутренней. Внешнее, околмогильное, сооружение — это кольцевидная ограда, невысокая (не выше 0,3–0,4 м), сравнительно широкая (в среднем 1 м), сложенная из разномасштабных обломков. Крупных камней довольно много, в большинстве они плотно подогнаны один к другому, образуя внешний или внутренний абрис ограды, но иногда и отдельный ее сектор целиком. Форма внутреннего надмогильного сооружения до конца не выяснена вследствие сильного его развала и частичного просада в яму, но оно, несомненно, представляло конструкцию из плотно уложенных камней, по высоте близкую к ограде и, очевидно, подпрямоугольную в плане.

Примечательно, что второй и третий типы сооружений до их выявления внешне ничем существенным не отличались один от другого и входили в выделенную выше вторую группу древнетюркских курганов. Это еще раз свидетельствует не только о том, что вид кургана до раскопок не соответствует его первоначальному облику, но и о том, что даже очень похожие до их исследования сооружения после проведения необходимых работ могут оказаться разнотипными.

Б. Способ погребения

Способ погребения — один из основных показателей характеристики рассматриваемых памятников — включает в себя устройство могилы (форма, ориентировка, размеры ямы), детали внутримогильных конструкций (разделительная стенка, перекрытие погребенных, дополнительное сооружение для человека — каменный ящик, деревянная «колода»), особенности погребального ритуала (взаимное положение человека и животных, их ориентировка, количество и пр.).

Сопоставление памятников по последним из перечисленных признаков показывает, что во многом они тождественны. Так, ориентировка людей и животных во всех курганах практически одинакова: человек обращен головой либо преимущественно строго на В, либо в отдельных случаях — на ВСВ (А I–3, КТ IV–1, 2) или ВЮВ (А I–5, КТ IV–7), а лошадь (или лошади) — головой соответственно на З, ЗЮЗ или ЗСЗ. Небольшие отклонения в ориентировке несущественны и объясняются, по всей вероятности, захоронением в разные времена года. Несколько варьируют положения отдельных частей человеческих скелетов и конских костяков, но это также не имеет особой важности для определения характерных черт погребального ритуала данных памятников и, как правило, объясняется сугубо практическими причинами. Например, единичные случаи положения ног человека одна на другую (курганы А I–1, п. 2; А I–3) свидетельствуют, очевидно, о том, что они были связаны при погребении. Отступление от обычного способа помещения лошади в могилу таким образом, что голова ее была обращена к погребенному, вызвано либо узостью самой ямы (курган А VIII–2), либо наличием не одной, а двух особей животных (А I–5, А IX–1, КТ I–3).

Из особенностей погребального ритуала рассматриваемой группы памятников необходимо подчеркнуть также наличие в некоторых случаях двух лошадей, причем все они обнаружены в тех курганах, наземные сооружения которых относятся только к первому типу. В целом же различий в перечисленных элементах способа погребения очень немного, и они вряд ли могут быть взяты в качестве определяющих при классификации памятников. По всем признакам, берущимся исследователями за основу классификации древнетюркских погребений, их вполне можно считать однотипными.

Сближаются описанные выше памятники и по устройству могильных ям. Так, отношение площади ямы, зависящей от места, необходимого для размещения в ней погребенных, к площади наземного сооружения в принципе одно и то же в каждом объекте. Глубина ям всегда незначительна и колеблется от 0,9 м (КТ IV–7). В большинстве могил имеется приступок для коня высотой от 0,1 до 0,25 м (за исключением курганов А I–1, п. 1 и КТ IV–6, где его нет). Стороны ям ориентированы преимущественно по странам света, иногда с небольшими отклонениями, вызванными или особенностью формы ямы (трапециевидная) или особенностью ориентировки человека и коня (не строго по линии В–З). Таким образом, наличие общих черт в способах погребения пуб-

ликуемых памятников — факт несомненный. К ним можно отнести и обычай помещать в могилы куски жертвенного мяса, как правило, наиболее ценимые части бараньей туши, обыкновенно находящиеся между человеком и конем.

Вместе с тем, наряду с перечисленными общими чертами имеется и целый ряд других, свидетельствующих о различии погребений. Уже упоминалось о том, что в памятниках, наземные сооружения которых относятся к первому типу, зафиксировано три случая захоронений с двумя лошадьми, в то время как в кара-тальской группе объектов, наземные сооружения которых представляют второй и третий типы построек, человека, как правило, сопровождает только один конь. Определенное различие между этими группами можно видеть и в форме могил в плане, а, следовательно, и в их общей конфигурации. Каменные заполнения могильных ям, занимающие или незначительную часть могилы (в наших погребениях обычно под конем), или почти всю яму (как в кургане КТ IV–2), характерны для самых разных погребений с конем (Вайнштейн, 1966а. С. 294–311; Грач, 1960. С. 130, рис. 72; с. 140, рис. 92). Эти заполнения необходимо отличать от каменных перекрытий, находящихся непосредственно над людьми и животными. Иногда они комбинируются с каменными обкладками вокруг человека или коня (как, например, в курганах А I–1 п. 2 и КТ I–3), которые служат как бы опорой и ограничением перекрытий. Подобные постройки или их части встречены только в памятниках, наземные сооружения которых относятся к первому типу (А I–1, А I–3, А VIII–2, КТ I–3). В этих погребениях они имеются и над конем, и в одном случае (КТ I–3) над человеком. В памятниках, наземные сооружения которых представляют второй и третий типы построек, их нет.

Намеченное разграничение погребений на две группы по деталям внутримогильных конструкций подтверждается и дополнительными сооружениями для захоронения человека. К ним относятся каменные ящики и деревянные «колоды», нередко встречающиеся в древнетюркских погребениях с конем. В рассматриваемых памятниках, наземные сооружения которых относятся ко второму и третьему типам, таких конструкций не зафиксировано в то время, как в курганах с наземными сооружениями первого типа их имеется несколько. Среди них обнаружены и каменный ящик (А VIII–2), и деревянные плахи на месте мнимого местонахождения человека (А I–1 п. 1), и так называемые «колоды» — плахи настила под человеком и аналогичные плахи перекрытия над ним (А I–1 п. 2, А IX–1).

Разграничение погребений на две группы, проводимое по отдельным элементам внутримогильных конструкций, устанавливается и по такой примечательной детали, как разделительная стенка между человеком и конем. Такого рода стенки, сложенные из камней, как правило крупных, и обычно целиком наклоненные в сторону человека имеются в памятниках, наземные сооружения которых характеризуют первый тип построек (А VIII–2 и А IX–1). Причем здесь они довольно высокие, плотные и состоят из больших плит. Подобные стенки существуют и в аргалыктынских курганах (за исключением А I–1

п. 1 и А I-5) и в одном кара-тальском (КТ I-3), наземные сооружения которых условно отнесены нами также к первому типу. Высота их несколько меньше (особенно в кургане КТ I-3) высоты стенок в только что упомянутых объектах, но плотность ряда и массивность камней, как правило, не уступают последним. В целом названные конструкции во всех погребениях первой группы близки одна другой и составляют их специфическую особенность. В погребениях же второй группы имеется лишь одна своеобразная стенка, резко отличающаяся от всех других (курган КТ IV-7 — третий тип наземных сооружений). В остальных памятниках этой группы, наземные сооружения которых относятся ко второму типу (курганы КТ IV-1, 2, 6), стенок нет совсем. Примечательно также, что в последних погребениях приступки могильных ям либо отсутствуют вовсе (КТ IV-6), либо очень низкие (КТ IV-1, 2).

Таким образом, имеется достаточное количество оснований для разграничения описываемых памятников по способу погребения. Это разграничение хорошо соотносится с разделением курганов по типам наземных сооружений. В итоге по особенностям погребального обряда в целом можно противопоставлять как минимум две группы памятников. В первую группу входят все аргалыктыкские и один кара-тальский (КТ I-3) объекты, во вторую — объекты могильника КТ IV. Вполне правомерно также выделение из второй группы во многом оригинального кургана КТ IV-7. Установленные различия объясняются, естественно, определенными причинами, выяснение которых не может быть произведено без сопоставления погребений по количеству и специфике содержащихся в них предметов погребального инвентаря.

2. Сопроводительный инвентарь

А. Принадлежности человеческого убранства

Предметы, составляющие принадлежности человеческого убранства, так же как и вещи, входящие в состав конского убора, далеко не во всех памятниках равнозначны и по количеству, и по качеству, и по сохранности. Наряду с погребениями, в инвентаре которых довольно полно содержатся разнообразные орудия труда и оружие, изделия для бытовых нужд и украшения (например, А I-1, А I-5, А IX-1), существуют и такие, инвентарь которых при человеке исчерпывается единичными и малоэффективными находками (например, КТ IV-1, КТ IV-2, КТ IV-6).

Берестяные колчаны — изделия, которые в обычных условиях не часто встречаются в погребениях, в наших памятниках представлены пятью экземплярами. Три из них — из курганов — уцелели практически полностью; четвертый, из кургана А I-5, хотя и сильно истлел, но целиком восстанавливается; и лишь последний (курган КТ I-3) сохранился в виде незначительных фрагментов. Помимо этого, колчаны, несомненно, были еще в двух могилах А I-4 и КТ IV-7, судя по железным частям крепления футляров к подвесным ремням, а также наконечникам стрел, но от них не осталось никаких следов.

Все имеющиеся колчаны однотипны — с так называемым «открытым карманом» или «щекой» сверху (Гаврилова, 1965. С. 30; Евтюхова и Киселев, 1941. С. 96). Общая форма и принцип устройства у них тождественны. Футляры свернуты из двух слоев бересты и прошиты. В отличие от древнерусских колчанов, а также западных кочевнических, они не «цилиндрической» или «полукруглой формы в сечении» (Медведев, 1966. С. 20–21; Федоров-Давыдов, 1966. С. 29), а как, очевидно, все восточные кочевнические колчаны, уплощенные; причем лицевая сторона изделий, судя по двум уцелевшим фрагментам деревянного дна (А I–1 п. 1 и А IX–1), была слегка выпуклой, а тыльная, на которую приходился основной шов — вогнутой. На лицевой стороне трех экземпляров (А I–1 п. 1 и 5, А IX–1) на нижней части, а у одного из них (А I–1 п. 1) и на верхней, под «карманом», помещены дополнительные накладки, заходящие и на боковые стороны. На некоторых изделиях (А I–1 п. 1 и 2, А IX–1) на той же лицевой стороне были прикреплены, очевидно, для украшения продольные узкие полосы из какого-то мягкого материала (кожи или войлока), сейчас не сохранившиеся. Открытый «карман» получался вследствие выреза в устье колчана; боковые стороны не вырезались и образовывали закраины. «Карман», по всей вероятности, прикрывался тканью или войлоком, предохранявшим руку от порезов от находившихся в нем наконечников стрел, а деревянное дно пришивалось к футляру. Все колчаны расширяются книзу и слегка кверху, место «перехвата» приходится на середину, ближе к вершине изделий. Столь полное сходство предметов не означает, конечно, что между ними нет никаких отличий, но все они незначительны. Тождественность колчанов проявляется не только в их форме и принципе устройства, но и в основных измерениях: общая длина изделий 85–90 см, высота «карманов» — 14–16 см, ширина верхнего края футляра — 14–17 см, ширина нижнего — 17–21 см, ширина «перехвата» — 11–14 см.

Несомненно, очень близкой была и система крепления всех колчанов к подвесным ремням, о чем косвенным образом можно судить по набору сохранившихся остатков железных предметов крепления футляра и их местоположению относительно колчана. Состав предметов крепления почти во всех погребениях стандартен: это крюк, тройники и пряжки. Сохранность их не всегда удовлетворительна, но в целом общее количество установимо. Крюк везде представлен только одним экземпляром (кроме курганов А I–4 и А IX–1, где его нем совсем), тройников — два или три (за исключением кургана КТ I–3, очевидно, не сохранились), пряжек также почти во всех случаях две или три. Каждый набор обнаружен непосредственно у колчана, обычно частью у устья, частью у основания, что свидетельствует о креплении последнего к двум ремням. Каким образом носился такой колчан, хорошо видно, например, по его изображению на одном из барельефов гробницы китайского императора Тай Цзуна. Здесь у воина «в одеянии тюркского облика» (Вайнштейн, 1966. С. 69, рис. 3, прим. 64) колчан подвешен к поясу справа на двух ремнях, один из которых (короткий) прикреплен к устью, а другой (длинный) — к основанию.

Колчан этот совершенно аналогичен нашим по общей форме, размерам и даже некоторым деталям (продольная накладная узкая полоса на лицевой стороне изделия). Подобные колчаны (с «карманом») были широко распространены и обнаружены не только в погребениях Тувы, но и Алтая, Хакасии, Казахстана (Евтюхова и Киселев, 1941. С. 96, 110, рис. 19, 50; Евтюхова, 1948. С. 62, рис. 1112; Левашова, 1952. С. 133; Арсланова, 1963. С. 77–78, табл. II, 1; 1969. С. 53). Наряду с ними существовали колчаны и второго типа — с так называемым «срезанным верхом» (Грач, 1960. С. 126, 133, рис. 64, 76; Вайнштейн, 1966а. С. 301, рис. 12), причем подавляющее большинство тех и других найдено в погребениях с конем, главным образом, в Туве.

По вопросу о территориальном и хронологическом соотношении двух видов древнетюркских колчанов между исследователями нет единого мнения. Так, А. А. Гаврилова (1965. С. 19, 20), усматривая в разнотипности колчанов этнический признак, считает, что кудыргинский колчан из могилы 5 «со срезанным верхом близок к колчанам, бытовавшим южнее, в Туве... тогда как севернее бытовали колчаны со щекой вверху (карманом — Ю. Т.), отличающиеся от кудыргинского и характерные для могил с конем и на Енисее..., и на Алтае...» (Там же. С. 30). Следовательно, судя по ее периодизации позднекочевнических памятников Саяно-Алтая, оба типа колчанов сосуществуют хронологически в пределах VI–VIII вв. н. э., но основные области их распространения различны (колчаны со «срезанным верхом» — Тува, Алтай; колчаны с «карманом» — Хакасия, Алтай). С. И. Вайнштейн (1966а. С. 324), полагая, что тип колчана со «срезанным верхом» характерен не только «для культуры Тувы VI–VIII вв.», но и «широко распространен за ее пределами», склонен думать, что «позднее наряду с ним появляется колчан с так называемым «карманом» (на Алтае — Курай IV, курган 1; в Хакасии — Уйбат II, курган 1; в Туве — Кара-Чоога, курган 4)», то есть разновидность колчанов связывается с причинами хронологического порядка (Там же). Новые материалы вносят в решение этого вопроса существенные коррективы.

До последнего времени вопрос о территориальном распространении колчанов с «карманом» оставался открытым, поскольку в Туве в погребениях с конем был зафиксирован лишь один подобный экземпляр (Кара-Чоога, курган 4), вызвавший к тому же сомнения у некоторых исследователей в его принадлежности именно к данному типу предметов (Гаврилова, 1965. С. 30). Сейчас совершенно ясно, что А. А. Гаврилова ошибалась, исключая Туву из области бытования колчанов с «карманами». Последнее окончательно подтвердилось находками таких изделий в тувинских погребениях, синхронных памятникам кудыргинско-катандинского круга, а также их изображениям на древнетюркских изваяниях Тувы (Кызласов, 1969. С. 81, рис. 27а). Следовательно, колчаны с «карманом» характерны не для «северных» областей, а для всего Саяно-Алтая, Казахстана и, надо полагать, Монголии в целом. Но не свидетельствует ли это в пользу второй точки зрения о различных хронологических границах бытования колчанов с «карманом» и «срезанным верхом» и их последовательной сменяемости?

Как отмечалось выше, С. И. Вайнштейн считает, что колчаны со «срезанным верхом» в VI–VIII вв. были широко распространены за пределами Тувы. Однако ни у С. И. Вайнштейна, ссылающегося в доказательство своей точки зрения на кудыргинский колчан, ни у А. А. Гавриловой, еще до него обратившейся к сопоставлению этого колчана с западнотувинскими (Вайнштейн, 1966а. С. 324, прим. 41; Гаврилова, 1965. С. 30), для подобного утверждения нет достаточных оснований. Приводимый в качестве аналогии кудыргинский колчан из могилы 5 реконструирован по отдельным фрагментам, преимущественно средней части футляра, в то время как устье и основание его не сохранились (Гаврилова, 1965. С. 29, табл. XI, 18а, б). Кроме этого предмета аналогий тувинским колчанам со «срезанным верхом» не приводится, да и вряд ли они в настоящее время могут быть найдены. Следовательно, область распространения колчанов данного типа твердо пока ограничивается только Тувой, да и то лишь юго-западной и западной (Грач, 1960. С. 126, 133, рис. 64, 76; Вайнштейн, 1966а. С. 301, рис. 12). Утверждение С. И. Вайнштейна об их широком распространении за пределами Тувы в VI–VIII вв. при нынешних фактах преждевременно.

Таким образом, Тува оказывается единственной территорией, где бытуют колчаны обоих типов. Во всех остальных областях обнаружены только колчаны с «карманом». Но если положение С. И. Вайнштейна о различных хронологических периодах существования колчанов с «карманом» и со «срезанным верхом» несостоятельно в отношении всего Саяно-Алтая, то, может быть, оно правомерно в отношении только Тувы? Думается, что и для такого предположения нет оснований. В самом деле, если раньше в Туве был известен лишь один памятник, содержащий колчан с «карманом» (Кара-Чоога, курган 4), — памятник, который по совокупности форм и типов инвентаря отличается и от кокзельских, и от некоторых монгун-тайгинских (МТ-56-Х), содержащих колчаны со «срезанным верхом», и совершенно справедливо датируется С. И. Вайнштейном VIII–IX вв. (Вайнштейн, 1966. С. 79), то в настоящее время мы располагаем уже целой серией погребений (А I–1 п. 1 и 2, А I–5, А IX–1, Часкал II–4), которые очень близки соответствующим кокзельским и монгун-тайгинским не только по инвентарю, но и по особенностям погребального обряда и которые по периодизации того же С. И. Вайнштейна должны датироваться VI–VIII вв. (Вайнштейн, 1966. С. 76–78). Аналогичные памятники с колчанами данного типа имеются и за пределами Тувы.

Очевидно, колчаны с «карманом» в среде древнетюркских племен бытовали, по меньшей мере, с начала VII в. Верхняя их граница лежит, очевидно, где-то на рубеже IX–X вв., а, может быть, и выше. Что касается Тувы, то сейчас совершенно ясно, что в VII–VIII вв. колчаны обоих типов здесь сосуществовали, но области их распространения были, по всей вероятности, различны, так как до сих пор колчаны со «срезанным верхом» обнаруживались только в горных районах Западной и Юго-Западной Тувы, а колчаны с «карманом» — только в равнинной Центральной. Не исключена возможность, что последнее

обстоятельство связано с причинами этнического или локального характера, на что уже обращала внимание, но в другой связи, А. А. Гаврилова (1965. С. 19, 20).

От стрел, находившихся в колчанах почти во всех случаях остались лишь железные наконечники. В футляре одного из колчанов (курган А I–1 п. 1) сохранились фрагменты древков стрел. По ним видно, что древки в сечении были овально-уплощенными. Сохранность наконечников далеко не всегда удовлетворительная, но очертания и форма большинства из них восстанавливаются. Как правило, точно фиксируется и общее их количество в погребениях. Оно колеблется от 3 – (курганы КТ IV–7, А VIII–2) до 10–11 (курганы А I–1 п. 1, КТ I–3) экземпляров; вся серия составляет свыше 50 экземпляров. Все твердо определяемые наконечники трехлопастные, черешковые, почти у всех выделен упор для древка, у многих на черешке сохранились остатки роговых шариков с отверстиями для свиста (иногда почти целые, но чаще во фрагментах). Каждый шарик имел по три овально-округлых отверстия, расположенных на верхней половине этой биконической поделки.

По проекции лопастей на плоскость все стрелы делятся на основные две группы: шестиугольные и листовидные. В особую третью группу выделяются наконечники, очертания лопастей которых лежат как бы между очертаниями лопастей наконечников первой и второй групп. Назовем их условно угловато-листовидными. Все три группы разбиваются на типы. За основу деления в первой и третьей группах берутся варианты очертаний краев лопастей, которые состоят из трех отрезков: верхнего (верхнее ребро), среднего (боковое ребро) и нижнего (плечико). При этом учитывается их относительная длина (особенно верхнего и бокового ребер), а также угол, образуемый при острие наконечника верхними ребрами лопастей (тупой или острый). Принимаются во внимание и общие размеры наконечников без учета длины черенка (крупные, средние, мелкие). Последний признак служит основанием и для разделения листовидных наконечников, поскольку все другие показатели для них несущественны.

Группа 1. Шестиугольные

Все экземпляры — крупные или мелкие, с прямыми верхними ребрами лопастей, образующими при острие тупой или острый угол (тупоугольные или остроугольные), с прямыми или вогнутыми боковыми ребрами, параллельными осевому стержню или слегка отклоненными от него, прямыми высокими или низкими (более горизонтальными) плечиками.

Тип 1. Крупные, тупоугольные, с прямыми боковыми ребрами и низкими, почти горизонтальными плечиками. Верхние и боковые ребра почти равны по длине. В лопастях большие круглые отверстия. 1 экз. — А I–1 п. 1. Близкий по типу наконечник происходит из кургана А I–4, но у него не сохранилась нижняя часть. Верхние ребра меньше боковых.

Тип 1а. То же, но боковые ребра слегка скошены к основанию наконечника. Плечики высокие. 1 экз. — А I–1 п. 1.

Тип 2. Мелкие, тупоугольные, с чуть вогнутыми и слегка скошенными к вершине боковыми ребрами и невысокими плечиками. Верхние ребра короткие, значительно меньше боковых. В лопастях мелкие круглые отверстия. 1 экз. — КТ IV–7.

Тип 3. Крупные, остроугольные, с прямыми параллельными осевому стержню боковыми ребрами и высокими плечиками. Верхние ребра длинные, но чуть меньше боковых. В лопастях круглые отверстия средней величины. 1 экз. — КТ I–3. К этому же типу, несомненно, относятся еще четыре фрагментарных наконечника: КТ I–3, А I–1 п. 2, А I–5. Очевидно, сюда же следует поместить и один из наконечников из кургана А I–1 п. 1.

Тип 4. Мелкие, остроугольные, с прямыми, параллельными осевому стержню боковыми ребрами и низкими плечиками. Верхние ребра короткие, значительно меньше боковых. В лопастях отверстий нет. 4 экз.: А I–1 п. 1, А IX–1, КТ I–3. У двух последних нижняя часть изделий не сохранилась.

Тип 5. Крупные, остроугольные, с вогнутыми боковыми ребрами и сравнительно высокими плечиками. Верхние ребра значительно длиннее боковых. В лопастях крупные или средней величины отверстия. Данный тип условно может быть назван «фигурным». 4 экз.: КТ IV–7, А IX–1. К этому типу наконечников, возможно, относятся еще три экземпляра — курганы А IX–4, А IX–5, КТ I–3, но они очень фрагментарны.

Группа II. Листовидные

Все наконечники остроугольные, с плавно изогнутыми краями лопастей и низкими, слегка вогнутыми плечиками. В лопастях отверстий нет. По величине резко не разделяются (имеются и более крупные, и средние и мелкие). Средние по размерам экземпляры условно отнесены к крупным.

Тип 1. Крупные. 17 экз.: А I–1 п. 1, А I–1 п. 2, А I–4, А I–5. Некоторые из них фрагментарны, но относятся, безусловно, к данному типу.

Тип 2. Мелкие. 7 экз.: А VIII–1, КТ I–3.

Группа III. Угловато-листовидные

С листовидными наконечниками их сближает общее направление краев лопастей, но в отличие от них эти края не плавно изогнуты, а как бы перегибаются у вершины, образуя почти прямые верхние ребра. Все с отверстиями в лопастях средней величины. Плечики низкие, прямые. Разделяются по углу, образуемому у острия верхними ребрами.

Тип 1. Остроугольные, с короткими верхними ребрами, значительно меньшими по длине по сравнению с намечаемыми боковыми (последние спрямлены). Отверстия в лопастях круглые, средней величины. 2 экз.: А IX–1 (один из них отнесен условно вследствие фрагментарности).

Тип 2. То же, но тупоугольные. 1 экз. — А I–1 п. 1. Отверстие (мелкое) лишь на одной лопасти, в другой его нет (третья не сохранилась).

Все выделенные группы и типы наконечников стрел находят точнейшие аналогии в древнетюркских памятниках Тувы. Так, в могильнике Кокэль в кургане 13 имеются наконечники III и I групп (соответственно типы 1, 2 и 1),

в кургане 22 — тех же групп (типы 2 и 1), а также группы II (Вайнштейн, 1966а. С. 304, рис. 15), в кургане 23 — групп I и II (типы 1, 2 и 1) (Вайнштейн, 1966а. Табл. VII, 5–6). В одном из курганов в Монгун-Тайге (МТ-58-IV) среди 18 наконечников несколькими экземплярами представлены образцы типа 5 группы I и типа 1 группы II (Грач, 1960. С. 132, рис. 75), а в другом (МТ-58-V) вместе с наконечниками группы I (типы 3 и 4) встречены наконечники группы III (тип 1) и II (Грач, 1960. С. 143, рис. 96). В одном из курганов, раскопанных С. А. Теплоуховым (Бай-Даг, № 31-90), найдены два «сварившихся» наконечника группы I (типы 3 и 4), а в расположенном недалеко от него объекте, исследованном А. М. Мандельштамом (Часкал II, курган 4) — один наконечник той же группы (тип 2) и шесть экземпляров группы II. Этот список можно было бы продолжить, но и без того ясно, что все выделенные типы стрел имели в Туве широкое распространение. При этом следует отметить, что какой-либо определенной закономерности в разбивке разных типов по различным курганным комплексам не наблюдается. Наконечники разных типов взаимовстречаются в различных сочетаниях в одном погребении, и тот или иной тип характерен для нескольких. Это может служить одним из свидетельств хронологической близости памятников при условии подтверждения их близости по другим категориям погребального обряда и инвентаря.

Очевидно, с каждым колчаном со стрелами в могилы был положен сложносоставной лук. Лишь в одном из погребений (А I-4), в котором ранее, несомненно, находился колчан, не зафиксировано никаких остатков лука, что, очевидно, объясняется полной его разрушенностью. Деревянные основы луков (кибиты) не сохранились, не считая небольших фрагментов, встреченных в одном погребении (курган А IX-1), но роговые накладки на них почти везде уцелели достаточно хорошо. В одних случаях они находились на колчане (курганы А I-1 п. 1, А I-5), в других (А I-1 п. 2, А IX-1) — в непосредственной близости от него или от наконечников стрел, если колчан не сохранился (КТ I-3, КТ IV-7). Таким образом, во всех погребениях лук был положен справа от человека, или от его мнимого местонахождения (курган А I-1 п. 1), либо на колчан, либо между колчаном и человеком. Из роговых накладок обнаружены преимущественно срединные, представленные обычно парой боковых, но в двух погребениях (А I-1 п. 2 и КТ IV-7), помимо них, встречены и нижние срединные, а в одном (А IX-1), кроме срединных, зафиксированы две концевые накладки.

Орудия труда и бытовые предметы в наших памятниках представлены ножами, теслами, приборами для добывания огня и некоторыми другими вещами (оселки, пряслица, поделки для развязывания узлов и др.).

Ножи встречены почти в каждом погребении (исключение составляют лишь курганы А I-1 п. 1 и КТ IV-6). Различаясь по сохранности и величине, все они однотипны: черешковые, прямые, двухуступчатые. На некоторых из них остались следы от деревянной рукояти (например, курганы А I-1 п. 2, А VIII-2, КТ IV-7), на трех (А I-1 п. 2, А IX-1, КТ I-3) — фрагменты дере-

ванных ножен. Также в деревянных ножнах был массивный «кинжаловидный» предмет со сравнительно длинной рукоятью и загибающимся в одну сторону навершием (курган А IX-1). Преимущественное местоположение ножей в погребениях — на поясе человека, справа (А IX-1, КТ I-3, КТ IV-1) или слева от погребенного (А I-1 п. 2, А I-3, А VIII-2, КТ IV-2, КТ IV-7). Лишь в одном случае (курган А I-4) нож был обнаружен слева у головы погребенного, что, однако, не является необычным для древнетюркских памятников (Кызласов, 1969. С. 21).

В двух курганах (А IX-1 и КТ I-3) найдены пальштабовидные топоры-тесла (Табл. XIX, 30; XXIII, 32). Оба предмета тождественны и имеют, как и ножи, много параллелей в соответствующих погребениях Тувы и близлежащих территорий Саяно-Алтая. Для заточки режущих инструментов в данном районе пользовались оселками без отверстий, распространенными и за пределами Тувы (Вайнштейн, 1966а. С. 321; Гаврилова, 1965. С. 37, табл. XIX, 9). Один такой оселок, находившийся в небольшой кожаной сумочке, обнаружен в кургане А IX-1 (Табл. XIX, 32).

В этом же кургане найден прибор для добывания огня сверлением (Табл. XIX, 14–19), аналогичный прибору, восстановленному С. И. Вайнштейном (1966а. С. 321–323) по отдельным частям, найденным в могильнике Кокэль. Как и там, имеются дощечка для высверливания лунок, деревянное сверло и часть деревянного стержня-«веретена», в которое вставлялось сверло при работе. Кроме того, в кургане А IX-1 сохранилось во фрагментах деревянное лучко, с помощью которого вращалось «веретено». Некоторые отличия аргалыктынского прибора заключаются лишь в том, что нижний конец его «веретена» не расширялся, а закреплялся в роговой обойме (Табл. XIX, 17), делавшей эту рабочую часть прибора более прочной и легко заменяемой при поломке «веретена». Функцию накладки-упора для прижимания «веретена» сверху при сверлении выполняла, очевидно, угловатая деревянная палочка, к сожалению, плохо сохранившаяся (Табл. XIX, 19). Предположение С. И. Вайнштейна (1966а. С. 321), что для этой роли могли использоваться не только специальные деревянные накладки-упоры в виде кружков с углубленной ямкой в центре и ручкой сбоку, но и костяные проколки, по форме аналогичные нашей палочке (С. И. Вайнштейн, 1966а. Табл. IV, 5; VII, 9; Гаврилова, 1965. С. 37, табл. XII), не лишено оснований, если принять во внимание тождественную поделку из кургана А I-1 п. 2. Это роговая поделка (Табл. V, 14), квалифицируемая нами по этнографическим параллелям как предмет для развязывания узлов, обнаружена вместе с дощечкой для высверливания лунок (Табл. V, 17). Дощечки для высверливания из курганов А I-1 и А IX-1 несколько отличаются одна от другой, но эти отличия были несущественны при функциональном использовании предметов.

При почти полном отсутствии керамики в древнетюркских погребениях с конем в Туве особое значение приобретают находки в них деревянной посуды, наиболее представительная серия которой была получена при раскопках

могильника Кокэль (Вайнштейн, 1966а. С. 325, табл. I; IV–VII). Сейчас она может быть дополнена еще тремя сосудами, происходящими из трех наших погребений. В двух из них (курган А I–1 п. 1 и 2) сохранились небольшие, очевидно притороченные к седлу чашки в форме ковшей с ручками, а в третьем (курган А IX–1) — низкое блюдо в виде плошки, помещенное с положенным на него курдюком овцы за голову человека.

Из бытовых вещей специального внимания заслуживают орнаментированные предметы. Среди них очень любопытна уже упоминавшаяся поделка для развязывания узлов (Табл. V, 14), концы которой оформлены крайне стилизованными, но весьма выразительными мордами хищного зверя, по-видимому, волка. Хотя в довольно значительной серии древнетюркских художественных изделий, передающих изображения животных, она и находит некоторые сюжетные аналогии (например, рукоять плетки Ак-кюна — Евтюхова и Киселев, 1941. С. 106, рис. 42), но ни с одним из них по манере исполнения непосредственно не связана. Эту поделку характеризуют схематизм и лаконичность в трактовке образа в отличие от часто перегруженных и сильно усложненных орнаментально-растительными мотивами произведений оригинального «звериного стиля» VI–IX вв. н. э.

Из вещей, украшенных геометрическим и растительным узором, необходимо отметить прежде всего костяной предмет не совсем ясного назначения (возможно, рукоять плети), происходящий из кургана А IX–1 (Табл. XIX, 28). На нем представлены сразу три вида орнамента: вариант так называемой «плетенки» — вокруг верхней половины втулок, циркульный орнамент — вокруг нижней их половины и стилизованная виноградная лоза — поверх средней части изделия с обеих его боковых сторон. Из них наиболее интересны такие растительные мотивы, как «плетенка» и виноградная лоза, получившие, особенно последний, широкое применение в прикладном искусстве древнетюркского времени.

Остатки одежды зафиксированы в двух погребениях (А I–1 п. 1 и КТ I–3). В обоих случаях это были куски китайской шелковой ткани различных оттенков, окраски преимущественно золотисто-желтого цвета. Среди них наибольший интерес представляет фрагмент сумочки (?) с тесемками для подвешивания и завязывания и почти целиком сохранившийся обшлаг рукава кафтана или халата, покрытый сложным узором (курган А I–1 п. 1). Аналогичным образом орнаментированные ткани хорошо датированы VII–VIII вв. (Захаров, 1926. С. 101–104, табл. VI; Боровка, 1927. С. 74, рис. 7, 1; табл. V; Гаврилова, 1965. С. 65).

От наборных поясов, являвшихся необходимой принадлежностью почти каждого древнетюркского воина (Киселев, 1951. С. 532; Вайнштейн, Крюков, 1966. С. 186–187; Кызласов, 1969. С. 22), в погребениях остаются преимущественно их металлические атрибуты: пряжки, бляшки, наконечники ремней, обоймы и т. п. В публикуемых курганах ремни либо исчезли целиком, либо уцелели во фрагментах (А I–1 п. 1, КТ I–3), в то время как поясные наборы в

большинстве случаев сохранились полностью. Они известны из шести погребений и представлены исключительно бронзовыми (А I–1 п. 1, А I–4) или железными (А I–5, А IX–1, КТ IV–7) изделиями, так и теми и другими вместе на одном поясе (КТ I–3). В трех погребениях (А I–1 п. 1, А I–4, КТ IV–7) наборы исчисляются незначительным количеством вещей (три или четыре бляшки, пряжка, наконечник ремня), причем в первом из них пряжка и наконечник ремня отсутствуют; в трех же других (А I–5, А IX–1, КТ I–3) состоят из сравнительно большого числа предметов. Два последних набора сопровождаются, помимо накладных бляшек, поясной пряжки и наконечника ремня, еще и фигурными подвесками, а также кожаными сумочками, в которых находились бытовые вещи: оселок (А IX–1), кресало с кремнями и трутом, монета (КТ I–3). Типологическая характеристика поясов основана на анализе составных частей поясных наборов. Этот анализ позволяет различать три разновидности данной категории инвентаря.

Первая разновидность представлена поясами, происходящими из курганов А I–4 (Табл. X, 12), А I–5 (Табл. XIII, 21–23) и КТ IV–7 (Табл. XXVII, 12), наборы которых в типологическом отношении ничем существенным не отличаются один от другого. Формы большинства бляшек у них тождественны: это два широко распространенных типа: полукруглые (со «срезанным» низом) и прямоугольные. Все они с гладкой неорнаментированной поверхностью и прорезью в нижней части. Пропускавшиеся через них подвесные ремешки, не снабженные никакими декоративными элементами, были предназначены, очевидно, для крепления колчана и, по-видимому, ножа (А I–5, КТ IV–7). Это подтверждается и небольшим количеством бляшек-оправ, и отсутствием среди принадлежностей человеческого убранства каких-либо других предметов, подвешивавшихся к поясу. Пряжки для застегивания ремня и наконечники во всех трех наборах также тождественны: пряжки — с двойным подвижным удлиненным и закругленным на конце щитком, язычком и овальной рамкой; наконечники по форме аналогичны щитку пряжки. Подобная разновидность наборного пояса, все детали которого представлены самыми стандартными типами вещей, получила повсеместное распространение в древнетюркской среде.

Наборный пояс другого вида происходит из кургана А I–1 (Табл. III, 19, 20). Хотя он и фрагментарен, но определенное представление о нем получить можно. Главная особенность этого пояса, отличающая его от предыдущих, в наличии не простых, а фигурных бляшек-оправ и подвесных ремешков, один из которых украшен небольшим наконечником. Несмотря на то, что бляшки подобного типа (полукруглые, с фестончатым краем) известны в Туве (Грач, 1966б. С. 98, рис. 19; 1968а. С. 110, рис. 50, 14), в Хакасии (Теплоухов, 1929. Табл. II, 37), в Средней Азии (Шер, 1961. С. 281, рис. 2, 1), форма их весьма оригинальна, декоративна и вряд ли они являлись такой же стандартной, всем доступной вещью, какой были, например, полукруглые или прямоугольные бляхи. О количестве блях на поясе из кургана А I–1 п. 1 судить невозможно, но обращает на себя внимание, что в составе сохранившегося набора, проис-

ходящего из одного из разграбленных погребений с конем в Туве (Грач, 1966б. С. 98, рис. 19), было точно такое их число. Автор раскопок кургана БТ-59-1 датирует его по китайской монете и тканям серединой VIII в. (Там же. С. 98).

Третья разновидность поясов представлена наборами из курганов А IX-1 (Табл. XIX, 22-27) и КТ I-3 (Табл. XXIII, 17-22, 26-29). Основная их особенность — в наличии значительно большего числа блях, формы которых разнообразны, и фигурных подвесок. Помимо этого, некоторые бляшки и пряжки кара-тальского пояса орнаментированы. Бляхи в обоих наборах делятся на две группы: бляхи-оправы для подвесных ремешков и накладные декоративные. Бляхи-оправы тех же типов, что и на поясах первого вида: полукруглые и прямоугольные (двойные и ординарные) с прорезью в нижней части. В аргалык-тынском наборе они с гладкой поверхностью, в кара-тальском, судя по двум сохранившимся образцам, — с орнаментированной. Орнамент растительный, очень схематичный, покрывает всю лицевую сторону изделия. Гравировка выполнена по фону из мелких кружков, заполняющих все пространство бляшки. Декоративные бляшки на поясах различны: на одном (А IX-1) бляшка пирамидальной формы (Табл. XIX, 25), на другом (КТ I-3) железные фигурные бляшки оригинального вида с бронзовыми полушарными выпуклостями на лицевой поверхности, служившими одновременно головками железных же заклепок (Табл. XXIII, 17).

Особый интерес представляют фигурные подвески к обоим поясам. Формы их почти тождественны, несмотря на то, что изготовлены они из разных материалов: подвеска из кургана А IX-1 (Табл. XIX, 27) вырезана из рога, подвеска из кургана КТ I-3 (Табл. XXIII, 26) отлита в бронзе. Характерные особенности этих предметов: наличие круглого отверстия в прямоугольной головке, оформление средней части-«тулова» в виде кольца, сравнительно длинный прямой стержень окончания. Ближайшие аналогии им среди тех же по назначению поделок обнаруживаются в однотипных с публикуемыми погребениях Тувы и Казахстана (Вайнштейн, 1966а. Табл. II, 7; Арсланова, 1969. С. 44, рис. 1, 1), причем также в роге и бронзе. Близки нашим экземплярам подвески двух алтайских поясов (Евтюхова и Киселев, 1941. С. 104, табл. II, А, Б), но их стержни заканчиваются схематичными цветковидными фигурами. Еще более декоративно окончание костяной подвески, происходящей из одного из древнетюркских погребений с конем в Семиречье (Максимова, 1968. С. 152, рис. 1). Данные фигурные подвески имеют определенное сходство с так называемыми «лировидными» подвесками, широко представленными в раннесредневековых памятниках Южной Сибири и сопредельных территорий. Однако от металлических «лировидных» подвесок, обнаруженных в Туве, они существенно отличаются.

Из других вещей краткого упоминания заслуживают бронзовые серьги, происходящие из трех курганов: А I-3 — два экземпляра (Табл. VIII, 9, 10), А I-4 — один (Табл. X, 7) и А I-5 — тоже два (Табл. XIII, 16, 17). Четыре серьги свернуты из тонкой проволоки, все фрагментарны; три из них

(Табл. VIII, 9, 10; X, 7) однотипны: прямоугольной формы с биконической напайкой внизу и небольшим «отростком» сверху сбоку; четвертая (Табл. XIII, 16) отличается от указанных наличием внизу не напайки, а небольшого штырька. Серьги такого облика широко представлены в древнетюркских памятниках, но узкой даты не имеют. Несколько своеобразен пятый экземпляр (Табл. XIII, 17) — серьга в виде колечка из толстой проволоки, но хронологические рамки и этого типа изделий весьма значительны. Ближайшая аналогия подобной серьге находится в одном из алтайских курганов (Евтюхова и Киселев, 1941. С. 108, рис. 51).

Б. Принадлежности конского убора

Почти все лошади, сопровождавшие погребенных, были помещены в могилы заседланными и взнузданными. Однако количество и сохранность даже необходимо полагающихся при упряжи того времени утилитарных вещей далеко не во всех памятниках одинаковы. Как правило, полностью исчезли изделия из мягких материалов (уздечные, подпружные, потфейные и другие ремни, седельные принадлежности и т. д.). Не всегда в удовлетворительном состоянии находятся металлические, роговые, деревянные предметы. Тем не менее, и сохранившийся инвентарь позволяет выяснить целый ряд связанных с данной областью вопросов древнетюркской материальной культуры и быта.

Прежде всего, следует отметить случаи обнаружения в курганах деревянных основ седел, очень редко встречающихся не только в памятниках этого типа в Туве и на сопредельной территории, но и вообще в позднекочевнических могилах Евразии. Остатки седел зафиксированы в пяти погребениях: курган А I–1 п. 1, 2; курган А I–5, А VIII–2 и А IX–1. Четыре седла (курганы А I–1 п. 1 — одно, А VIII–2 — одно, А IX–1 — два седла при обеих лошадях) уцелели настолько, что в основном поддаются реконструкции. По принципу устройства и всем сохранившимся деталям они сходны с седлами из западнотувинского могильника Кокэль, раскопанного С. И. Вайнштейном. Типологически они также находят место в классификации древнетюркских седел, разработанной тем же исследователем (Вайнштейн, 1966. С. 68, рис. 7). Седла из кургана А IX–1 тождественны одно другому и в целом повторяют форму седел первого, наиболее раннего, типа, датируемого С. И. Вайнштейном VI–VII вв. н. э. Точно такого же типа седло находилось в кургане А VIII–2, о чем можно судить по достаточно хорошо сохранившейся одной полке ленчика (без лопастей в нижней части) и задней луке без «арочного» выреза. В значительно лучшем состоянии седло из кургана А I–1 п. 2. По формам высокой передней луки и широкой задней (с «арочным» вырезом) оно может быть сопоставлено с аналогичными изделиями второго и третьего типов, по классификации С. И. Вайнштейна. Те и другие датированы им VII–VIII вв. н. э.

Почти все седла, обнаруженные в погребениях, сопровождались стремянами. Наличие стремян, а также других принадлежностей седельного снаряжения (подпружные пряжки и пр.) не оставляют никакого сомнения в том, что и в тех курганах, в которых не зафиксировано деревянных остатков основ се-

дел, последние также существовали. Обычно стремян пара, но в одном случае (курган А VIII–2) при фрагментах основы седла было найдено лишь одно стремя. Также по одному стремени оказалось в кургане А I–4 и почти во всех кара-таьских погребениях. Объяснить столь распространенный факт наличия одного стремени вместо двух, что являлось бы вполне естественным и практически необходимым, трудно без специального изучения вопроса. Очевидно, однако, что он не вызван причинами половозрастного характера, так как зафиксирован в погребениях и ребенка (А VIII–2), и женщин (КТ IV–1, КТ IV–2), и мужчин (Вайнштейн, 1966а. С. 303; Максимова, 1968. С. 149). Вряд ли он связан и с особенностями погребального обряда. Трудно допустить также мысль, что этот момент обусловлен фактором социального или имущественного порядка. Не отражает ли это косвенным образом определенной тенденции в развитии вида и устройства основы седла, с которым стремя функционально связано? Любопытно, что в могильнике Кокэль одно стремя было обнаружено лишь в кургане 23, в котором имелось два седла и оба раннего типа (Вайнштейн, 1966а. С. 303). То же самое сочетание, но при одной лошади и в кургане А VIII–2. Вполне вероятно, что этот факт является свидетельством длительного сохранения древнего обычая изготовления «подножки» (приспособления для посадки в мягкое седло с одной стороны коня) и перенесения его на седла нового типа (с твердым остовом и металлическими стремянами).

Что касается формальной типологии этих предметов, то почти все стремяна одного, широко распространенного у позднекочевнических племен Евразии типа, терминологически обозначаемого разными исследователями по-разному. Наиболее конкретным и удобным нам представляется определение этого рода изделий как стремяна с петельчатым ушком. Комплекс признаков, характеризующих серию подобного типа стремян, довольно устойчив. Подножие их, как правило, округлое, слегка расширенное, с заваленными вниз краями. Образцы с уплощенным подножием редки (А I–1 п. 1, А I–3, А VIII–2). Нет ни одного стремени с широким подножием. На одном из этих предметов (Табл. XIV, 15) подножие образовано находящимися один на другой концами. Дужки стремян в большинстве округлой формы, подпрямоугольно-квадратные или округло-овальные в сечении. На кара-таьских изделиях они изготовлены из тонких прутков, на аргалыктынских — из более толстых. Петли для путлища ремня либо высокие, либо низкие, как бы приплюснутые. Формы их в большинстве своем подтреугольные. Имеются стремяна и других типов, но в единственном числе. Стремя из кургана А I–4 (Табл. X, 20) — с трапецевидным пластинчатым ушком без шейки, в котором проделана узкая прорезь для ремня. Стремя из кургана А IX–1 (Табл. XX, 8) — с петельчатым полукруглым ушком на шейке. Дужки обоих изделий округлые (у последнего очень массивная), овальные в сечении. Подножия очень узкие, у одного (А IX–1) совершенно плоское. Параллелей основному в нашей серии типу стремян — с петельчатым ушком — имеется множество и на очень широкой территории — от Центральной Европы до Дальнего Востока. Чаще всего подобные стремяна

встречаются (применительно к Азии) в областях Саяно-Алтайского нагорья. Хронологический диапазон их существования охватывает несколько столетий — от VI до XI вв. н. э.

Подпружные пряжки — вторая основная по серийности категория предметов, обычно сохраняющихся от седельного основания в позднековечнических погребениях с конем. Среди публикуемых здесь памятников они представлены почти в каждом комплексе либо роговыми, либо железными, либо теми и другими вместе. Чаще всего это роговые пряжки, по одной в могиле (КТ IV–1, КТ IV–7) или по две (А I–1 п. 1, А VIII–2), реже железные — также по одной А I–5) или по две (А I–3). В двух случаях одной роговой пряжке сопутствовала одна железная (А I–4, КТ I–3), в одном — две железных (А IX–1). Несколько необычен факт находки двух роговых и двух железных пряжек в одном погребении (А I–1 п. 2). Это, однако, вряд ли свидетельствует, что седло, по обе стороны которого они обнаружены, крепилось не двумя, а большим количеством подпруг.

К седельному снаряжению относится и часть обнаруженных в курганах (А I–1 п. 1, п. 2; А I–5; А VIII–1; А IX–1; КТ IV–7) роговых застёжек. Обычно эти предметы называют застёжками от пут, по аналогии с известными в этнографии поделками подобного назначения, а также потому, что обычное их местонахождение в древнетюркских погребениях с конем у ног лошади. Не исключено, однако, что ими пользовались и для других целей, например, как застёжками для приторачивания к седлу различных бытовых предметов. Об этом неоднократно упоминалось в литературе, а случаи обнаружения застёжек у седел в наших погребениях еще раз подтверждают последнее предположение (Кызласов, 1969. С. 20; Вайнштейн, 1966а. С. 326; Левашова, 1952. С. 134).

Примечательно, что в двух курганах, где они были зафиксированы или на месте седла (КТ IV–7), или в непосредственной близости от него (А IX–1), застёжки найдены в единственном числе. Имеются случаи, когда в одном экземпляре эта поделка находится и у ног лошади (А VIII–2), но обычно, если ими пользовались как застёжками от пут, находят два или три экземпляра. По три штуки встречено и в трех наших погребениях (А I–1 п. 1, п. 2; А I–5), что свидетельствует о стреноживании лошадей (Гаврилова, 1965 С. 35).

Уздечный набор — второй (вслед за седельным снаряжением) значительный комплекс вещей, составляющий сбруйные принадлежности в древнетюркских погребениях с конем. Иногда он представлен большим количеством находок, включающих и сохранившиеся части ремней, и украшавшие их фигурные бляшки, и уздечные пряжки (Руденко и Глухов, 1927. С. 46), но обычно исчерпывается лишь удилами и псалиями. Так и в наших памятниках удила встречены в каждом погребении, куда лошадь была положена взнузданной, в то время как уздечные ремни, нередко, очевидно, снабженные декоративными бляшками (как, например, в курганах А I–4 и А IX–1), пряжки и другие атрибуты узды исчезли почти полностью.

Все публикуемые здесь удила относятся к типу двусоставных однокольчатых, широко известных в инвентаре позднекочевнических погребений Евразии. Большинство их снабжено стержневыми металлическими псалями, помещенными во внешнее кольцо каждого звена удила, но имеются удила и без псалий (курганы А I–5, А IX–1, КТ I–3, КТ IV–1) и удила только с одним псалием в кольце одного из звеньев удила (КТ IV–2). В двух случаях удила без псалий обнаружены у вторых, запасных лошадей, тогда как у основных они были с псалями. В одном — при двух лошадях с остатками сбруи на обеих — удила без псалий зафиксированы лишь при одной лошади (у второй их нет совсем). Отсутствие псалий вряд ли свидетельствует о том, что последние были роговыми или деревянными и истлели, как это объясняется некоторыми исследователями (Гаврилова, 1965. С. 32), поскольку в тех же погребениях (например, А IX–1) встречены многие другие вещи из подобных материалов. У некоторых удила во внешние кольца вместе с псалями вставлено по одному дополнительному кольцу для поводка, что не исключает наличия таких же колец в других однотипных удилах из наших погребений, сохранившихся недостаточно хорошо.

Имеющиеся псалии разнообразны, несмотря на незначительное их количество. Преимущественно это эсовидные стержни со слегка загибающимися в противоположные стороны концами. У некоторых образцов загнут лишь один конец, а второй либо расплюсчен в виде лопаточки, либо «срезан». Загибающиеся концы псалий чаще всего простые и никак не оформлены, но в некоторых случаях они слегка раскованы, иногда отдаленно напоминая «сапожок», в некоторых заострены, а на отдельных образцах усложнены либо шишковидными утолщениями, либо фигурами, которые вполне сопоставимы с очень схематичными зооморфными изображениями (на псалии из кургана А I–4, возможно, передана голова барана, на псалях из кургана А IX–1 — какие-то клювовидные головки). В этом нас убеждает не только обрамление к уже известным аналогичным экземплярам, происходящим из древнетюркских погребений Южной Сибири (Евтюхова, 1948. С. 24, рис. 29), но и сопоставление их с единственными публикуемыми здесь роговыми псалями, концы которых, несомненно, зооморфизированы. Сочетание различных по форме окончаний, наблюдаемое и на собственно эсовидных псалях, свидетельствует, скорее всего, о проявлении индивидуального вкуса изготовителей, чем о каких-либо закономерностях в типологическом изменении этих предметов.

Основанием для разграничения псалий может служить, в первую очередь, такая существенная особенность их устройства как способ скрепления с удилами. Именно с этой важной деталью связано изменение конструкции удила. По данному признаку наши псалии разбиваются на две группы: 1) псалии двудырчатые, закрепляющиеся в удилах с помощью ремней, пропускавшихся через отверстия и 2) псалии со скобой, в которой помещено кольцо удила и которая не допускает вертикального скольжения стержня псаля. К первой группе относятся металлические псалии двух удила из курганов А IX–1 и КТ IV–7 и, очевидно, сохранившиеся фрагментарно псалии удила из кургана

А I–3, на которых отчетливо заметно одно сквозное отверстие. Сюда же входят и роговые односторонне изогнутые псалии из кургана А VII–2. Ко второй группе принадлежат все остальные псалии. Примечательно, что в первую группу входят два образца псалий с лопаточковидными концами.

Разграничение псалий по такой функционально обусловленной особенности их конструкции, как способ скрепления с удилами, позволяет разделить весь комплекс (удила – псалии) на два типа: 1) однокольчатые удила с роговыми и металлическими двудырчатыми псалиями и 2) однокольчатые удила с металлическими псалиями со скобой. Согласно подробно разработанной периодизации позднекочевнических удил со стержневыми псалиями, сделанной А. А. Гавриловой, наш первый тип — это тип кудыргинский, по А. А. Гавриловой, датирующийся VI–VII вв. н. э.; второй — катандинский, хронологические рамки которого VII–VIII вв. н. э. Более ранняя датировка некоторых удил с псалиями первого типа в данном случае хорошо подтверждается и ценными наблюдениями Л. Р. Кызласова, отметившего, что «односторонне выгнутые двудырчатые» роговые псалии и псалии «железные, с отогнутым верхним концом и лопаточкообразным расширением нижнего» восходят «к ранним формам» (Кызласов, 1969. С. 20): первые близки «псалиям V–VI вв. из Кудыргэ или еще более ранним таштыкским», а вторые, очевидно, сохраняют «традицию лопаточкообразных псалий предшествующей шурмакской культуры» (Там же).

Характерно, что во всей нашей серии ни разу не встречено удил двухкольчатых (с восьмерковидными окончаниями), широко распространенных в памятниках Саяно-Алтая VIII–X вв. и также нередко снабженных эсовидными псалиями со скобой. Как уже установлено (Гаврилова, 1965. С. 81–83), конструкция их принципиально иная в сравнении с удилами и псалиями катандинского типа и, кроме того, большинство псалий на одном из концов имеют четко выраженный «сапожок», а сами удила нередко витые.

Кроме удил с псалиями от уздечного набора в двух курганах (А I–4 и А IX–1) сохранились декоративные наременные металлические бляшки, а в одном из них (А IX–1) и фрагменты ремней узды, на которых были прикреплены эти изделия. Бляшки из кургана А IX–1 двух типов: полушарные, выпуклые и листовидные с прямоугольным выступом сверху; и те и другие неорнаментированные; вторые поделки — с закраинами и плоской лицевой поверхностью. Точных аналогий они не имеют, но последние по очертаниям нижней половины сближаются с более крупными листовидными бляхами-подвесками к нагрудному, потфейному, налобному ремням, обнаруженными в погребениях Хакасии и Монголии (Евтюхова, 1948. С. 54, рис. 92; 1957. С. 209, рис. 5, 2, 3; Левашова, 1952. С. 122, рис. 1–28, 29).

IV. ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

Несмотря на то, что раскопки средневековых погребальных памятников в Туве имеют сравнительно короткую историю (Кызласов, 1969. С. 14), к настоящему времени накоплено большое количество разнообразного материала,

изучение которого показывает его огромное значение в выяснении не только археологических, но и общеисторических вопросов Тувы и сопредельных территорий (Там же. С. 18–207; Савинов, 1984). Вместе с тем дальнейшая разработка данных вопросов, многие из которых остаются дискуссионными, сильно тормозится крайне низкой опубликованностью массового материала, добытого во второй половине 60–80-х годов, в основном в результате работ Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР в Центральной Туве. В полной мере это относится к раннесредневековым погребениям с конем — значительной части позднекочевнических объектов, изученных СТЭАН преимущественно на левом берегу Енисея (Улуг-Хема) и в низовьях Хемчика (Длужневская, Овчинникова, 1980. С. 79–90).

Предлагая вниманию читателей публикацию погребальных памятников — погребений с конем из Центральной Тувы, остановимся на вопросе их датировки. Нами уже высказывалось мнение о датировке аргалыктынских захоронений VII–VIII вв. (как и других, подобных им, в могильниках Кара-Тал I, IV) (Трифонов, 1975. С. 186; 1987. С. 191), однако, в литературе утверждалась и принципиально иная дата — IX–X вв., причем погребение 2 относилось к более ранней группе упомянутых захоронений — группе «первой половины IX в., то есть еще конца уйгурского периода», а погребение 1 — к более поздней, датированной «второй половиной IX–X вв.» (Кызласов, 1979. С. 139).

Последняя хронология лишь частично соответствует ранее выдвинутой ее автором, Л. Р. Кызласовым, периодизации тувинских погребений с конем VI–X вв., в которой, как и в противоположной периодизации А. Д. Грача (1969. С. 50–51), существенное значение придавалось ориентировке погребенных. Совершенно справедливое утверждение о том, что «главное» здесь «заключается в определение времени инвентаря» (Кызласов, 1979. С. 138), теряет свою доказательность благодаря тому, что большинство инвентарных «признаков», на которые опирается Л. Р. Кызласов (вещи тех или иных типов), как, впрочем, и признаки, отражающие собственно погребальный обряд, декларативно объявлены им в качестве «поздних» (Там же. С. 139–140).

Между тем, многие категории содержащихся в аргалыктынских могилах вещей уже получили детальную типологическую и хронологическую разработку в исследованиях специалистов. Вполне очевидно, что сопоставление выясненных этими разработками границ бытования конкретных типов предметов применительно к их аналогиям в публикуемых погребениях будет достаточно объективно свидетельствовать о датировке и самих погребений, и курганного комплекса в целом. Поэтому обратимся к анализу нашего инвентаря, давая попутно более полную, чем вышеприведенная, характеристику как разработанных, так и менее исследованных, но хронологически не менее важных его категорий.

Самой многочисленной инвентарной категорией в исследованных курганах являются стрелы, от которых уцелели мелкие фрагменты деревянных древков в футлярах колчанов и наконечники с остатками роговых шариков, снабженных круглыми отверстиями. Общепринято, что шарики принадлежали

стрелам-свистункам, упоминаемым в летописных источниках; округлость же их отверстий справедливо считается особенно характерной для свистунок IV–VIII вв., подобных хуннским (Гаврилова, 1965. С. 88).

Среди наконечников А I–I п. 1 обнаружена такая же полая, как шарики, роговая поделка, близкая им по общей форме, но более узкая и без отверстий. Очевидно, она также была предназначена (но почему-то не использована) для напуска на торцовую часть древка, соединяющуюся с наконечником, и функционально могла служить только укрепляющей муфтой одного из них, тогда как вышеотмеченные шарики при полете стрелы выполняли еще и роль свистков (Худяков, 1986. С. 150). Аналогичные муфты известны в разнотипно-разновременных памятниках Саяно-Алтая VI–X вв. (Нечаева 1966. С. 129, прим. 83–85), однако наиболее сходны с нашей образцы (из опубликованных), зафиксированные в хронологически близком аргалыктынскому погребению из Наинтэ-Суме (Боровка, 1927. Табл. IV, 6–8).

Сохранность наконечников оставляет желать лучшего, в результате чего их принадлежность к тому или иному типу и даже группе, определяемым нами вслед за Ю. С. Худяковым (1980. С. 79) соответственно по форме и сечению пера, устанавливается не всегда бесспорно. Если придерживаться весьма обобщенного разделения на типы, хотя бы тех классификаций указанного автора, в которые вошли тувинские материалы VI–XII вв. (Там же. С. 79–109; 1986. С. 143–148, 161–162), то некоторые наши наконечники, безусловно, относятся к удлинненно-шестиугольным, имеющим в частности остроугольную вершину и практически вертикальные (параллельные осевому стержню) боковые отрезки сторон пера (Худяков, 1979. С. 184, 189). Территориально и хронологически такие наконечники были широко распространены у тюркоязычных племен в VI–X вв. (Худяков, 1980. Табл. 9, 10; 1983. Рис. 4, 8; 1986. Рис. 65, 71, 84, 92).

К другой разновидности шестиугольных относятся два крупных наконечника с большими отверстиями в лопастьях. Морфологически они отличаются от предыдущих тупоугольностью вершины, вогнутостью плечиков и, главное, иной пропорциональностью пера (длина его не превышает ширины). Последнее заставляет считать их не удлинненно-, а расширенно-шестиугольными (Худяков, 1980. С. 79, 80, табл. XX, 3), ближайшими по времени прототипами которых могут служить некоторые кудыргинские образцы (Гаврилова, 1965. Табл. VIII, 9; XXII, 4). Из прямых аналогий известны только две: в горноалтайском могильнике Талдура I (курган 2 — Могильников, Елин, 1983. С. 145, рис. 8, 7) и в тувинском Аймырлыге I (группа VIII, курган 52 — раскопки 1971 г. А. М. Мандельштама). Горноалтайский комплекс датирован «второй половиной VII — первой половиной IX в.» (Могильников, Елин, 1983. С. 137), но в нем, как и в аймырлыгском, нет вещей, появление которых в Саяно-Алтае бесспорно связывалось бы уже с IX в. (Там же. Рис. 5–8). Этот комплекс содержит, в основном, архаичные вещи: удила катандинского типа, блок от чумбура, очень сходный с кудыргинским (Гаврилова, 1965. Табл. XXII, 11 и др.).

По характеру наклона лопастей с этим вариантом шестиугольных сближаются три наконечника из соседнего погребения, но в целом они относятся к наконечникам совершенно иного типа (с лопастями, плавно расширяющимися к основанию), представленному в нашей серии тремя другими экземплярами из погребения 2 и, очевидно, двумя из погребения А I–1 п. 1. В классификациях Ю. С. Худякова подобные изделия в специальный тип не выделяются, а включены обычно в ассиметрично-ромбические, удлиненно-ромбические (Худяков, 1980. Табл. XXIV, 4–6; 1986. С. 143, 144, рис. 64, 7). Между тем, наконечники этой формы давно и закономерно обособлялись исследователями (например, Кызласов, 1969. С. 21 — «с листовидными плавными лопастями»; Овчинникова, 1981. С. 135, рис. 1, 12 — «с узкими дуговидными лопастями»).

Не вдаваясь в излишнюю детализацию, отметим, что прямые параллели нашим наконечникам находятся не только в относительно поздних древнетюркских памятниках (VIII–X вв.), но и в безусловно им предшествующих (Гаврилова, 1965. Табл. VIII, 1; XI, 10; XXII, 3; В. А. Грач, 1982. С. 157, рис. 2, 1), что в совокупности с вышеприведенными данными не противоречит предложенной нами ранее датировке публикуемых курганов VII–VIII вв., точнее — не исключает ее, поскольку все рассмотренные типы этой категории инвентаря были широко распространены в Саяно-Алтае в период Тюркских каганатов.

Не исключают эту датировку и колчаны с «открытым карманом», тип которых отдельными исследователями неоправданно относился лишь ко времени с VIII в. (Вайнштейн, 1966а. С. 324; Овчинникова, 1981. С. 136–137; Худяков, 1979. С. 199) или даже с IX в. (Худяков, 1980. С. 133, 177; 1981. С. 129). Однако такие колчаны имеют прямую параллель с колчаном, изображенным на кудыргинском валуне (VI–VII вв.) (Гаврилова, 1965. С. 19–20, табл. VI, 2) и особенно с колчаном, воспроизведенным на одном из барельефов гробницы китайского императора Тай Цзуна (637 г.) (Вайнштейн, 1966а. С. 69, рис. 3).

Не противоречат нашей датировке и накладки на лук, зафиксированные в погребениях. На саяно-алтайском материале еще А. А. Гаврилова выделяла «луки без концевых накладок, только с накладками срединными» в особую (третью) стадию их развития, характерную для могил катандинского (VII–VIII вв.) и сrostкинско-го (конец VIII–IX вв.) типов ее периодизации (Гаврилова, 1965. С. 87). Примечательно, что такие же большие срединные накладки, как публикуемые, принадлежат у нее лукам катандинским, от которых «сrostкинские... отличаются меньшими размерами накладок» (Там же. С. 88). В дальнейшем исследователи, обращаясь к подобным лукам, особое внимание уделяли не размерам накладок, а наличию среди них накладки фронтальной. Именно отсутствие на луках «лопаточкообразной передней вставки» (безотнositельно, были ли на них концевые накладки или нет) является, по Л. Р. Кызласову, отличительной чертой луков «тюркского типа», широко распространяющихся с VI в. (Кызласов, 1969. С. 21, 78, 109). По Д. Г. Савинову, луки только с парой боковых срединных накладок, начинают бытовать с VII–VIII вв. (Савинов, 1981. С. 148–149). Так или иначе, по существующим типо-

логиям, нижняя дата для нашего «тюркского» лука из кенотафа — не позже VII в., а «уйгурского» из соседнего погребения — не позже середины VIII в. (Кызласов, 1979. С. 139). Аналогичные даты приводятся и в классификациях «древнетюркских луков» по Ю. С. Худякову, четко разграничившего все их разновидности «по количеству и месту расположения накладок» (Худяков, 1986. С. 139–143, рис. 63). Учтены им и публикуемые экземпляры: лук из погребения 1 отнесен к типу 7, появляющемуся в Саяно-Алтае в VII в., из погребения 2 — к типу 6, применявшемуся «тюрками, уйгурами и другими кочевниками» с VIII в. (Там же. С. 141, 208).

Поясные бляхи-накладки, удачно называемые бляшками с «фестончатым краем» (Распопова, 1965. С. 80, 82) или «портальной формы с вырезным внешним краем» (Савинов, 1982. М, 116), широко распространяются в Евразии по крайней мере с начала VIII в., когда «на рубеже VII–VIII вв. повсеместно отмечается смена типов и орнаментации поясных украшений» (Добжанский, 1984. С. 10). В подтверждение этого среди надежно датированных аналогий достаточно привести среднеазиатские (первая четверть VIII в.) (Распопова, 1980. С. 89–90, рис. 63, 10, 11) и прикамские (VII – первая половина VIII вв.) (Генинг, 1979. С. 101, 102; Голдина, 1979. С. 80–83). Из тувинских материалов ближайшие параллели нашим «фестончатым» бляшкам (и территориально, и типологически) содержатся в одном из курганов енисейского могильника Аймырлыг III, отнесенном автором его публикации «ко второй половине VIII–IX вв.» (Овчинникова, 1982. С. 213, 216). Близки к ним и поделки из курганов в долине Хемчика: как двух кокзельских (Кокзель, курганы 22, 23), датированных А. К. Амброзом тем же временем (Амброз, 1971. С. 127; Вайнштейн, 1966а. Табл. V, 6–8; VI, 12), так и других верхнехемчикских, раскопанных А. Д. Грачом. В составе находок одного из них имелась китайская монета выпуска 713–741 гг. (Грач, 1966. С. 96, 99, 107, рис. 22). Таким образом, и для Тувы VIII век можно считать периодом повсеместного распространения блях с фестончатым краем.

Деревянные основы седел из раскопанных погребений сохранились плохо, но о первоначальном облике, судя по одному из них, все же можно получить достаточно полное представление. Все четыре детали основы (передняя и задняя луки, полки ленчика) были цельными. Луки седла дугообразны, с неглубокими вырезами посередине (у задней он более отчетлив). Обе слегка асимметричны: у передней луки особенно нетождественны края вершины (один пологий, другой уступчатый), у задней — изгибы ее половин (левая круче правой). У обеих полков заметно заглублены нижние половины передних частей, причем, по крайней мере, у одной из них (левой) заглубление сопровождалось коротким выступом спереди, предназначенным для упора на него соответствующего торца луки. На этой же полке имеется небольшой и плавный вырез снизу сбоку задней части, намечающий и с этой стороны лопасть, образованную передним заглублением.

Установление времени бытования данной разновидности седла особых затруднений не вызывает, несмотря на то, что типологическую принадлежность его модно определять по-разному. Если основываться на изменениях

формы только передней луки, как предложила А. А. Гаврилова, то, по ее периодизации, такие седла следует поместить между первой и второй стадиями развития позднекочевнических седел (рубеж VII–VIII вв.), так как у его луки, в целом еще очень сходной с реконструируемой кудыргинской из могилы 9, в отличие от последней уже обозначена, хотя и нечетко, «выемка в нижней части» (Гаврилова, 1965. Рис. 71, 1, с. 85).

Если же учитывать особенности формы всех деталей основы, как это сделано С. И. Вайнштейном, то ближайшие аналогии публикуемому седлу находятся в двух курганах западнотувинского могильника Кокэль (№ 2 и 22) (Вайнштейн, 1966а. С. 327, рис. 40, табл. X, 1, 3; XI, 1, 2), седла из которых отнесены исследователем к разным типам (третий и четвертый) и периодам (VII–VIII, VIII–IX вв.) его поэтапно-эволюционной схемы развития «форм седла в VI–X вв.» (Вайнштейн, 1966. Рис. 7, 8–10, 12, 13). К разным типам и хронологическим горизонтам (VIII–IX, IX–X вв.) отнесены они и Л. Р. Кызласовым (1979. С. 136–138, рис. 96, 13, 16). На наш взгляд, это изделия одного типа (третьего, по С. И. Вайнштейну), характеризующиеся трапецевидной передней лукой, низко дугообразной задней и полками с широкими лопастями, образованными «глубоким вырезом в передней нижней части и небольшим овальным... в задней» (Вайнштейн, 1966. С. 68).

Существенным хронологическим показателем седел данного типа служат полки со специфически очерченными лопастями, известные в таком оформлении, как отметил А. К. Амброз, еще на вэйском седле с обеими вертикальными луками (рельеф 554 г.) (Амброз, 1973. С. 85, рис. 2, 15), а позднее — на раннетанском (рельеф 637 г.), уже снабженном, подобно всем вышеупомянутым, вертикальной передней лукой и наклонной задней (Там же. Рис. 2, 22; Вайнштейн, 1966. Рис. 3). Конструктивно, по А. К. Амброзу, это «новое седло», широко распространившееся «в VII в. в кочевом мире»: оно имеет различные формы передних луков, в частности, трапецевидные, как на кокэльских, или дуговидную (аргалыктынские), и разные формы полков, в том числе без лопастей, как на седле из кургана 23 могильника Кокэль. С последним наше седло сближается по совершенно аналогичной задней луке и слабой врезанности задней части полки, что лишний раз подтверждает устанавливаемую по всем приведенным признакам его датировку (шире — датировку этой разновидности седел) в пределах VII–VIII вв.

Стремена, находящиеся при остатках седел в публикуемых погребениях, относятся к одному повсеместно распространенному в степной Евразии типу стремян, которые чаще всего называют восьмеркообразными (Там же. С. 67; Амброз, 1973. С. 93), или с «петлеобразным ушком» (Гаврилова, 1965. С. 34). Последнее затрудняет датировку комплексов на его основе и не только потому, что он действительно существует на протяжении длительного периода времени, но и потому, что его внутренняя типология и хронология, как и стремян с пластинчатым ушком, «до настоящего времени не разработана» (Савинов, 1984. С. 133). Вместе с тем, исследователями отмечалось, что сравнитель-

но ранние для VI–VIII вв. стремяна «имеют округлый контур» (Могильников, 1981. С. 37), то есть такие признаки, которые характерны для всех наших стремян и многих из однотипных им кудыргинских, в том числе и тех, которые снабжены, как и аргалыктынские, короткой петлей (Гаврилова, 1965. Табл. XII, 10; XV, 10; XXII, 10), — признак, считающийся А. К. Амброзом (1973. С. 93) тоже довольно ранним.

Аналогичные возможности для обоснования датировки погребений имеют содержащиеся в них подпружные пряжки: несмотря на вариантно-типологическое разнообразие этих поделок, более заметное, если учитывать совместно и роговые, и железные, ни одна из них твердо не определяет узких хронологических рамок комплексов (Кызласов, 1979. С. 139). В то же время они и не противоречат датировке последних VII–VIII вв.; скорее, наоборот, подтверждают эту дату, основанием чему служит выявленная исследователями тенденция типологического развития данной категории инвентаря и преимущественного распределения подобных нашим образцов в сравнительно ранних памятниках (Гаврилова, 1965. С. 34, 353; Овчинникова, 1984. С. 14, 15, 17).

Железные бесщитковые пряжки с подвижным язычком, помещенным на одну из сторон прямоугольной или подпрямоугольной рамки, как на соответствующих аргалыктынских экземплярах, широко известны не только в древнетюркских памятниках VI–VIII вв. (см., например, Вайнштейн, 1970. С. 47, 48, рис. 68, 3), но и в предтюркских (Гаврилова, 1965. С. 34–35).

То же самое модно сказать и о роговых пряжках, представленных здесь, если следовать их классификации, намеченной А. А. Гавриловой (1965. С. 34–35) двумя разновидностями: 1) пряжки с округлой головкой и без перегородок между вырезом для язычка и вырезами для ремней в щитке и головке; 2) пряжки со слегка заостренной головкой и с перегородками. Пряжки первой разновидности, особенно характерные для саяно-алтайских могил кудыргинского типа (VI–VII вв.) и собственно кудыргинского могильника (Там же. С. 34, 86), никем позже VIII в. не датированным, зафиксированы теперь в бесспорных памятниках первой половины I тысячелетия (Амброз, с. 126; Ковалевская, 1979. С. 53), хотя и ранее были отмечены для могил берельского типа, отнесенных А. А. Гавриловой к IV–V вв. (Гаврилова, 1965. С. 56, 57, рис. 5. 11). Эта датировка полностью подтверждается современными разработками, что в свою очередь свидетельствует о бытовании в предтюркское время и пряжек второй разновидности. Типологически они более, чем какие-либо иные, связаны с предшествующими раннекочевническими пряжками-блоками без язычка, но с заостренной головкой; на эту взаимосвязь, как и вообще на исходные формы «тюркских» подпружных пряжек, уже обращалось внимание в литературе (Савинов, 1984; Гаврилова, 1965. С. 57). На существование же пряжек второй разновидности в VI–VIII вв. указывают не только их многократные находки в погребениях этого периода, но и случаи их изображения на синхронных изваяниях (Евтюхова, 1952. С. 85, рис. 22, 1).

Аргалыктынские удила, об облике которых можно получить представление по экземпляру из погребения А I–2, имеют более узкую классификационно-временную идентификацию. Морфологически это двусоставные однокольчатые удила с гладкими стержнями звеньев и эсовидными псалиями с петьчатой скобой. Подобные образцы отнесены А. А. Гавриловой к удилам катандинского типа и помещены в VII–VIII вв. — период, соответствующий второй стадии ее периодизации позднекочевнических удил со стержневыми псалиями (Гаврилова, 1965. С. 80, табл. XXXI, 58, рис. 16, 3). Некоторые исследователи диапазон бытования таких удил в Саяно-Алтае расширяют до IX–X вв., что не лишено оснований (Могильников, 1981. С. 43, 45, рис. 24, 4; 27, 62; Овчинникова, 1984. С. 19, 20), однако никто не оспаривает их первоначального распространения здесь в предшествующие два столетия. Таким образом, и эта категория аргалыктынского инвентаря подтверждает предложенную нами датировку. Не исключают ее и оставшиеся неохарактеризованными изделия: одни из них (нож с двусторонним уступом, дощечка от прибора для добывания огня) обычны среди находок из погребений с конем VII–VIII вв.; другие (застежки от пут, поясная бесщитковая пряжка) существуют в практически неизменных формах на протяжении длительного периода времени, включая VI–X вв.; третьи (ковши) столь редки, что не находят прямых аналогий в близлежащих древнетюркских памятниках.

Среди бытовых изделий, связанных с человеком, заслуживает внимания одна роговая поделка, функционально служившая приспособлением для развязывания узлов (проколкой, расширителем отверстий в мягком материале и т. п.). По своему художественному оформлению она уникальна: на трех ее концах крайне схематично, но вполне узнаваемо передана голова волка с оскаленной пастью. Особенно выразительна гравировка на верхнем конце предмета, около шаровидного завершения с взаимоперпендикулярными отверстиями в нем (для пропускания подвесного ремешка): на лицевой стороне обозначены ноздри (два точечных углубления), глаза (миндалевидные врезки), уши (линейные завитки), на тыльной — нижняя челюсть (ломаные линии), на боковых — раскрытая пасть с двумя рядами зубов. В связи с той общеизвестной ролью, которую образ волка играл в идеологии древнетюркских племен, художественное оформление данного изделия заслуживает, конечно, специального семантико-стилистического анализа.

Особого внимания заслуживает и узорная камчатая ткань из погребения А I–1, реконструкция орнамента которой произведена нами с использованием всех пяти сохранившихся ее кусков, первоначально сшитых вместе без стремления сохранить узор, и практически тождественной ей ткани горноалтайского могильника Катанда II (малый курган I). Аналогичные ткани с драконами в медальонах из перлов были найдены также в Монголии, Средней Азии и Японии (Захаров, 1926. С. 102–104, табл. IV; Бентович, Гаврилова, 1972. С. 31–35, рис. 3, 4); все они датированы исследователями не позднее VII–VIII вв. Вопросам датировки, сюжетно-технической и историко-культурной характеристики

аргалыктынской камки посвящена специальная работа (Лубо-Лесниченко, Трифонов, 1982), в которой проанализированы все имевшиеся в распоряжении авторов данные, кроме сугубо археологических. При этом была установлена как максимально возможная поздняя дата бытования нашей ткани — 70–80-е гг. VIII в., так и наиболее вероятные границы ее существования (вторая половина VII — первая половина VIII в.). Сопоставляя последние с датировками комплекса на основе археологических параллелей, нетрудно убедиться, что они не расходятся, а, наоборот, уточняют в широком диапазоне VII–VIII вв. хронологические рамки данного комплекса, а также, по всей видимости, и всех остальных.

V. ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ БОЛЕЕ ПОЗДНЕГО ВРЕМЕНИ

Группу хемчикских памятников образуют могильники, расположенные около порога Большого Енисея (Улуг–Хема). Они менее разбросаны, чем предыдущие: основные скопления курганов находятся здесь на одной из равнинных площадок на левом берегу. Эти могильники также разновременны и состоят преимущественно из объектов скифской и древнетюркской эпох (среди последних выделяется серия оградок).

МОГИЛЬНИК ДЫТТЫГ-ЧАРЫК-АКСЫ

Могильник расположен в 1,5 – 2 км к СЗ от устья «лиственничного ущелья», по тропе через невысокий горный увал. С трех сторон его территория ограничена подковообразной излучиной р. Хемчик, а с четвертой, южной, одним из отрогов хребта, отделяющего Шанчигскую долину от Хемчика. Расстояние от этого правобережного могильника до впадения Хемчика в Енисей составляет по воде немногим более 20 км, напротив его, к западу, находится могильник Улуг-Бюк, к востоку — Биче-Бюк.

Местоположение основного скопления археологических памятников могильника Дыттыг-Чарык-Аксы — вторая надпойменная терраса, сравнительно невысокая (5–6 м), но небольшая по площади. Объекты, преимущественно курганные, идут почти непрерывной цепью вдоль северного и восточного ее краев. В центральной части террасы, представляющей собою ровную, слегка понижающуюся к северу площадку, памятников немного: это, главным образом, оградки тюркского времени, группирующиеся в цепочки, вытянутые в меридиональном направлении.

Объекты, сосредоточенные вдоль северного края террасы, образуют как бы несколько обособленных групп. Так, на западной оконечности площадки, выделяются два расположенные недалеко один от другого кургана, очень сходные по внешнему облику, которые оказались тождественны и в культурно-хронологическом отношении. Это памятники древнетюркского времени, содержащие погребения с конем (курганы ДЧА I– 1, 2).

Восточнее этих курганов находится компактная группа, состоящая из трех объектов: два из них — небольшие курганчики, отмеченные на поверхности лишь незначительными скоплениями камней, третье же сооружение резко отличается от соседних и формой, и размерами, и степенью задерновки. Исследования показали, что этот памятник, как и курганы в предыдущей группе, относится к числу древнетюркских (ДЧА I–3).

Объекты следующей группы, расположенные далее к краю террасы, по внешнему виду явно отличны как от памятников первой и второй групп, так и от единичной оградки (ДЧА I–6), территориально как бы связывающей второе и третье скопления курганов. Основное сооружение здесь — сравнительно большой по площади (диаметр 8–10 м), но невысокий курган, сложенный преимущественно из мелких обломков горных пород. В центре его находится массивный стелообразный камень-валун, на котором не обнаружено ни следов каких-либо изображений, ни надписей. Вокруг этого сооружения (главным образом, с северо-восточной стороны) сосредоточено около десятка небольших курганчиков, переходящих один в другой и образованных также мелким плитняком.

Вторую часть могильника (ДЧА II) составляет большая компактная группа курганов, находящихся на восточной оконечности террасы. От основной площадки этот участок топографически отделен неглубоко вдающимся в террасу оврагом. Образующие группу памятники и по внешнему виду, и по их расположению весьма своеобразны в сравнении с предыдущими объектами. Главная особенность этой части могильника (всего около 15 объектов) — комбинация курганных сооружений и ящиков, конструктивно либо входящих в площадь данных сооружений (они находятся преимущественно в центре курганов), либо расположенных невдалеке от них. Раскопан один курган, замыкающий цепочку с юга и несколько отстоящий от основного скопления (он датируется IX–X вв.), а также один небольшой ящик, не содержащий остатков захоронения. В целом весь комплекс относится, очевидно, к числу памятников, оставленных в Туве кыргызами в IX–X вв.

На первой надпойменной террасе памятников значительно меньше. Эта терраса, край которой повторяет в общем линию изгиба реки, невысокая (не более 1,5 м), ровная, покрыта почти по всей площади караганником. Несомненно, что она часто затопливалась во время половодий: дерновый слой незначителен, на поверхности много валунов, гальки и пр. В результате ее обследования зафиксированы следующие объекты, отнесенные к третьей части могильника — Дыттыг-Чарык-Аксы III:

Три тюркские оградки, расположенные в одну линию (С–Ю), конструктивно взаимосвязанные. Самая большая из них (приблизительно 3 × 3 м), южная, отчетливо выражена на поверхности; две другие, последовательно примыкающие к ней с севера, менее четки и меньших размеров.

Каменный курган, расположенный на восточной оконечности террасы, почти у обрыва. Раскопки показали, что этот памятник предмонгольского времени (XI–XII вв.).

Курган ДЧА I-1

До расчистки представлял собой довольно бессистемную наброску из сравнительно крупного скального камня. Сооружение неплотное, между камнями заметны иногда значительные пустоты. Местами курган покрыт невысоким караганником.

После расчистки внешний облик памятника несколько изменился. Оказалось, что в основу постройки была положена круглая в плане ограда, сооруженная из крупных плитовидных камней. Общий контур ограды округлой формы, слегка вытянутой по оси ССЗ–ЮЮВ, очерчивается довольно четко. С внешней стороны основа ограды представляет собой невысокую стенку в два-три слоя плитняка, уложенного горизонтально. Кладка весьма плотная, крупные камни иногда подбиты мелкими обломками.

О внутреннем контуре, то есть о многорядности, ширине ограды, судить вначале было трудно, но разборка показала, что ограда была однорядной, а камни, примыкающие к ней изнутри, являются развалом верхних слоев сооружения. Примечательно, что верхние плиты сохранившейся основы постройки несколько сползли как вовнутрь ограды, так и во внешнюю сторону: это доказывает, что в центральной части ограды находилось довольно плотное скопление камней; возможно, что это остатки надмогильного сооружения. Установлено, что площадь этого скопления почти точно соответствует площади могильной ямы. Однако в целом выявить первоначальную основу данной постройки оказалось невозможным.

С восточной стороны к ограде, занимающей юго-западную половину всего сооружения, смотревшегося овальным после расчистки кургана, примыкала постройка. Основа постройки (полукольцевидный одно-двухслойный ряд камней) прослеживается довольно четко. Форма ее в плане — полуовальная, направление длинной оси — СЗ–ЮВ. Первоначальная высота была, очевидно, намного ниже ограды и не превышала 0,5 м (высота ограды — не более 1 м). Наличие подобной пристройки, в которой не обнаружено ни погребения, ни каких-либо поминальных остатков, — необычная конструктивная деталь в древнетюркских погребальных комплексах.

Могильная яма (с подбоем), содержащая погребение с конем, занимает центральную часть площади ограды, уходя своим северно-восточным краем под ее стенку. На уровне древней поверхности отчетливых следов могилы (могильное пятно) не было видно, и лишь на глубине 0,4–0,5 м открылся продольный ряд камней (из одной вертикальной и трех наклонно лежащих плит), имитирующий разделительную стенку ямы и одновременно закрывающий верхнюю часть подбоя. С этого уровня хорошо прослеживались границы южной половины могилы, в которой произведено захоронение коня. Форма ее в плане — подпрямоугольная (со скругленными углами), ориентировка — сторонами по краям света (длинная ось З–В). С глубины 0,5 м начинался подбой, занимающий северную половину могилы. По длине он чуть больше «конской» части ямы, по ширине практически равен ей. В под-

бое совершенно мнимое захоронение человека: скелета нет, но в могилу положены принадлежащие человеку вещи (курган-кенотаф).

На всю высоту подбой закрывался двумя вертикально поставленными плитами, расположенными у восточного края ямы. В сочетании с выше отмеченным рядом камней, их можно считать одной частью разделительной стенки. Вторую образует двух-трехслойная закладка (преимущественно из крупных, горизонтально уложенных камней), находящаяся ниже этого ряда. Основание закладки большей частью уходит в подбой, представляя собой последовательно налегающие друг на друга плиты. В «конской» половине могилы нижняя часть разделительной стенки комбинируется с каменным обрамлением костяка лошади, которое дополнено плитами перекрытия, сплошь закрывающими костяк (видна лишь затылочная часть черепа).

Положение лошади — на животе, с подогнутыми ногами, ориентировка на 3. Передняя половина костяка завалена на левый бок и плотно прижата к борту ямы. Шея изогнута почти вертикально, голова обращена в сторону подбоя, морда наклонена вниз. На черепе находилась большая плита, почти целиком перекрывающая голову и шею коня. Правая передняя нога — у нижних плит закладки подбоя, левая — под черепом лошади. В аналогичном положении задние ноги: левая подогнута под тулово, правая (в слабо согнутом состоянии) — на одной из массивных плит разделительного яруса нижней стенки. На этой плите находились остатки жертвенной пищи (кости барана).

В подбое, дно которого выложено плитами (разность уровня пола подбоя и «конской» части могилы — 0,05 м) — имитация погребения человека. Судя по расположению колчана (у северной стенки ямы, устьем на В), здесь подразумевалась также восточная ориентировка человека (по аналогии с однотипными древнетюркскими погребениями, исследованными в Центральной Туве) (могильники Аргалыкты I, VIII, IX, Аргалыкты V и др.).

Инвентарь. Принадлежности конского убора: удила, два стремени, три подпружных пряжки — все железные; фрагменты седла, две роговые застёжки от пут. Принадлежности человеческого убранства: берестяной колчан; части крепления колчана — крюк и два тройника, шесть наконечников стрел. В колчане обнаружено пять целых наконечников с черешками, обломок еще одного наконечника (уцелел лишь фрагмент черешка с насаженным на него костяным шариком-«свистункой») и две «свистунки» отдельно. Очевидно, первоначально в наборе было не менее семи стрел. Нож с деревянной рукояткой в деревянных ножнах, три костяные срединные накладки на лук, деревянные фрагменты лука. Часть кожаного пояса с тремя бронзовыми золочеными бляхами (одна прямоугольная, две круглые — все орнаментированные), одним кольцом и одним бронзовым наконечником ремня. Кожаная сумочка с деревянным сверлом внутри нее, а также фрагменты шелковых тканей и войлока.

Курган ДЧА I-2

Расположен у края террасы в 40–50 м к северу от предыдущего кургана и представляет собой своеобразный комплекс разномасштабных каменных

сооружений, занимающий сравнительно широкую площадь (9×13 м). До расчистки определялись лишь два сооружения: невысокий курган, местами поросший мелким караганником, в восточной половине площадки и небольшая круглая ограда — в её западной половине. Остальную часть объекта составляли как будто бесформенные и бессистемные скопления разрозненных камней, сосредоточенные преимущественно в северо-западном секторе раскопа. После расчистки памятника его общая структура предстала в более ясном виде, также как и облик каждой из входящих в комплекс построек.

Основное сооружение (1) — довольно плотное, сравнительно широкое каменное кольцо округлой в плане формы, внутренний контур которого обозначен непрерывным рядом крупных плит. Внутри данного ряда, то есть в центре кольца, камней немного — это главным образом мелкие обломки, скорее всего являющиеся незначительной частью развала первоначальной конструкции.

С северо-западной стороны от этого сооружения находились отдельные скопления каменных плит, два из которых, несомненно, являлись специально сделанными постройками (сооружения 2, 3), а также выкладки (смотревшиеся до расчистки ограды) в западной оконечности площадки (сооружение 4). К ним же, очевидно, можно отнести еще два-три скопления, находящиеся между указанными конструкциями. Предполагать это позволяет не только их принципиальное сходство (отчетливо заметное, несмотря на значительную степень разрушенности) с выкладками, но и общее расположение всех этих дополнительных построек на весьма четкой дугообразной линии, как бы охватывающей основное сооружение со стороны С–ЗЮЗ. Все эти сооружения ритуальны: ни одно из них не содержало каких бы то ни было костных или вещественных остатков. Не зафиксировано в них и зольных пятен.

Основной объект в комплексе подвергся тщательному исследованию. После удаления всех камней развала наземного сооружения окончательно был определен его первоначальный облик. Как и предполагалось (по внешнему виду кургана после расчистки), это была ограда, при постройке, очевидно, сравнительно высокая (до 1 м). Сохранившаяся в первоначальном виде основа конструкции (два-три слоя плит ограды) свидетельствует о том, что она была однорядной. Составляющие её крупные плиты плотно подогнаны одна к другой узкими торцевыми гранями или сторонами. Форма ограды в плане четко округлая.

На уровне древней поверхности внутри ограды следов могильной ямы не обнаружено, однако произведенная почти по всей площади сооружения неглубокая прокопка земли (до 20 см) вскрыла группу камней, сосредоточенную в южной половине постройки. Расчистка этих камней, среди которых встречены и массивные горизонтально лежащие плиты, показала, что они образуют овальное в плане скопление (длинная ось — СЗ–ЮВ). После частичного удаления этого скопления (главным образом крупных плит) выявлен нижележащий слой камней, ограниченный четко обозначенными с трех сторон (СЗ, ЮЗ, ЮВ) контурами могильной ямы. В дальнейшем было установлено, что с северо-восточной стороны находилась граница рухнувшей части подбоя, располо-

женного к СВ от «конской» половины ямы, заполненной сверху отмеченным выше двухслойным скоплением камней, которое выполняло роль специально сделанного перекрытия лошади, спинные кости которой виднелись среди плит нижнего слоя. Основой для данного перекрытия служили массивные вертикально поставленные плиты «обрамления» лошади, помещенные вдоль бортов ямы и отчасти у разделительной стенки (две крупные плиты у головы и верхней половины туловища коня). В результате все сооружение в «конской» половине могилы, представляющее собой несложную, но четко продуманную, законченную конструкцию, было весьма монолитным и прочным.

Из плит разделительной стенки, закрывавшей подбой, в первоначальном положении зафиксирована лишь одна, наиболее высокая (у головы лошади): только здесь уцелел на всю высоту и небольшой участок самого подбоя, начинавшегося с глубины 0,7 м от уровня древней поверхности. Три другие массивные плиты, образующие стенку, вместе с расположенными на них менее крупными плитами завалились в подбой и в момент раскопок налегали на внутриподбойное каменное сооружение. Последнее состоит из плотно, но беспорядочно уложенных разномасштабных камней, под которыми обнаружена широкая деревянная плаха перекрытия погребения. Эта плаха не выходит за пределы трех поставленных на продольные ребра плит, имитирующих каменный ящик (две плиты вдоль разделительной стенки, одна у восточного края подбоя — поперек их).

В «ящике» находилось погребение человека. Положение погребенного (ребенок) — вытянутое, на спине; ориентировка — головой на В. Многие кости смещены (результат деятельности грызунов). Уровень расположения конского костяка на 0,15 м выше пола подбоя. Положение лошади — на животе, с подогнутыми под туловище ногами; ориентировка — на З. Шея изогнута, голова обращена в сторону подбоя (к ногам человека), морда опущена вниз. У правого бока лошади находились остатки жертвенной пищи (кости барсука).

Инвентарь: удила с мелким фрагментом деревянного псалия, два стремени, железная пряжка подпружная с язычком, пряжка без язычка, фрагмент задней луки от деревянного седла, роговые застежки от пут (Табл. XXVIII).

Курган ДЧА I –3

Этот курган, расположенный, как и предыдущий, у самого края террасы, образует вместе с двумя близлежащими, но резко отличными от него объектами (курганы 4,5) обособленную группу в могильнике. До раскопок представляя собой низкое овально-круглое в плане каменное сооружение, покрытое мелкими кустами караганника. Характерные черты памятника, отличавшие его от двух предыдущих: сплошная кладка составляющих его камней, сферобразная форма сооружения с наивысшей точкой в центральной части и отсутствие каких бы то ни было дополнительных построек.

Первоначальный вид сооружения, восстанавливаемый по освобожденной от камней развала его основе — сравнительно высокая (но не более 1 м) цилиндрикообразная постройка, сложенная из довольно массивного плитняка.

Сохранившаяся в изначальном положении основа конструкции — сплошная каменная платформа, трех-пятислойная, четко округлая в плане. Внешнее обрамление платформы, состоящее из наиболее крупных плит, убеждает в том, что все сооружение при его постройке было весьма монолитным и от быстрого разрушения предохранялось плотной стенкой-крепидой.

После удаления внутреннего заполнения платформы, от которой на месте оставлены лишь плиты обрамления, образующие правильное кольцо, почти по всей площади сооружения произведена прокопка земли, так как на уровне древней поверхности никаких следов могилы не прослеживалось. Пятно могильной ямы было отчетливо зафиксировано лишь на глубине 0,2–0,3 м от этого уровня в южной половине постройки. Форма его в плане — овальная, направление по длинной оси — В–З. В пределах пятна выявились также верхушки плит каменного заполнения ямы, которое оказалось верхним слоем перекрытия коня, помещенного в могилу. В отличие от двух предыдущих могил, специального каменного «обрамления» вокруг коня здесь не существовало.

Необычна и конструкция разделительной стенки, закрывавшей подбой: одна ее половина образована вертикально торчащими (на всю высоту подбоя) массивными плитами, другая — наклонными, комбинирующимися с внутри-подбойным перекрытием погребения. Вертикальные плиты составляют крайние части стенки (одна — её восточную оконечность, три — западную); наклонные плиты находятся между ними. Последние тщательно подогнаны и являются, по существу, основой всего перекрытия. Поверх этого своеобразного перекрытия, на линии разделительной стенки зафиксированы еще две небольшие, налегающие одна на другую плитки, упирающиеся в потолок подбоя.

В подбое — находилось погребение взрослого человека, перекрытое, помимо камней, деревянной плахой. Положение погребенного (мужчина?) — вытянутое, на спине; ориентировка — головой на В.

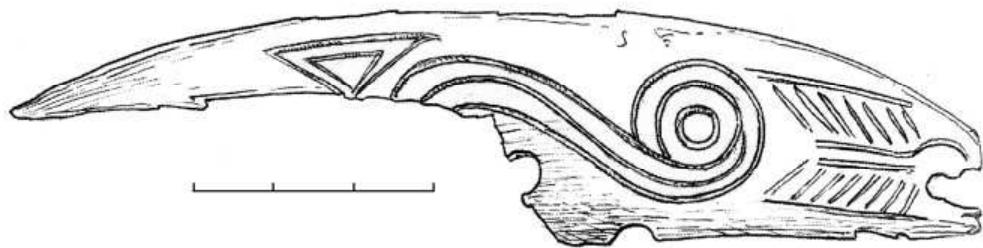


Рис. 8. Дыттык-Чары-Аксы, курган 3.
Костяная орнаментированная накладка от передней луки седла

Инвентарь. Принадлежности конского убора: удила с псалиями стержневыми со скобой, два стремени, железная подпружная пряжка, фрагменты узды — ремни кожаные, две пряжки, обойма и фрагменты фигурных бронзовых накладок, деревянное седло, две орнаментированные костяные накладки — на передних концах полок седла, в том числе одна со сложным геомет-

рическим орнаментом (Рис. 8), роговые накладки на переднюю и заднюю луки седла, деревянная палочка, «путлица стремян» — фрагменты кожаных ремней, два больших наконечника, обойма, две бронзовые пряжки, малый наконечник и «пряжка» без язычка, прямоугольная рамка с одним щитком, роговая застежка от пут. Принадлежности человеческого убранства: бронзовое зеркало, железные щипчики и нож, бронзовые бляхи от наборного пояса на кожаной основе — две целых, пять во фрагментах, фрагмент кожаной сумочки, фрагменты шелковых тканей (Табл. XXIX). Предварительная датировка курганов ДЧА I-1, ДЧА I-2, ДЧА I-3 — VIII–IX вв. н. э.

Тюркские оградки

Подквадратно-прямоугольные оградки тюркского времени, и до раскопок хорошо определимые по их характерному внешнему облику, сосредоточены в центральной части плато Даттыг-Чарык-Аксы, обособленно от других входящих в могильник объектов. Всего их здесь не более десяти, три оградки полностью исследованы. Две из них находятся в непосредственной близости, третья — в некотором отдалении от этих памятников, замыкая с севера в целом единую цепь оградок, вытянутую в меридиональном направлении. Отдельно расположенная оградка обозначается как объект ДЧА I-7, смежные — ДЧА I-8, 9.

Объект ДЧА I-7

До расчистки довольно четкая низкая оградка, прямоугольная в плане (направление по длинной оси — З-В), размером — $2,7 \times 2,3$ м; ориентировка — сторонами по странам света. Вертикальные плиты, образующие стороны оградки, установлены на продольные ребра. Внутреннее заполнение ограды состоит из разномасштабных, как будто беспорядочно уложенных плит, одна из которых (в юго-западном углу) весьма крупная.

После расчистки некоторые конструктивные детали ограды стали намного яснее. Так, например, представилось возможным окончательно судить о том, каким образом сооружены стенки оградки: одна из них, восточная, состоит из двух плит, остальные — из трех. Первоначально все плиты были врыты вертикально. Внутреннее заполнение оградки, на поверхности довольно хаотичное, оказалось почти сплошной закладкой, состоявшей преимущественно из крупных горизонтально уложенных плит. В центре ее выделялось небольшое скопление мелких обломков, окаймленное кольцевидным рядом крупных камней, практическое назначение которого трудно определимо: здесь не обнаружено ни зольных пятен, ни каких-либо костных или вещественных остатков. Но, несомненно, что это не случайная деталь постройки. Последнее доказывается еще и тем, что под выкладкой, на глубине около 0,3 м зафиксирован один довольно крупный горизонтально лежащий камень.

Объекты ДЧА I-8, 9

Две расположенные на одной линии (ЮЗ–СВ), почти тождественные по внешним очертаниям, форме в плане (подквадратная), размерам (в среднем $2,3 \times 2,4$ м). Ориентировка сторон оград также одинакова (ССВ, ВЮВ. ЮЮЗ,

ЗСЗ). До расчистки эти объекты выглядят также, как и предыдущий: плиты обрамления невысокие, поставленные на ребро; внутри оградок — бессистемные разрозненные скопления мелких обломков. За пределами сооружения каменной развала практически нет.

После расчистки внешний вид оградок существенно изменился: оказалось, что это — сплошь заложённые камнем конструкции. Внутреннее заполнение состоит как из крупных горизонтально лежащих плит, так и из мелких обломков.

После выборки каменного заполнения оградок в их центральной части четко выявились остатки внутриоградных конструкций. В объекте ДЧА I-8 — это неправильный кольцевидный ряд плотно уложенных плит, внутри которого (в отличие от предыдущего объекта) мелких обломков почти не было; в соседней оградке — лишь несколько уцелевших в первоначальном положении плит, очевидно, аналогичного ряда. После прокопки земли вокруг этих «колец» в первой оградке обнаружен небольшой камешек с помещённым на нем кусочком деревянной плашки (на глубине 0,45 м), во второй (ДЧА I-9) — обломок основания каменной стелы. Не исключено, что подобная стела была установлена и у восточно-юго-восточной стены другой оградки (ДЧА I-8): здесь зафиксированы три камня, один из которых (средний) врыт вертикально, а другой как бы соединяет его с оградой.

Время сооружения этих оградок остается неопределённым.

Курган А I-11 (Табл. XXX, XXXI)

Занимает обособлённое положение относительно других объектов могильника Аргалыкты-I, расположен на вершине невысокого песчаного увала, в некотором отдалении от остальных памятников. По внешнему виду представлял собой бессистемное скопление разномасштабных разрозненных камней, часть которых почти не задернована. Диаметр сооружения 2,1 м, высота 0,35 м. Большинство крупных камней сосредоточено по краю площадки. Вероятно, они образовывали подобие крепиды первоначальной постройки, местами, несомненно, двухслойной. Наиболее возможный вариант первоначальной конструкции кургана — округлая в плане сплошная (?) выкладка, высота которой не превышала 0,35 м (Табл. XXX).

Под названным сооружением, в юго-восточной его половине, на площади находилась грунтовая могила, отмеченная на уровне древней поверхности единичными, просевшими в заполнение могильной ямы мелкими обломками камней. Предлагаемая форма ямы в плане — подпрямоугольная, ориентировка по сторонам на СЗ, СВ, ЮВ, ЮЗ. Приблизительные размеры ямы 2,4 × 1,2 м (более точно в песчаном грунте не устанавливаются); направление по основной оси ЮЗ–СВ, глубина (от уровня древней поверхности) 2,3 м.

На дне могильной ямы находилось одиночное погребение человека (Табл. XXXI). Положение погребённого (мужчина в возрасте свыше 60 лет) — вытянутое на спине, ориентировка — головой на ЮЗ. Череп приподнят и слегка повернут вправо. Руки вытянуты вдоль тела, правая чуть согнута в локте-

вом суставе. Ноги вытянуты, ступнями не соприкасаются. Справа, в ногах у человека, на более высоком уровне, лежали кости барана (череп и конечности ног). Здесь же находились остатки от сбруи коня, представленной уздечными и седельными принадлежностями.

Сопроводительный *инвентарь* достаточно разнообразен. Поверх погребенного находился берестяной колчан с предметами крепления его к подвесным ремням: тройник и две пряжки с подвижным язычком, без щитка (одна пряжка округлая, другая прямоугольная). В колчане находилось тринадцать черешковых наконечников стрел: два из них — трехпластинчатые, остроугольные, с крупными роговыми шариками на черешках, с широкими прямоугольными отверстиями; остальные — граненые. Из последних у трех наконечников головка трехгранного сечения; у трех — квадратного; у трех — ромбического (два экземпляра трудноопределимы). На каждом из наконечников сохранились следы от древков.

Между колчаном и левой рукой человека находились небольшие фрагменты клееного (простого?) лука, обернутые берестой. Роговых накладок на лук в погребении не обнаружено. У правой руки, вдоль колчана лежала деревянная трость с костяным набалдашником. Первоначальная длина трости не менее 80 см; также как деревянная основа лука, она была обернута одним слоем бересты. На набалдашнике сохранились следы красной краски. Справа у черепа найдена массивная серебряная серьга.

В области груди и рук погребенного, а также под ним сохранились многочисленные фрагменты монокромных шелковых тканей коричнево-золотистого цвета (остатки кафтана или халата). Здесь же находился уникальный наборный пояс, состоящий из широкого (3 см) основного ремня и узких (в среднем 1,5 см) подвесных ремешков с богатым ассортиментом поясных металлических изделий (Рис. 9).

На основном ремне — пряжка с вращающимся язычком и неподвижным закрепленным на конце щитком; тринадцать полукруглых блях с фестончатым краем и прямоугольно-сердцевидным отверстием в нижней части лицевой стороны (десять из них выполняли роль оправ для подвесных ремешков, а три, приходящиеся на заднюю часть ремня, скорее всего, были просто декоративными); пять мелких бляшек-застежек, близких по форме предыдущим, но с круглым отверстием в середине для прохождения язычка пряжки, наконечник ремня с фигурно очерченными боковыми сторонами и др. Все эти предметы, как и большинство других в этом поясном наборе, литые бронзовые (тождественные экземпляры отливались, по-видимому, в одной форме). Расположение крупных блях на поясе, судя по сохранившимся фрагментам как левой, так и правой половины ремня, симметричное, почти через равные интервалы (в среднем 2 см). Все поясные украшения, как и массивные лировидные бляхи-подвески орнаментированы. Орнамент разнотипный: разнообразные по форме, преимущественно округлые выпуклости-жемчужины, окаймленные повто-

ряющими их очертания рельефными линиями. Как правило, орнамент заполняет всю лицевую поверхность изделий.

С помощью пряжек подвешивались к ремешкам, очевидно, два кожаных мешочка, хорошо сохранившиеся. В одном мешочке находились человеческие зубы и туго свернутая узкая шелковая ленточка с ромбическим орнаментом. Сверху на этом мешочке находилась ажурная бронзовая пластина, украшенная сложной зооморфно-растительной композицией. Во втором были обнаружены перекрученные кожаные жгуты и ленты, литой бронзовый предмет неизвестного назначения и деревянная заостренная на конце палочка. Поясной набор был дополнен приспособлением для развязывания узлов, сделанным из длинного отростка маральего рога с просверленными в его основании поперечными и продольными отверстиями для подвешивания на основном ремне (около правой лировидной бляхи).

Имеются в составе сопроводительного инвентаря и принадлежности конского снаряжения. У правой ноги человека находилось два стремени и две подпружные пряжки. Стремена однотипны: каждое из них с приплюснутым ушком и широким округлым подножием, изготовленные из толстых прутков. Одна из подпружных пряжек массивная, с подвижным язычком и трапецевидной рамкой без щитка. Вторая пряжка — небольшая, с язычком на вертлюге. Верхняя половина ее рамки полуовальная, нижняя прямоугольная. В состав конского убранства входили также четыре уздечные пряжки, фрагменты уздечных ремней с тринадцатью фигурными накладными бляшками. Удила плохой сохранности, но их тип ясен: двухсоставные с восьмеркообразным окончанием звеньев, без псалий. В маленькие кольца окончаний звеньев, расположенных в одной плоскости с большими, вставлены дополнительные кольца для поводка. Пряжки почти тождественны: небольшие, с вращающимся язычком, овальной рамкой и неподвижным щитком. Все уздечные ременные бляшки — бронзовые с позолотой, удлиненные концевые (4 экз.) и короткие наконечники (9 экз.). Орнамент, заполняющий всю поверхность изделий, прорезной, ажурный, его мотив — вьющаяся виноградная лоза.

К предметам конского убора относятся также еще два изделия, обнаруженные в ногах человека: тонкая железная бляха-тройчатка для перекрестия ремней и роговая застежка от пут.

Данное погребение (Аргалыкты I, кург. 11) наиболее позднее во всей публикуемой серии древнетюркских погребений из Центральной Тувы. Судя по всем имеющимся в нем находкам, датировка его может быть определена X в. н. э.



Рис. 9. Могильник Аргалыкты I, курган 11. Фрагменты шелковых тканей и наборный пояс с бронзовыми украшениями и атрибутами

Литература

- Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы // СА. 1971. № 3. С. 106–134.
- Амброз А. К. Стремена и седла раннего средневековья как хронологический показатель (IV–VIII вв.) // СА. 1973. № 4. С. 81–98.
- Арсланова Ф. Х. Бобровский могильник // Известия АН КазССР. Серия общественных наук. 1963. Вып. 4. С. 68–84.
- Арсланова Ф. Х. Средневековый могильник из Прииртышья (VII–XII вв.) // Общественные науки. История, философия и экономика. 1963а. Вып. III. Алма-Ата, С. 278–294.
- Арсланова Ф. Х. Памятники Павлодарского Приртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 98–111.
- Арсланова Ф. Х. Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и землевладельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 43–57.
- Бентович И. Б., Гаврилова А. А. Мугская и катандинская камчатые ткани // КСИА. 1972. Вып. 132. С. 31–35.
- Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая // МИА. 1952. Вып. 26.
- Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы // Северная Монголия. Л., 1927. Т. II. С. 43–88.
- Вайнштейн С. И. Археологические раскопки в Туве в 1953 году // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1954. Вып. II. С. 140–154.
- Вайнштейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1955–1957 гг. // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1958. Вып. VI. С. 217–237.
- Вайнштейн С. И. Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры (в связи с археологическими исследованиями в Туве) // СЭ. 1966. № 3 С. 62–82.
- Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве // Труды ТКЭАН. М.; Л., 1966а. Т. II. С. 292–347.
- Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Об облике древних тюрков // ТС (к шестидесятилетию А. Н. Кононова). М., 1966. С. 177–187.
- Винник Д. Ф. Тюркские памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 79–93.
- Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965.
- Генинг В. Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н. э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 96–106.
- Голдина Р. Д. Хронология погребальных комплексов раннего средневековья в верхнем Прикамье // КСИА. 1979. Вып. 158. С. 79–90.
- Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.) // Труды ТКЭАН. М.; Л., 1960. Т. I. С. 73–150.
- Грач А. Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 г.) // Труды ТКЭАН. М.; Л., 1960а. Т. I. С. 7–72.

- Грач А. Д. Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени // ТС (к шестидесятилетию А. Н. Кононова). М., 1966. С. 188–193.
- Грач А. Д. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге // Труды ТКЭАН. М.; Л., 1966а. Т. II. С. 81–107.
- Грач А. Д. Древнетюркская археология в СССР // Филология и история тюркских народов. ТД тюркологической конференции в Ленинграде 7–10 июня 1967 г. Л., 1967. С. 52–54.
- Грач А. Д. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 207–213.
- Грач А. Д. Древнетюркские курганы на юге Тувы // КСИА. 1968а. Вып. 114. С. 105–111.
- Грач А. Д. Итоги и перспективы археологических исследований в Туве // КСИА. 1969. Вып. 118. С. 43–57.
- Грач В. А. Средневековые выпускные погребения из кургана-храма Улуг-Хорум в Южной Туве // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 156–168.
- Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967.
- Длужневская Г. В. Типы погребений древнетюркского времени на территориях Тувы, Алтая и Монголии // Филология и история тюркских народов. ТД тюркологической конференции в Ленинграде 7–10 июня 1967 г. Л., 1966. С. 56–57.
- Длужневская Г. В. Памятники енисейских кыргызов в Туве (IX–XII вв.) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л., 1985. 17 с.
- Длужневская Г. В., Овчинникова Б. Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 77–94.
- Добжанский В. Н. Наборные пояса Южной Сибири и Центральной Азии как исторический источник (I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1984.
- Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948.
- Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. 1952. Вып. 24. С. 72–120.
- Евтюхова Л. А. О племенах Центральной Монголии в IX в. (по материалам раскопок курганов) // СА. 1957. № 2. С. 205–227.
- Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. XVI. С. 75–117.
- Захаров А. А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г. // Труды ГИМ. 1926. Вып. I. С. 71–106.
- Кадырбаев М. К. Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана // Труды ИИАЭ АН КазССР. Археология. Алма-Ата, 1959. Т. 7. С. 162–203.
- Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964.

- Кляшторный С. Г.* Древнетюркская руническая письменность и культура народов Центральной Азии (По материалам полевых исследований в Монголии, 1968–1969 гг.) // ТС. 1972. М., 1973. С. 254–264.
- Ковалевская В. Б.* Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ; Е I-2. М., 1979.
- Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. М., 1969.
- Кызласов Л. Р.* Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.
- Левашова В. П.* Два могильника кыргыз-хакасов // МИА. 1952. Вып. 24. С. 121–136.
- Максимова А. Г.* Средневековые погребения Семиречья // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 146–153.
- Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. VIII–XIV вв. // САИ; Е I-36. М., 1966.
- Могильников В. А.* Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981. С. 29–43.
- Могильников В. А., Елин В. Н.* Курганы Талдура // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983.
- Нечаева Л. Г.* Погребения с трупосожжениями могильника Тора-Тал-Арты // Труды ТКЭАН. М.; Л., 1966. Т. II. С. 108–142.
- Овчинникова Б. Б.* К вопросу о вооружении кочевников средневековой Тувы (по материалам раскопок могильника Аймырлыг) // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 132–146.
- Овчинникова Б. Б.* Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // СА. 1982. № 3. С. 210–218.
- Овчинникова Б. Б.* Тюрки-тугю на Саяно-Алтайском нагорье в VI–X вв. (по материалам погребений человека с конем) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1984. 21 с.
- Распопова В. И.* Поясной набор Согда VII–VIII вв. // СА. 1965. № 4. С. 78–91.
- Руденко С. И., Глухов А.* Могильник Курдыргэ на Алтае // МЭ. Л., 1927. Т. III, вып. 2.
- Савинов Д. Г.* Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1981. С. 146–162.
- Савинов Д. Г.* Древнетюркские курганы Узунтала (К вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 102–122.
- Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984.
- Теплоухов С. А.* Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ. Л., 1929. Т. IV. Вып. 2. С. 41–62.
- Трифонов Ю. И.* Работы на могильнике Аргалыкты // АО 1965 г. М., 1966. С. 26–27.
- Трифонов Ю. И.* Раскопки у подножия хребта Аргалыкты // АО 1967 г. М., 1968. С. 174–176.
- Трифонов Ю. И.* Дальнейшие исследования могильников Аргалыкты и Кара-Тал IV // АО 1968 г. М., 1969. С. 192–193.
- Трифонов Ю. И.* Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда ту-гю) // ТС, 1972. М., 1973. С. 351–374.

- Трифонов Ю. И.* Конструкция древнетюркских курганов Центральной Тувы // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 185–193.
- Трифонов Ю. И.* О берестяных колчанах Саяно-Алтая VI–X вв. в связи с новыми находками в Туве // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987. С. 191–195.
- Трифонов Ю. И.* Памятники средневековых кочевников // Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 115–243.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.
- Формозов А. А.* Наскальные изображения в Центральной Туве // АО 1966 г. М., 1967. С. 134.
- Худяков Ю. С.* Кок-тюрки на Среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 194–203.
- Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов в VI–XII вв. Новосибирск, 1980.
- Худяков Ю. С.* Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
- Шер Я. А.* Погребение с конем в Чуйской долине // СА. 1961. № 1. С. 280–282.

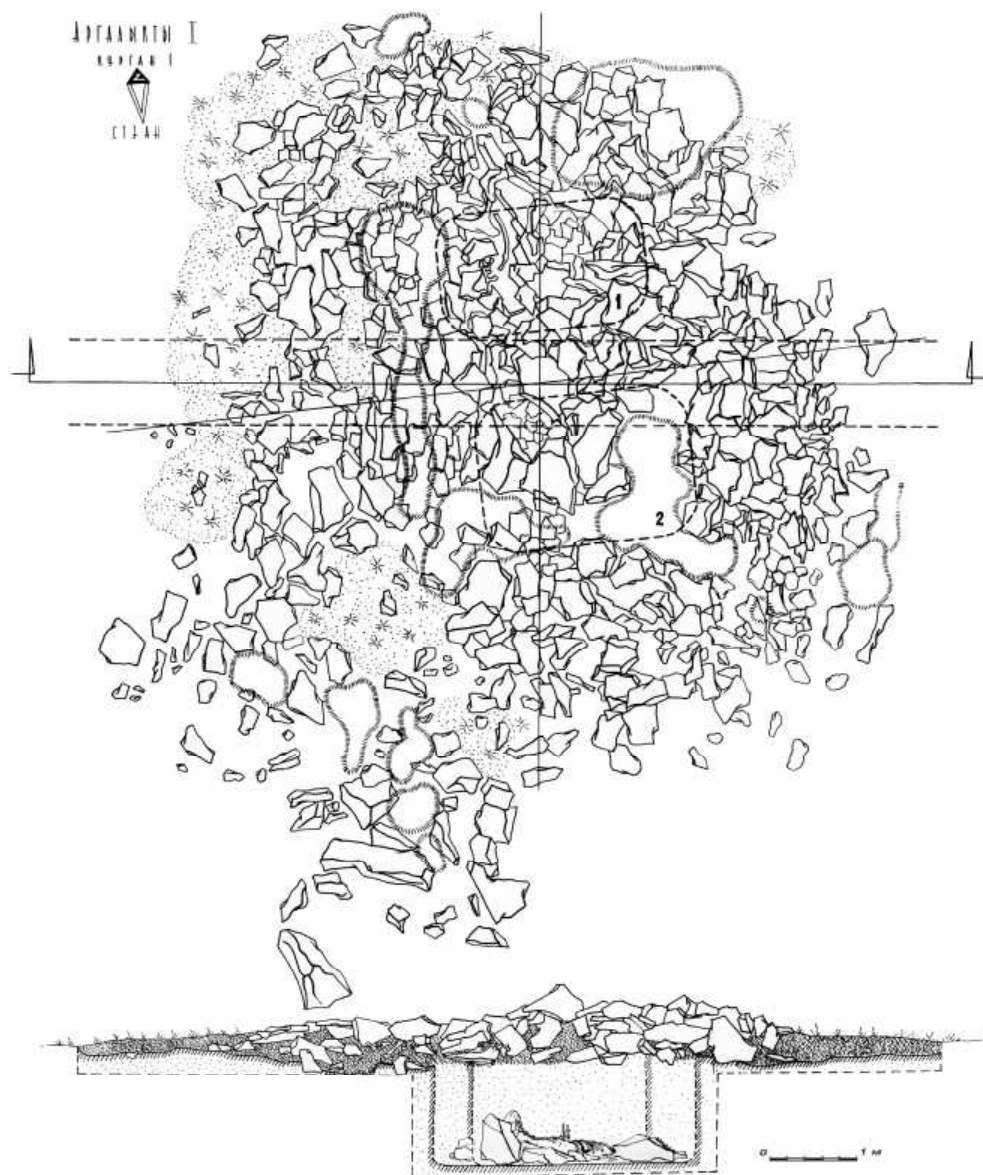


Табл. I. Могильник Аргалыкты I, курган I. План и разрез сооружения

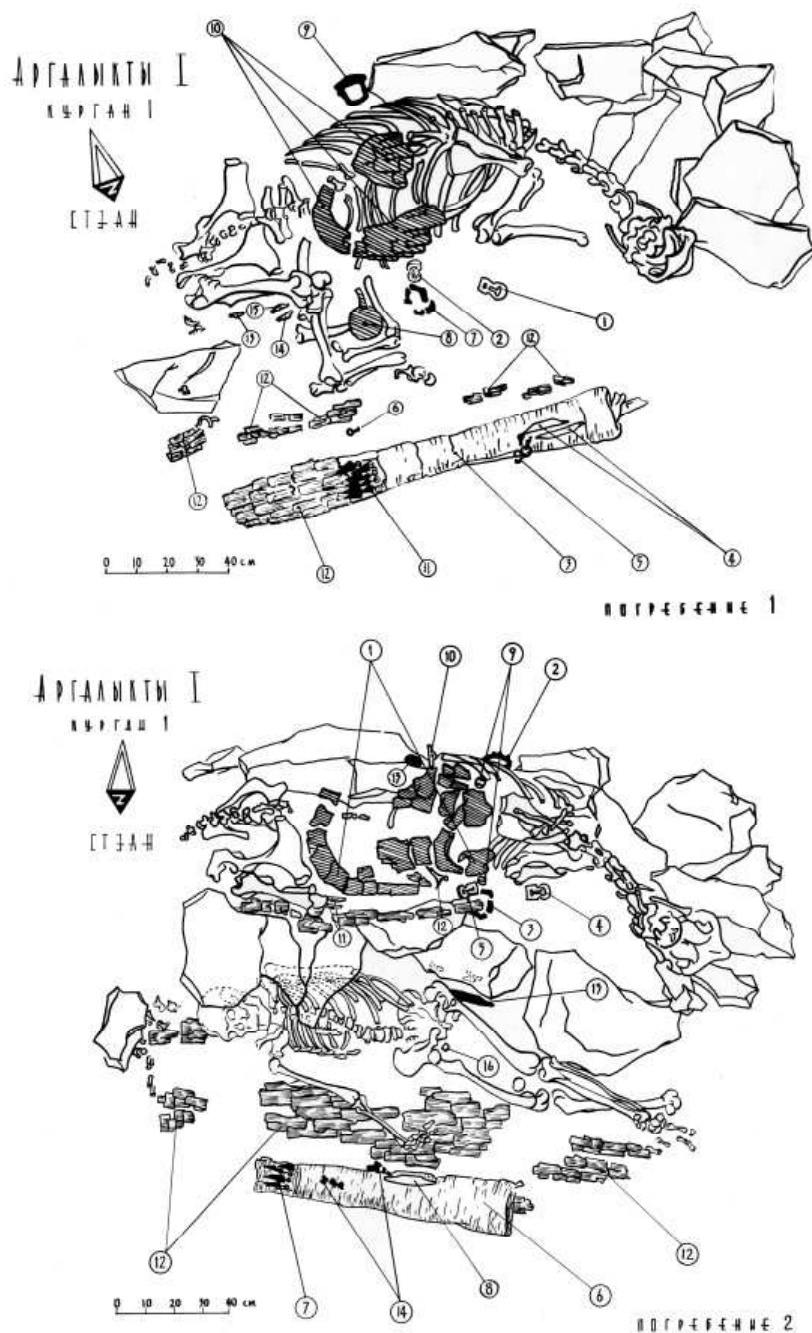


Табл. II. Могильник Аргалыкты I, курган I.
А — погребение 1. План и разрез; Б — погребение 2. План и разрез

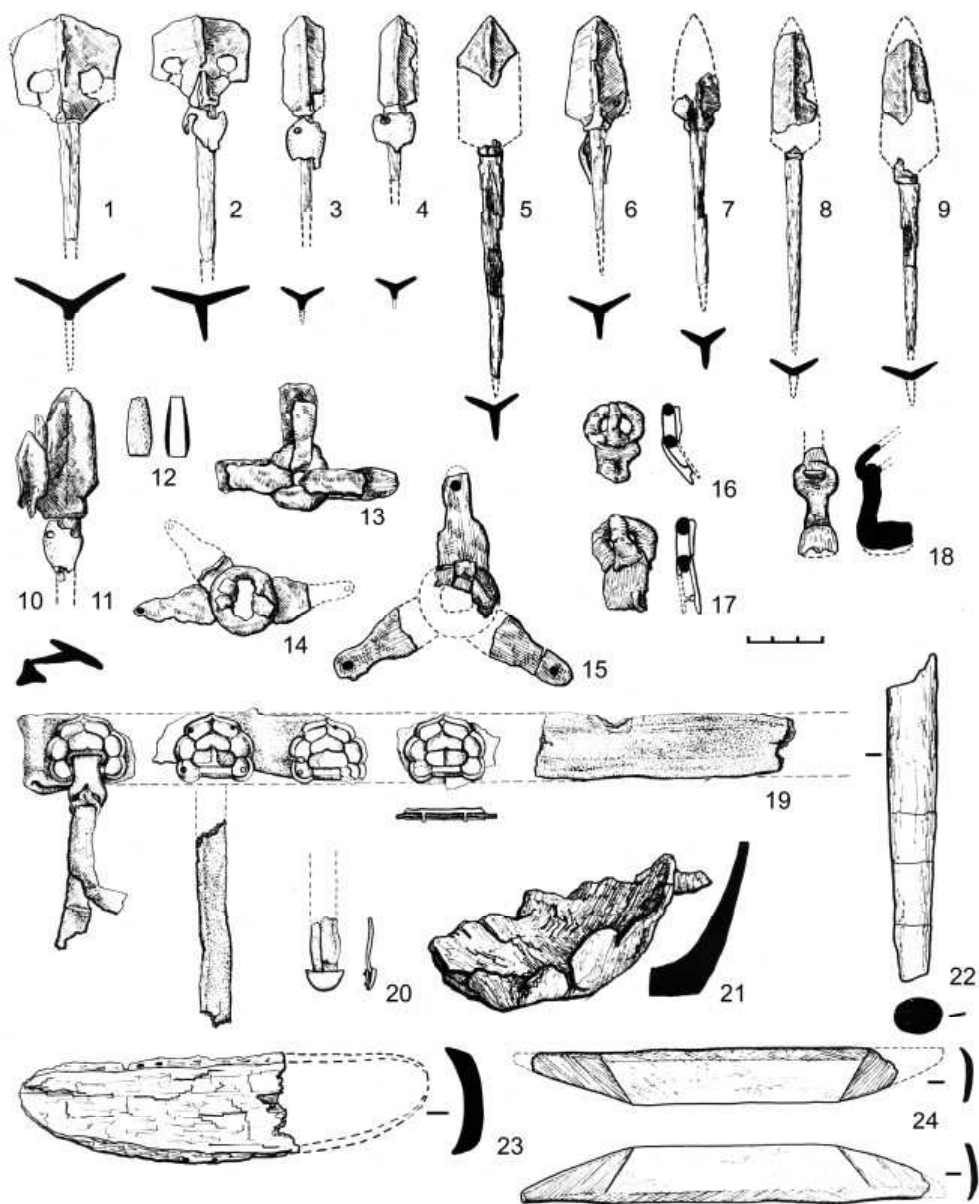


Табл. III. Могильник Аргалыкты I, курган 1, погребение 1.
 Инвентарь погребения — принадлежности человеческого убранства.
 1, 5, 7-10, 13-18 — железо; 2-4, 6, 11 — железо, рог; 12, 24 — рог;
 19, 20 — бронза, кожа; 21-23 — дерево

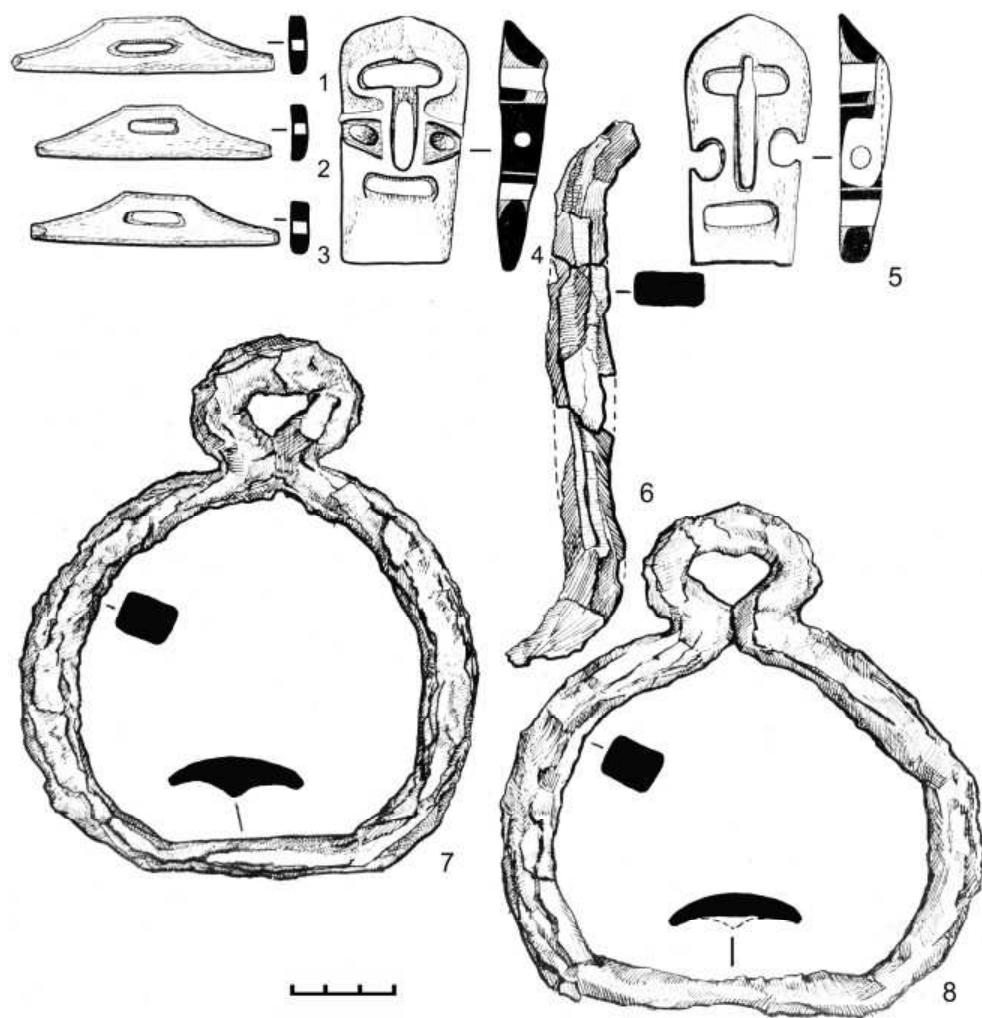


Табл. IV. Могильник Аргалыкты I, курган 1, погребение 1.
Инвентарь погребения — принадлежности конского убора.
1-5 — рог; 6-8 — железо

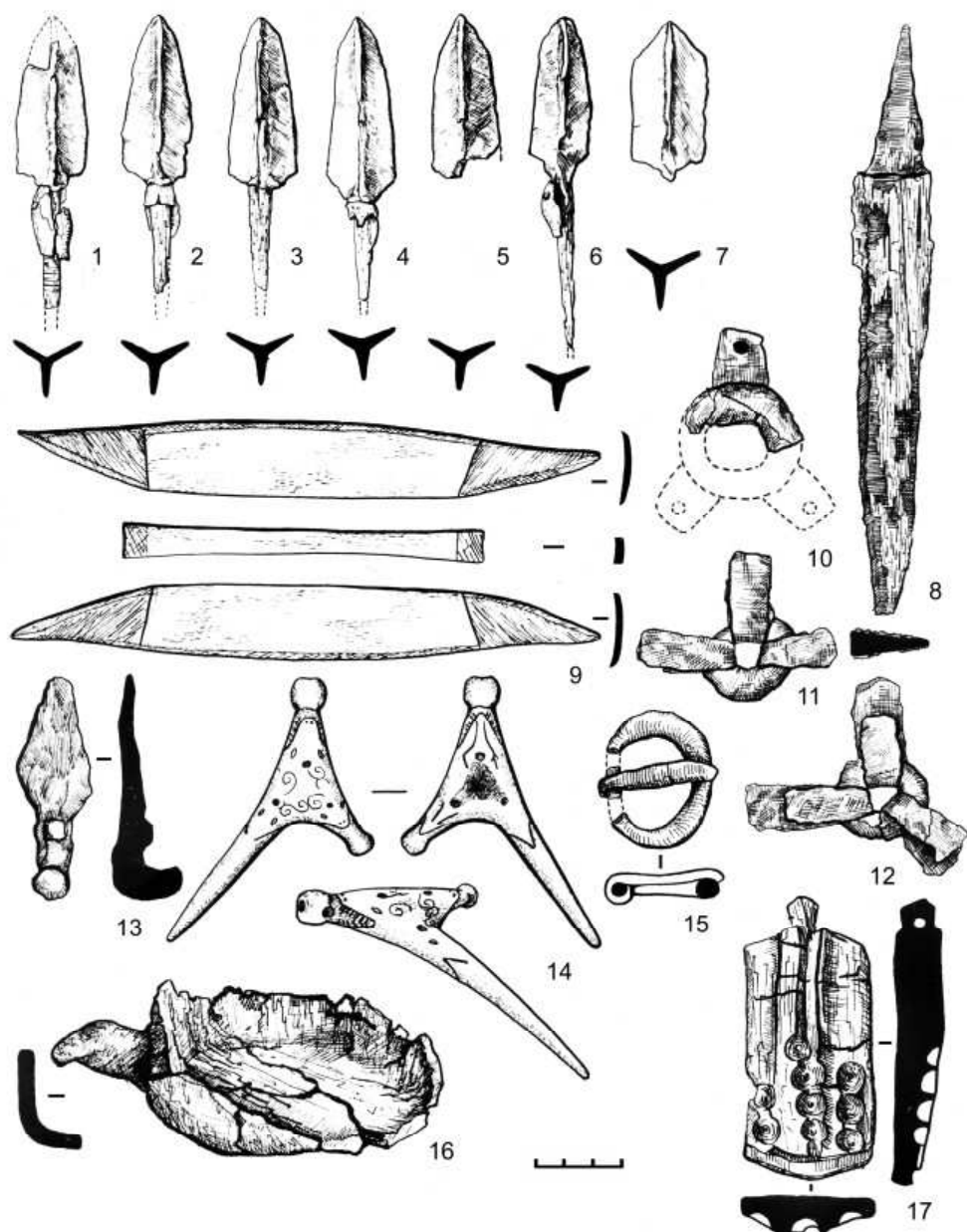


Табл. V. Могильник Аргалыкты I, курган 1, погребение 2.

Инвентарь погребения — принадлежности человеческого убранства.

1, 2, 4, 6 — железо, рог; 3, 5, 7, 10–13, 15 — железо; 8 — железо, дерево;
9, 14 — рог; 16, 17 — дерево

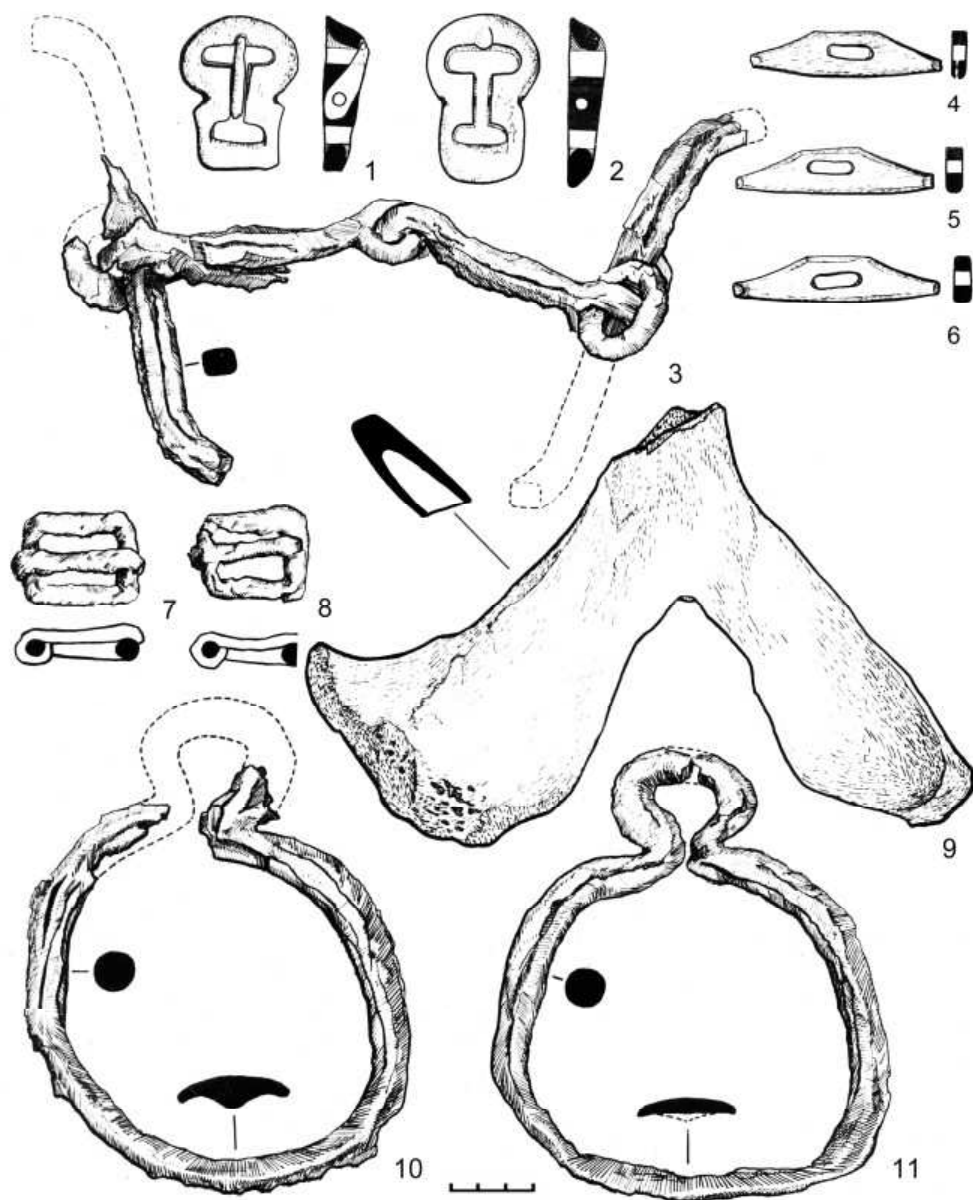


Табл. VI. Могильник Аргалыкты I, курган 1, погребение 2.
Инвентарь погребения — принадлежности конского убора.
1, 2, 4–6 — рог; 3, 7, 8, 10, 11 — железо; 9 — кость

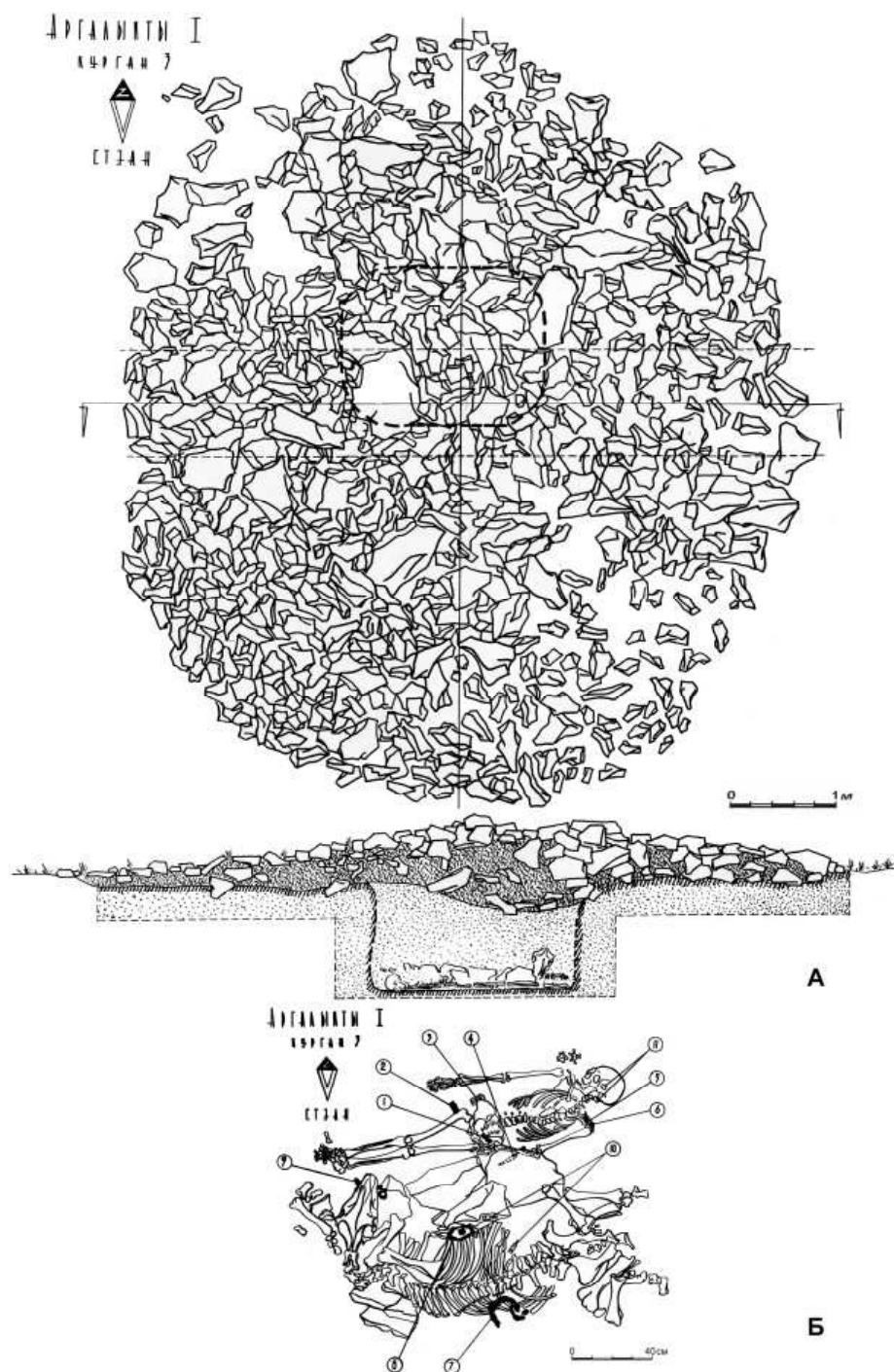


Табл. VII. Могильник Аргалыкты I, курган 3.
А — план и разрез сооружения; Б — план и разрез погребения.

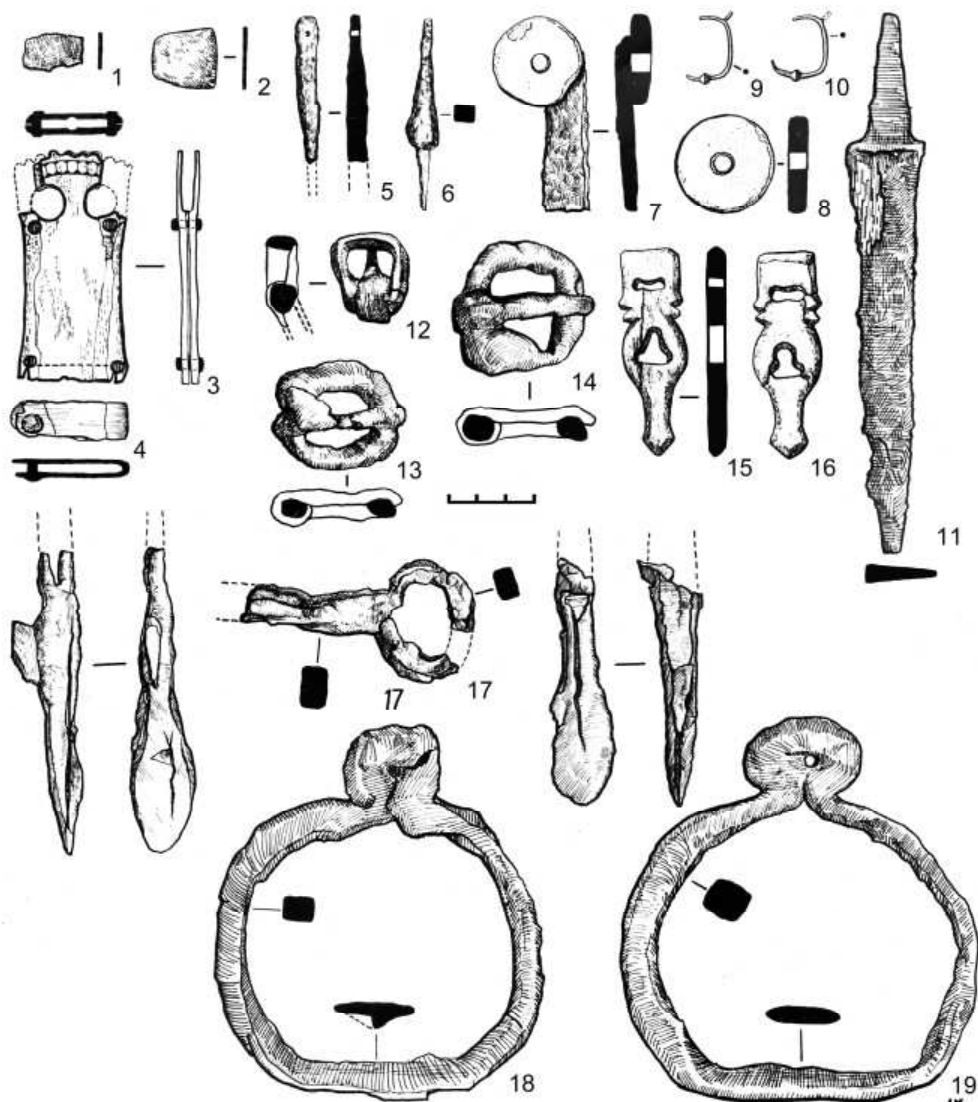


Табл. VIII. Могильник Аргалыкты I, курган 3. Инвентарь погребения — принадлежности человеческого убранства (1–11) и снаряжения коня (12–19).

1, 2, 4–6, 12–14, 17–19 — железо; 3 — кость; 7 — железо, камень; 8 — камень;
9, 10 — бронза; 11 — железо, дерево; 15, 16 — рог

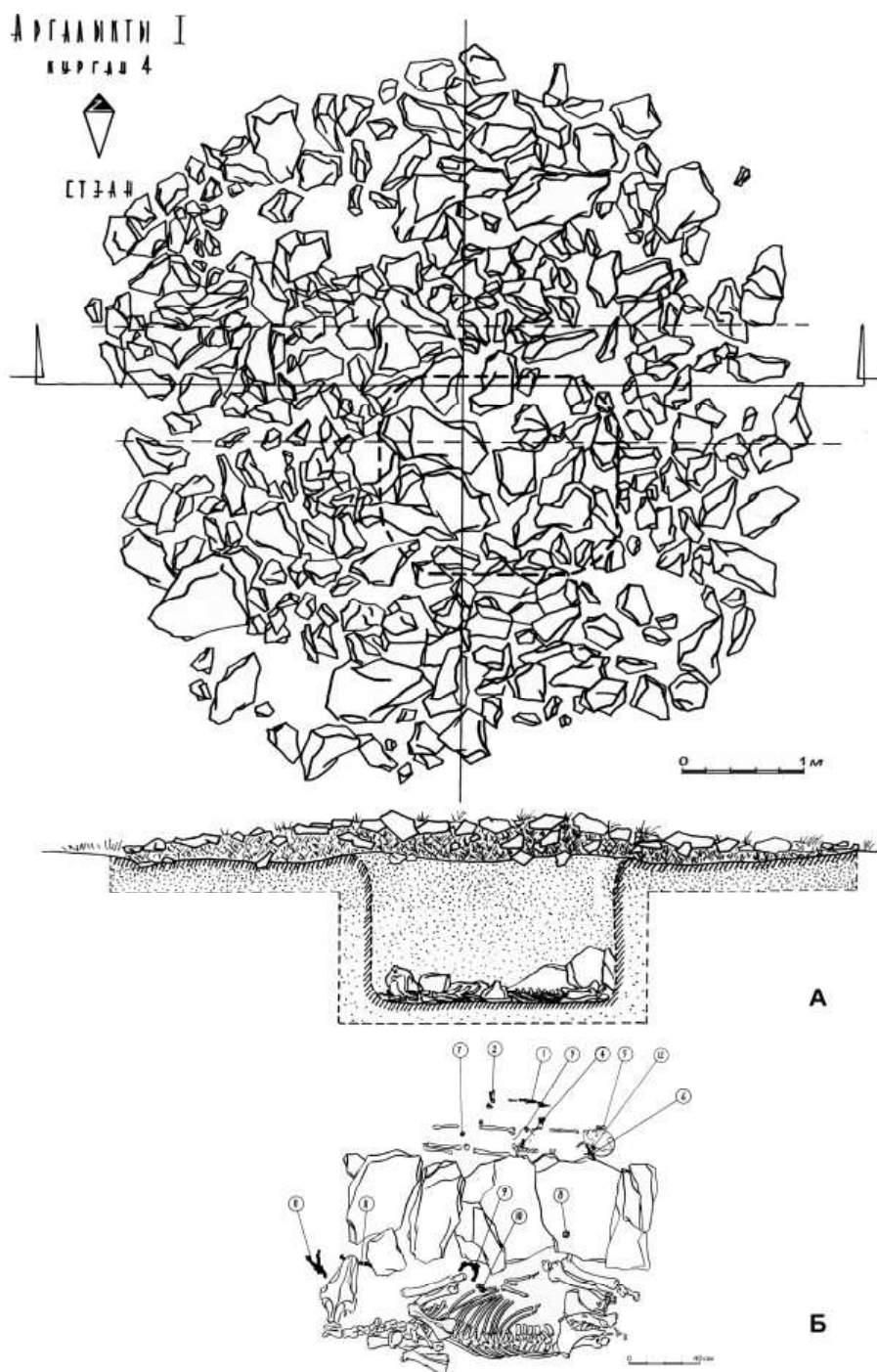


Табл. IX. Могильник Аргалыкты I, курган 4.
А — план и разрез сооружения; Б — план и разрез погребения.

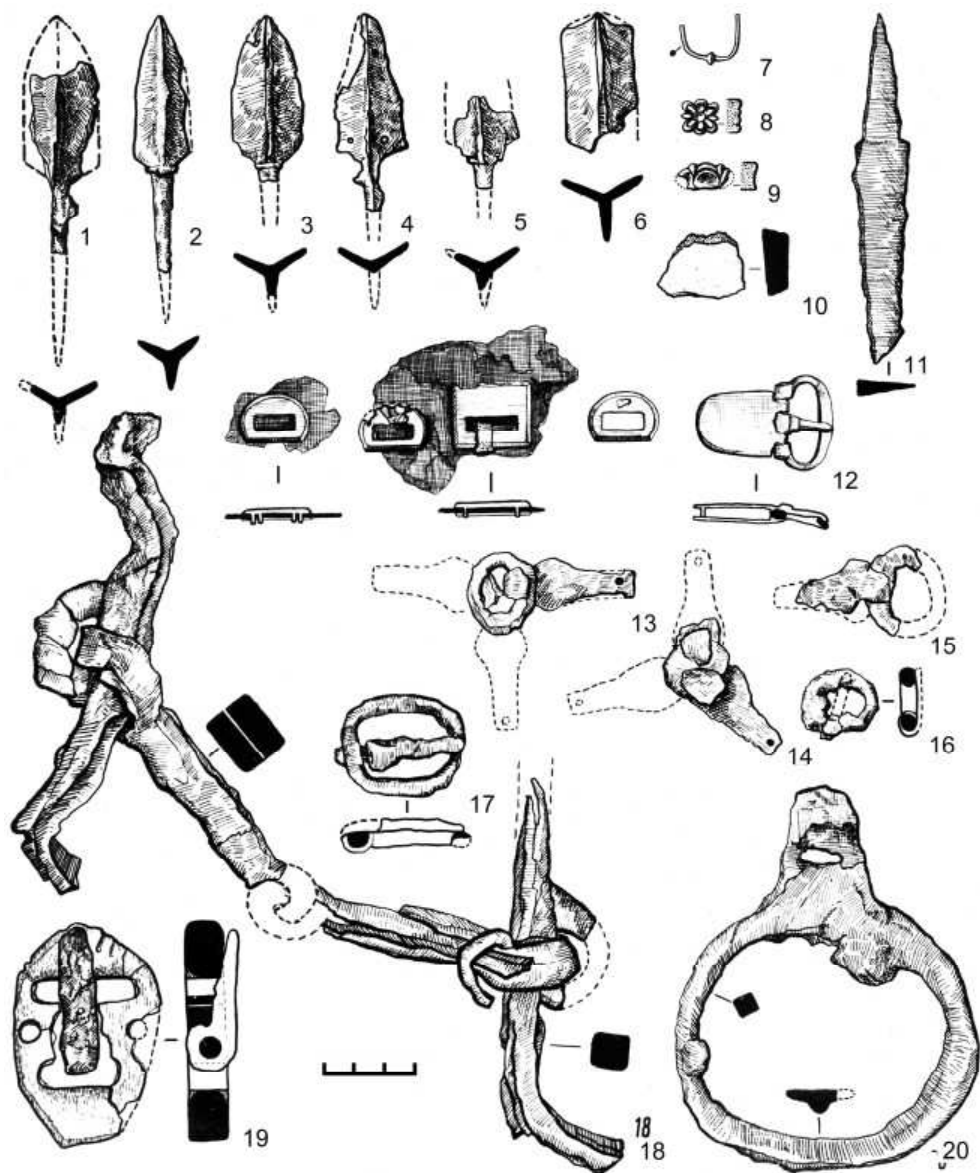


Табл. X. Могильник Аргалыкты I, курган 4. Инвентарь погребения — принадлежности человеческого убранства (1-7, 10-16) и снаряжения коня (8, 9, 17-20). 1-6, 11, 13-18, 20 — железо; 7 — бронза; 8, 9 — бронза (?), кожа; 10 — керамика; 12 — бронза, ткань; 19 — рог, железо

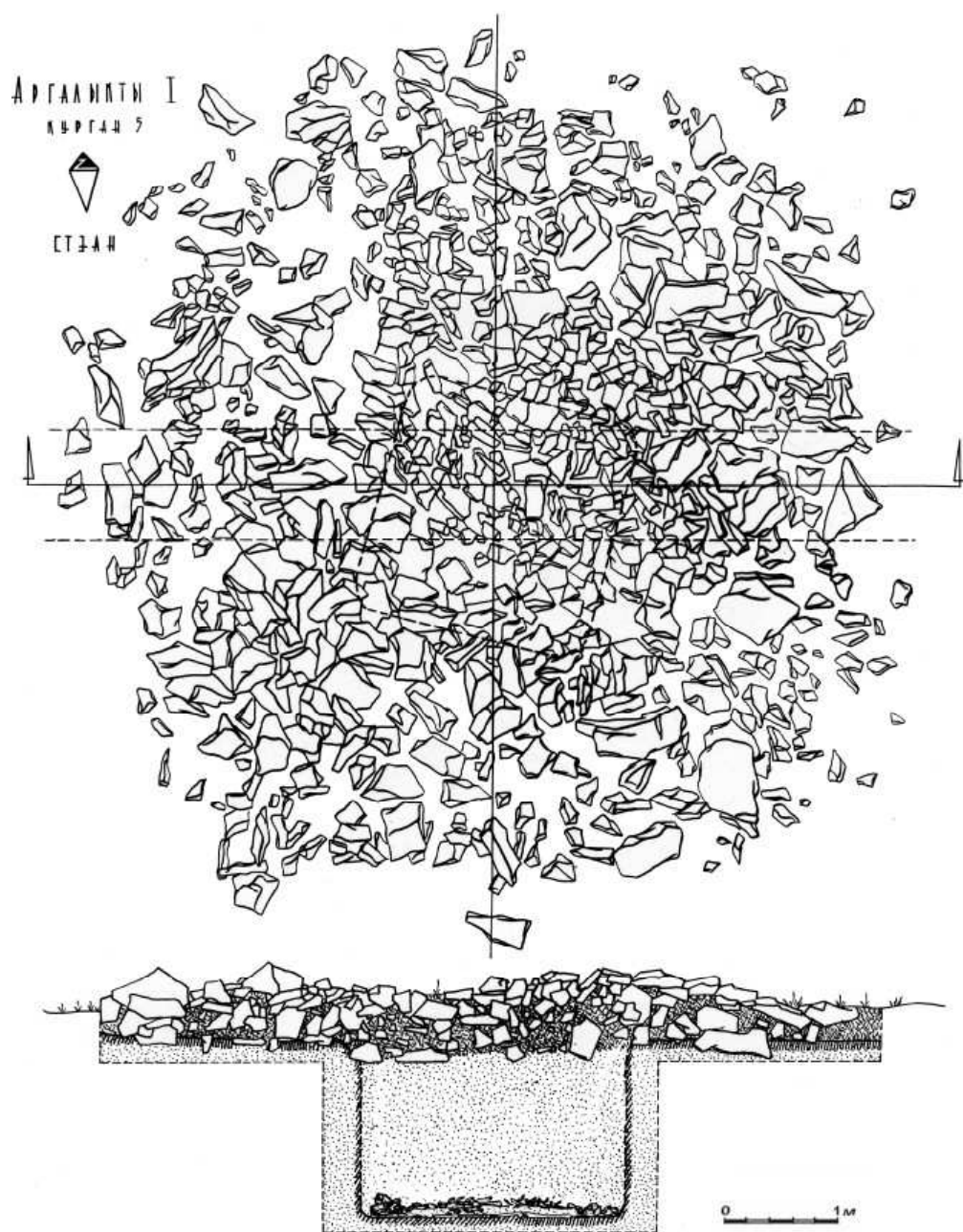


Табл. XI. Могильник Аргалыкты I, курган 5. План и разрез сооружения

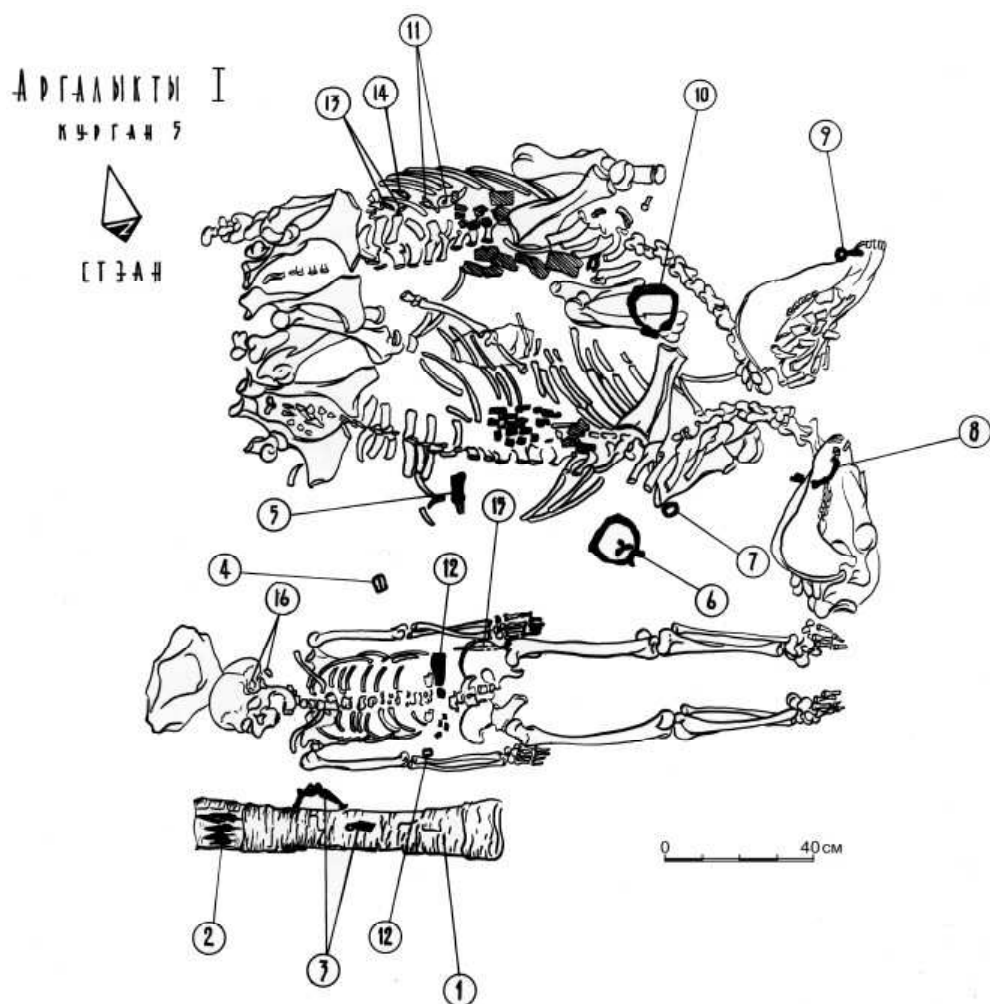


Табл. XII. Могильник Аргалыкты I, курган 5. План погребения

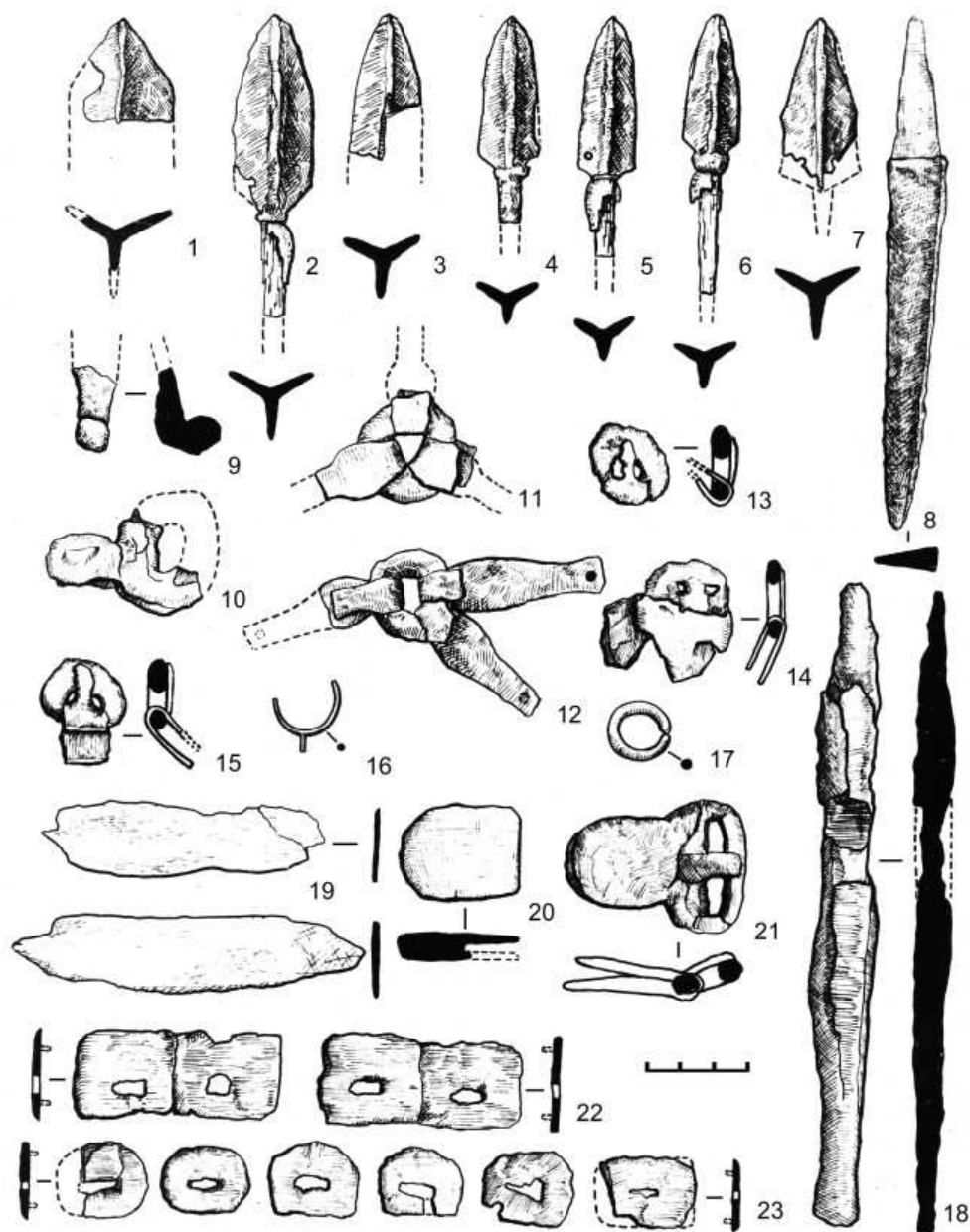


Табл. XIII. Могильник Аргалыкты I, курган 5. Инвентарь погребения — принадлежности человеческого убранства. 1, 3, 4, 7-15, 18, 20-23 — железо; 2, 5, 6 — железо, рог; 16 — бронза; 17 — материал не определен; 19 — рог

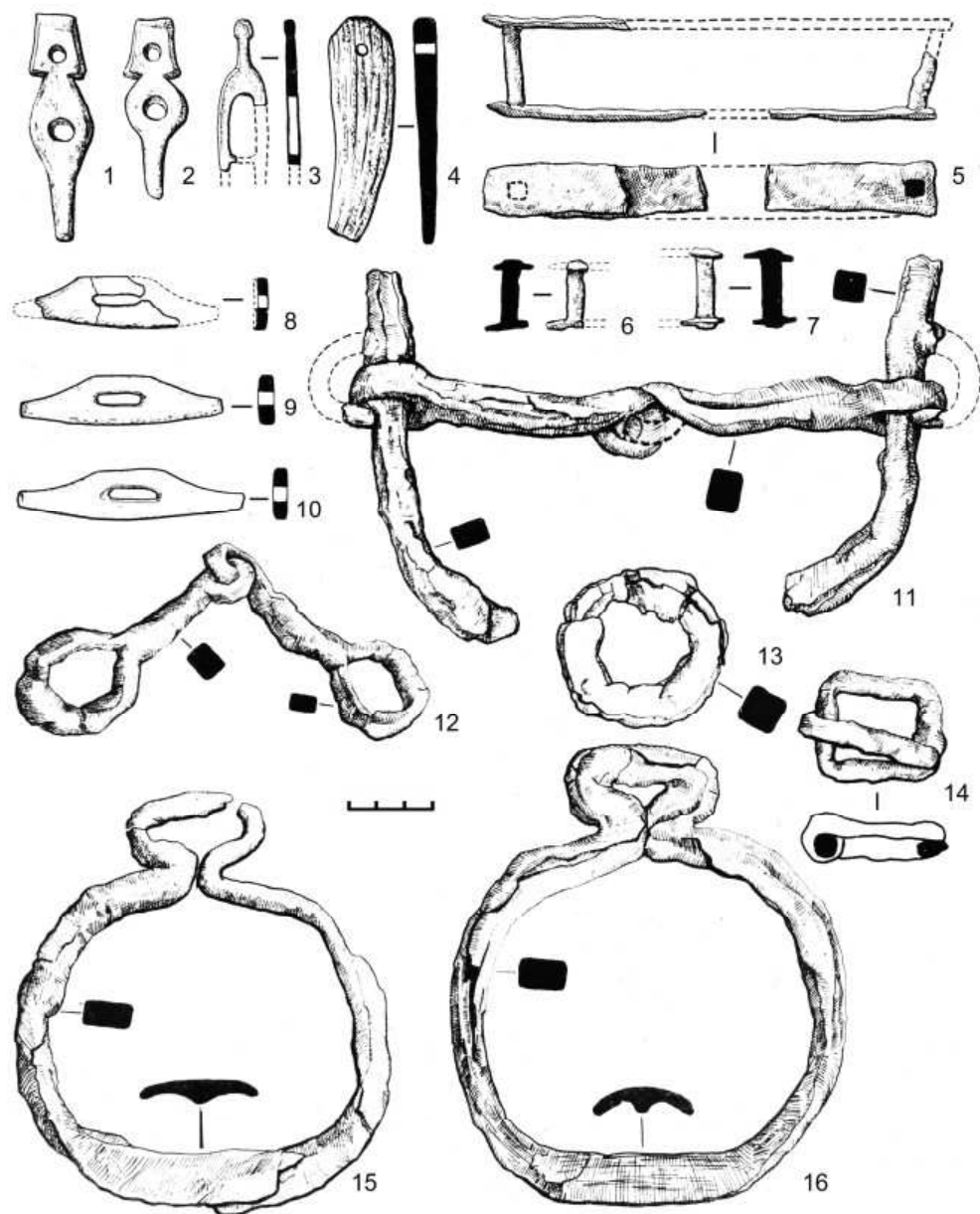


Табл. XIV. Могильник Аргалыкты I, курган 5.
Инвентарь погребения — принадлежности конских уборов.
1, 2, 4, 8-10 — рог; 3 — кость; 5, 6, 7, 11-16 — железо

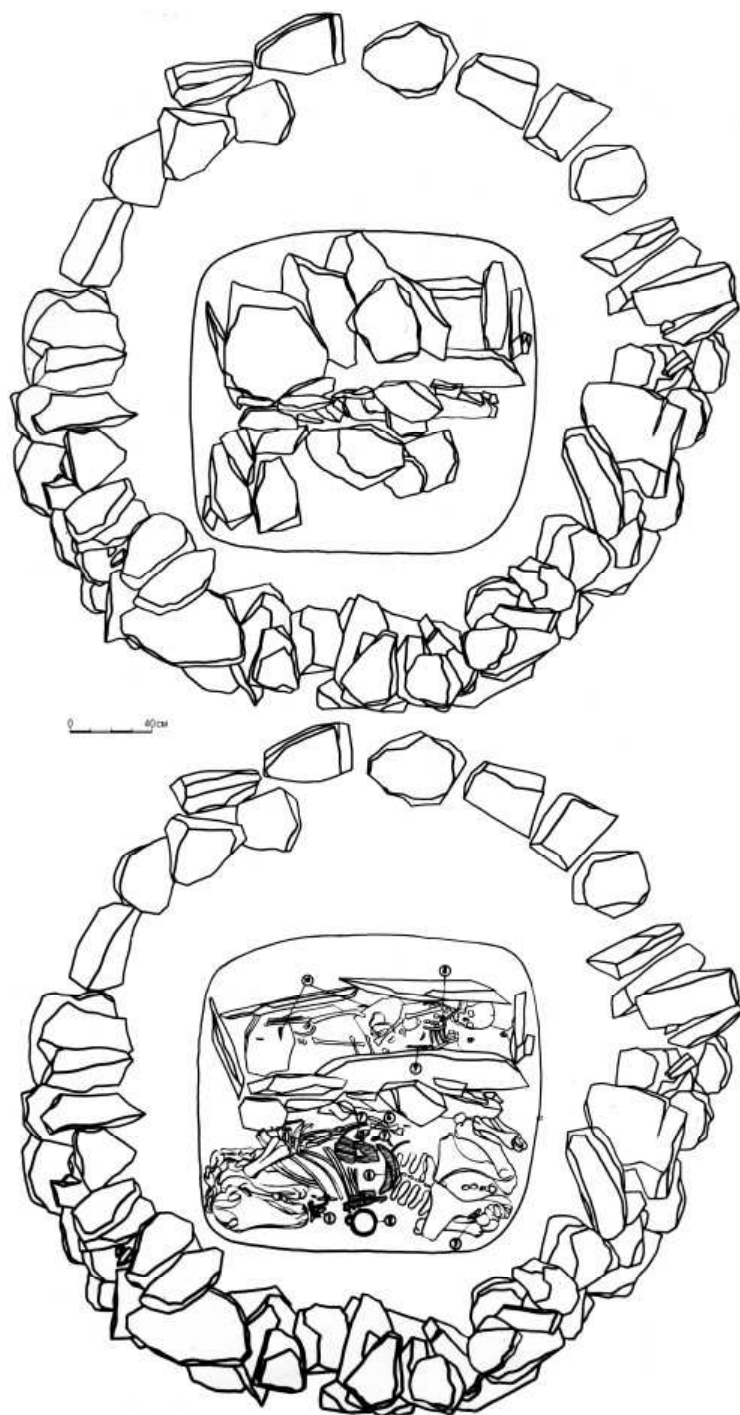


Табл. XV. Могильник Аргалыкты VIII, курган 2. Планы сооружения и погребения

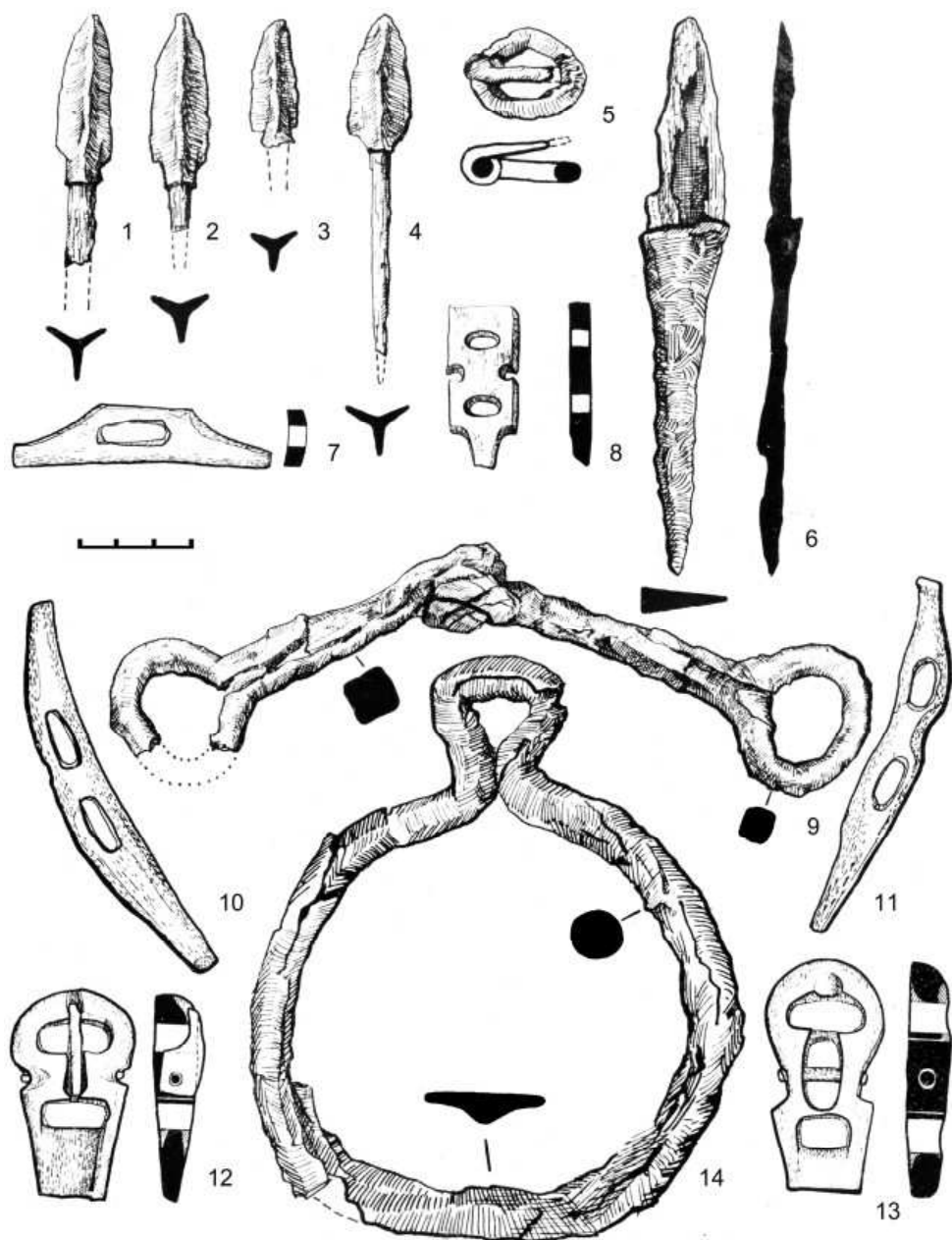


Табл. XVI. Могильник Аргалыкты VIII, курган 2. Инвентарь погребения — принадлежности человеческого убранства (1–6) и снаряжения коня (7–13).

1–5, 9, 14 — железо; 6 — железо, дерево; 7, 8, 10–13 — рог

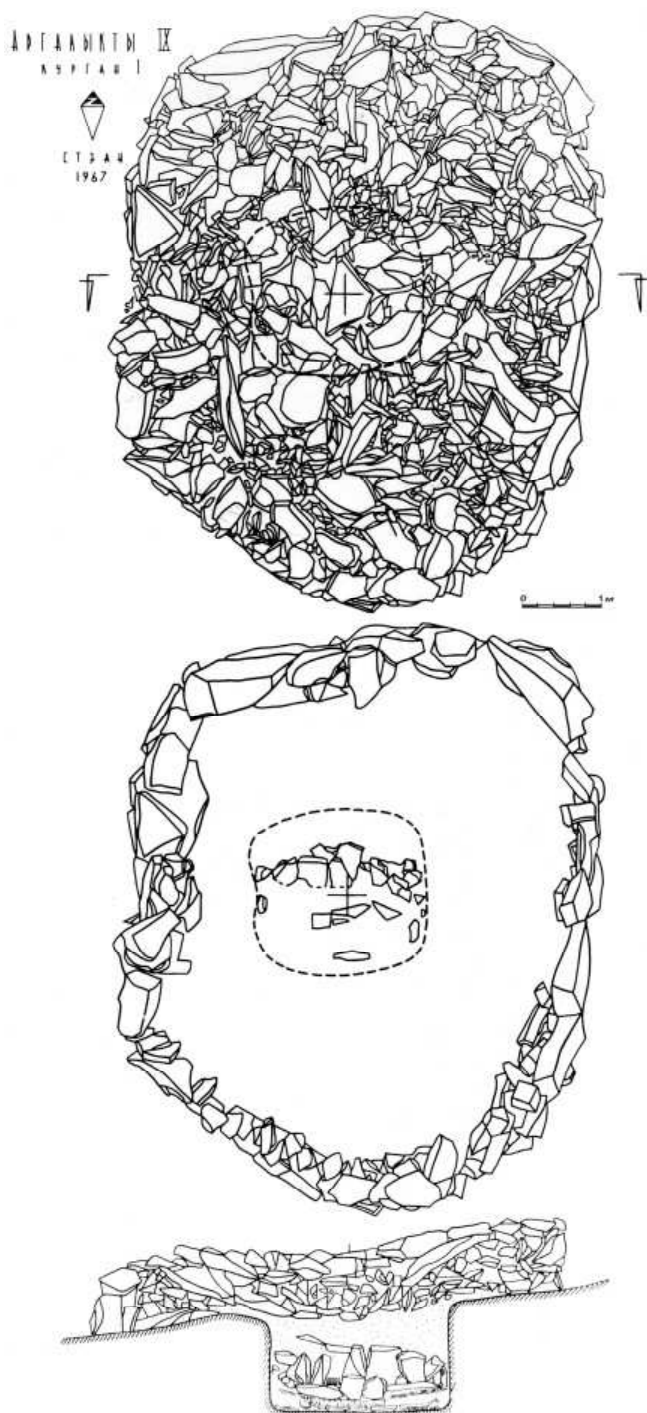


Табл. XVII. Могильник Аргалыкты IX, курган 1. Планы и разрез сооружения

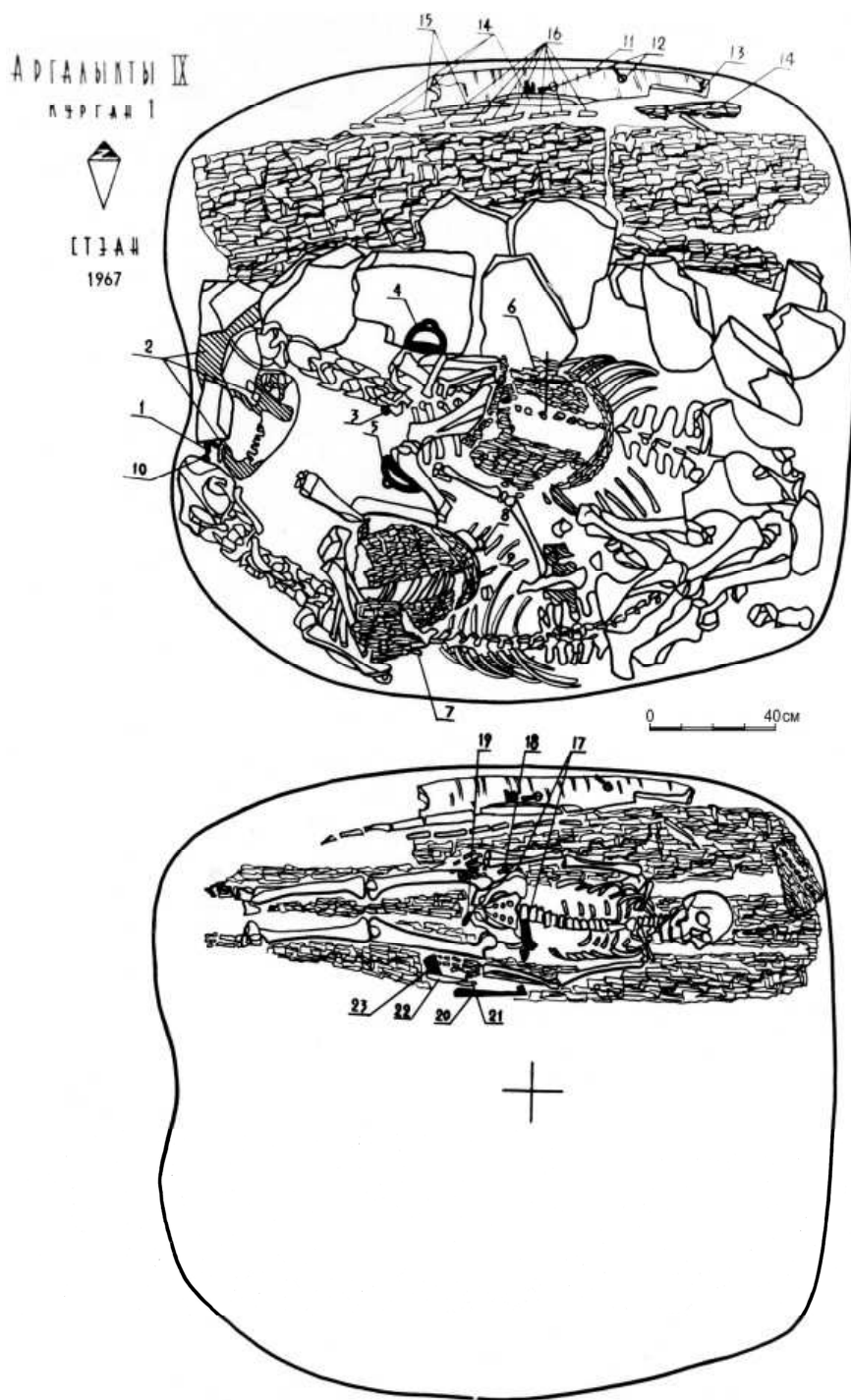


Табл. XVIII. Могильник Аргалыкты IX, курган I. Планы погребения

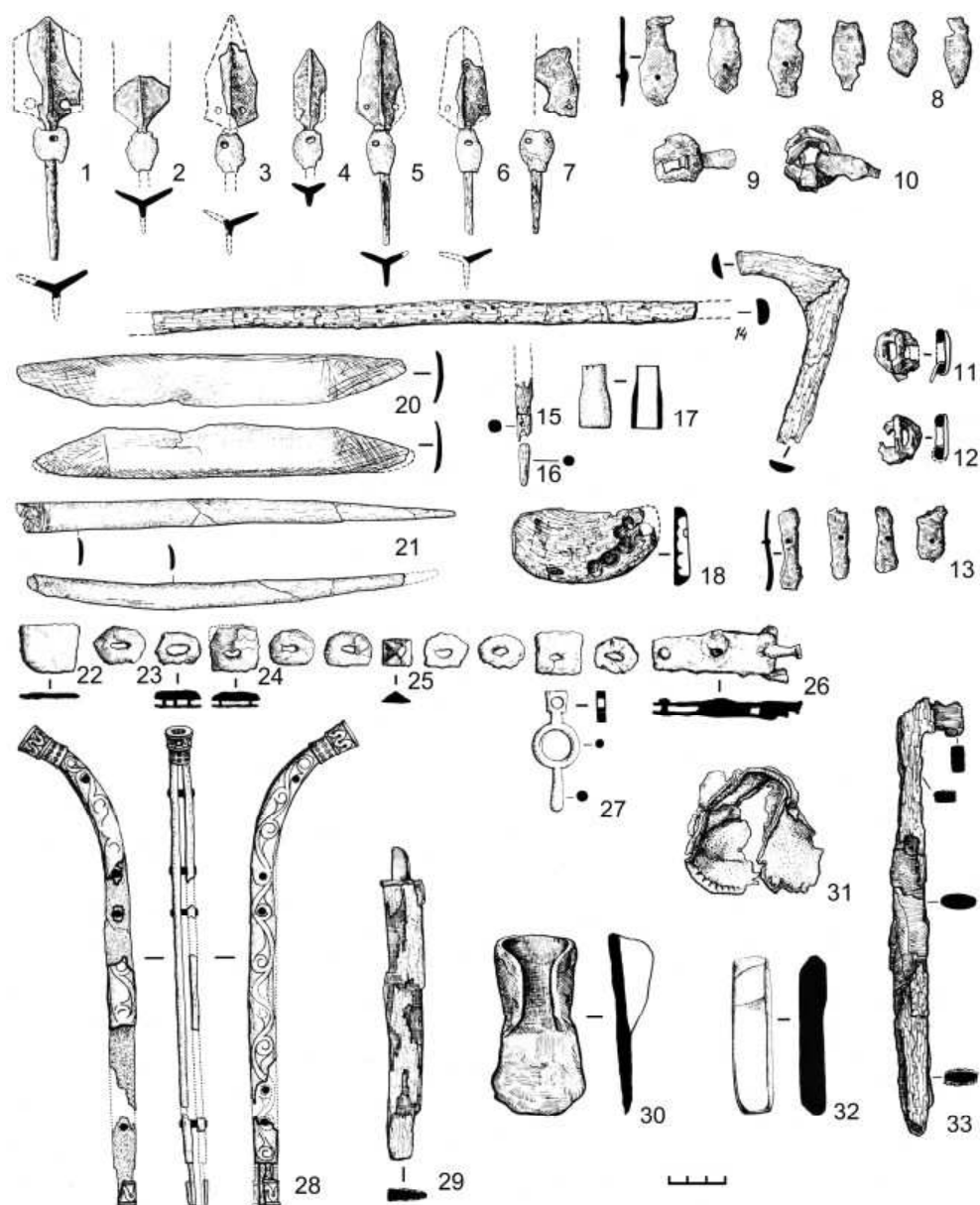


Табл. XIX. Могильник Аргалыкты IX, курган 1.

Инвентарь погребения — принадлежности человеческого убранства.

1-7 — железо, рог; 8-13, 22-26, 30 — железо; 14-16, 18, 19 — дерево;
17, 20, 21, 27 — рог; 28 — кость; 29, 33 — железо, дерево; 31 — кожа; 32 — камень

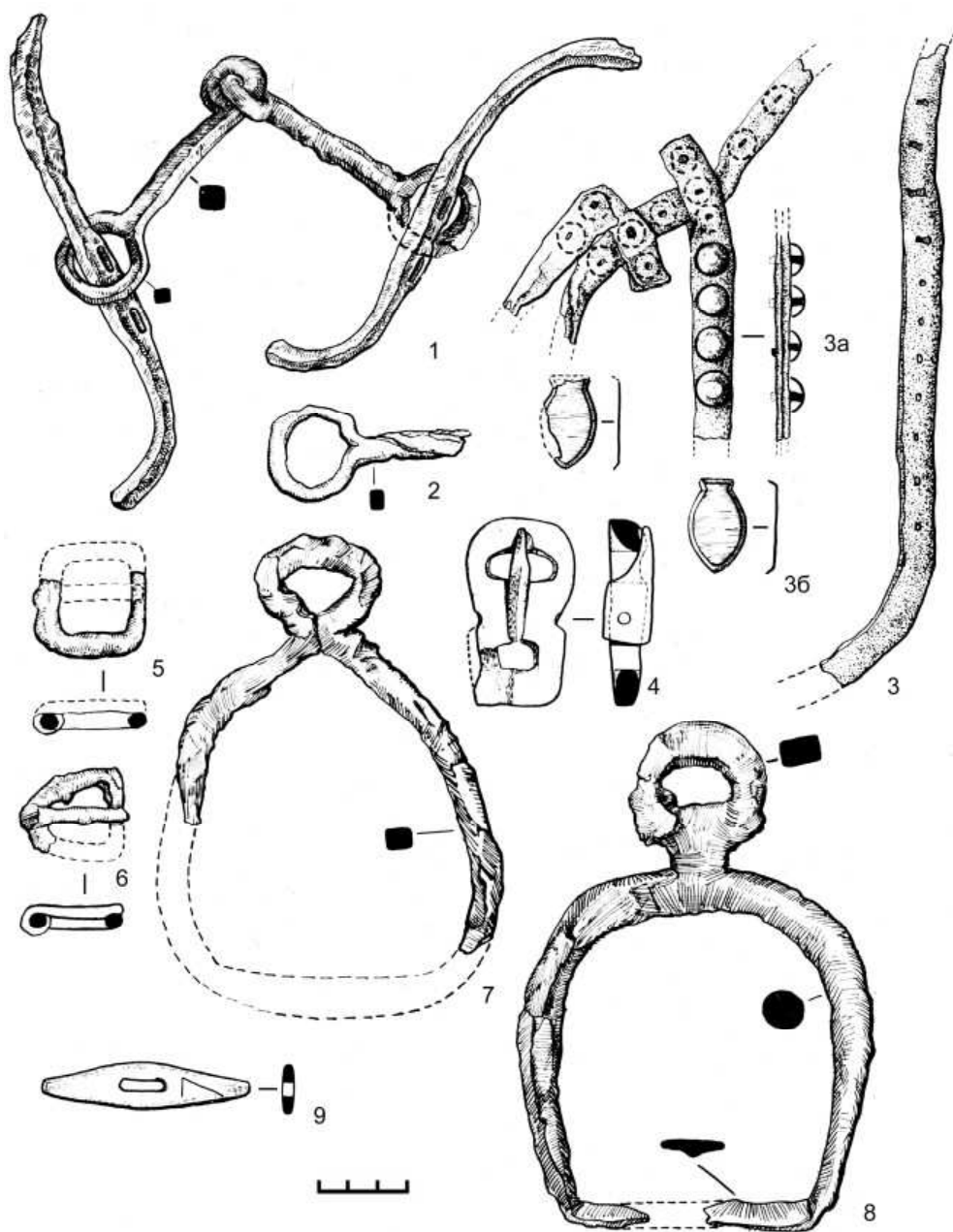


Табл. XX. Могильник Аргалыкты IX, курган 1.
Инвентарь погребения — принадлежности конских уборов.
1, 2, 5, 8 — железо; 3 — кожа, бронза (?); 4, 9 — рог

КАРА-ТАЛ I
КУРГАН 3



СТЗ-АН
1966

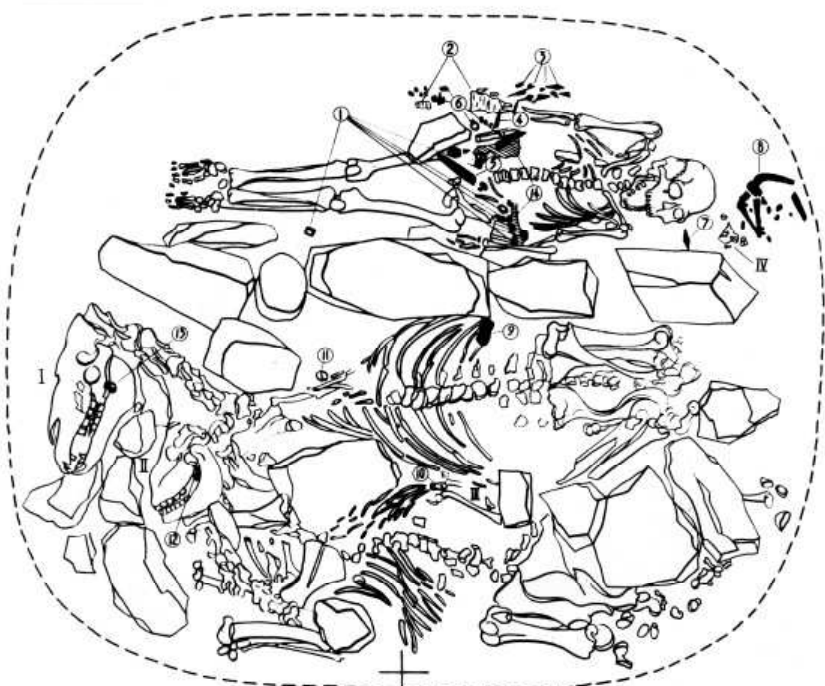
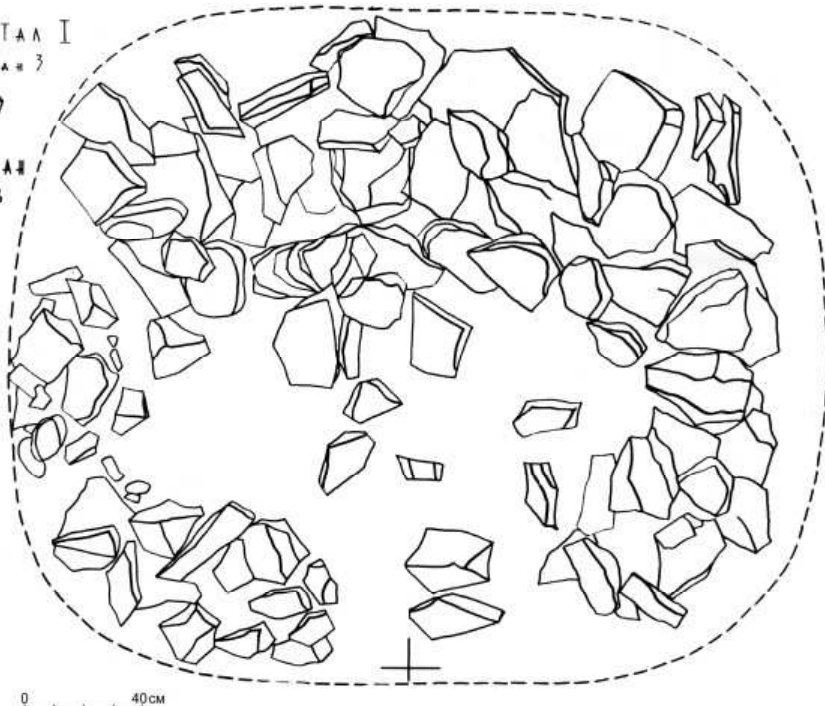


Табл. XXI. Могильник Кара-Тал I, курган 3. Планы сооружения и погребения

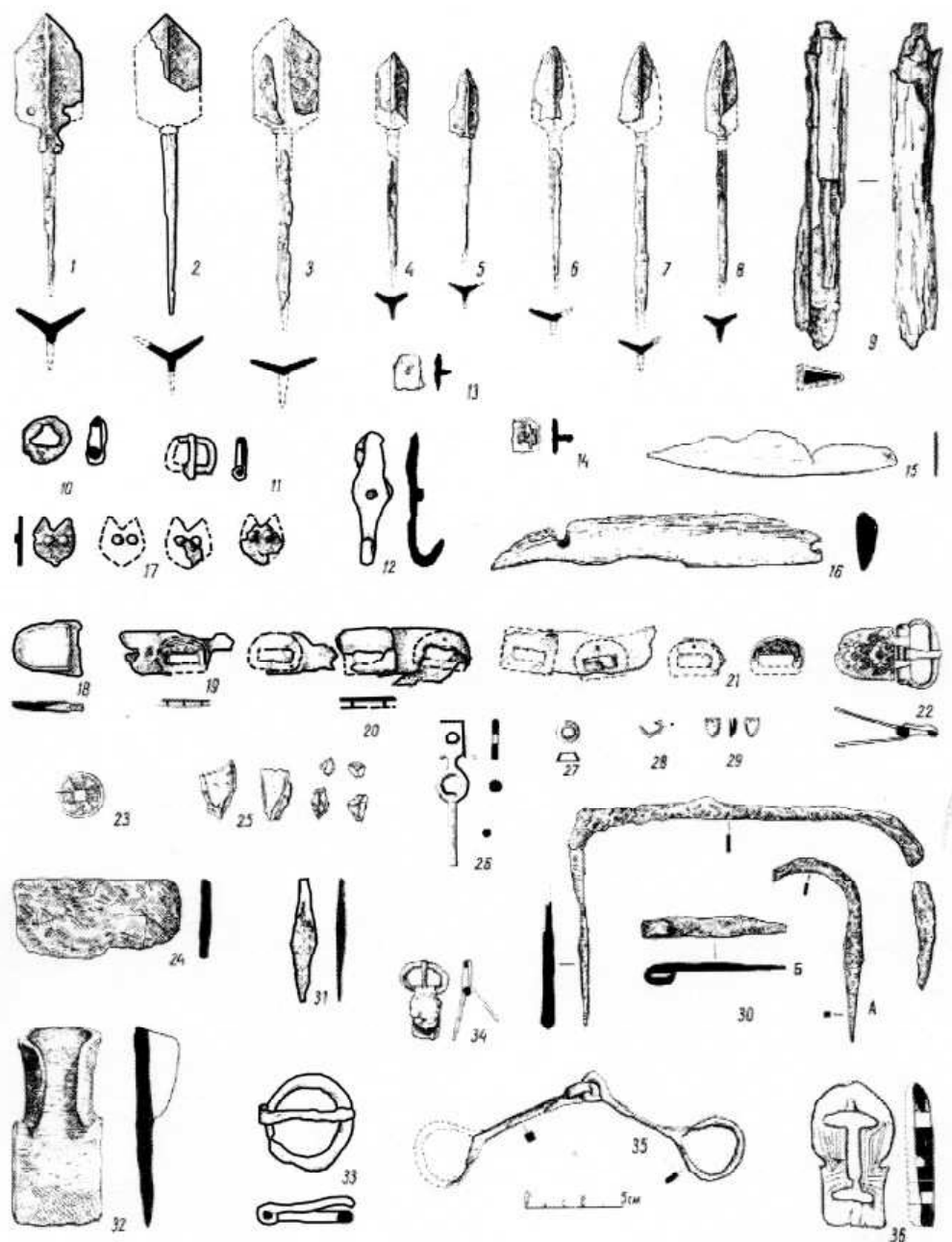


Табл. XXII. Могильник Кара-Тал I, курган 3.

Инвентарь погребения — принадлежности человеческого убранства (1–32) и снаряжения коней (33–36). 1–8, 10, 11, 13, 14, 24, 30, 31–35 — железо; 9 — железо, дерево; 12, 17 — железо, бронза; 15, 36 — рог; 16 — дерево; 18–21 — бронза, кожа; 22, 23, 26–29 — бронза; 25 — кремнь

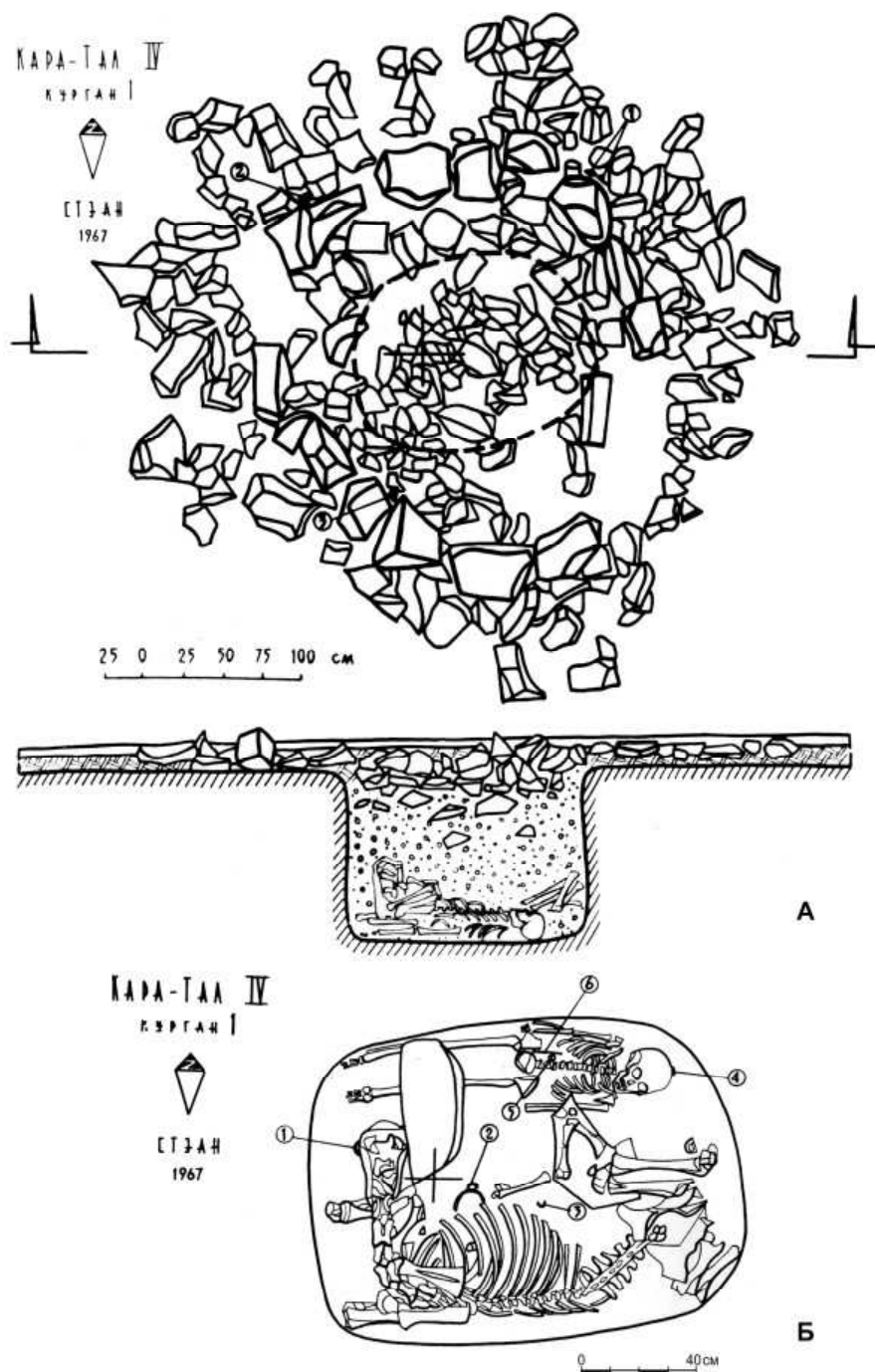


Табл. XXIII. Могильник Кара-Тал IV, курган I.
А — план сооружения и разрез; Б — план погребения

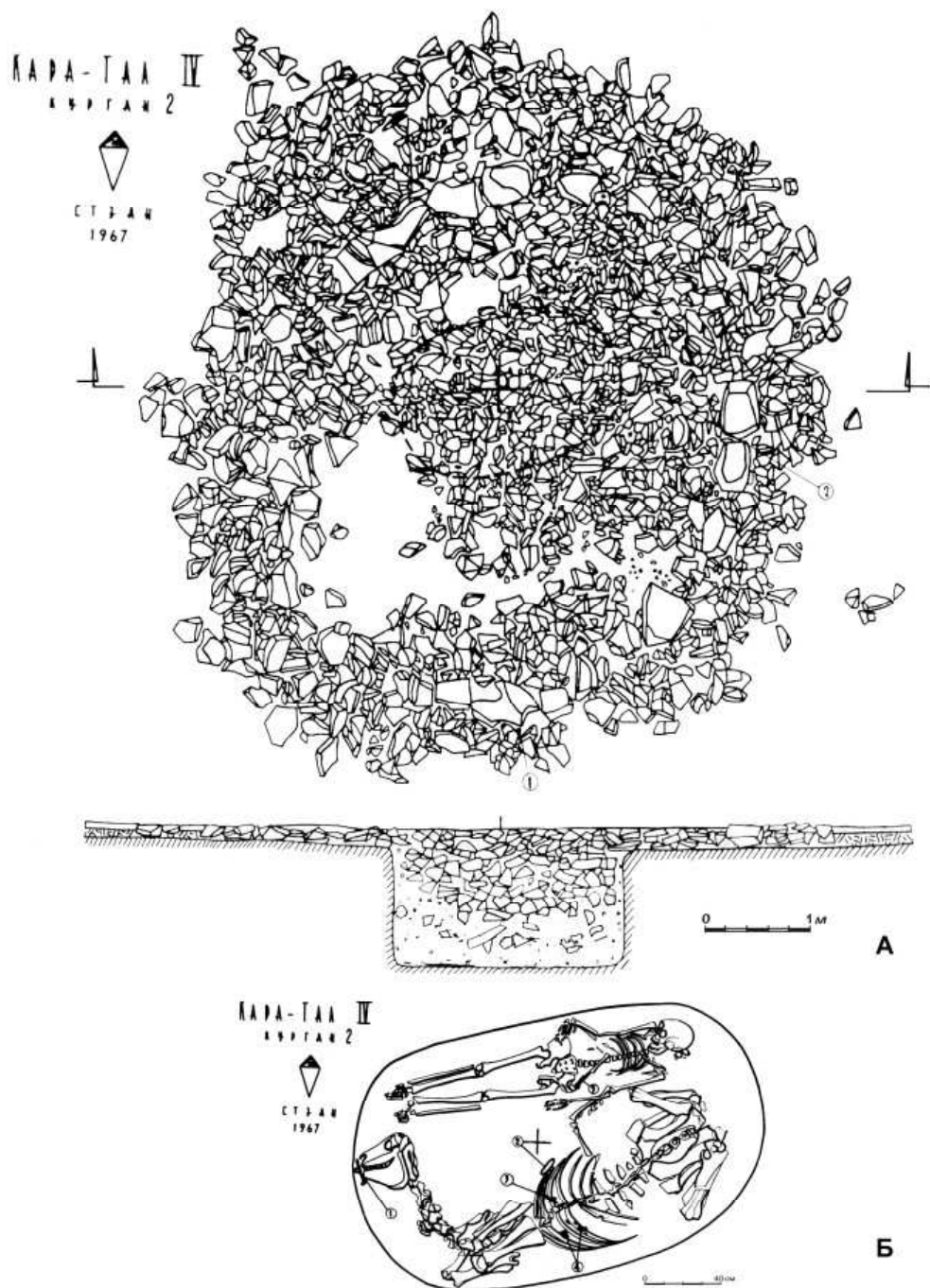


Табл. XXIV. Могильник Кара-Тал IV, курган 2.
А — план сооружения и разрез; Б — план погребения

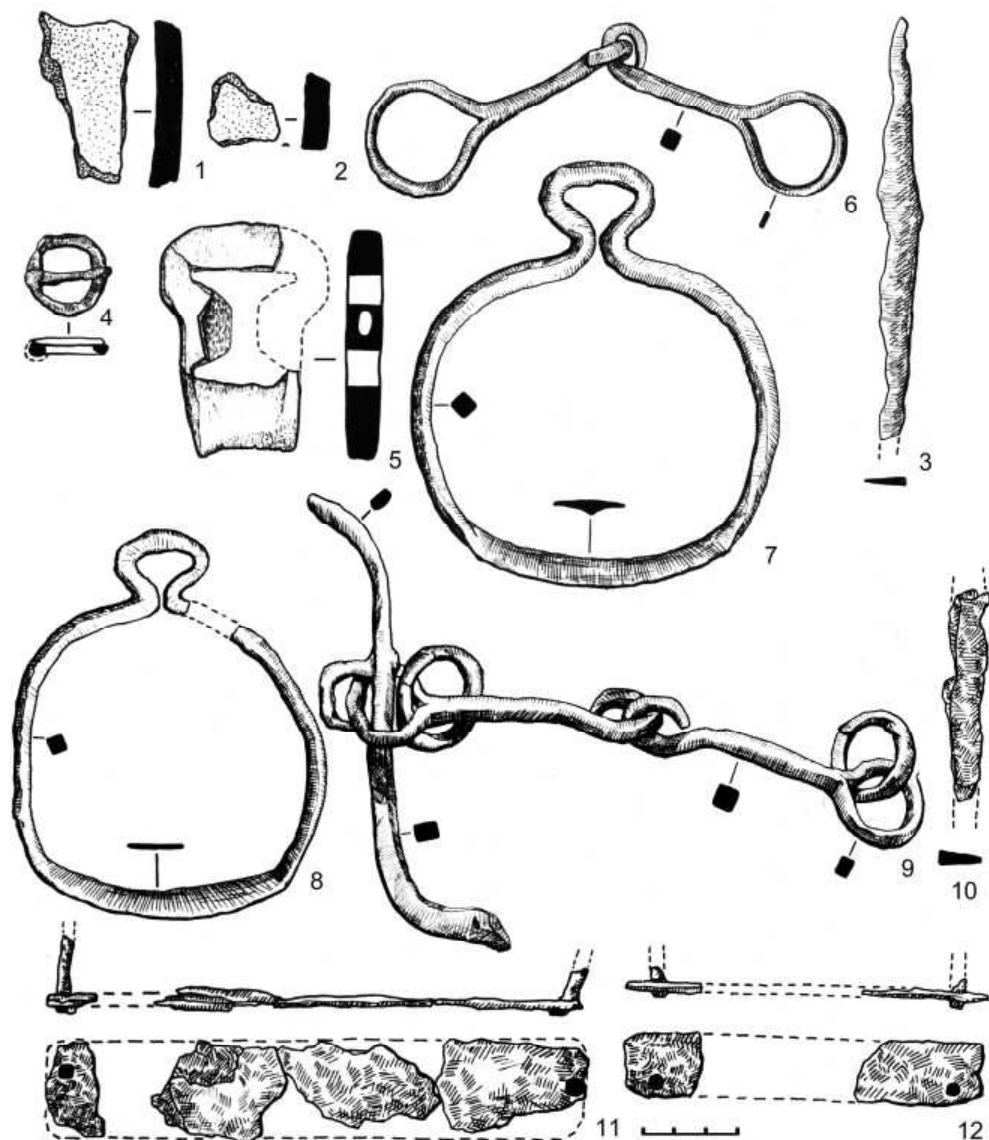


Табл. XXV. Могильник Кара-Тал IV, курганы 1 (1–7), 2 (8–12).

Инвентарь погребения — принадлежности человеческого убранства (1–4, 10) и снаряжения коней (5–9, 11, 12). 1, 2 — керамика; 3, 4, 6–12 — железо; 5 — рог

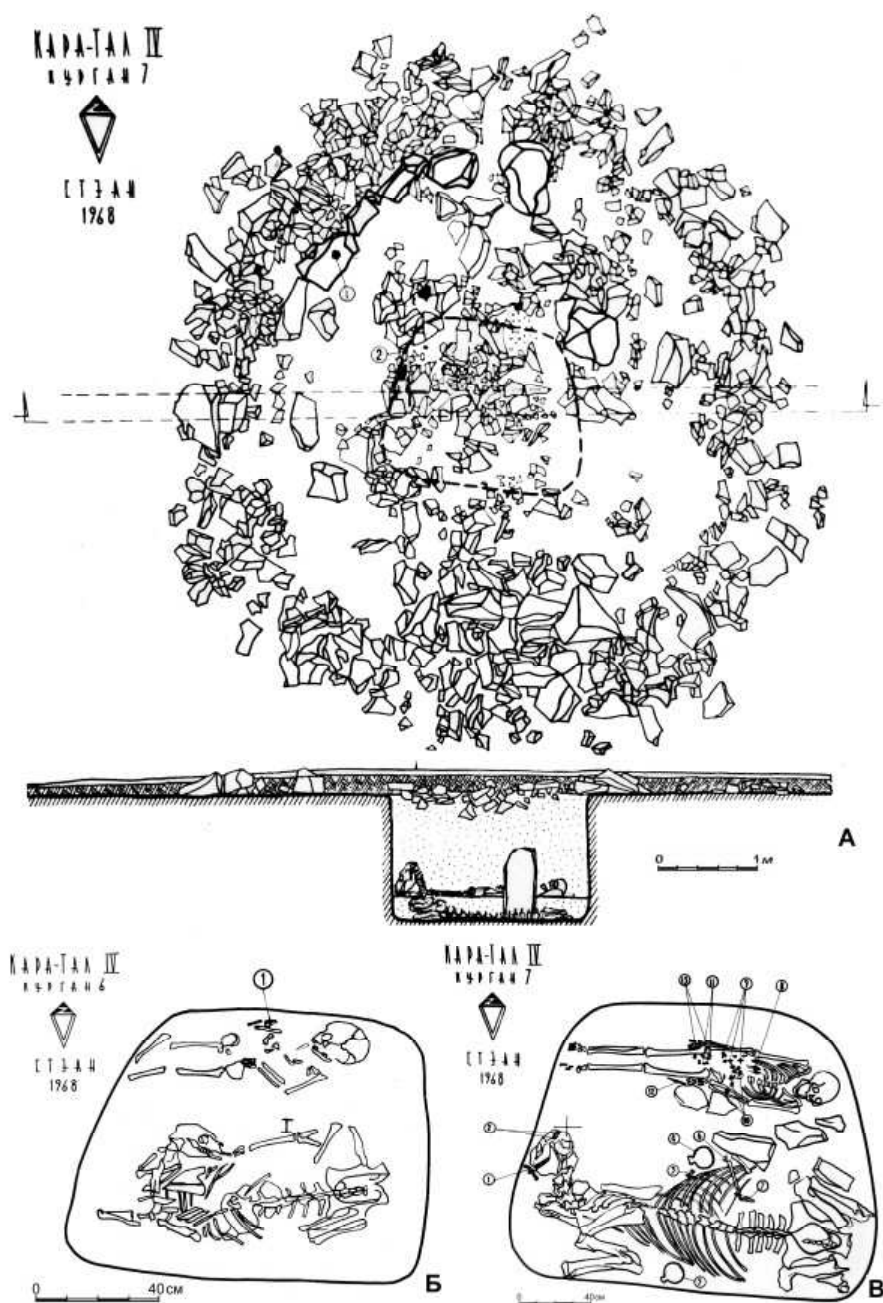


Табл. XXVI. Могильник Кара-Тал IV.
Курган 7: А — план и разрез сооружения; В — план погребения.
Курган 6: Б — план погребения

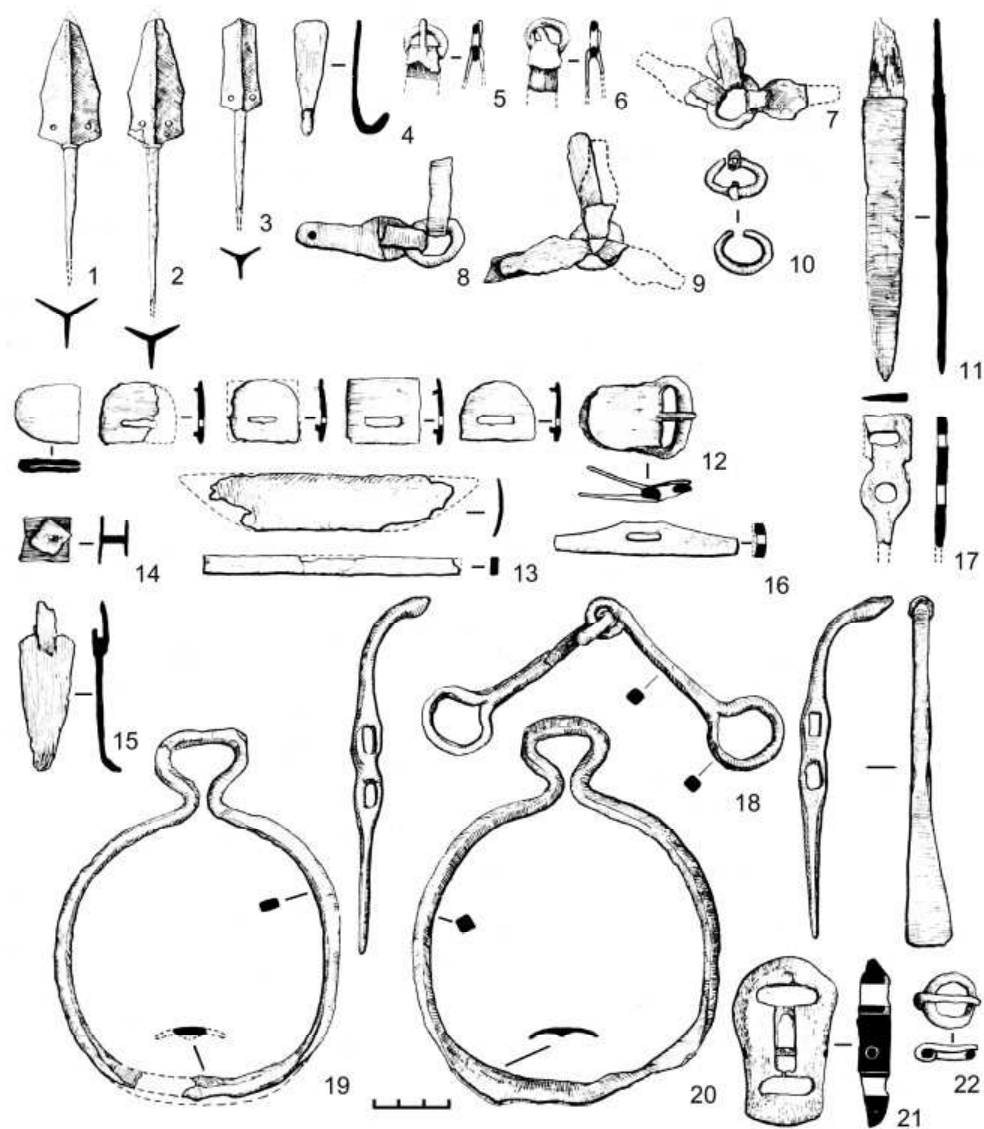


Табл. XXVII. Могильник Кара-Тал IV, курганы 6 (22), 7 (1–21).

Инвентарь погребения — принадлежности человеческого убранства (1–13, 22) и снаряжения коней (14–20). 1–12, 14, 15, 18–20, 22 — железо; 13, 16, 17, 21 — рог

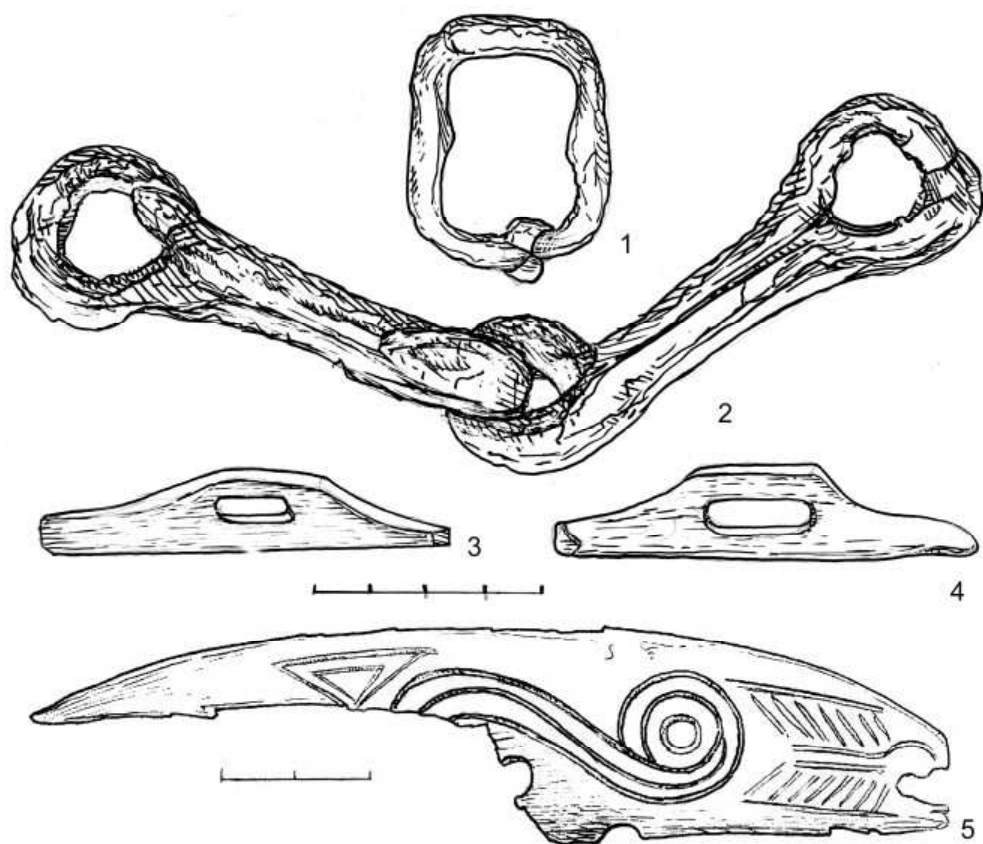


Табл. XXVIII. Могильник Дыттыг-Чарык-Аксы I.
Предметы сопроводительного инвентаря. 1-4 — курган 2; 5 — курган 3.
1, 2 — железо; 3, 4, 5 — кость

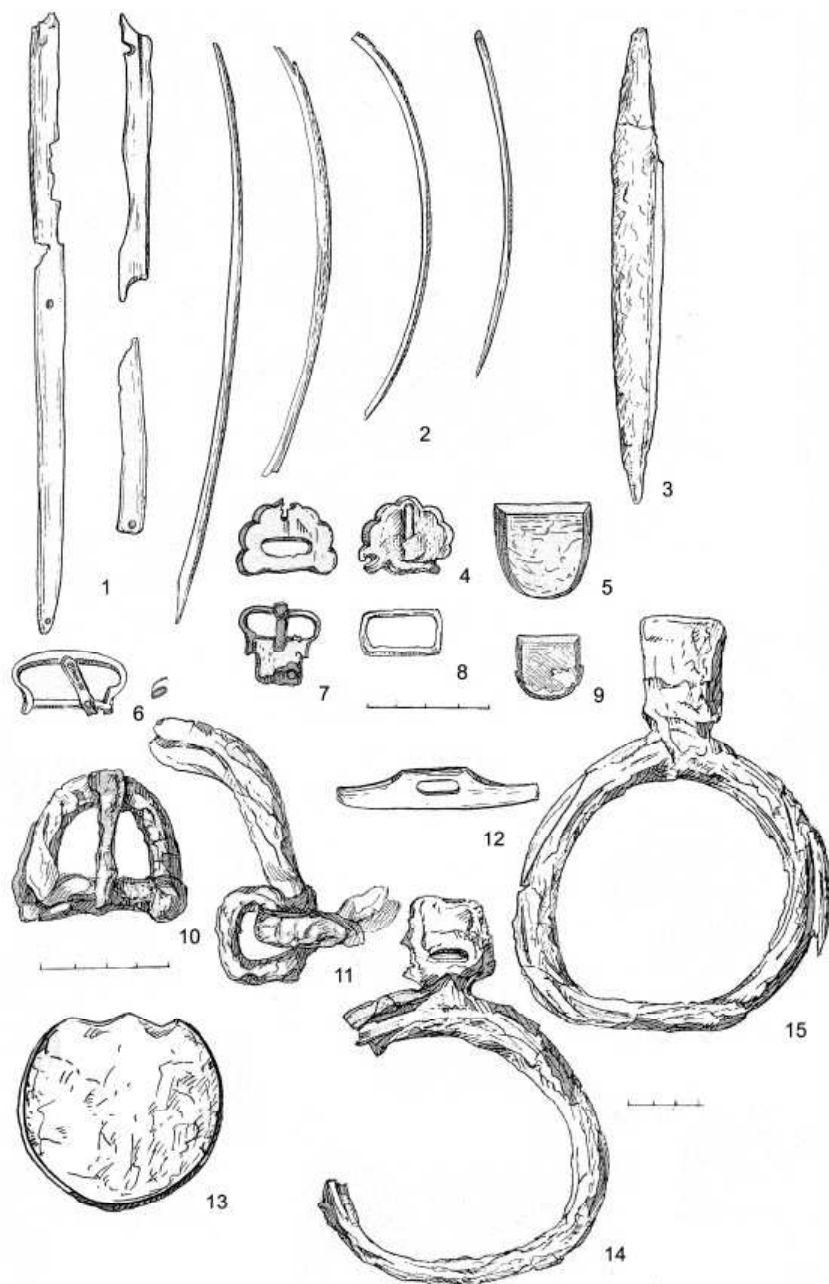


Табл. XXIX. Могильник Дыттыг-Чарык-Аксы I, курган 3.

Предметы сопроводительного инвентаря.

3, 4, 14 — кость; 5, 12, 13, 16, 17 — железо; 6, 7, 8, 9, 10, 11, 15 — бронза

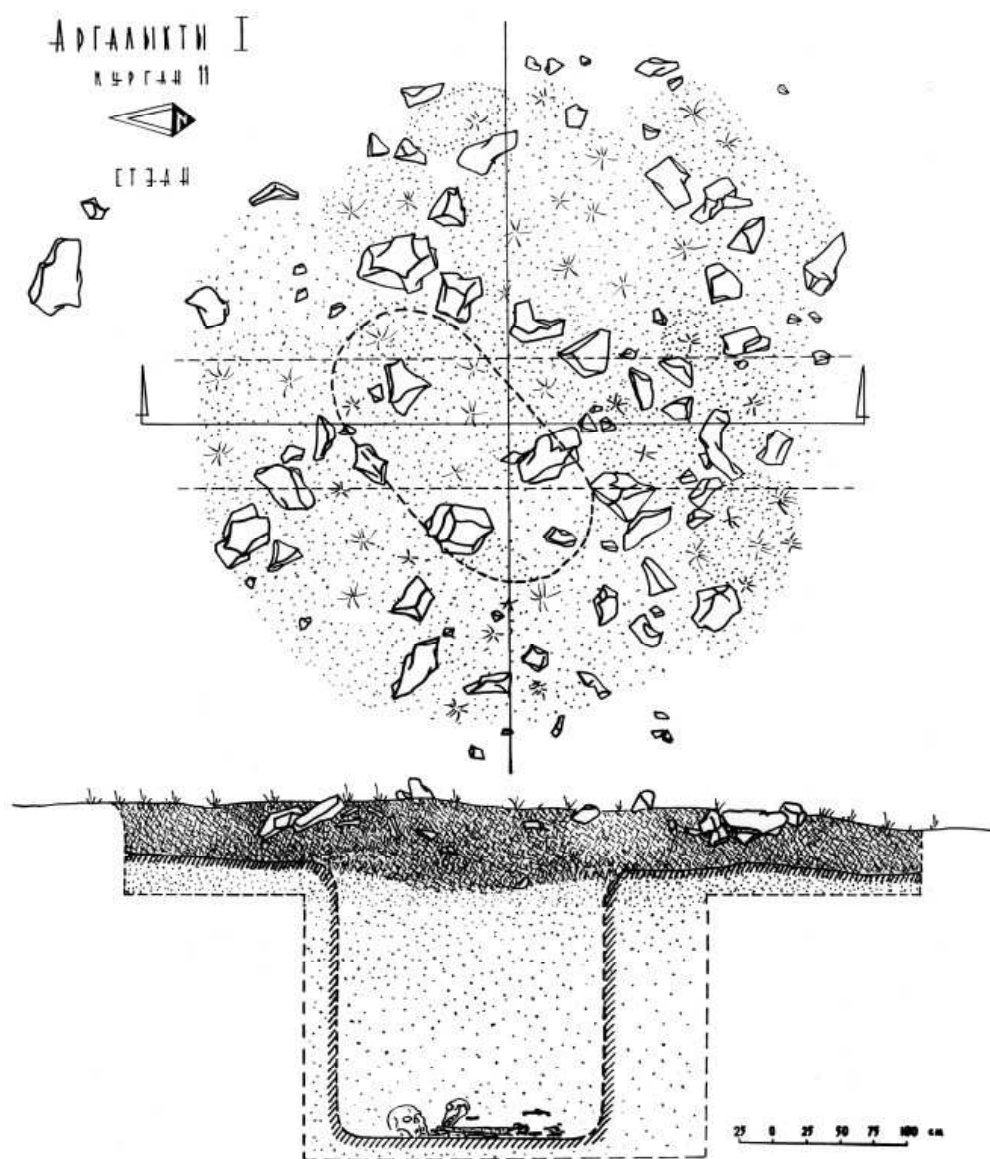


Табл. XXX. Могильник Аргалыкты I, курган 11. План и разрез сооружения

АРГАЛЫКТЫ I

курган 11



СТАН

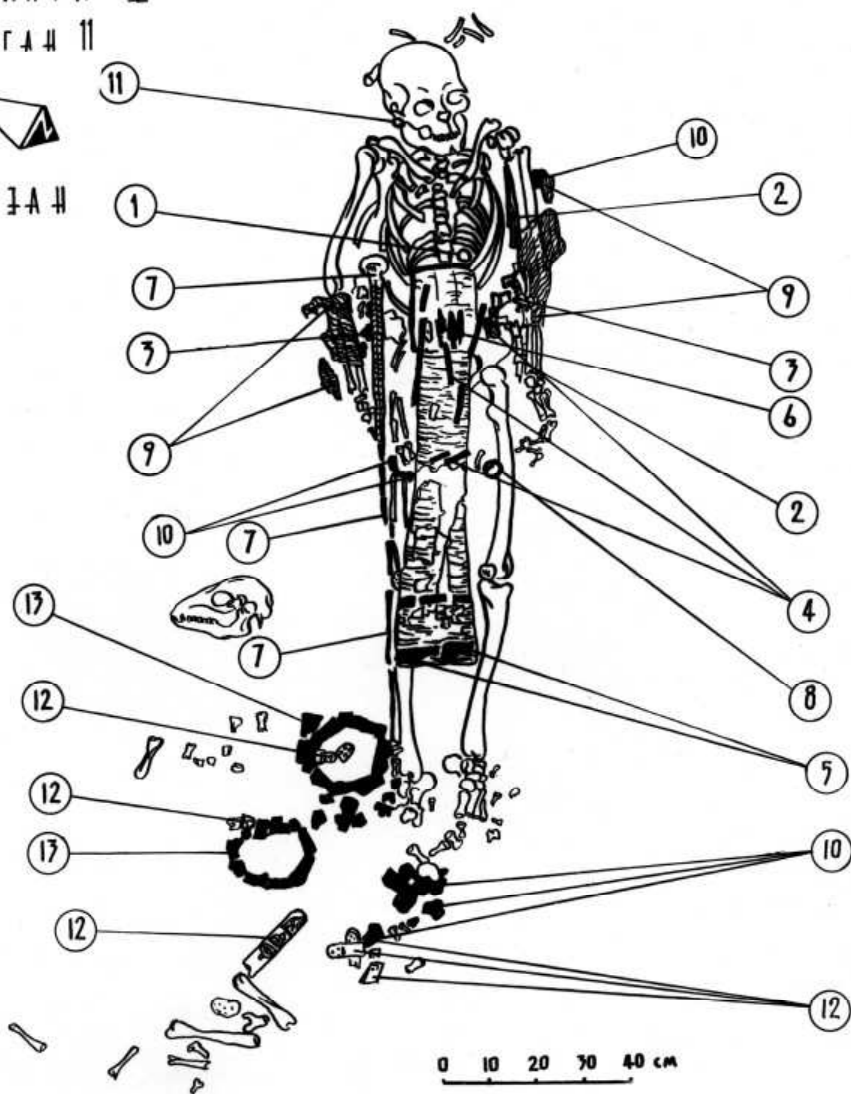
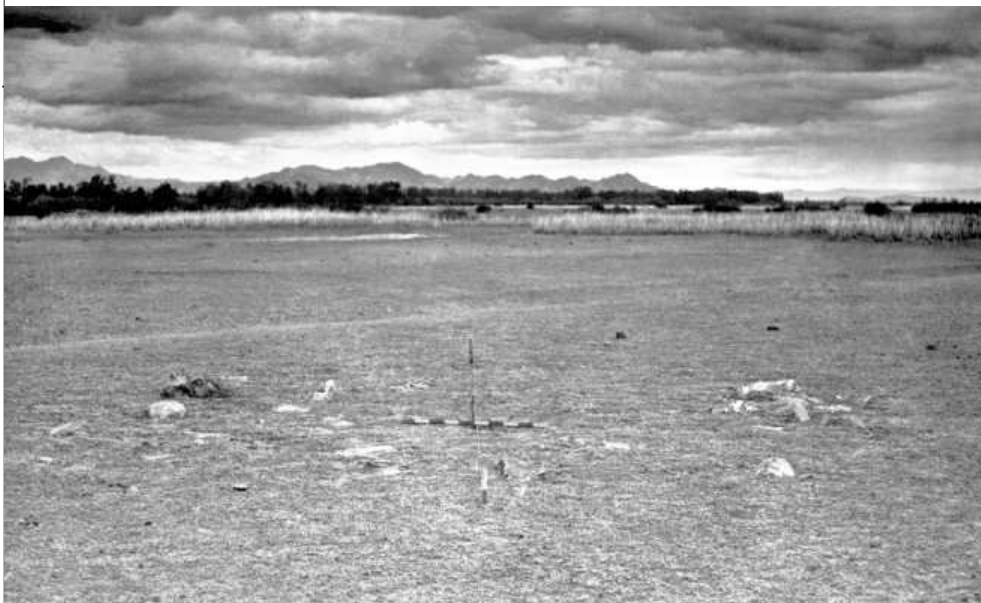


Табл. XXXI. Могильник Аргалыкты I, курган 11. План погребения



↑ Могильник Кара-Тал IV, курган 7. Вид до начала работ

↓ Могильник Кара-Тал IV, курганы 6 и 7. Общий вид после расчистки



Глава I



↑ Могильник Кара-Тал IV, курган 1. Основа первоначального сооружения

↓ Могильник Аргалыкты IX, курган 1. Основа первоначального сооружения





↑ Могильник Аргалыкты IX, курган 1. Основа первоначального сооружения
(вид с востока)

↓ Могильник Аргалыкты VIII, курган 2. Основа первоначального сооружения





↑ Могильник Аргалыкты IX, курган 1. Вид погребения в процессе расчистки

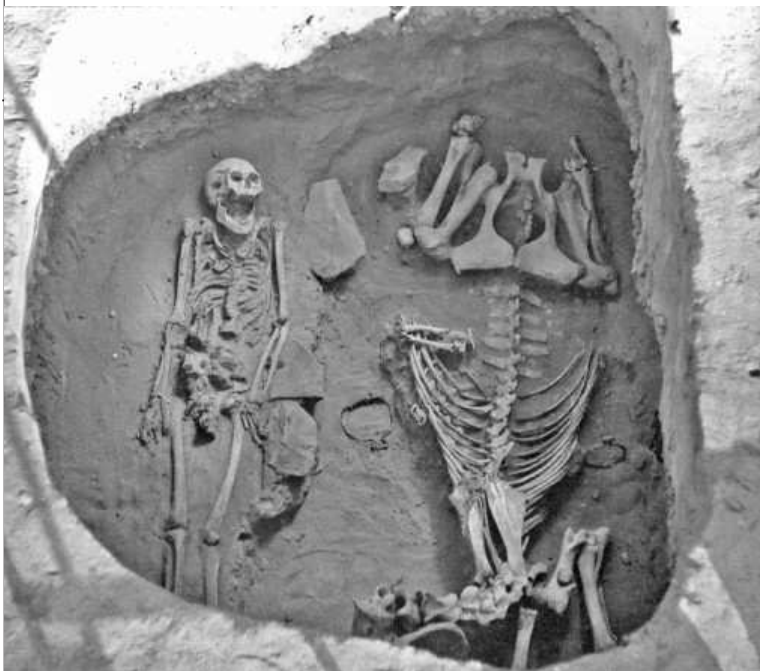
↓ Могильник Аргалыкты IX, курган 1. Вид погребения после расчистки



Могильник Кара-Тал IV, курган 2. →
Вид погребения после расчистки



← Могильник Кара-Тал IV, курган 1.
Вид погребения после расчистки



↑ Могильник Каратал IV, курган 6.
Погребение после расчистки



Могильник Аргалыкты VIII, курган 2. →
Деталь погребения лошади:
остатки седла и другие предметы
после расчистки



↑ Могильник Аргалыкты VIII, курган 2. Погребение коня во входной яме

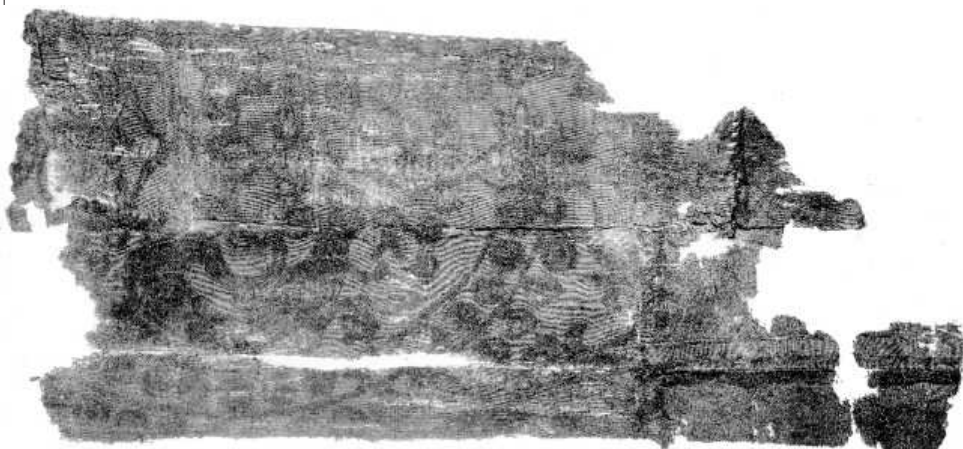
↓ Могильник Аргалыкты VIII, курган 2. Погребение человека в каменном ящике





↑ Могильник Аргалыкты I, курган 11. Фрагменты пояса с бронзовыми бляхами
и сумочкой-каптаргаком

↓ Могильник Аргалыкты I, курган 1. Фрагмент китайской шелковой ткани



ГЛАВА II

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЭПОХИ

МОГИЛЬНИКА АЙМЫРЛЫГ ¹

Б. Б. Овчинникова

В течение 1968–1982 гг. отрядом А. М. Мандельштама, работавшим в составе Саяно-Тувинской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института Археологии АН СССР (ныне — Институт истории материальной культуры РАН), исследовался могильник Аймырлыг. В этот отряд входила группа Уральского государственного университета им. А. М. Горького (УрГУ) под руководством автора, проводившая на данном могильном поле раскопки памятников, относящихся к древнетюркской эпохе и более позднему времени (Овчинникова, 1973. С. 211).

Могильник Аймырлыг расположен между горами Карабей и Бош-Даг, на левом берегу реки Чаа-Холь, на террасе, ограничивающей пойму низовьев рек Чаа-Холь и Урбюн с севера. Памятник находился в 6 км к юго-западу от пос. Старый Чаа-Холь (Улуг-Хемский кожуун, Республика Тыва). Могильник имел довольно внушительные размеры со сравнительно четкой внутренней структурой. Он насчитывал сотни погребальных и поминальных сооружений, составляющих несколько разграниченных групп, следующих друг за другом в направлении север–юг. Большинство их тяготело к краю террасы, но некоторые располагались достаточно далеко от него (Табл. I). Наряду с курганами различных типов здесь имелись многочисленные квадратные западины, каменные ящики, грунтовые могилы, квадратные и овальные выкладки из камней (Мандельштам, 1969. С. 189). Как показали исследования, преобладающая часть этих сооружений относилась к скифскому и гуннскому периодам. Вместе с тем, в ряде условно выделенных групп присутствовали и единичные сооружения, которые стало возможным идентифицировать как древнетюркские.

¹ Данная статья предлагается с добавлениями и уточнениями по опубликованной ранее статье Б. Б. Овчинниковой «Древнетюркские памятники могильного поля Аймырлыг» в сборнике «Древности Востока», посвященном 80-летию проф. Л. Р. Кызласова (под ред. И. Л. Кызласова. М., 2004. С. 86–110).

Всего на исследуемой территории могильного поля Аймырлыг раскопано десять сооружений погребального и поминально-ритуального характера, которые можно отнести к древнетюркской эпохе.

Погребальные сооружения представляли собой невысокие округлые насыпи, сложенные из камня с заполнением внутри. Внешний контур, как правило, составляло кольцо из валунов или из хорошо подогнанных друг к другу каменных блоков. Древнетюркские захоронения были исследованы в шести группах: группа V — курганы 2, 3, 5; VIII — кург. 52; XIII — кург. 1; XX — кург. 14; XXI — 3; XXV — 14² (Табл. I). Всего вскрыто восемь погребений человека с конем, в том числе одно (XIII-1) — со шкурой коня.

Курган V-2 (Табл. II–III). До раскопок надмогильное сооружение представляло собой задернованную каменную насыпь. Сохранившиеся на поверхности крупные камни придавали ей форму неполного кольца, диаметром около 6,0 м (Табл. II, 1). После расчистки было выявлено, что внутренняя площадка сооружения наиболее насыщена камнями. После удаления внутреннего заполнения кургана стали заметны очертания могильной ямы, имевшей овальную форму (2,4 × 1,6 м), вытянутую с запада на восток (Табл. II, 2). При разборке забутовки могильной ямы на глубине 0,8 м обнаружен обломок лезвия бронзового ножа, скорее всего происходящий из памятников предшествующих эпох, расположенных поблизости. С глубины 0,3 м в могиле стали встречаться разрозненные конские кости: позвонки, лопатки и др. Вскрытие могилы показало, что здесь покоился человек в сопровождении двух коней различного возраста (Табл. II, 3–5). Погребенный находился в северной части могильной ямы, под завалом крупных камней, в сооружении, напоминающем каменный ящик, головой на восток. К югу от него, сразу за продольной стенкой ящика было обнаружено захоронение коней, ориентированных в противоположную человеку сторону.

Положение костяков лошадей различается. Вдоль стенки ящика вытянуто на правом боку по направлению с запада на восток лежал костяк взрослой лошади. Рядом с ней, вытянуто на животе в направлении с северо-запада на юго-восток — костяк молодой особи. Лошади уложены с подогнутыми ногами, особенностью данного захоронения животных является отсутствие черепов. Остатки узды также отсутствовали. Не было, казалось бы, и обычного сопровождающего коней инвентаря. Однако в западной части могилы у стенки каменного ящика была обнаружена костяная застежка от пут (Табл. III, 9).

Остальные вещи обнаружены после снятия крупных камней, которыми был завален ящик с погребенным (Табл. II, 3). Нижний слой камней практически соприкасался с нависающим потолком подбоя, вырытого в северной стенке могилы, где был захоронен человек. На перекрытии каменного ящика из массивных плоских плит (Табл. II, 4), в его восточной части, чуть выше уровня

² Группы второго и третьего десятка погребений могильного поля Аймырлыг расположены у подножия горы Бош-Даг. Публикуемый план их не включает.

косяков лошадей, были найдены предназначенные для них детали конской сбруи. Они представлены частями седла, по обе стороны которого лежали железные стремена с петельчатой дужкой (Табл. III, 12, 13). Возле одного стремени, частично находившегося под седлом, была обнаружена костяная подпружная пряжка с подвижным язычком (Табл. III, 10). В западной части перекрытия могилы также найдены остатки деревянного седла, вероятно, для второй лошади, и ещё одна костяная подпружная пряжка, подобная первой. Здесь же находились тазовая и бедренная кости барана, оставшиеся от кусков мяса, положенных умершему в качестве заупокойной пищи. Их соседство с принадлежностями сбруи позволяет предположить, что это могли быть «дорожные припасы», положенные в торочную суму заводного (не имеющего стремян) молодого коня.

После снятия перекрытия выявились вертикальные стенки каменного ящика, где на плитах, выстилающих его дно, вытянуто на спине, головой на восток покоился погребенный. С правой стороны, у предплечья, находились фрагменты концевых (Табл. III, 11) и срединных накладок на лук плохой сохранности. Около руки — железный нож (Табл. III, 4), у локтя — железное тесло (Табл. III, 7). Около тазовых костей встречены железные пряжки и фрагменты накладных блях на пояс прямоугольной и овальной формы также плохой сохранности (Табл. III, 1, 3). Под тазовыми костями находились спекшиеся фрагменты железных бляшек. Между левой тазовой костью и колчаном лежал железный распределитель ремней с тремя обоймами (Табл. III, 6). Практически все железные вещи сильно подвергнуты коррозии. Около правого колена также встречены костяные накладки на лук. С левой стороны вдоль скелета погребенного лежал берестяной колчан со щитком (Табл. III, 8). Внутри него находились стрелы, наконечники которых были настолько окислены, что их форму было трудно восстановить. Располагались они на щитке. После снятия колчана были выявлены деревянные стерженьки для добывания огня и железный нож с остатками деревянных ножен на лезвии (Табл. III, 5).

Курган V-3 (Табл. IV). Наземное сооружение почти целиком задерновано. На поверхности едва выступали камни средней величины, которые выглядели бессистемно рассеянными. Четко выделялись четыре крупных камня, оставшихся от внешнего сооружения. Размеры насыпи кургана составляли 7,0–8,0 м. После расчистки в середине площадки проявилось скопление камней, среди которых выделялись торцы двух частично обозначившихся плит, уходивших вглубь (Табл. IV, 1, 2). После удаления камней, сохранившихся от наземного сооружения, было обнаружено могильное пятно овальной формы (3,0 × 1,90 м), вытянутое в направлении запад–восток. Северный край ямы ограничивался двумя указанными длинными плитами. Дальнейшее вскрытие могилы изменило форму и размеры могильной ямы (3,30 × 2,80 м).

В могильной яме было обнаружено захоронение человека с останками двух лошадей (Табл. IV, 3). Между ними — разделительная стенка из двух больших плоских плит, установленных вертикально. Они служили южной

стенкой каменного «ящика»-гроба, в котором покоился человек. Вплотную к этой стенке с внешней стороны, в южной части могильной ямы, некогда были помещены две лошади, сохранность костяков которых чрезвычайно плохая. Однако останки все же позволяют усмотреть их первоначальное положение. Лошади были уложены на животе, с подогнутыми ногами, головой на запад. Также как и в кургане V-2, черепа лошадей отсутствовали. Среди костей встречены кости барана.

Лошадь, которая располагалась вплотную к южной стенке «ящика», была оседлана, так как на её позвонках обнаружены остатки деревянного седла очень плохой сохранности. Рядом с ними находились обломки трех костяных подпружных пряжек (Табл. IV, 5–7) и две застёжки от пут (Табл. IV, 4). Напротив седла у стенки ящика, где смыкались плиты, обнаружено железное тесло (Табл. IV, 17). В западной части могилы, с внешней стороны юго-западного угла ящика, найдены фрагменты железных предметов плохой сохранности. В их обломках можно опознать части упряжи — удила и псалиев, а также пряжки, вероятно, от узды (Табл. IV, 13–15). При снятии скелетов лошадей найдена была ещё одна железная пряжка.

В каменном ящике (2,5 × 1,0 м) покоился человек вытянуто на спине, головой на восток. Скелет располагался на каменной вымостке дна ящика в его северной половине, южная оставалась свободной (Табл. IV, 3). Исключение составляет скопление инвентаря, находящееся на уровне левой кисти, которое содержало две овально-рамчатые железные пряжки, железный крючок (?), костяной гребешок (Табл. IV, 10) и два астрагала, явно предназначенные для игры. На скелете погребенного и под ним также были обнаружены сопровождающие его вещи. Под ребрами, с левой стороны, найдены фрагменты железного предмета (?). В области тазовых костей зафиксированы остатки пояса, о чём свидетельствуют фрагменты окисленных железных бляшек овальной и прямоугольной формы (Табл. IV, 16). Слева находился железный нож (Табл. IV, 12), справа — железный кинжал в деревянных ножнах (Табл. IV, 18а). От него сохранилась накладка от рукояти в виде бронзовой пластины со штырями (Табл. IV, 18б). Вдоль скелета, справа, прикрывая правую ногу, лежал берестяной колчан со стрелами (Табл. IV, 9). На колчане находились железные пряжки и крючок, а также костяной блок для чумбура (Табл. IV, 11). Рядом — фрагменты от срединных накладок на лук со следами едва уловимой гравировки.

Курган V-5 (Табл. V). Наземная конструкция представлена однорядной выкладкой из крупных камней, образующих незамкнутый круг диаметром до 5,0 м и высотой 0,2 м. Северная часть ограды разрушена. Внутри нее и за её пределами находились мелкие камни, почти полностью задернованные (Табл. V, 1). Очертания могильного пятна было трудно выявить, так как в середине площадки под камнями была обнаружена грабительская яма размером 1,9 × 1,0 м, глубиной чуть более одного метра.

В западной части заполнения ямы встречены отдельные кости лошади. На дне могилы, а также в западной части на глубине 1,30 м обнаружено несколько костей человека. В восточной части — две пяточные кости. При расчистке дна ямы в западной её половине были обнаружены: китайская монета «кайюань тунбао» династии Тан (Табл. V, 11); куски бересты от колчана; обломки железных крючков от него. Среди разбросанных артефактов встречены фрагменты бронзовых вещей, когда-то сопровождавших погребенного: рамка от пряжки с остатками железа (Табл. 5, 2), фрагмент бляшки с прорезью (Табл. V, 4), «пуговица» (?) (Табл. V, 3). Из вещей сохранились: пряжка (Табл. V, 6), фрагменты кинжала (Табл. V, 7), а также две костяные срединные накладки на лук с отверстиями посередине (Табл. V, 9, 10) и костяная бусинка (Табл. V, 5). В западной части ямы среди костей лошади находились мелкие фрагменты деревянной основы седла и часть звена от железных удил (Табл. V, 8). Все вещи плохой сохранности.

Курган VIII-52 (Табл. VI, 7). До расчистки представлял собой насыпь из крупных камней в форме довольно правильного овала. По краям и в середине его — задернованный мелкий камень. Общие размеры курганной насыпи составляли 7 × 6 м (Табл. VI, 1). После расчистки четко обозначилась наземная постройка высотой 0,8 м. Она имела вид плоской округлой выкладки диаметром 4,5 м, обрамленной крупными камнями. В некоторых местах сохранилось два ряда кладки плит (Табл. VI, 3). Судя по крупным камням, свалившимся внутрь ограды, они явно составляли второй ряд кладки. На глубине 0,2 м от современной поверхности внутри ограды зафиксированы контуры могильной ямы — это вытянутый овал, размером 2,0 × 1,8 м (Табл. VI, 4).

Погребение (Табл. VI, 5). При вскрытии могилы во входной яме на глубине 0,8 м обнаружены скелеты двух лошадей. Они были уложены на животе, с подогнутыми ногами и ориентированы головами на запад. Лошади различные по возрасту, и обе взнузданы. На позвоночнике и рёбрах костяка, лежавшего севернее, находилось уцелевшее деревянное седло (Табл. VII, 21), на котором лежало железное тесло (Табл. VII, 5). Под седлом найдены костяная застёжка от пут (Табл. VII, 18) и с обеих сторон парные железные петельчатые стремяна (Табл. VII, 16, 17). Между челюстями сохранились удила с эсвидными псалиями (Табл. VII, 19, 20). Южнее костяка располагался остов второй, молодой особи, в зубах тоже были зажаты двусоставные железные удила (Табл. VII, 15), но без псалиев. На спине сохранились следы войлочного седла (?) очень плохой сохранности.

К северу от останков лошадей находились вертикально установленные каменные плиты (высота 0,6–0,7 м, ширина 0,8 м), которые упирались в своды подбоя. Плиты представляли собой как бы вход в подбой, где в каменном гробу, встроенном в нишу, покоился погребенный. Дно подбоя, также выложенное камнем, было на 0,3 м глубже входной ямы. Плиты являлись южной стенкой каменного ящика, в котором вытянуто на спине, головой на восток лежал скелет человека. Около его правой ключицы обнаружен обломок деревянного

предмета (?). Вдоль правой руки до колена располагался колчан со щитком (Табл. VII, 14). В колчане остриями кверху находилось двенадцать железных наконечников стрел различных типов (Табл. VII, 1–4, 9). Сохранилось забитое в колчан деревянное донышко овальной формы. С внутренней стороны дна имеются глубокие дуговидные бороздки, очевидно, являвшиеся приспособлением для установки стрел. Их древко упиралось в выступы между бороздками. В верхней части колчана и под ним обнаружены фрагменты железных предметов, а также пряжки и крючок от колчана (Табл. VII, 11). У дна колчана найдены две костяные срединные накладки на лук с руническими знаками (Табл. VII, 12, 13)³. На одной из них выгравирован текст, в предварительном (вольном) переводе автора раскопок можно прочесть: «Это мне мой хан пожаловал...». В области тазовых костей человека и чуть выше зафиксированы металлические части пояса, которые представлены сильно окисленными железными накладками и пряжками (Табл. VII, 8, 10). Вероятно, на поясе крепился и обнаруженный под бедром слева железный нож с остатками деревянных ножен (Табл. VII, 6).

Курган XIII-1 (Табл. VIII) (Мандельштам, 1974). До раскопок остатки наземного сооружения были почти целиком задернованы. На поверхности едва выступали разбросанные небольшие по размерам камни. Особенно выделялись четыре крупных камня: один — в западной части площадки и три в северо-восточной. Это в определенной степени позволило наметить границы ранее существовавшего надмогильного сооружения. Общие размеры кургана в диаметре не превышали 6,0 м. После расчистки в середине площадки обозначились торцы двух небольших плит, вертикально установленных друг против друга на расстоянии 1,0 м. Разборка показала, что северо-восточное скопление крупных камней представляет собой кладку в два ряда, очевидно, это остатки от наземной конструкции овальной формы. После снятия плит внутри кольца удалось выявить контуры могильной ямы (2,45 × 0,7 м) вытянутой по линии юго-запад — север-восток.

Погребение (Табл. VIII, 1). В заполнении могильной ямы, на глубине 1,5 м были обнаружены череп и конечности лошади в анатомическом порядке: передние согнуты, задние — выпрямлены. Остальные кости отсутствовали, вероятно, это захоронение со шкурой коня. Конский костяк ориентирован черепом на юго-запад. Между челюстями были зажаты удила, которые сохранились фрагментарно (Табл. VIII, 8, 9). Около затылочной части обнаружены две железные пряжки (Табл. VIII, 5). Между передними конечностями лежали два железных предмета (?) очень плохой сохранности. Среди задних конечностей также зафиксированы мелкие фрагменты железных предметов неясного назначения.

³ По И. Л. Кызласову, обе надписи выполнены пока не расшифрованным южноенисейским руническим письмом (Ю8, Ю9). См.: Кызласов И. Л., 1994. С. 42–54, 146, 217, 218, 305, 306.

В юго-восточной стороне могильной ямы кости коня примыкали к вертикально установленным плитам, прикрывающим подбой, в котором находилось захоронение погребенного. Краевые плиты упирались в своды подбоя. В середине перекрытия плиты отсутствуют. Подбой, прямоугольной в плане формы (2,2 × 0,7 м), частично осел, его дно на 0,3 м глубже входной ямы. За каменной перегородкой, в подбое, в деревянной колоде (ныне сгнившей) был погребен человек. Он лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на северо-восток. Лицевая часть черепа было развернута на юго-восток. За черепом обнаружен железный предмет (?). Справа от него находилось белое ажурное украшение, выполненное из отшлифованной известковой конкреции. Оно напоминало нашивную бляху, следы крепления которой располагались с обратной стороны (Табл. VIII, 7). Рядом находился еще один фрагмент аналогичного украшения. Здесь же обнаружены обрывки ткани, которые встречены на грудной клетке погребенного, а также трапециевидной формы маленький кусочек прошивного шелка кирпичного цвета со свисающей черной ленточкой (Табл. VIII, 2). Слева от черепа, возле края колоды, найдены обломки железного ножа и часть бронзового предмета. В области правой тазовой кости встречены железная пластинчатая пряжка-застежка (Табл. VIII, 6) и обрывок золотой фольги на куске ткани. На левой половине тазовой кости также встречены обрывки ткани, обломки железного ножа и небольшое бронзовое зеркало с орнаментом (Табл. VIII, 3). На правой бедренной кости скелета обнаружены обломки бронзового предмета. У его левого бедра — железные предмет и обломок лезвия кинжала со следами деревянных ножен (Табл. VIII, 10). Вероятно, кинжал находился в шелковом чехле в матерчатой сумочке, о чем свидетельствуют остатки ткани (куски шелка желтого, красного и черного цвета). У стоп найдены фрагменты деревянного сосуда красного цвета (Табл. VIII, 4).

Курган XX-14 (Табл. IX). До раскопок наземное сооружение представляло собой бессистемную, но компактную насыпь камней различной величины. Общие размеры объекта составляли 6,2 × 6,0 м. В середине кургана была видна незначительная впадина. После расчистки удалось выявить основу наземного сооружения, имеющую округлые очертания около 5 м в диаметре. Четко прослеживалась кольцевидная кладка-крепида, местами сохранившаяся на высоту до 0,5 м. Она была выложена из 4–5 ярусов сравнительно крупных уплощенных камней и плит. В средней части сооружения четко обозначились следы грабительской ямы. Она имела неправильную форму, вытянутую с юга на север (1,8 × 1,3 м), и глубину 0,6 м.

Погребение (Табл. IX, 4). На дне ямы в разбросанном состоянии располагались кости ребенка. Его череп был найден в северной части ямы, в южной встречены кости барана. Среди костей обнаружены окисленный весьма тяжелый по весу металлический предмет (бронза с железом), напоминающий кистень (Табл. IX, 7), а также очень плохой сохранности железный нож, два наконечника стрел во фрагментах и миниатюрная железная пряжка со щитком (Табл. IX, 5, 6, 8, 9).

Курган XXI-3 (Табл. X, XI). До раскопок наземное сооружение имело вид плоского скопления задернованных камней различной величины, диаметром до 7 м, в середине которого наметилось кольцо из крупных камней. Расчистка и разборка развала позволили выявить остатки основы наземного сооружения в виде овальной выкладки из камней, выложенных в один ряд. Ее диаметр составлял 4,5 м. В северной части она частично перекрывала могильную яму прямоугольной формы (2,1 × 0,8 м).

Погребение (Табл. X, 3). В заполнении могильной ямы встречены многочисленные камни. На глубине 0,55 м — скопление костей животных плохой сохранности. Среди них находились фрагменты черепа лошади, обращенного на северо-восток. На дне входной ямы, на глубине 1,0 м располагался скелет лошади, уложенной на правом боку с подогнутыми ногами, ориентированный на юго-запад. Череп лошади отсутствовал, ее скелет завершался шейными позвонками. Однако существует вероятность, что лошадь до захоронения была взнуздана, о чем свидетельствуют сохранившиеся детали конской упряжи. В изгибе передних конечностей находился железный наконечник стрелы (Табл. XI, 2). Здесь же обнаружены двусоставные железные удила (Табл. XI, 6). Слева от ребер, в 0,2 м от них, лежало железное петельчатое стремя (Табл. XI, 7), а возле тазовых костей — костяная подпружная пряжка (Табл. XI, 9) и железные «оковки», вероятно, от седла (Табл. XI, 11). Чуть выше скелета была обнаружена окисленная железная пряжка (Табл. XI, 8).

Костяк лошади вплотную прилегал к стенке, образованной вертикально поставленными плитами, которые прикрывали вырытый в северо-западной части могильной ямы подбой. Его размеры — 1,9 × 0,6 м, высота около метра. Дно подбоя размещалось на 0,4 м ниже дна входной ямы. За каменной стенкой в подбое без какого-либо дополнительного внутримогильного сооружения покоился скелет погребенного, положенного вытянуто на спине, головой на северо-восток с поворотом лицевой части к юго-востоку. Череп находился на 10 см выше остальных частей тела. В области тазовых костей, справа, обнаружен железный нож с обломанным лезвием. В ногах покойного — остатки берестяного колчана со «спекшимися» железными трехлопастными наконечниками стрел и железным крючком от колчана (Табл. XI, 1, 3–5).

Курган XXV-14 (Стамбульник, 1978). До раскопок наземное сооружение представляло собой бессистемную насыпь камней различной величины около 11 м в диаметре. После расчистки удалось выявить основу сооружения, имеющую округлые очертания 5,5 м в диаметре, высотой 0,6 м. Четко прослеживалась кольцевидная кладка-крепида, состоявшая из камней сравнительно крупных размеров. В средней части сооружения четко обозначились следы грабительской ямы.

Погребение. Грабительская яма оказалась весьма внушительных размеров — 2,07 × 1,7 м, глубиной 1,4 м и была вытянута в направлении восток-запад. На дне ямы сохранилось незначительное количество костей человека и лошади.

По их местоположению можно заключить, что лошадь располагалась в южной части могилы, лежала с подогнутыми ногами и имела западную ориентировку.

Могильную яму разделяло несколько камней, уложенных по линии запад — восток и сохранившихся лишь по краям. Судя по стратиграфии, именно эти камни служили границей некогда вырытого в северной стенке могилы подбоя. Он был разрушен грабителями, оставшаяся часть его осела. Около камней встречены берцовые кости лошади. В этой же части ямы обнаружены фаланги пальцев человека. Из сопроводительного инвентаря удалось найти лишь сильно окисленный обломок железного предмета и фрагмент костяной накладки с циркульным орнаментом.

К памятникам *поминально-ритуального обряда* древних тюрков на могильнике Аймырлыг можно отнести традиционные тюркские каменные оградки и стелы. Одна из таких цепочек оградок и стела были раскопаны в обозначенных на чертеже группах IX и X.

Оградки группы IX (Табл. XII). Несколько обособленно от курганных насыпей на могильном поле располагалась компактная группа квадратных оградок, вытянутых с севера на юг, условно обозначенных как группа IX. Она состояла из шести объектов. Цепочка оградок начиналась с севера. Первая представляла собой маленькую однокамерную *оградку № 1* (размером $1,2 \times 1,2$ м) из вертикально установленных плит. Она ориентирована углами сооружения с юго-запада на северо-восток и с юго-востока на северо-запад. Раскопки показали, что внутренняя площадка оградки сплошь выложена небольшими по величине камнями, а в середине установлен «стояк» высотой 0,6 м, уходящий в материк. За исключением северной стенки, остальные просматривались довольно четко, очерчивая границы оградки.

Чуть меньше метра к юго-западу от южной стенки оградки № 1 располагалась следующая *оградка № 2* с пристройкой с северной стороны. Обе четко ориентированы стенками с юга на север и с запада на восток. Еще до раскопок основная оградка выделялась в цепочке своими большими размерами — $5,0 \times 5,0$ м. Раскопки ее внутри стенок оградки выявили площадку, выложенную сплошь камнями различной величины. В центре был установлен каменный «стояк» высотой 0,4 м, слегка уходящий в материк и укрепленный на дневной поверхности небольшими камнями. С востока стенка основы сооружения была разрушена. Остальные его стенки, выложенные из вертикально установленных плоских плит, имели достаточно хорошую сохранность. К югу от «стояка» часть поверхности была разрушена ямой диаметром 0,5 м, глубиной 0,7 м. Каких-либо артефактов в ней не обнаружено. С севера к ней с внешней стороны примыкала маленькая оградка ($1,5 \times 1,8$ м), имевшая общую с основной оградой южную стенку, составляя, таким образом, единый комплекс оградки № 2.

На расстоянии 1,8–2,0 м к югу от оградки № 2 находилась однокамерная *оградка № 3*, ориентированная стенками с юга на север и с запада на восток. Она была прямоугольной формы размерами $4,5 \times 3,5$ м. Аналогично предыдущим оградкам ее внутренняя площадка также плотно выложена различными по вели-

чине камнями. Почти по центру обнаружен камень неправильной формы длиной 45–50 см, вероятно, некогда выполнявший функции «стояка». Чуть севернее его выявлено нарушение материка небольшой по размерам ямой (диаметр 0,5 см, глубина 0,25 см). Каких-либо материальных остатков в ней не имелось.

В 1,0 м к югу от юго-западного угла оградки № 3 располагалась северо-восточная стенка пристройки *оградки № 4*, образуя единый комплекс: южная стенка пристройки (маленькая оградка размером 1,0 × 1,0 м) имела единую стенку с основной оградой. Обе они ориентированы углами с юго-запада на северо-восток и с юго-востока на северо-запад. Размеры основной камеры составляли 3,5 × 3,5 м. Восточная стенка разрушена. После расчистки выявлено, что площадки обоих сооружений были выложены различными по размерам камнями. Однако по центру и чуть восточнее, на внутренней площадке основной ограды сразу прослеживалась впадина. Здесь лежал камень треугольной формы длиной (высотой) 0,5–0,7 м, возможно, свалившийся «стояк». В результате раскопок было установлено, что в центре площадки внутри оградки находилась яма диаметром 1,0 м, глубиной 0,8 м. К западу от неё было выявлено небольшое скопление камней, уходящее в материк на глубину 0,5–0,7 см и напоминающее маленький каменный ящик.

К югу от южной стенки ограды № 4 на расстоянии 0,3–0,4 м, продолжая цепочку оградок группы IX, располагалась однокамерная *оградка № 5* (размеры 1,5 × 1,5 м), ориентированная аналогично предыдущей ограде. Её стенки из вертикально установленных длинных плит достаточно хорошо сохранились. Раскопками выявлено, что внутренняя площадка плотно выложена мелкими камнями, под которыми находилась яма глубиной 10–12 см, на дне ее был установлен (возможно, свалившийся сверху) камень высотой 20 см. Каких-либо других остатков в яме не обнаружено.

В метре к югу от южной стенки оградки № 5 цепочку завершала однокамерная *ограда № 6* (размером 4,2 × 4,2 м). Она четко ориентирована сторонами по странам света. Несмотря на то, что углы ограды по линии северо-запад — юго-восток разрушены, сами стенки сооружения в хорошей сохранности. Внутренняя площадка плотно выложена мелкими камнями. После снятия камней в центре было обнаружено их скопление размером 15 × 20 см, частично уходящее на глубину 0,6–0,7 см и по форме напоминающее маленький каменный ящик. Чуть южнее от центра площадки зафиксировано разрушение материка в виде небольшой ямы диаметром около метра, глубиной — 0,7 м.

Стелы группы X (Овчинникова, 1973). На краю береговой террасы р. Чаа-Холь находилась каменно-земляная насыпь, обозначенная как курган X-1. По форме она вытянута с юга на север и состояла из различных по величине камней; контуры и размеры ее после расчистки не изменились. Размеры площадки составляли 6,40 × 3,60 м. К началу наших работ на территории данного объекта среди камней возвышалась одна (южная) стела, вторая была свалена. Высота обеих около шести метров, ширина 0,6 м. Можно предположить, что эти стелы были воздвигнуты во время пребывания тюрок-тугу в Туве. Однако

нельзя не учитывать и тот факт, что подобные стелы, по мнению Л. Р. Кызласова, могут являться в Туве, на Алтае и в Монголии памятниками раннего железного века. Он справедливо отмечал, что «нужна “привязка” этих памятников к определенным курганам, жертвенным местам.... Без датировки и определения культурной принадлежности ни каменные изваяния, ни стелы с надписями, ни менгиры не станут полноценными историческими источниками» (Кызласов Л. Р., 1969: 76–78).

Подводя итог изложенному выше материалу, следует отметить, что раскопанные на могильном поле Аймырлыг погребальные и поминальные сооружения еще раз продемонстрировали известный ритуально-погребальный обряд древних тюрков Саяно-Алтая.

Исследованные древнетюркские погребения не образуют на могильнике компактного самостоятельного кладбища. Лишь в группе V близко друг от друга расположены три захоронения. Под развалом камней наземных сооружений (как многоярусных, так и однорядных) в общей могильной яме находилось захоронение умершего в сопровождении одного-двух коней, либо шкуры коня. Погребенный покоился вытянуто на спине, головой на восток и находился в подбое, чаще в каменном ящике, одна сторона которого служила разделительной стенкой, иногда подпирая своды подбоя. Расположенное рядом животное имело ориентировку, противоположную человеку. Исключение составляло захоронение человека со шкурой коня (курган XIII-1), в котором человек ориентирован головой на северо-восток.

Отличительной особенностью древнетюркских погребений могильника Аймырлыг являются захоронения человека в подбоях, в каменных ящиках в сопровождении двух коней, оседланного и заводного, уложенных выше умершего во входной яме. Исключение вновь составляет упомянутое захоронение XIII-1 со шкурой коня, где человек был погребен в колоде, но также в подбое. Кроме того, вызывает сомнение ограбленное погребение XX-14 — захоронение подростка, вероятно, не имевшее подбоя.

Выявленный в тюркских погребениях могильника инвентарь позволяет датировать их VIII–IX веками. Частичное исследование древнетюркских памятников на могильном поле Аймырлыг еще раз подтвердило выводы, высказанные Л. Р. Кызласовым, о том, что «на Алтае обряд погребения человека с конем существовал с V–X вв. н. э. до современности. В VI в. алтайские тюрки, создав свое эфемерное, но гигантское по территории государство, разнесли этот обряд на обширные пространства от Великой китайской стены до Каспийского моря, и от Алтая (на севере) до Тянь-Шаня и Синьцзяна (на юге)» (Кызласов Л. Р., 1969. С. 180–181). Известно, что с 30-х годов VIII в. Второй Тюркский каганат переживал глубокий кризис, вызванный внутренними противоречиями. В это время начинает усиливаться крупное объединение уйгуров, которые в 745 г. завоевали Центральную Азию, создав Уйгурский каганат. Господство уйгуров продолжалось здесь до 840 г. Оставшиеся на территории Саяно-Алтая тюрки-тугу, вынужденные подчиняться завоевателям, сумели

сохранить свои обычаи и традиции, в том числе обряд захоронения человека с конем. Вероятно, уйгуры, в некоторой степени считаясь с могуществом и авторитетом тюрков-тугю, отвергли далеко не все их обычаи, а, напротив, даже восприняли то лучшее, что некогда отличало племена, покоренные ими. В свою очередь, тюркская военная аристократия вынуждена была считаться с новыми порядками завоевателей. Такое взаимодействие двух этнических групп, безусловно, нашло отражение в материальной культуре тюрков-тугю Саяно-Алтая уйгурского времени, о чём свидетельствуют захоронения VIII–IX веков, расположенные на могильном поле Аймырлыг.

Литература

- Кызласов И. Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969.
Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М., 1979.
Мандельштам А. М. Исследования могильника Аймырлыг и городища Бажын-Алак // АО 1968 г. М.: Наука, 1969. С. 189.
Овчинникова Б. Б. Исследование тюркских памятников на могильнике Аймырлыг // АО 1972 г. М.: Наука, 1973. С. 231.

Архивные материалы

- Мандельштам А. М.* Отчет о полевых работах Отдельного отряда СТАЭ в 1973 г. Архив ИА РАН. 1974. Москва. Р–1, д. 512.
Овчинникова Б. Б. Отчет об археологических исследованиях памятников I–II тысяч. н. э в Улуг-Хемском районе Тувинской АССР за 1972 г. (рукопись). Архив ИА РАН. 1973. Москва. Р–1.
Стамбульник Э. У. Отчет о раскопках на могильнике Аймырлыг в 1977 г. Архив ИА РАН. 1978. Москва. Р–1, 68271.

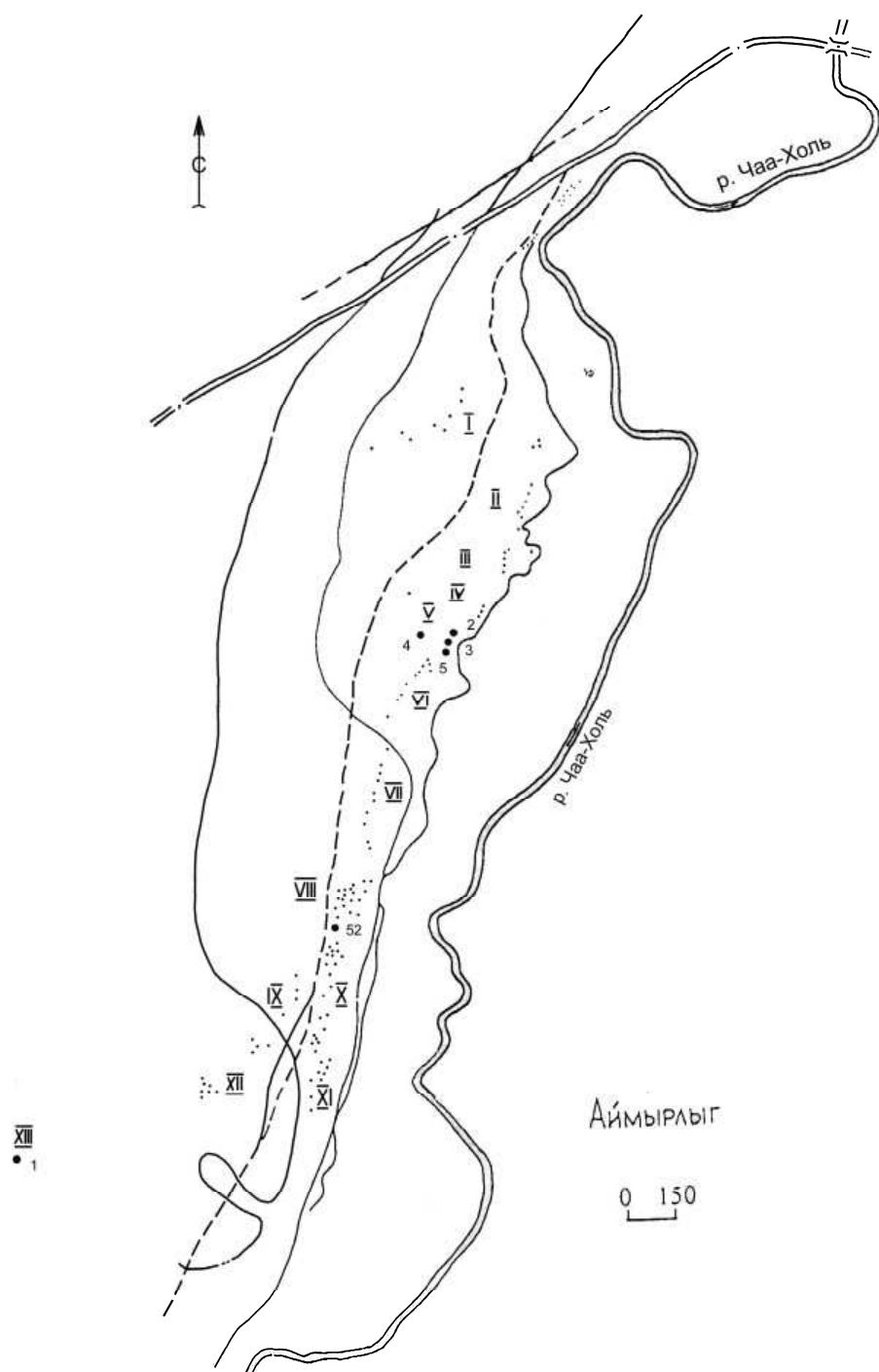


Табл. I. План приречной части могильника Аймырлыг (группы I–XIII)

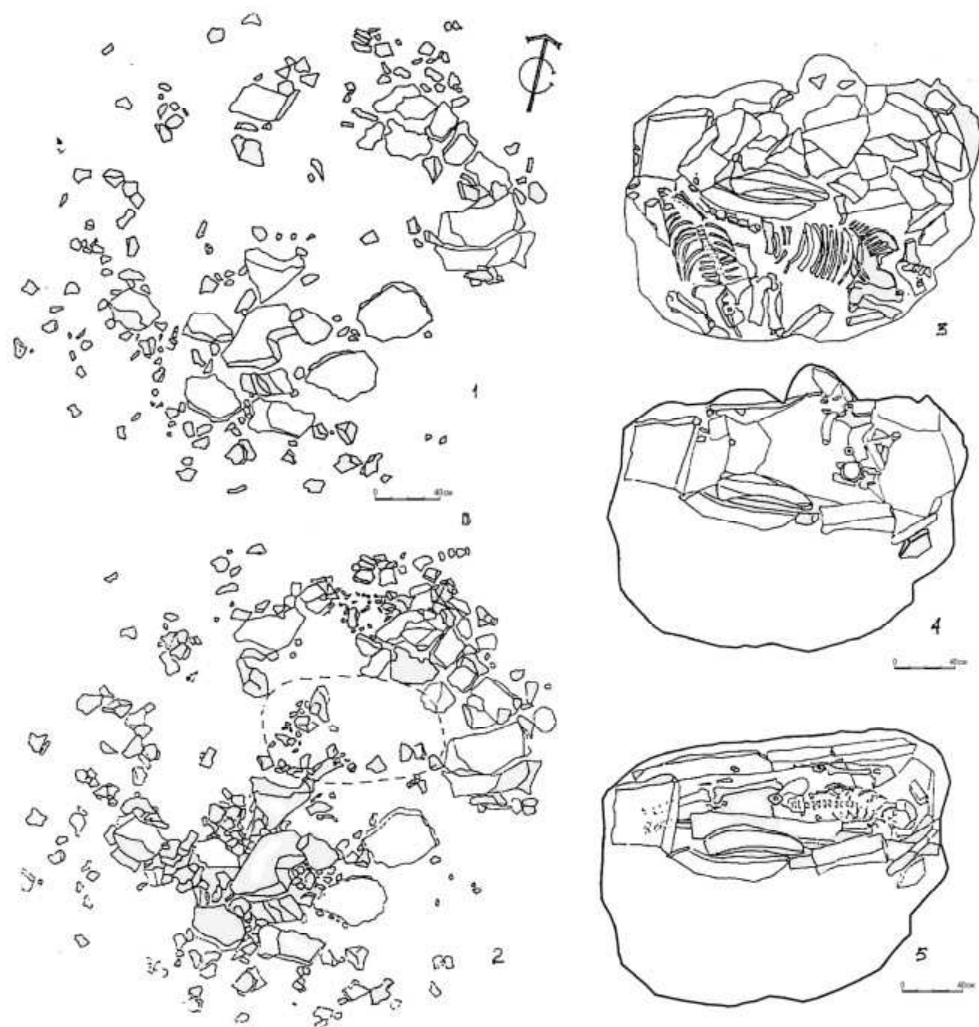


Табл. II. Курган V-2. 1 — план наземного сооружения до расчистки;
 2 — общий план после расчистки; 3 — план могилы на уровне захоронения коней;
 4 — план могилы на уровне перекрытия каменного ящика;
 5 — план захоронения человека в каменном ящике

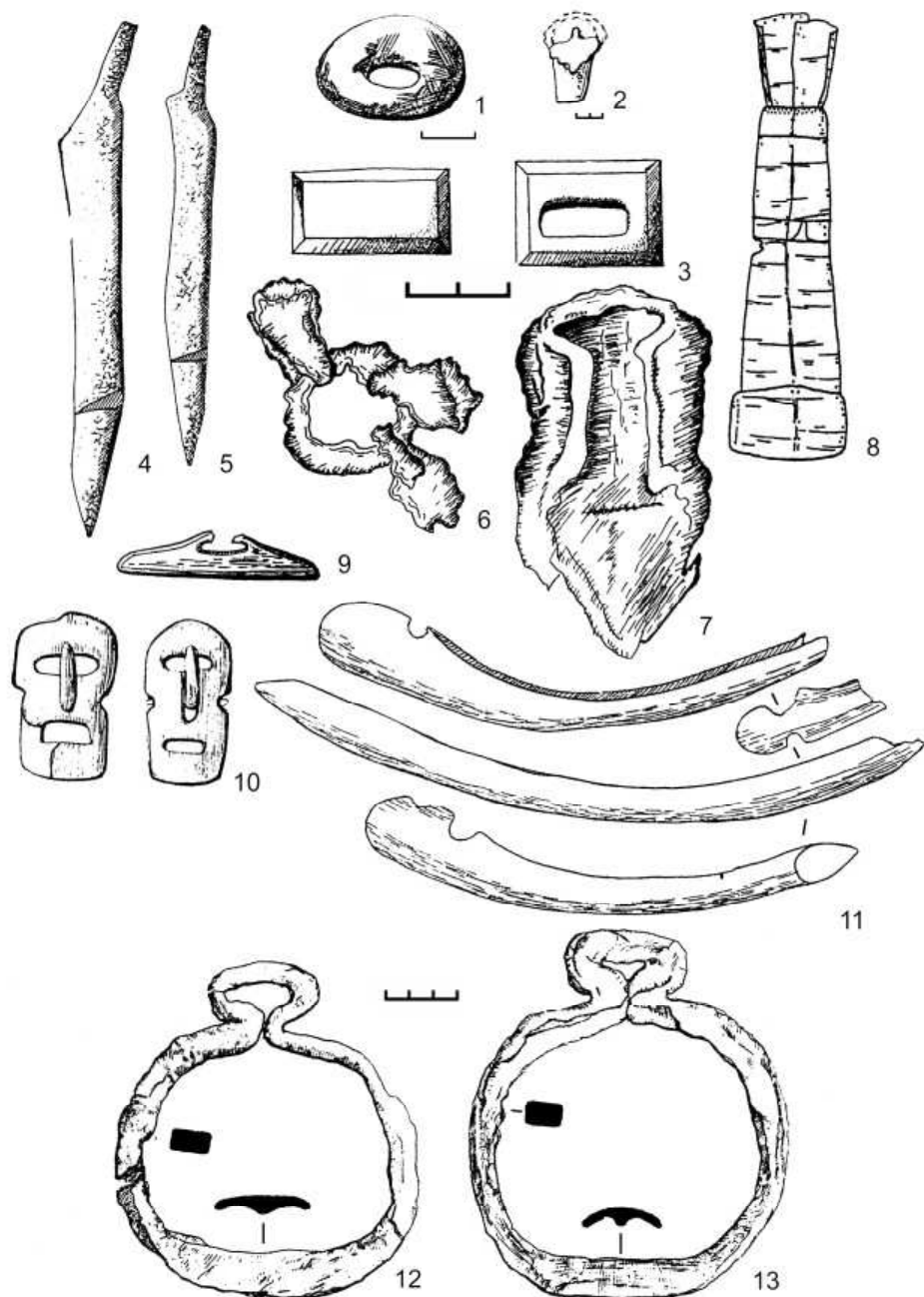


Табл. III. Курган V-2. Вещевой комплекс. 1, 3 — бляшки от пояса; 2 — пряжка; 4, 5 — ножи; 6 — тройник; 7 — тесло; 8 — колчан; 9 — застежка от пут; 10 — подпружные пряжки; 11 — накладки на лук; 12, 13 — стремена. 1, 2, 4-7, 12, 13 — железо; 3 — бронза; 8 — береста; 9-11 — кость (рог)

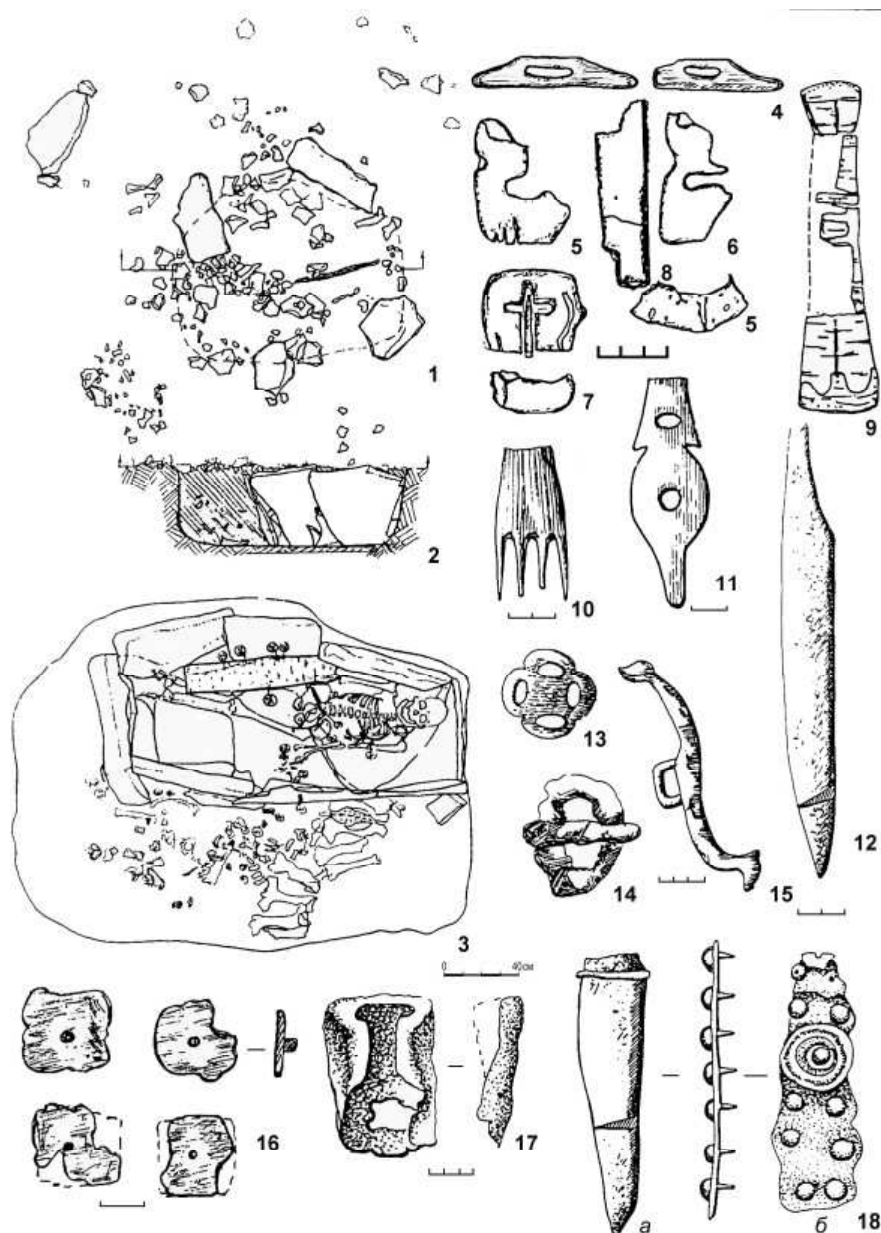


Табл. IV. Курган V-3. 1 — план наземного сооружения до расчистки; 2 — разрез по линии запад-восток, вид с юга; 3 — план погребения; 4 — застёжки от пут; 5–7 — подпружные пряжки; 8 — фрагмент накладки на лук; 9 — колчан; 10 — гребень; 11 — блок для чумбура; 12 — нож; 13, 14 — пряжки; 15 — псалий; 16 — нашивные бляшки; 17 — тесло; 18 — кинжал во фрагментах (а — лезвие, б — накладка рукояти). 4–8, 10, 11 — кость (рог); 9 — береста; 12–17, 18а — железо; 18б — бронза

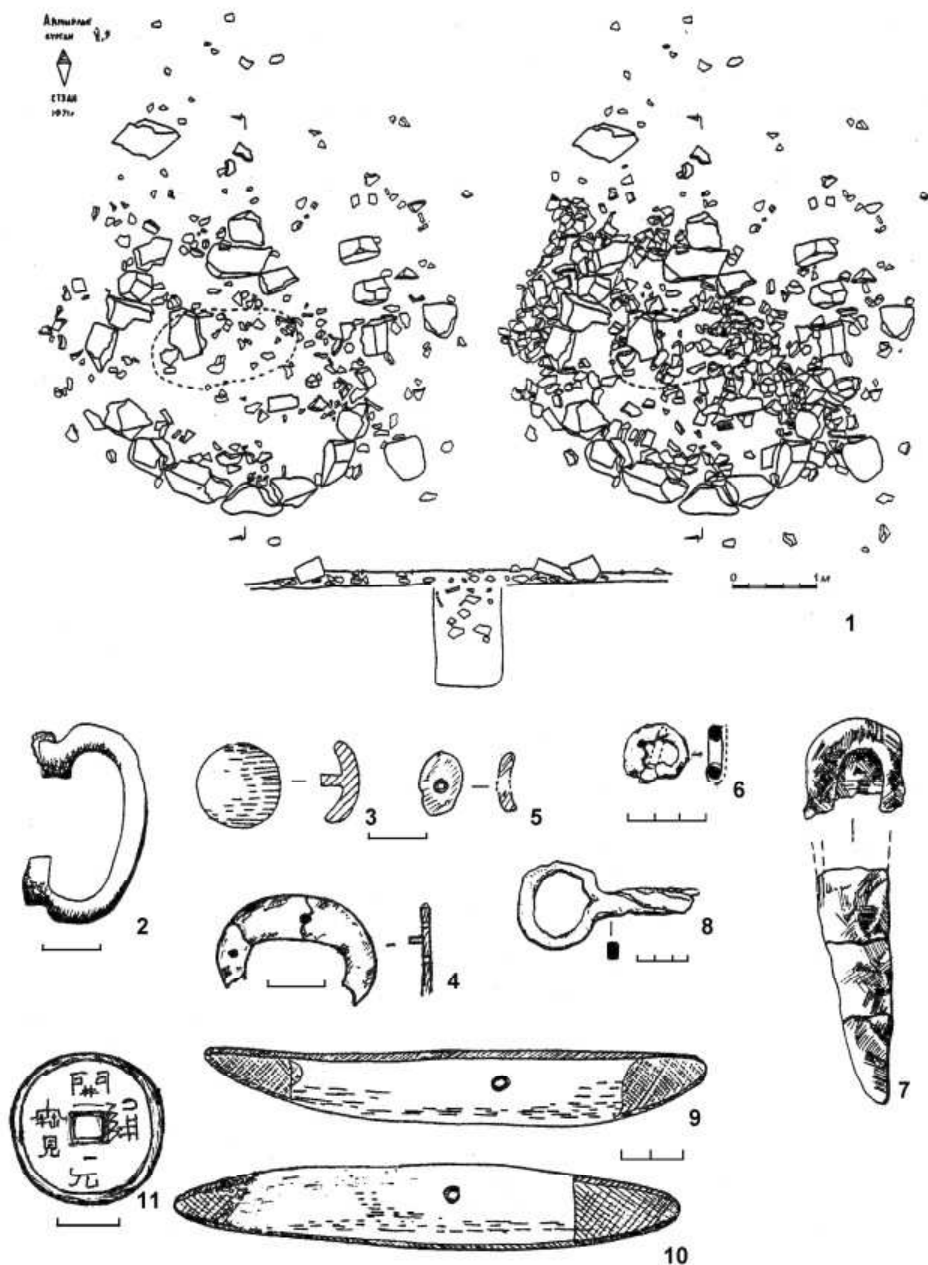


Табл. V. Курган V-5. 1 — планы и разрез сооружения (вид с востока); 2, 6 — пряжки; 3 — «пуговица»; 4 — фрагмент бляшки; 5 — бусинка (?); 7 — кинжал во фрагментах (клинок и рукоять); 8 — фрагмент удила; 9, 10 — срединные накладки на лук; 11 — китайская монета «кайюань тунбао».

2-4, 11 — бронза; 6-8 — железо; 5, 9, 10 — кость (рог)

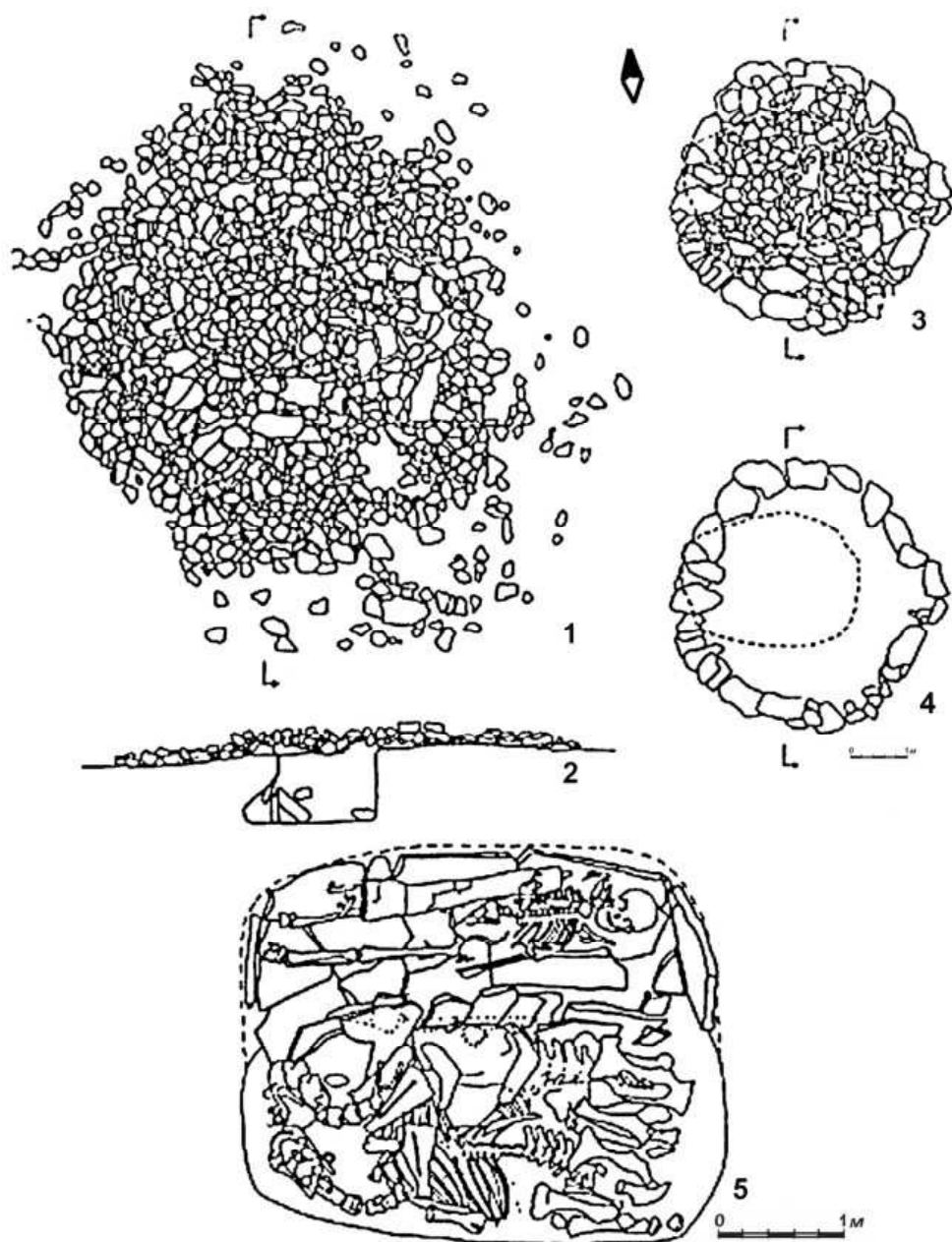


Табл. VI. Курган VIII-52. 1 — план сооружения до расчистки; 2 — разрез по линии север-юг, вид с запада; 3 — план кургана после выявления основы сооружения; 4 — основа сооружения; 5 — план погребения

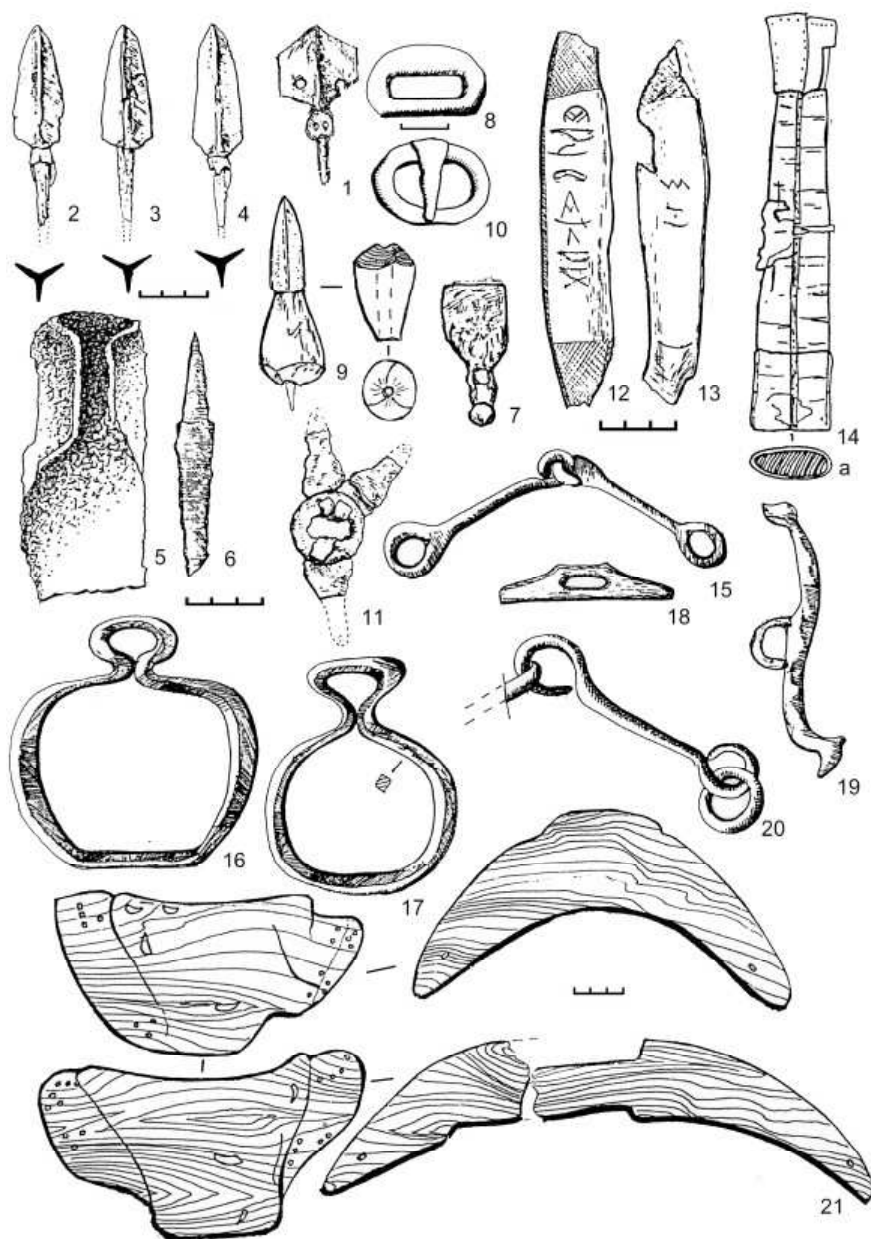


Табл. VII. Кургan VIII-52. Вещевой комплекс. 1-4, 9 — наконечники стрел; 5 — тесло; 6 — нож; 7 — крюк от колчана; 8, 10 — пряжки; 11 — распределитель ремней; 12, 13 — накладки на лук; 14 — колчан с днищем; 15, 20 — удила; 16, 17 — стремяна; 18 — застежка от пут; 19 — псалий; 21 — седло. 1-8, 10, 11, 15-17, 19, 20 — железо; 9, 12, 13, 18 — кость (рог); 14 — береста; 14а, 21 — дерево

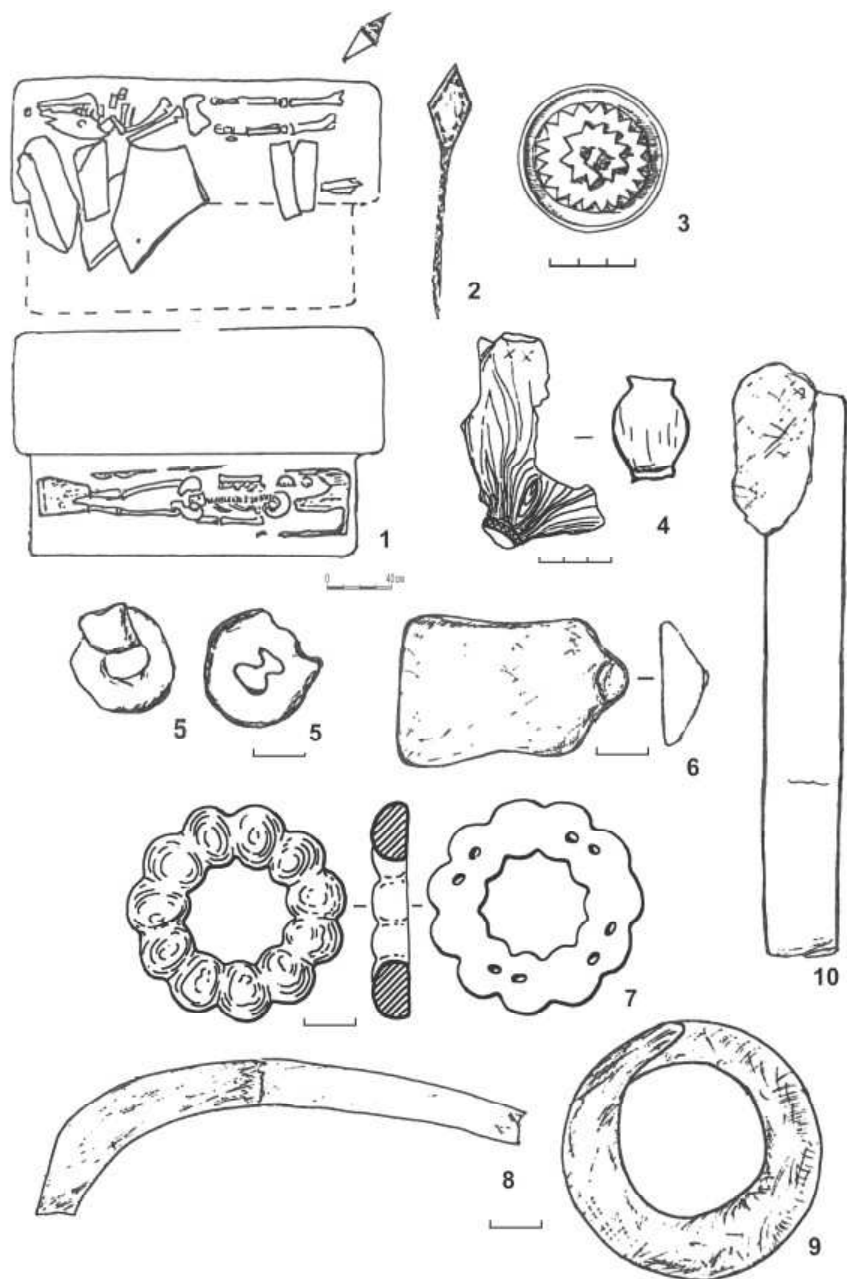


Табл. VIII. Курган XIII-1. 1 — план погребения: подбой с погребением человека в колоде и захоронение коня во входной яме; 2 — кусочек простроченной ткани с ленточкой; 3 — зеркало; 4 — сосуд; 5, 6 — пряжки; 7 — нашивная бляшка; 8 — обломок предмета; 9 — кольцо от удил; 10 — нож. 2 — шелк и ленточная ткань; 3 — бронза; 4 — дерево; 5, 6, 8, 10 — железо; 7 — известковая вытяжка

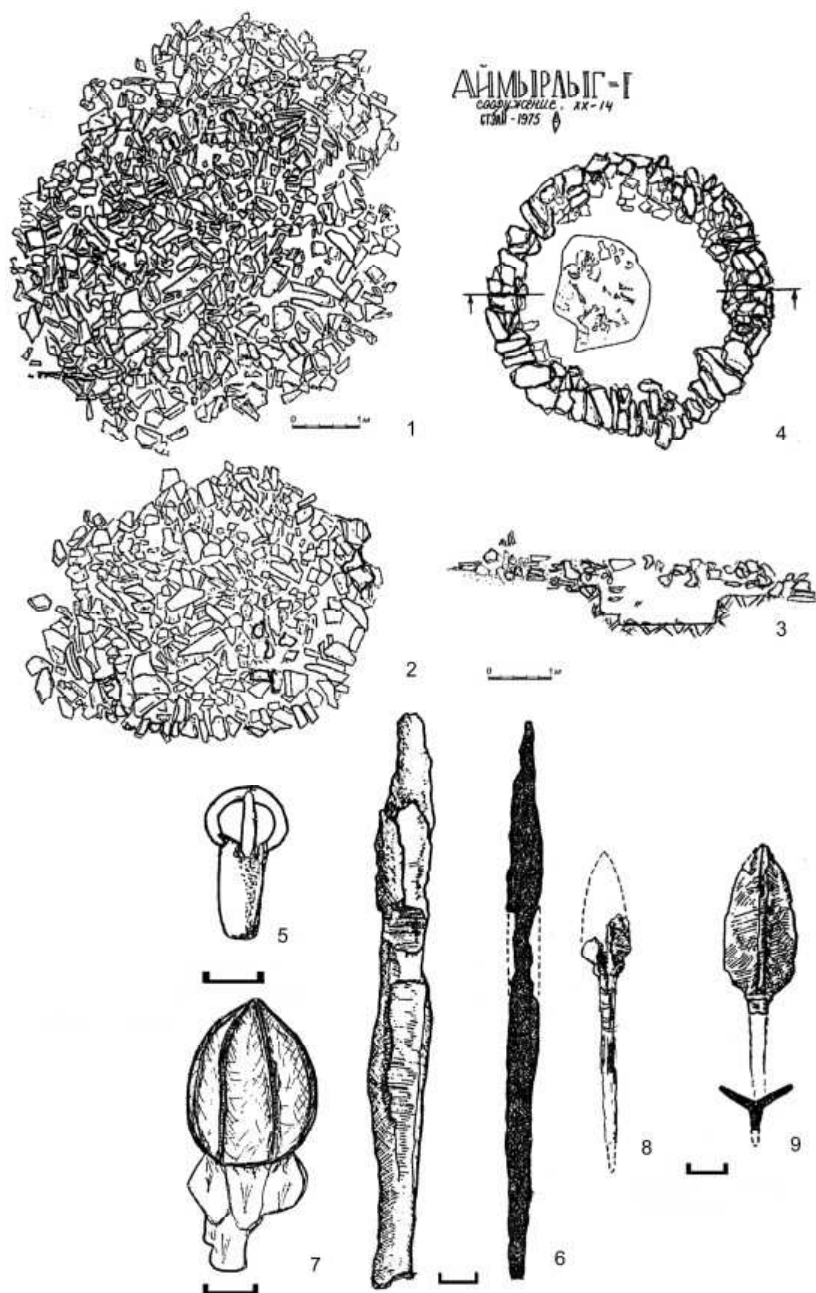


Табл. IX. Курган XX-14. 1, 2 — планы развала наземного сооружения до раскопок и в процессе работы; 3 — разрез по линии запад-восток (вид с севера); 4 — основа конструкции и план погребения. 5 — пряжка; 6 — нож; 7 — кистень (?); 8, 9 — наконечники стрел. 5-6, 8-9 — железо; 7 — бронза

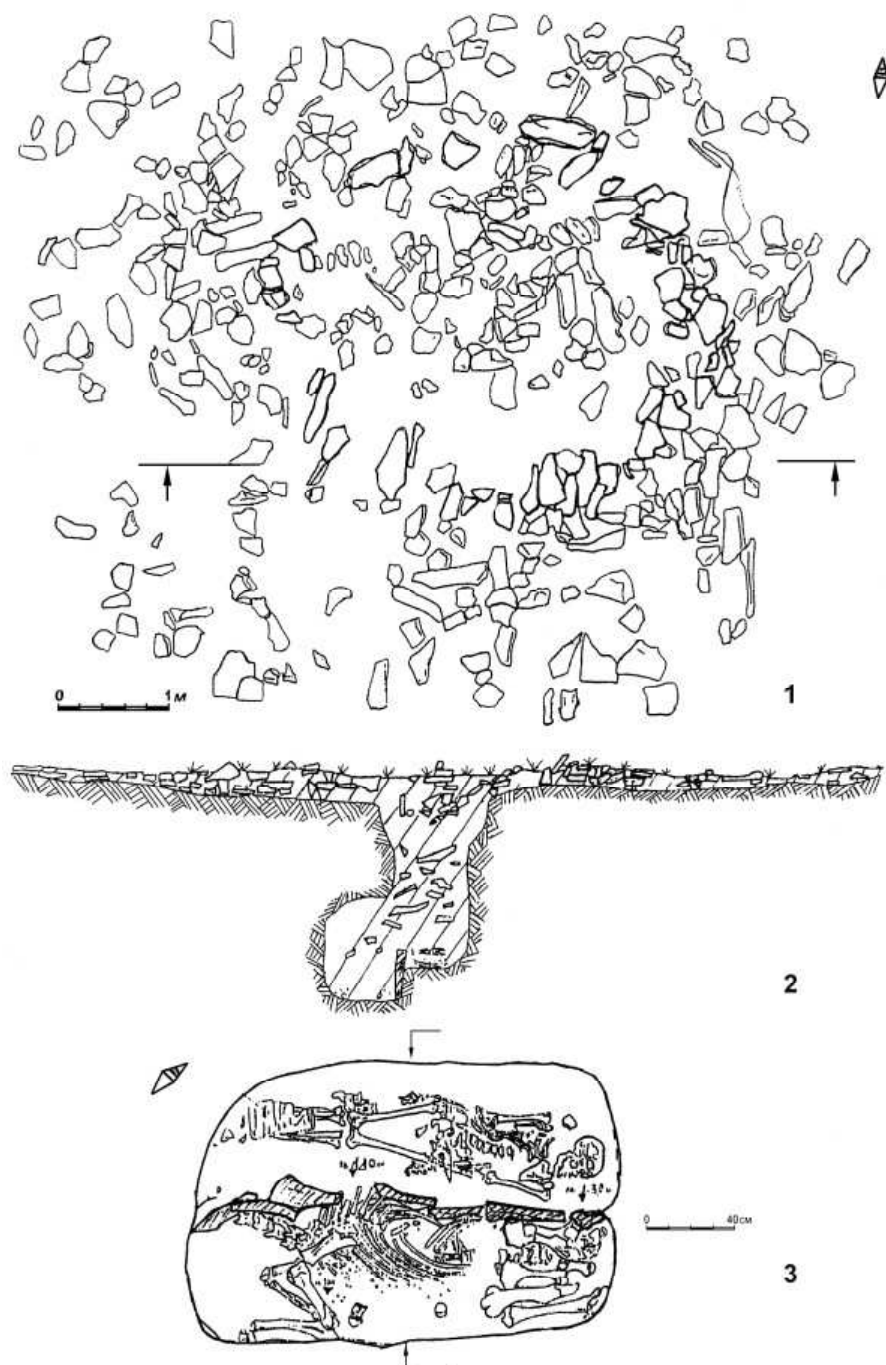


Табл. X. Курган XXI-3. 1 — план наземного сооружения до раскопок; 2 — разрез по линии запад — восток (вид с юга); 3 — план погребения

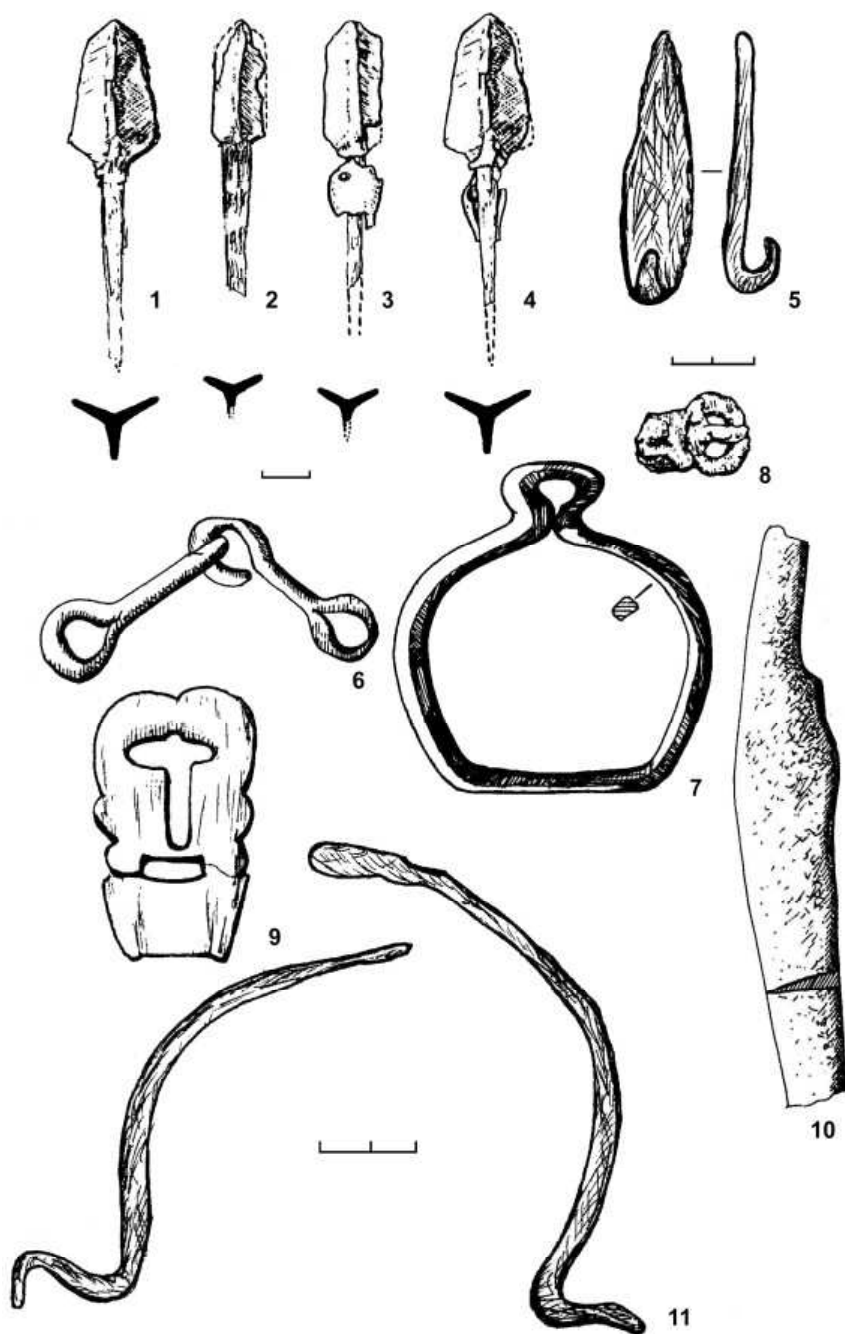


Табл. XI. Курган XXI-3. Вещевой комплекс. 1-4 — наконечники стрел; 5 — крюк от колчана; 6 — удила; 7 — стремя; 8, 9 — пряжки; 10 — нож; 11 — «ободки». 1-8, 10, 11 — железо; 9 — рог

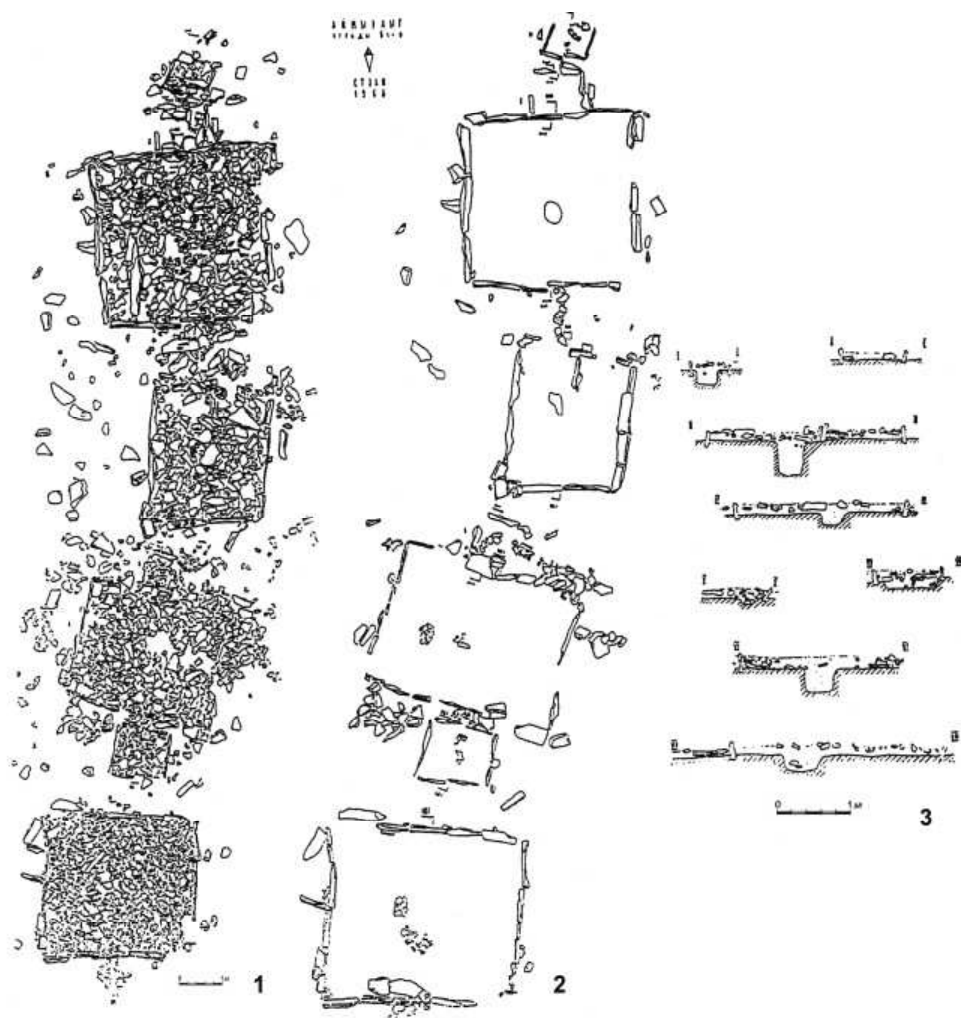


Табл. XII. Группа IX..Древнетюркские оградки.

1 — планы сооружений до расчистки; 2 — планы сооружений после расчистки;
3 — разрезы по линии север — юг (вид с востока)

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ДРЕВНИХ ТЮРОК НА МОГИЛЬНИКЕ ДАГ-АРАЗЫ

Б. Б. Овчинникова

Могильник Даг-Аразы расположен в Центральной Туве (Республика Тыва), в Улуг-Хемском кожууне, в местности Даг-Аразы, на левом берегу реки Чаа-Холь, левом притоке Енисея, в 5 км к северу от нового поселка Чаа-Холь. Памятник находится в открытой долине, только с северо-востока окруженной горами. На протяжении многих веков могильник служил местом погребения древнего населения Центральной Тувы. Хронологические рамки памятника достаточно широки — от гунно-сарматской эпохи до нового времени, что придает ему особую значимость. Большинство объектов, расположенных на поле захоронения Даг-Аразы, составляют курганы эпохи хунну (Овчинникова, 2010. С. 119–163) и древнетюркского времени (Овчинникова, 1990. С. 15).

Стационарные археологические раскопки могильника Даг-Аразы проводились под руководством Б. Б. Овчинниковой в течение полевых сезонов 1973–1981 гг. отрядом Уральского государственного университета им. А. М. Горького (г. Свердловск — Екатеринбург), работавшего в составе Саяно-Тувинской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (ныне Институт истории материальной культуры РАН, СПб.).

Каменные курганные насыпи на могильнике Даг-Аразы, весьма компактно расположившиеся на площади в один гектар, в основном с западной и южной сторон невысокой безымянной горы, протянулись вдоль ее подножия к северу от края террасы р. Чаа-Холь. Могильник отличается сравнительно четкой структурой и распадается на пять условно выделенных курганных групп, изолированных друг от друга незначительным свободным пространством⁴ (Табл. 1).

Основа структуры могильника Даг-Аразы очевидно была заложена ещё в гунно-сарматское время. Как показали раскопки, из 82 каменно-земляных

⁴ Нумерация групп курганов ведётся с севера на юг. Далее в тексте приняты сокращения: в обозначении объектов на могильнике Даг-Аразы (ДА); группы — римскими цифрами; номера курганов — арабскими — ДА-I-3 и т. д.

насыпей, сохранившихся на современной поверхности могильника, 49 объектов относятся к гунно-сарматскому времени, 29 — к древнетюркской эпохе, одно захоронение коня (ДА-V-8) и три, определение принадлежности которых под сомнением (ДА-IV-1 и 3; ДА-V-4). Памятники более поздних периодов (кыргызского и нового времени) единичны. Они, как правило, представлены либо в виде «кладов» из изделий, несомненно, принадлежавших кыргызам и находившихся в кладке курганов древних тюрков (ДА-II-3 и 5), либо в виде пристроенных к основной крепиде древнетюркского наземного сооружения (ДА-II-6) кольцевидных оград, содержащих пережженные косточки и скромный, но весьма выразительный вещевой инвентарь. К памятникам нового времени можно отнести также находки так называемых «кладов», в которых находятся детали конского снаряжения и украшения.

С приходом в данную местность древних тюрков, совершавших обряд захоронения человека с конем, на севере могильника Даг-Аразы появляется новая группа памятников (группа I) из восьми древнетюркских поминальных оградок. Именно они составляют единый комплекс с погребениями человека с конем (или верблюдом — ДА-II-1 и 2), расположенными рядом в группе II. В процессе исследования могильника выяснилось, что в целом на Даг-Аразы обнаружено 15 погребально-поминальных комплексов древнетюркской эпохи.

Наземные сооружения памятников древнетюркской эпохи могильника Даг-Аразы располагались, не нарушая его структуры, в пределах существовавших ранее курганных групп, оставленных племенами хуннского времени. Как показал визуальный осмотр, они не образуют на могильнике самостоятельного кладбища. Древнетюркские погребальные и поминальные памятники присутствовали в четырех курганных группах могильника, находясь вблизи друг от друга: в группах I, II, III и V⁵. По характеру насыпей погребальные и поминальные сооружения отличались друг от друга: поминальные представлены в виде наземных четырехугольных каменных оградок, а погребальные — наземными сооружениями в виде невысоких частично задернованных насыпей из обломков горных пород, различных по величине. После расчистки такое сооружение приобретает более четкие очертания в плане: оно округлой формы и становится возможным определить остатки внешнего ряда — крепиды первоначальной постройки, внутренняя площадь которой заполнена камнями. Размеры таких построек варьируют от 3,5 до 6,0 м в диаметре при высоте 0,5–0,8 м. Контур наземного сооружения, как правило, составляло кольцо, выложенное из валунов, порой из тесаных камней, под развалом которых в общей могильной яме находилось захоронение человека в сопровождении одного-двух коней. В большинстве случаев человек был погребен в подбое, вытянуто на спине, обычно головой на восток. Находившееся во входной яме перед

⁵ В группе I — 1–8; в группе II — 1–3, 5, 6, 8, 13, 14; в группе III — 1, 4, 8, 10, 14, 15, 23; в группе V — 1, 2, 3, 8.

стенкой из вертикально установленных каменных плит, упиравшихся в потолок подбоя, животное имело ориентировку, противоположную хозяину.

Рассмотрим подробнее исследованные погребальные и поминальные сооружения, относящиеся к древнетюркской эпохе, по условно выделенным группам на могильном поле Даг-Аразы.

Курганная группа I, расположенная на северной окраине могильника Даг-Аразы у подножия безымянной горы, представляла самостоятельную группу из восьми задернованных каменных прямоугольных оградок, вытянутых по линии ЮЗ–СВ. Внутри группы они делились на две компактные подгруппы, расположенные на расстоянии более 50 м друг от друга. В первую подгруппу включены оградки с 1 по 5, а во вторую — с 6 по 8. Сооружения в виде оградок несколько различаются как по конструкции, так и по размерам. Все они одиночные. Самые большие достигают более 3-х метров (в среднем $3,20 \times 3,20$ м — ДА–I-1; 6); средние — более 2-х метров (ДА–I-5; 7 и 4) и самая маленькая оградка ДА–I-8 — $1,90 \times 1,90$ м. Последняя отличалась не только размером, но и сохранившимся на высоту 0,6 м от современной поверхности каменным стояком в центре оградки. При раскопках оградок выявлена общая черта: внутренняя площадка оградок сплошь выложена камнями, иногда плотно уложенными плитами (ДА–I-6; 8). Практически во всех оградках присутствуют следы прокала, углистых прослоек, кусочки дерева, реже кости животных (барана). Иногда на глубине 0,3–0,7 м по центру площадки встречаются либо остатки деревянного столба (ДА–I-5), либо небольшого по размерам каменного ящичка ($0,3\text{--}0,4 \times 0,2\text{--}0,3$ м). Интерес вызывают оградки с пристройками, в которых также зафиксированы ящички (ДА–I-2) (Табл. II, 1). Однозначно можно сказать, что все оградки группы I носят поминальный характер.

Курганная группа II практически примыкает к группе I. Общее количество сооружений на данной площадке составляет 14, в том числе из них восемь курганов, как показали раскопки, относятся к древнетюркскому времени, остальные — к гунно-сарматскому периоду (Овчинникова, 2010. С. 122–123). Все древнетюркские курганные насыпи, группируясь по две, расположены в разных частях площадки группы II⁶.

Из числа древнетюркских захоронений особый интерес представляют два кургана ДА–II-1 и ДА–II-2, соединенные друг с другом по линии ЗВ «дорожкой», длиной 10 м, шириной 120–140 см, из выложенных по краям цепочкой небольших камней. На этой «дорожке» между курганами, ближе к ДА–II-2, лежал скелет молодого барана. Под курганной насыпью ДА–II-1 (диаметр каменной ограды 4 м, высота 0,3–0,5 м) на глубине 1,2 м обнаружено погребение мужчины 45–55 лет, уложенного вытянуто на спине, головой на восток в сопровождении взнузданного одnogорбого верблюда, ориентированного

⁶ В северной части сооружения ДА–II-1 и 2; ДА–II-5 и 6; в южной части — ДА–II-3 и 8; в западной — ДА–II-13 и 14.

мордой в противоположную сторону. В качестве разделительной стенки между верблюдом и человеком сохранилась во фрагментах горизонтально уложенная жердь. Погребенный располагался так, что голова его упиралась в камень. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте, а кисть ее лежала на тазовой кости. Ноги смещены вправо. Погребенного сопровождал комплекс вещей довольно плохой сохранности: начиная от колен вдоль ног лежал берестяной колчан со схематичной прорисовкой на бересте воина-копейщика (Рис. 1) и с тремя наконечниками стрел. На колчане находились железные тройник и пряжка, с обратной стороны — железный колчаный крюк и пряжка (Табл. XII, 8). Слева от локтя рядом с человеком сохранились остатки лука, которые представлены фрагментами деревянного стержня, заканчивающегося концевыми накладками, которые зажимают между собой фрагмент дерева. На одной из них изображен знак-тамга в виде маленького прочерченного треугольника с точкой в середине (Табл. XIII, 8). На уровне тазовых костей — железные бляхи и пряжка от наборного пояса, а также две бронзовые пряжки. Во рту верблюда были зажаты железные удила (Табл. XV, б), справа от шейных позвонков фрагменты выше упомянутой березовой жерди, скорее это остатки коновязи диаметром 6 см, высотой 60 см. В межреберье — куски деревянного седла с остатками кожи, ткани. Чуть выше тазовой кости, справа — железное петельчатое стремя, а под ним — роговая подпружная пряжка (Табл. XV, 20).



Рис. 1. Изображение воина-копейщика на колчане (фрагмент)

К западу от кургана ДА–II-1 проходила, как указывалось выше «дорожка», соединяющая его с курганом ДА–II-2, перед которым под небольшой каменной выкладкой находилось захоронение молодого барана (ДА–II-2а). Основной курган ДА–II-2 представлен в виде двух-трехъярусной кладки камней, образующей замкнутое кольцо ограды диаметром 3 м. Внутри площадки было обнаружено могильное пятно, при расчистке которого на глубине 1,3 м выявлены разбросанные останки скелета ребенка 8–9 лет и кусок дерева. К северу от скелета еще с глубины 70 см у западной стенки могильной ямы появился череп верблюда, шейные позвонки которого уходили вглубь, создавая впечатление вытянутой шеи, плотно примыкающей к стенке могилы. Достигая глубины 100–110 см, костяк продолжался с появлением лопатки и на этом уровне резко обрывался, т. е. захоронена была только половина верблюжьего костяка. В его зубах были зажаты железные удила (Табл. XV, 7). Южнее костяка обнаружена костяная подпружная пряжка. Около лопаток верблюда сохранились фрагменты березовой жерди диаметром 5–6 см, установленной изначально вертикально. Таких березовых жердей насчитывалось около трех, возможно, они выполняли роль разделительной стенки. Несмотря на то, что могила была ограблена, при погребенном найдены две железные пряжки и лезвие ножа. Можно предположить, что захороненные мужчина и ребенок находились в родственных связях, о чем свидетельствует и инвентарь, и расположение погребенных.

К юго-западу от курганов ДА–II-1 и ДА–II-2 находились наземные сооружения ДА–II-5 и ДА–II-6. Оба кургана были разграблены, тем не менее, их можно отнести к захоронениям, совершенным по обряду трупоположения человека в подбое в сопровождении коня, т. е. к древнетюркской эпохе. Особенностью конструкции сооружения ДА–II-5 является наличие двух каменных стоячков, символизирующих «вход» в виде своеобразных «ворот», расположенных с восточной стороны идеально выложенной каменной ограды в два-три слоя. Между первым и вторым слоями кладки основы сооружения был обнаружен «клад» из аккуратно уложенных бронзовых орнаментированных накладок и пряжки тюхтятского облика, получивших широкое распространение в период владычества кыргызов в Туве.

На глубине 1,2–1,6 м стало возможным зафиксировать останки человека в подбое и коня. Возле человека сохранились лишь небольшой фрагмент берестяного колчана, крюк, наконечник стрелы, три железных пряжки, а также две сбруйные бронзовые бляшки. Традиционный набор вещей у остатков конского захоронения отсутствовал.

Наиболее разрушенным оказалось наземное сооружение ДА–II-6. При расчистке общей насыпи (14–16 м в диаметре) неоднократно встречались кусочки бересты, кости животных. С северо-западной стороны было обнаружено бронзовое зеркало местного производства с изображением божеств в виде животных, символизирующих четыре стороны света (подражание китайскому) (Табл. XII 4) и маленькие железные ножницы. Сохранившееся в виде цилинд-

рической каменной постройкой наземное сооружение прослеживалось в центре насыпи с самого начала раскопок. При дальнейшем исследовании удалось выявить крепиду диаметром более 7 м, стенка которой выложена в 4–5 слоев камней. К её основе с внешней стороны были пристроены по кругу 12 кольцевидных оград различных по диаметру — от 2,5 до 1,5 м, содержащих внутри угольки и кусочки дерева (небольшой кыргызский могильник?). Лишь в одном из колец, расположенном в 0,5 м к северо-востоку, обнаружены четыре железных серпа, кусочек керамики, угли. Несмотря на разрушение конструкции погребального сооружения в результате разграбления центрального захоронения, сохранившиеся останки и обнаруженные артефакты свидетельствуют о том, что на глубине 2,5 м в разрушенном подбое был похоронен мужчина 30–40 лет, а за пределами подбоя удалось определить по останкам костей захоронение двух коней. Особенное внимание привлекли многочисленные спекшиеся куски железа, небольшие по размеру, в том числе и на костях лошади. Встретились они в монолите длиной 70 см при ширине 30–40 см, как оказалось это фрагменты железной пластинчатой попоны (Табл. XIII, 18). Из сопровождающего инвентаря сохранились фрагмент колчана, бронзовый крюк для колчана (Табл. XIII, 7), обломки железных наконечников стрел и фрагмент неорнаментированной керамики, а также накладные железные и бронзовые бляхи от наборного пояса, костяные блок от чумбура и застежка для пут (Табл. XV, 27), две железные подпружные пряжки, фрагменты удила и стремени, бронзовый ременной наконечник — деталь сбруи (Табл. XV, 3), большое количество маленьких кусочков кожи.

В южной части площадки могильника также находились две курганные насыпи — ДА–II–3 и ДА–II–8. Наземные сооружения представлены в виде замкнутой кольцевидной каменной ограды диаметром 5 м, выложенной в четыре слоя, с внутренним заполнением из беспорядочно уложенных камней.

До расчистки курганная насыпь ДА–II–3 представляла собой развал камней, чуть вытянутых в южном направлении. Отметим, что к югу и северу за пределами насыпи находилось по два крупных камня. К северо-востоку от кургана небольшая россыпь камней, под которой оказалось захоронение неполного костяка лошади. При расчистке насыпи выяснилось, что центральная часть кургана была нарушена впускным захоронением мужчины (60–70 лет). В кладке основы внешнего сооружения в виде округлой каменной ограды диаметром 5 м встречен «клад» из бронзовых орнаментированных накладок от сбруи коня, датируемых периодом кыргызского владычества в Туве. За пределами ограды с восточной стороны на уровне нижнего ряда кладки обнаружены жернова. Само погребение было совершено на глубине 1,2 м, о чем свидетельствуют потревоженные грабителями останки захоронения мужчины (50–60 лет), лежавшего в подбое на правом боку, ориентированного головой на восток. Из вещевого комплекса при погребенном находились накладки на лук (Табл. XIII, 8), два железных колчаных крюка и один наконечник стрелы, три железных пряжки, шило и два кресала. За каменной перегородкой обнаруже-

ны отдельные части скелета коня, ориентированного в противоположную человеку сторону. При коне сохранились только две костяные подпружные пряжки (Табл. XV, 21, 22) и фрагменты орнаментированного костяного предмета с вставкой деревянного стерженька (Табл. XV, 5).

На объекте ДА–II-8 отсутствовали останки человека, но на его месте был уложен берестяной колчан (Табл. XIII, 14) с двенадцатью железными наконечниками стрел (Табл. XIII, 6), накладки на лук (Табл. XIII, 9), бронзовые накладные бляшки от наборного пояса (Табл. XII, 11, 12). Во входной яме, на 0,4 м выше предполагаемого захоронения человека, сохранились костяки двух лошадей с подогнутыми ногами и ориентированные черепами на запад, морды которых были повернуты друг к другу. При лошадях обнаружены две пары удила, псалии, остатки седла, две пары стремян, железная подпружная пряжка и две костяные пряжки для пут, бронзовые накладные бляхи от уздечного набора (Табл. XV, 10, 12, 19, 25, 26). Очевидно, по способу захоронения, данное погребение представляет собой кенотаф.

К востоку от данной группы памятников, несколько в отдалении, находилось два курганных захоронения ДА–II-13 и ДА–II-14. По внешним сооружениям они близки вышеописанным, однако основа каменных оград меньше по размеру (диаметр 4 м, высота кладки в два слоя не превышала 0,5 м). Оба захоронения совершены в подбое в сопровождении лошадей. Захоронение ДА–II-13 (Табл. III, IV) принадлежало женщине (30–40 лет), при которой были обнаружены два наконечника стрел, фрагменты чернолаковой чашечки, глиняное пряслице (Табл. XIV, 1, 4), две золотые сережки (одна из них с жемчужными бусинками, у второй — не сохранились), четыре позолоченных «бубенчика», позолоченная ажурная «пуговица», маленькая бронзовая пряжка (Табл. XII, 6, 10, 13–17), бронзовый ременный наконечник. При коне, уложенном через каменную перегородку с подогнутыми конечностями и ориентированном в противоположную сторону, сохранились удила, псалии, ременные бронзовые пряжки и наконечники от сбруи, седло, железные стремяна и подпружная пряжка, а также четыре костяные застежки для пут (Табл. XV, 1, 2, 8, 30).

Что же касается второго погребения ДА–II-14, то разделительная стенка между захоронением человека и двух коней состояла из каменной перегородки, упиравшейся в потолок подбоя, к которой была приставлена деревянная «арба» плохой сохранности (Табл. V). При погребенном вдоль костяка лежал колчан со стрелами (12 экз., в том числе и костяными), с костяными срединными накладками на лук и орнаментированными накладками на колчан (10 фрагм.), с костяной петлей для подвешивания колчана (Табл. XV, 1, 10, 13, 15–17), жемчужная бусинка, железные тесло и кинжал, фрагменты деревянного сосуда (Табл. XIV, 3, 5, 6, 8), а также астрагал. С лошадьми — две пары удила, псалии, седло, пара стремян, обоймы от ремня, костяные подпружные пряжки, две застежки для пут и блок от чумбура, железный трезубец (Табл. XV, 4, 13–15, 23, 31).

Курганная группа III находится в центре могильника Даг-Аразы. Общее количество курганных насыпей составляет 23. Из них тринадцать относятся к гунно-сарматскому времени (Овчинникова, 2010. С. 123–125), а десять — к древнетюркскому. В число последних входит пять поминальных (ДА–III-1, 9, 21–23) и пять погребальных (ДА–III-4, 8, 10, 14, 15) памятников, которые компактно располагаются между двумя подгруппами гунно-сарматских объектов. Исключение составляет погребальный памятник ДА–III-4, находящийся на западной окраине площадки и отличающийся по размерам от других древнетюркских памятников, относящихся к этой группе: диаметр ограды — около 6 м, высота кладки в пять слоев достигает 0,8 м. Захоронение разграблено, однако в нем сохранились, очень плохой сохранности, останки скелета женщины 60-ти лет и лошади. Были зафиксированы также фрагменты неорнаментированной керамики, железного наконечника стрелы и железной подпружной пряжки (Табл. XV, 17).

Остальные курганы также оказались потревоженными, однако удалось установить конструктивные особенности погребений и обнаружить некоторые артефакты при останках погребенных — как человека, так и коней.

Под курганной насыпью ДА–III-8 находилось захоронение — кенотаф, зафиксированное по остаткам каменного перекрытия, подпирающего потолок подбоя, и сохранившимся неполным костяком лошади вне его (Табл. VI). В погребальном сооружении ДА–III-10 (Табл. VII) при погребенной женщине (50–55 лет), лежавшей в подбое, сохранились две бронзовые сережки, в том числе одна с прикрепленной жемчужной бусиной (Табл. XII, 3, 5), бронзовая обойма от наборного пояса. При останках коня были обнаружены фрагмент удила, миниатюрное стремя, железная подпружная пряжка и костяная застежка для пут (Табл. XV, 18, 24, 28, 29).

Сооружение ДА–III-14 вызывает интерес в том плане, что в нем на различных уровнях находились две погребенные женщины (?). До расчистки оно представляло собой задернованную каменную насыпь овальной формы размером 8 × 6,5 м, вытянутую с севера на юг с заметным оползанием по краям. Наиболее задернованная часть просматривалась в центре кургана, где четко прослеживался провал диаметром до 1,0 м. После расчистки стало возможным проследить кольцо крепида диаметром 4 м, составляющей основу наземного сооружения. При разборке внутреннего пространства были встречены ребро человека, керамическое пряслице (Табл. XIV, 2) и фрагменты керамического сосуда. На этом же уровне в середине ограды по линии 3–В располагалась выкладка из камней размером 2,8 × 1,2 м, после выборки камней на глубине 0,5 м проявились контуры могильной ямы (2,2 × 1,7 м), вытянутой по линии с запада на восток. Углубляясь на 0,5 м в восточной части ямы находилось несколько крупных камней и кости лошади, костяная пряжка для пут, куски дерева. На глубине 0,65 м обозначились деревянные плахи плохой сохранности, выложенные плашмя по направлению 3–В. Западнее них найдены железные удила (Табл. XV, 9). Под древесным настилом на глубине 0,75–0,80 м захоронена старая женщина (70 лет), вытянуто на спине, ориентирована головой на В.

У левой локтевой кости лежало лезвие железного ножа (Табл. XIV, 7). Чуть ниже, на глубине 90 см, севернее скелета женщины обнаружены кости таза, конечностей, четырех ребер и позвонков второго человека. Как оказалось, по определению Н. М. Ермоловой, останки принадлежали молодой женщине (30–35 лет). Череп отсутствовал, но на его предполагаемом месте, около ключицы правой руки сохранилась золотая сережка с жемчужной бусиной (Табл. XII, 2). Вдоль правой руки лежала деревянная плаха, очевидно, остатки конструкции, на которой покоилась погребенная. По залеганию и направлению останков можно судить о восточной ориентировке второй погребенной. На уровне этого скелета находились кости лошади: в восточном углу обнаружена согнутая в коленном суставе нога лошади. Так как кости лошади уходили на глубину залегания второго скелета (0,85–0,90 м), то, по определению Н. М. Ермоловой, можно предполагать, что лошадь была захоронена вместе со второй погребенной. Захоронение ДА–III-15 также ограблено и носило весьма внушительные следы разрушения (Табл. VIII). Основа наземного сооружения, обнаруженная после расчистки, представляла крепиду диаметром 3,5 м. С глубины 0,4–0,5 м начали встречаться вперемешку с мелкими камнями кости лошади, которая, как оказалось при дальнейших раскопках (на гл. 0,65–0,79 м), была уложена на живот с ориентацией на запад с отклонением шейных позвонков к югу. Череп отсутствовал. К северу от костяка лошади за каменными плитами, некогда поддерживающими своды подбоя, глубже на 0,40 м костяка лошади были обнаружены берцовые кости и тазовая кость, принадлежавшие человеку весьма высокого роста. На той же глубине, более 1,0 м, находилась березовая жердь диаметром 4 см. Каких-либо вещей не сохранилось.

Что же касается поминального обряда, то на могильной площадке группы III довольно компактно расположены пять однокамерных квадратных оградок, размеры которых различны: ДА–III-1 (2,10 × 2,10 м); ДА–III-9 (1,4 × 1,5 м); ДА–III-21 (1,6 × 1,8 м); ДА–III-22 (3,0 × 3,20 м); ДА–III-23 (2,20 × 2,20 м). Оградки 21 и 22 расположены почти рядом — расстояние между ними 0,8 м. В последней встречен вкопанный в материковую часть каменный ящик. Материальных остатков в оградках не обнаружено. В оградке 23 при расчистке после снятия камней внутри площадки на ее территории выявлено скопление из мелких камней, выложенных в форме маленькой «розетки», после разборки которой на глубине 0,40 м обнаружены куски обожженного дерева, угли и прокал черного цвета. Однозначно, что оградки группы III являются памятниками поминального характера.

Курганная группа IV, как уже отмечалось выше, практически представлена памятниками гунно-сарматского времени (Овчинникова, 2010. С. 125–126), и погребения древнетюркской эпохи в этой части отсутствуют. Однако на этой же части могильного поля вскрыты два кургана, отличающиеся обрядом захоронения и вынесенные нами в разряд неясного назначения — ДА–IV-1 и ДА–IV-3. Их внешние сооружения представлены каменно-земляными насыпями сравнительно больших размеров — по диаметру насыпи более 10 м.

Особое внимание привлекала кладка сооружения ДА–IV-1. Насыпь располагалась на границе с курганной группой V. В конструкции кургана сразу же прослеживалась четкая кольцевая ограда, выложенная из нескольких ярусов плотно подогнанных друг к другу камней. Расчистка этого сооружения еще раз подтвердила конструкцию наземного сооружения, основа которого представлена овальной в плане крепидой, сохранившейся на высоту порой более одного метра, состоящей из пяти-семи ярусов камней уложенных горизонтально. Внешняя сторона кладки ограды удивительно ровная. В северо-восточной части, с ее внешней стороны находился стояк высотой 1,10 м в каменной обкладке, вплотную пристроенной к стенке основы сооружения. При разборке внутреннего заполнения площадки из камней различной величины встречались обожженные камни и несколько обожженных косточек. Под каменной насыпью внутри площадки на уровне последних камней, составляющих последний ярус крепиды, почти на всей площади был вскрыт участок прокаленной почвы. Наиболее насыщенная его часть находилась в центре и южной части площадки, где толщина прокаленного слоя (от красноватого до черного цвета) достигала 0,3–0,5 м. В прослойках прокаленной почвы обнаружены фрагменты железных трехлопастных наконечников стрел (чрезвычайно плохой сохранности), бронзовая бляшка квадратной формы с прорезью в середине (Табл. XII, 18) и фрагменты кожаного ремешка, берестяных свертков и неорнаментированной керамики.

Вскрытие еще двух неопределенных по принадлежности курганов ДА–IV-3 и в последующей группе ДА–V-4 показало их идентичность, несмотря на их местонахождение в различных группах могильника, но сравнительно близко расположенных друг от друга. Прежде всего, это конструкция наземных сооружений: каменная ограда сравнительно большого размера (в диаметре более 8–10 м) сложена весьма неаккуратно. В обоих курганах было четко зафиксировано наличие могильной ямы при глубине 0,7–0,9 м, однако захоронение в ней отсутствовало. Вместе с тем на дне ямы было обнаружено по маленькой бронзовой рамчатой пряжке с язычком, которые имеют весьма широкие хронологические рамки и территорию распространения. В связи с этим трудно определить этническую принадлежность данных сооружений.

Курганная группа V занимает юго-восточную окраину могильника Даг-Аразы. В ней насчитывается девять погребальных и поминальных памятников, среди которых к древнетюркской эпохе относятся два объекта: одно погребальное сооружение (ДА–V-1) и одно поминальное (ДА–V-2).

Эти памятники в комплексе представляют особый интерес: в курганной насыпи ДА–V-1 находилась могила воина, в которой обнаружен наиболее полный набор воинского снаряжения (Табл. IX). К северу от захоронения располагалась трехкамерная оградка, в отличие от всех остальных однокамерных, представленных на могильном поле Даг-Аразы.

Конструкция кургана подобна другим конструкциям тюркских курганов могильника. До расчистки сооружение представляло собой сильно задерно-

ванную каменную насыпь овальной формы диаметром 8 м, высотой 0,5–0,7 м. После расчистки размеры его не изменились, но вскрылось много новых камней, заполняющих эту насыпь и уходящих вглубь. На этой стадии исследования стало возможным четко выявить основу сооружения, представленную округлой цилиндрической выкладкой диаметром 6 м, высотой 0,6–0,7 м. Внешняя стенка ее гладкая и выложена в два-четыре слоя камней, плотно подогнанных друг к другу по принципу «перевязки швов». При разборке внутренней площади сооружения на уровне основания камней кладки, в центре ее находилось незначительное скопление камней. Севернее этого скопления располагалась выкладка из более крупных камней, уходящих вглубь. Так обнаружился провал над могилой, размеры которого 2,1 × 1 м. На глубине 0,7–0,8 м камни, уложенные горизонтально, заполнили могилу сплошным пластом. При вскрытии могилы встречены кости лошади, копыто. На глубине 0,9–1 м от поверхности найден костяк лошади, уложенной на камни на животе с подогнутыми ногами; мордой лошадь ориентирована на запад. Череп приподнят и покоится на столбике из камней с поворотом на север (возможно, смещен). В зубах лошади железные двукольчатые удила с железными эсовидными псалиями с «сапожком» на концах (Табл. XI, 16). На лошади находились остатки деревянного седла плохой сохранности. Рядом с ним, в 0,2 м левее костяка, в стенке могильной ямы торчало железное тесло с несомкнутой втулкой (Табл. XI, 12). На крупе и под лошадью обнаружены стремяна с пластинчатой петлей для путлища (Табл. XI, 18) и железная подпружная пряжка с вертлюгом (Табл. XI, 15), а рядом железное кольцо. Кроме костей лошади, здесь же встречены отдельные кости барана. К северу от остова лошади находился заслон из плотно уложенных камней. После того как были убраны камни, обнаружилась «решетка» из березовых кольев, закрывающая вход в подбой, где покоился погребенный. Кроме березовых кольев свод подбоя фиксировался по бокам вертикально установленными каменными плитами. Высота подбоя достигала 0,6–0,7 м, длина — 2,2 м, ширина — около 1 м. Лошадь лежала на приступке высотой 0,1–0,2 м.

За разделительной стенкой в подбое лежал скелет погребенного взрослого мужчины вытянуто на спине, головой на восток. Помещен погребенный в «гробу», сплетенном из золотистых ветвей пустынной акации. Об этом свидетельствует хорошо сохранившаяся плетенка, выстилающая восточную и северную стенки подбоя, а также дно могилы. Остатки плетенки обнаружены и в покрытии человека сверху. В прерывающихся частях этого покрытия можно было заметить фрагменты деревянных плах от щита. После снятия покрытия обнаружился полуистлевший деревянный круглый щит, который дополнительно прикрывал тело погребенного от лба до колен (Табл. X, 2). Под щитом, вдоль левой руки, находился берестяной колчан со стрелами. Наконечники стрел железные, располагались на «щитке» колчана (Табл. XI, 8–11, 22). На корпусе колчана в середине обнаружена костяная пряжка, по форме напоминающая пряжку от пут. Под колчаном лежал железный палаш с остатками де-

ревянных ножен плохой сохранности (Табл. XI, 21). Рядом с палашом, ближе к человеку, в области его пояса, находились кусочки шелка и кожи, спаянные с бронзовыми пряжками и бляшками от пояса. На тазовой кости погребенного располагался целый сверток смятой кожи и шелка, очевидно, фрагменты одежды. Здесь же, чуть выше, лежал наборный кожаный пояс, украшенный бронзовыми бляхами (Табл. XI, 3, 4, 7). От пояса, слева, спускался узенький ремешок с малыми фигурными бляшками (Табл. XI, 3, 5, 13). Справа еще один ремешок и кожаный мешочек, в котором при вскрытии обнаружены бронзовая монета с легендой «Кайюань тунбао» (Табл. XI, 1) и четыре маленьких камня (размерами до сантиметра), завернутых в шелковую тряпочку, которая была завязана на четыре узелка. Среди этих камней два халцедона и один окисленный медный колчедан с пленками медной зелени. Кроме того, отдельно в мешочке находился еще один камень побольше (размером 2×3 см): это либо натечное пещерное образование, либо природный минерал. В мешочке обнаружен также обожженный деревянный предмет размером 4×2 см, обмотанный тоненьким кожаным ремешком. Все эти миниатюрные вещи имеют явно ритуальный характер. Возле мешочка найдены накладки на лук, одна из них (серединная) с гравировкой (Табл. X, 1) и распорка, кроме того, кусочки дерева от составных частей лука. Возле височной кости черепа, слева, обнаружена бронзовая серьга. (Табл. XI, 2). В ногах погребенного лежал железный клепанный котел на полом поддоне с прорезью (Табл. XI, 17).

Поминальное сооружение ДА-V-2 до расчистки представляло собой сильно задернованную каменную насыпь ($2,8 \times 1,1$ м), в которой сразу просматривались контуры плит, частично выступающие среди развала камней, составляющие оградку из трех секций, вытянутую по линии север-юг. После расчистки установлено, что каменные плиты сплошь покрывают внутренние площадки секций, очертания которых четко определяют их размеры — $1,0 \times 1,0$ м. Как показали раскопки, это трехкамерная оградка, в каждой секции которой в центре установлено по каменному стояку высотой до 1 м. При разборке закладки северной оградки в западной ее части обнаружено прокаленное пятно и рядом — фрагменты неорнаментированной керамики. С восточной стороны, где часть ограды разрушена, в канавке, где должна была стоять торцом плита, обнаружены два серпа. В средней оградке после снятия дерна появился прокол, затем под слоем земли находился развал камней, после выборки которого в центре площадки обозначились следы прокала, а также следы огня в кладках с западной и восточной сторон. Здесь же присутствовала масса обугленного дерева. Прокаленные пятна уходили под восточную и западную стенки оградки на глубину 0,40 м.

Суммируя данные, полученные при изучении топографии памятников древнетюркского времени на могильнике Даг-Аразы следует отметить, что:

1) структура могильника, сложившаяся в «дотюркский период» не нарушалась носителями обряда погребения человека с конем, а лишь расширяла границы могильника за счет добавления группы с поминальными оградками;

2) по внешнему виду погребальные и поминальные памятники существенно отличались друг от друга. Погребальные сооружения представляют собой округлые по форме каменные постройки, выложенные в несколько слоев (от двух до шести). Они образовывали ограду с внутренним заполнением разрушенной части постройки, после разборки которой фиксировалась входная яма, заполненная камнями, с захоронением коня, рядом с которым в подбое находилось погребение человека. Поминальные памятники представляют собой оградки, прямоугольная форма которых определялась по поставленным вертикально каменным плитам;

3) между погребальными и поминальными сооружениями прослеживается взаимосвязь: количество погребений чаще всего соответствует числу поминальных оградок, составляя, таким образом, погребально-поминальный комплекс.

Погребально-поминальный цикл древних тюрок

Исследования могильника Даг-Аразы дали основание говорить о том, что население Центральной Тувы в древнетюркскую эпоху сооружало для умерших как погребальные, так и поминальные памятники.

Погребальные сооружения представляли собой захоронения, совершенные по обряду трупоположения в сопровождении умершего конем, реже двумя (ДА–II-14), а иногда верблюдом (ДА–II-1, 2) или бараном. По конструкции могильных ям погребения человека можно разделить на две группы: в простой грунтовой яме (ДА–II-1, 2) и в яме с подбоем (ДА–II-13, 14). Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на восток, а расположенное рядом с ним животное имело обратную по отношению к человеку ориентировку. Кроме того, существует особая группа погребений — кенотафы, в которых погребенный отсутствует, но все обрядовые нормы сохраняются (ДА–II-8). Большинство погребений на могильнике Даг-Аразы имеет широтную ориентировку по оси восток–запад.

Наряду с общими чертами — положение и ориентировка костяков — такие детали погребального обряда, как конструктивные особенности внутримогильного сооружения и надгробия, имеют некоторые отличия. Наиболее вероятное сочетание признаков для погребений с подбоем предполагает устойчивую ориентировку по оси восток–запад (с отклонениями) и вертикально поставленные каменные плиты, из которых состоит стенка, отгораживающая умершего от его «спутника» — коня. Конь обычно располагался на приступке входной ямы, выше подбоя и закладывался камнями до уровня древней поверхности. В большинстве случаев над могилой сооружалась цилиндрическая многоярусная постройка из камней. Появление такой конструктивной особенности в обряде древнетюркских захоронений как подбой, чаще всего объяснявшейся с точки зрения религиозных воззрений, вероятно, также несет и социальную, и идеологическую нагрузку. Подобные сооружения относятся к VIII в., т. е. ко времени прихода на данную территорию населения Уйгурского каганата. Именно они были носителями обряда захоронения человека

в подбое, что и заимствовало население Центральной Тувы. Очевидно, поэтому на могильнике Даг-Аразы органично сосуществовали захоронения человека с конем по древнему обряду (без подбоя) и по новому (с подбоем), что свидетельствует, на наш взгляд, о формировании новой идеологической прослойки в среде покоренного населения Тувы.

Скорее всего, это была военная аристократия, которая в качестве идеологической основы своего существования в среде завоевателей принимает основные положения манихейства, религиозного учения уйгуров, принятого и Тюркским каганатом в 763 году. Новые элементы (подбой) в старинном обряде тюркских захоронений человека с конем требуют больших трудовых затрат при создании погребальных сооружений, что могла себе позволить лишь военная знать, признанная новыми «хозяевами». Надгробия в виде многоярусной каменной постройки и сопровождающий инвентарь отличают захоронения военной знати тюркского населения Центральной Тувы.

Погребальный цикл, зафиксированный на могильнике Даг-Аразы, иллюстрирует общие тенденции развития древнетюркского общества. Условно в нем можно выделить три фазы: ритуальные действия с момента смерти до погребения; предание останков земле, т. е. порядок проведения захоронения, и последующие обряды и ритуалы в течение нескольких лет. К числу двух последних относится и поминальная тризна с сооружением каменных оградок.

Традиционное предание покойного земле у древних тюрков начиналось с подготовки могильных ям. Для Даг-Аразы, как было отмечено выше, характерны могилы с подбоем и без него⁷. Конструкция могильных ям без подбоя достаточно проста и традиционна. При общей яме для человека и коня, они располагались либо на одном уровне, либо на разных. При сооружении могильной ямы с подбоем сначала выбиралась «входная» яма, предназначавшаяся для животного, сопровождавшего погребенного, затем в северной стенке могильной ямы делалось углубление прямоугольно-овальной формы — подбой для захоронения человека. Поэтому подбой в длину обычно не превышал человеческого роста, высота его достигала 0,8–0,9 м, а пол располагался на 0,1–0,3 м ниже «входной» ямы. Конь укладывался как бы на ступеньке, чуть выше погребенного.

Следует отметить, что, как в подбоях, так и в могильных ямах без них, представлены захоронения и мужчин, и женщин, и подростков-детей, а также

⁷ Если раньше при исследовании древнетюркского периода в Саяно-Алтае были зафиксированы лишь одиночные случаи погребений человека в подбое при сопровождении его конем: на Алтае — Катанда, в Хакасии — Копены, Уйбат, Перевозинский чаатас, то в результате раскопок в 1970–1980-е гг. могильников Аймырлыг и Даг-Аразы было положено начало изучению так называемых «подбойных» захоронений и в Туве (Овчинникова, 1979. С.71–72; 1990). Как оказалось, именно Тува на сегодняшний день является местом наибольшего сосредоточения такого типа погребений с конем, причем центральная ее часть (66% от общего количество выявленных на территории Саяно-Алтая).

встречаются и захоронения-кенотафы. Скорее всего, это факт, подтверждающий существование семейно-родовых кланов в древнетюркском обществе, социальный статус которых наследуется.

Для обеих групп погребальных памятников древних тюрок преобладающей является восточная ориентировка умерших. Возможно, в этом отразился культ восходящего солнца, который был широко распространен у многих азиатских народов (Медведев, 1977. С. 99). Вероятно, поэтому покойника клали головой на восток, но лицевая часть его почти всегда обращена на запад, т. е. в направлении «страны мертвых», которая, по представлениям народов Сибири и Дальнего Востока (в том числе и тувинцев), находилась где-то на Западе. Интересно, что и морда лошади также обращена на запад, а само животное уложено от человека в таком положении, чтобы было бы удобно оседлать его (саясь слева на коня) для совершения путешествия в страну предков, в мир мертвых.

Останки погребенного в подбое находились, как правило, в гробу, сооруженном либо из камня, либо из дерева, либо из сплетенных ветвей пустынной акации. В могиле без подбоя умерший также покоился иногда в каменном ящике или деревянном гробу, но чаще всего без каких-либо дополнительных внугримогильных сооружений (ДА-II-1).

После захоронения человека в подбое, вход в него прикрывали, изолируя таким образом умершего от его спутника — коня. Заслоном подбоя могли служить каменные плиты, поставленные вертикально и упиравшиеся в своды подбоя. В качестве разделительной стенки могли быть использованы и березовые колья, напоминающие частокол, или жерди, или остатки полуистлевших деревянных повозок, на которых, вероятно, доставляли умерших к месту захоронения. Относительно могил без подбоя, отметим, что разделительная стенка в них отсутствует, либо не зафиксирована исследователями, что восстановить по чертежам и фотографиям в отчетах очень трудно. Возможно, это значительно увеличило бы количество «подбойных» захоронений в Туве⁸.

Довольно редко в погребениях человека с конем встречаются остатки костра (угли, прокалы). На могильнике Даг-Аразы встречено пять погребений, в которых на дне или в засыпке ям присутствуют остатки кострищ. Кроме того, в засыпке обнаружены и расколотые кости животных, вероятно, остатки тризны, совершаемой в процессе обряда. В качестве заупокойной пищи обычно клали заднюю часть туши барана и изредка ставили питье в сохранившихся сосудах.

После того как подбой был заложен, во входную яму укладывали лошадь или лошадей, которые были взнузданы и оседланы. Иногда вместо лошади помещали верблюда, овцу или барана. Та часть могилы, в которую укладывали животное, забрасывалась камнями и землей. Поэтому на поверхности, на уровне древнего горизонта, фиксируется только каменная выкладка над

⁸ В таком случае к «подбойным» захоронениям в Туве можно отнести такие погребения как Саглы-Бажи I-19, Кара-Чоога, Аргалыкты I-4, VIII-2, IX-1 и др.

лошадью. Обычно такое «могильное пятно» над лошадью находится в центре под курганной насыпью.

Закончив погребение человека в сопровождении животного, сородичи приступали к изготовлению наземного сооружения. Скрытые под каменными развалами надгробия древних тюрков представлены округлыми наземными постройками, фиксирующими могилу кольцевидными оградами. Характер конструкций таких сооружений на Даг-Аразы аналогичен типам с соседних памятников (Аргалыкты и др.), которые подробно описаны Ю. И. Трифоновым (1975. С. 192). Для погребений с подбоем можно отметить существование двух типов наземных сооружений: первый — окружающая могилу кольцевидная ограда, сложенная из крупных камней, вплотную соприкасающихся друг с другом и выложенных в один ряд. Как правило, внешнее сооружение этого типа давно утратило свой первоначальный вид. В настоящее время на поверхности оно отмечено лишь отдельными валунами от ограды да россыпью задернованных мелких камней. Второй тип — ограда в виде цилиндрической постройки, в которой четко прослеживается ровная наружная стенка в два-четыре, иногда до шести ярусов камней, уложенных с перекрытием швов. Внутреннее заполнение такого типа сооружений — плотная каменная закладка без определенной системы. С восточной стороны ограды наземного сооружения иногда выделяются два-три более высоких камня, плотно подогнанных друг к другу. На наш взгляд, они символизируют «вход» на огороженную территорию.

Немаловажную роль в процессе погребального обряда играл и сопровождающий покойного и его спутника набор предметов. Извлеченные древности из погребений, относящиеся к древнетюркскому времени на могильнике Даг-Аразы, позволяют представить облик древнетюркского населения Центральной Тувы. Среди них можно выделить категории вещей, которые наиболее ярко отражают эту эпоху. К ним относятся наборные пояса и украшения (Табл. XII), набор оружия (Табл. XIII) и предметы, связанные со снаряжением верхового коня (Табл. XV). Выявленный в погребениях могильника Даг-Аразы вещевой комплекс позволяет датировать их в большей степени в рамках VIII–IX вв., т. е. во времена уйгурского владычества в Туве, когда тюркитугю заимствовали только некоторые формы погребального инвентаря, что затрудняет дать четкое различие древностей тюркского и уйгурского периодов. Однако, сопоставляя его с особенностями погребального обряда, необходимо учитывать и завершающий этап ритуала погребения древних тюрков — обряд поминания, который выглядит не менее сложным.

Бесспорно, что этот ритуал подразумевает наличие конкретного места, где он должен производиться, а также воздвижение сооружения, в пределах которого проводился обряд поминания. Для древних тюрков таким сооружением, несущим мемориальные и сакральные функции, была четырехугольная каменная оградка, получившая широкое распространение в VI–X вв. Оградки, сооруженные на Даг-Аразы древними тюрками, по внешнему виду мало чем

отличаются друг от друга. Это сооружения из удлиненных каменных плит, установленных торцом в специальные канавки и лишь на одну четверть возвышаются над дневной поверхностью. Выстроены они в форме прямоугольника и составляют замкнутую ограду. При расчистке такого памятника удалось выявить, что иногда внутреннее пространство выстилалось горизонтально уложенными каменными плитами, а в центре, судя по остаткам, очевидно, предполагалось присутствие либо каменной стелы (в некоторых из них она сохранилась — ДА-I-3; ДА-V-1), либо каменного ящика (ДА-III-22), или деревянного столба (ДА-I-5).

Данный вид памятников характерен и для Алтая, где он известен еще с хуннского времени. Позже такие оградки получают распространение по всему Саяно-Алтаю. Оградки, зафиксированные на могильнике Даг-Аразы, аналогичны алтайским, и поэтому названия типов в их определении нами сохранены (Кубарев, 1979. С. 150). Однако к известным типам алтайских оградок — кудыргинские, яконурские, уландрыкские, известные и на могильниках Тувы, можно добавить еще один тип, отличающийся от вышеназванных некоторыми конструктивными особенностями и обозначенный нами как «аймырлыгский», по могильнику Аймырлыг в Туве. В основу типологии оградок могильника Даг-Аразы также положены их конструктивные особенности: деление на одиночные и смежные камеры, в частности, трехкамерные постройки (ДА-V-2), наличие сопровождающих сооружений, присутствие каменных ящиков внутри оградки (ДА-I-7; ДА-III-21) и пристроек с внешней стороны (ДА-I-8), размеры и ориентировка.

На могильнике Даг-Аразы поминальные сооружения количественно соответствуют вскрытым погребениям человека с конём. Подобная картина встречается и на других памятниках, как в Туве, так и на Алтае. Не исключено, что такое соответствие характерно и для известного памятника Кудыргэ, если соотнести число каменных оградок на его площади с комплексом, представляющим собой одно поминальное сооружение⁹, а не отдельно каждую оградку, как это учитывалось А. А. Гавриловой (1965. Табл. II). Количественное соотношение оградок с погребениями человека с конем зафиксировано в Туве также на ряде памятников: Монгун-Тайга (Грач, 1960. С. 11), Ак-Дуруг, Кокэль 2 (Вайнштейн, 1958. С. 220; 1966а. С. 292), Даттыг-Чарыг-Аксы (Трифонов, 1975б. С. 236), Улуг-Бюк II, Мугур-Саргол (Длужневская, 1975. С. 201; 1979. С. 221) и др. Однако именно исследование на могильнике Даг-Аразы позволило установить четкое соответствие числа каменных четырехугольных оградок с захоронениями человека с конем в подборе, что составляло, на наш взгляд, единый погребально-поминальный комплекс древних тюрок (Овчинникова, 1984. С. 215–223).

⁹ В поминальный комплекс входит основная ограда с пристроенными дополнительно к ней оградками, имеющими общую с ней стенку, а также смежные ограды в одной.

Поскольку обряд проводился внутри каменной оградки, то она могла приобретать и роль святилища. Оградки могли служить и центрами культов и центрами сходов, олицетворяя жизнеспособность общины. Они могли выполнять и посреднические функции между миром живых и миром мертвых, являясь «стартовыми площадками» (Шилов, 1990. С. 100). Символику формы оградки — в плане квадрат — надо искать в мировоззрении архаичного общества, которое было тесно связано с космосом. Тюрки воспринимали средний мир как всеобъемлющее выражение Вселенной, который является связующим звеном между верхним и нижним миром. Квадрат у древних народов Южной Сибири символизировал собой замкнутое пространство, залог стабильности и устойчивости, защищенности от злых духов. Он является символом семантического центра подобно мировому дереву (Традиционное мировоззрение тюрков..., 1988. С. 59). Форма оградки, а также плиты, поставленные на ребро, и их число, несомненно, играли важную роль в поминальном ритуале.

Итак, четырехугольная каменная оградка отражает идею необходимости совершения определенного цикла поминальных обрядов и жертвоприношений в период между смертью и захоронением, а также, по возможности, сохранения образа умершего, для чего устанавливались находящиеся здесь же каменные изваяния и стелы.

Очевидно, окончательное оформление ритуала, связанное с сохранением облика умершего на период поминальной церемонии происходит в древнетюркское время. Именно тогда устанавливается ориентация поминальных сооружений — ориентировка преимущественно на восток становится ведущей. Оградки вытягиваются цепочками в направлении юг–север, отражая господствующее положение востока в идеологии древних тюрков. Унифицируется сама форма оградки: исчезают прямоугольные и округлые оградки; сооружение становится четырехугольным, подквадратным в плане. С унификацией размеров оградки исчезают большие оградки и подчеркнуто маленькие ящики. Устанавливаются стандартные размеры: большая оградка — 4×4 м и малая — 2×2 м и 1×1 м с незначительными отклонениями. В расположении рядов балбалов тоже вносится определенный порядок — теперь они располагаются только с восточной стороны оградки. Появляются определенные нормы изображения представителей различных слоев древнетюркского общества.

Изучение древнетюркских оградок, каменных изваяний и погребений с конем — знаменитая древнетюркская триада — имеет уже длительную историю, но многие связанные с ними вопросы, в первую очередь, вопрос об их соотношении, все еще остаются неясными.

Возможно, что результаты раскопок могильника Даг-Аразы, позволившие впервые аргументированно связать подбойные погребения с конем Уйгурского времени и находящиеся здесь же (и главное — в том же количестве) оградки в рамках одного погребально-поминального комплекса, позволят пролить дополнительный свет в решение этой сложной культурно-исторической проблемы.

Литература

- Вайништейн С. И. Некоторые итоги работ археологической экспедиции Тувинского НИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1958. Вып. 6. С. 217–237.
- Вайништейн С. И. Памятники 2-й половины I тысячелетия в Западной Туве // ТТКАЭЭ. Т. 2. М.; Л., 1966. С. 292–347.
- Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л. 1965.
- Грач А. Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве. (Полевой сезон 1957 г.) // ТТКАЭЭ. Т. 1. М.; Л. 1960. С. 7–72.
- Длужневская Г. В. Исследование на плато Улуг-Бюк // АО 1974 г. М., 1975. С. 201.
- Длужневская Г. В. Исследования погребальных памятников в Саянском каньоне Енисея // АО 1978 г. М., 1979. С. 221.
- Кубарев В. Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979. С. 135–160.
- Медведев В. Е. Культура амурских чжурчженей (конец X — нач. XII вв.). Новосибирск, 1977.
- Овчинникова Б. Б. Захоронения в подбоях средневековой Тувы // Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. ТД. Омск, 1979. С. 71–72.
- Овчинникова Б. Б. Древнетюркские захоронения в подбоях в Центральной Туве // Древний и средневековый Восток: История и филология. М., 1984. С. 215–223.
- Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X веках. Свердловск, 1990.
- Овчинникова Б. Б. Могильник Даг-Аразы как источник по истории племён Центральной Тувы в гунно-сарматскую эпоху // Памятники Кокзельской культуры Тувы: материалы и исследования. — СПб., 2010. С. 119–163.
- Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988.
- Трифонов Ю. И. Конструкции древнетюркских курганов Центральной Тувы // Первобытная археология Сибири. Л., 1975. С. 185–193.
- Шилов Ю. А. Космические тайны курганов. М., 1990.

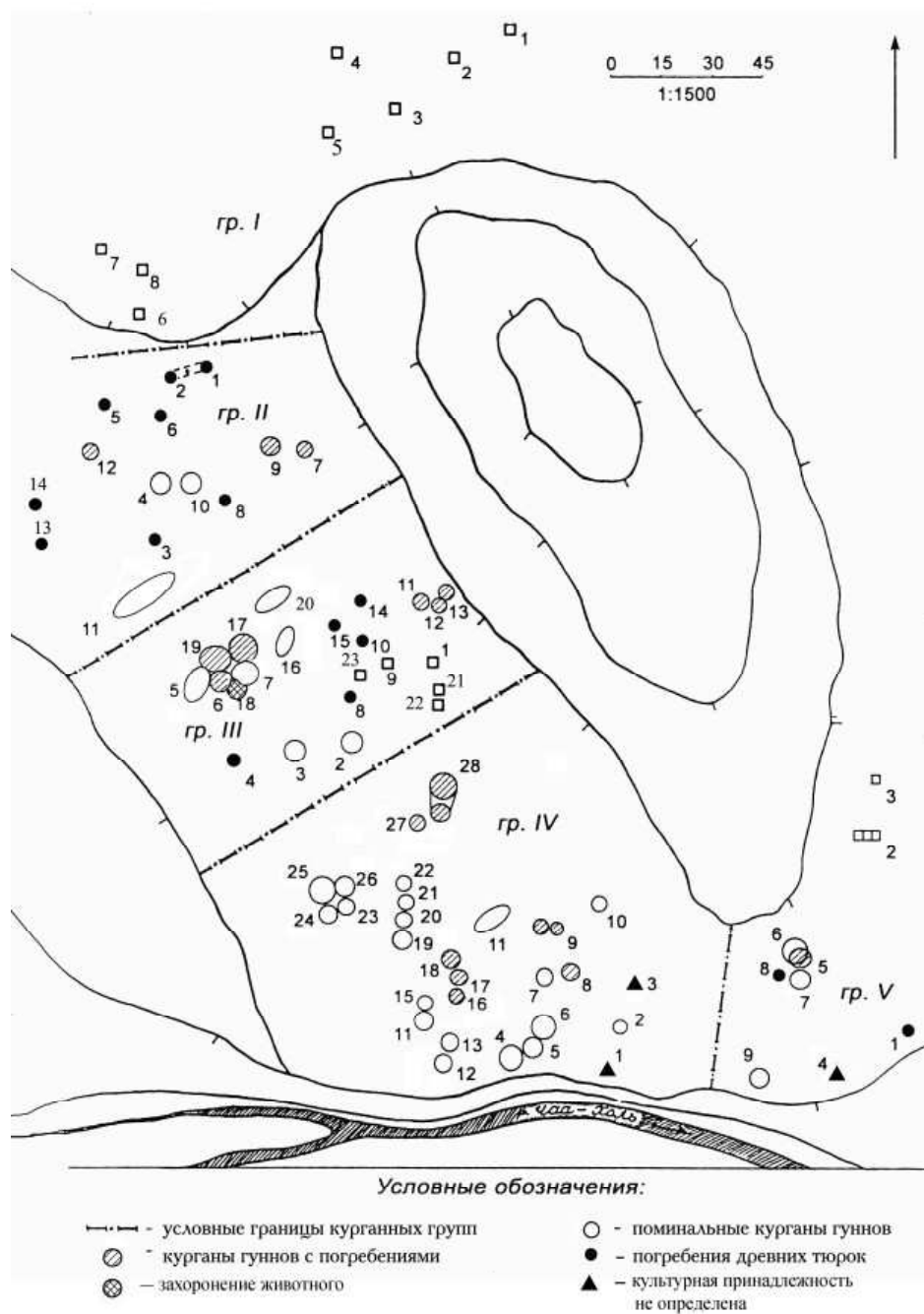


Табл. I. Могильник Даг-Аразы. План-схема

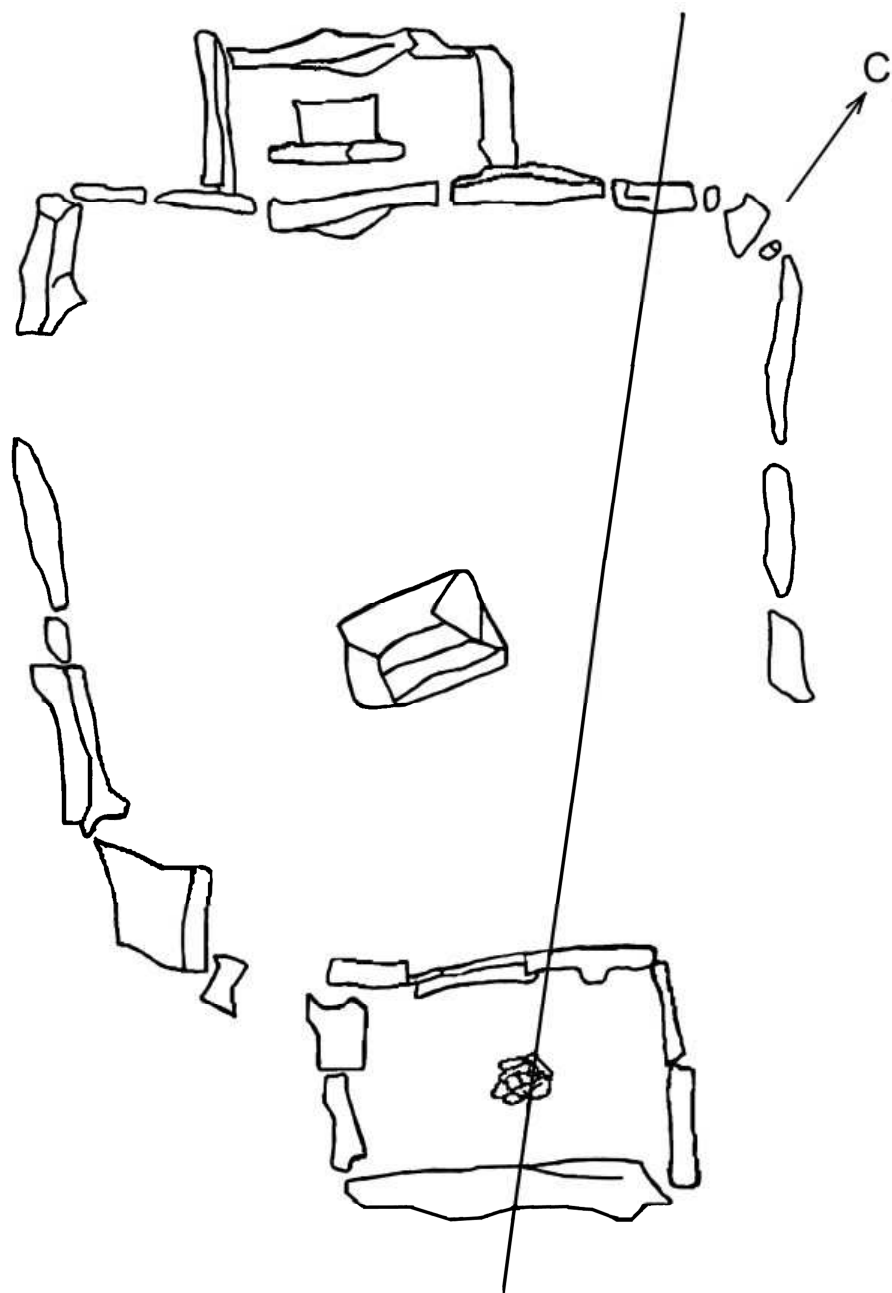


Табл. II. Могильник ДА-I-2. Основа оградки с пристройкой, план

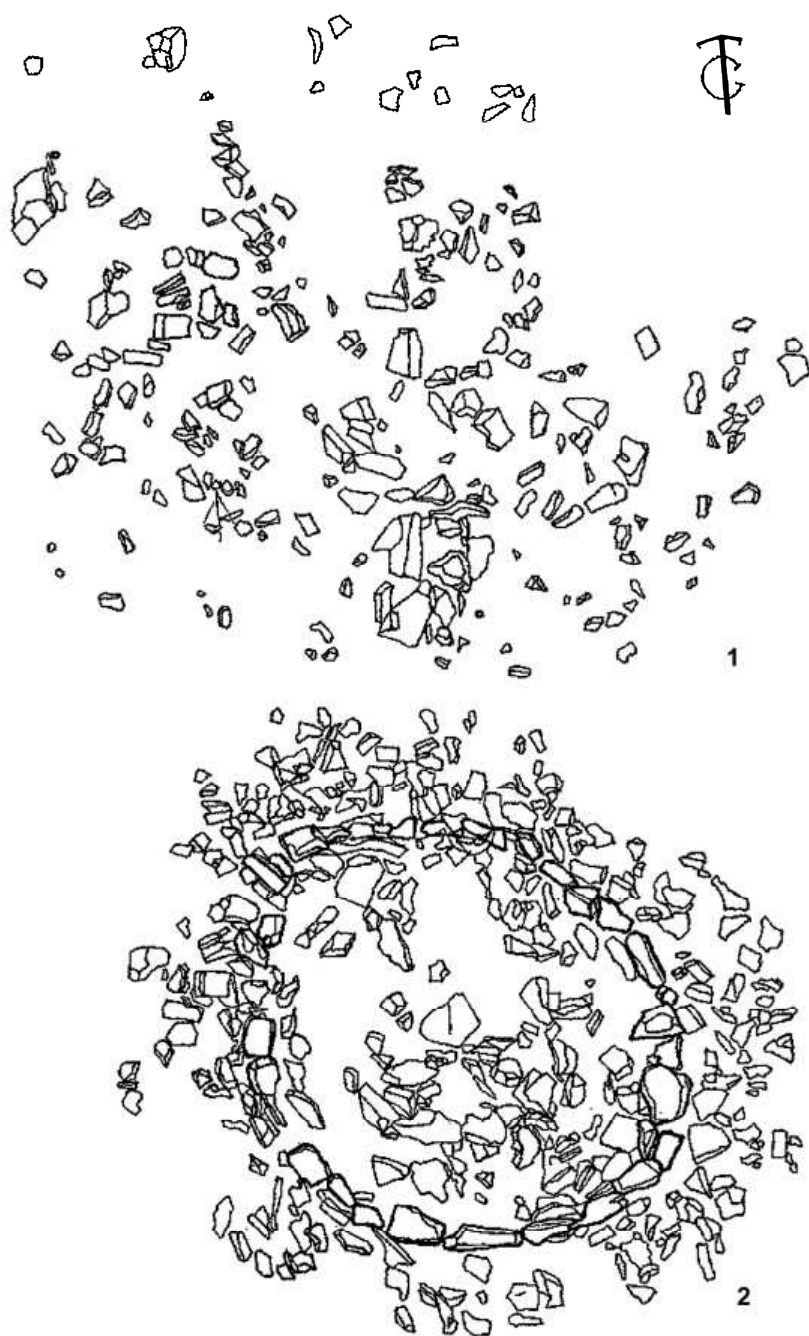


Табл. III. Могильник ДА-II-13. 1 — план до расчистки объекта;
2 — план после расчистки с контурами крепиды

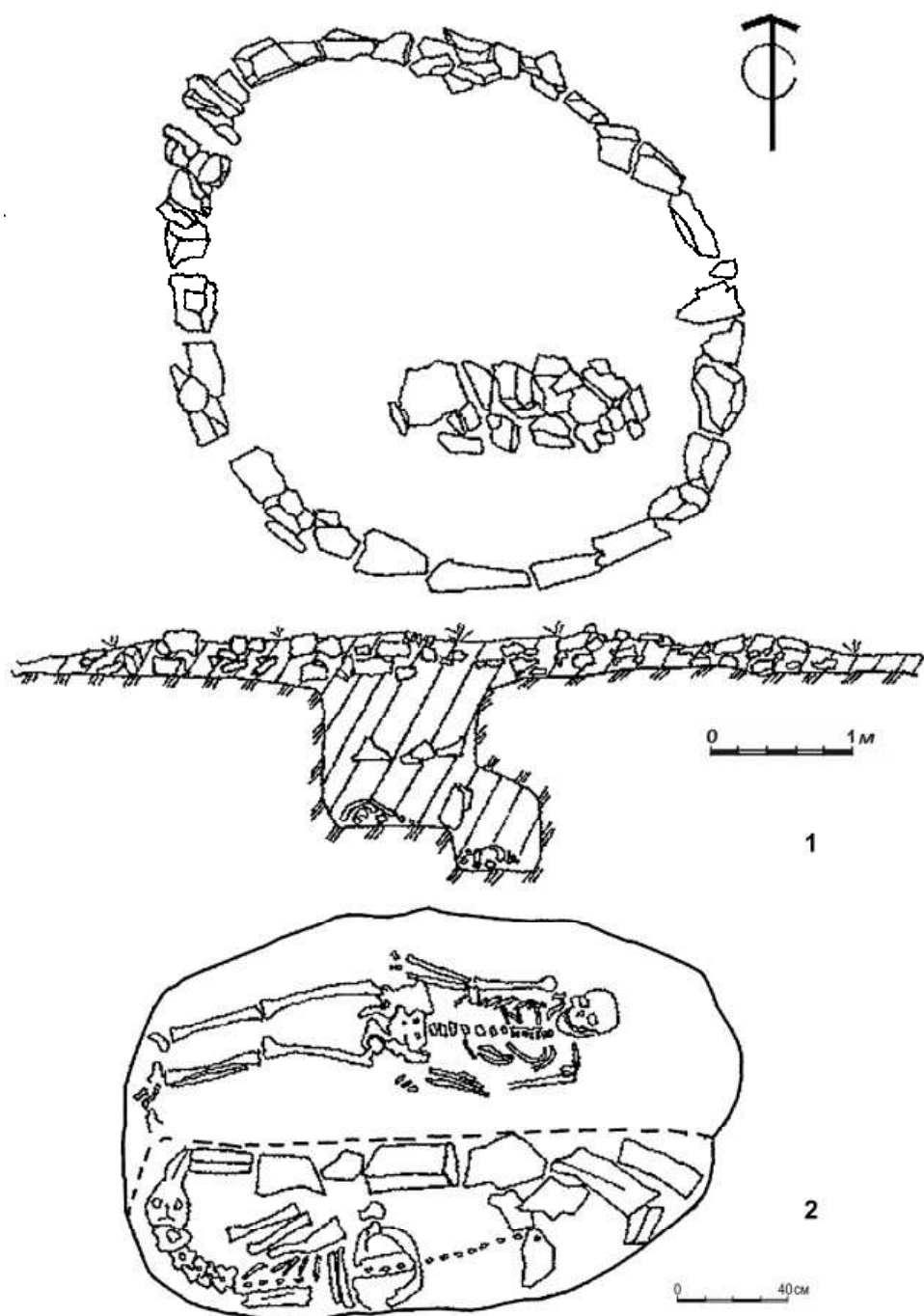


Табл. IV. Могильник ДА-П-13. 1 — основа каменного сооружения и разрез;
2 — план погребения

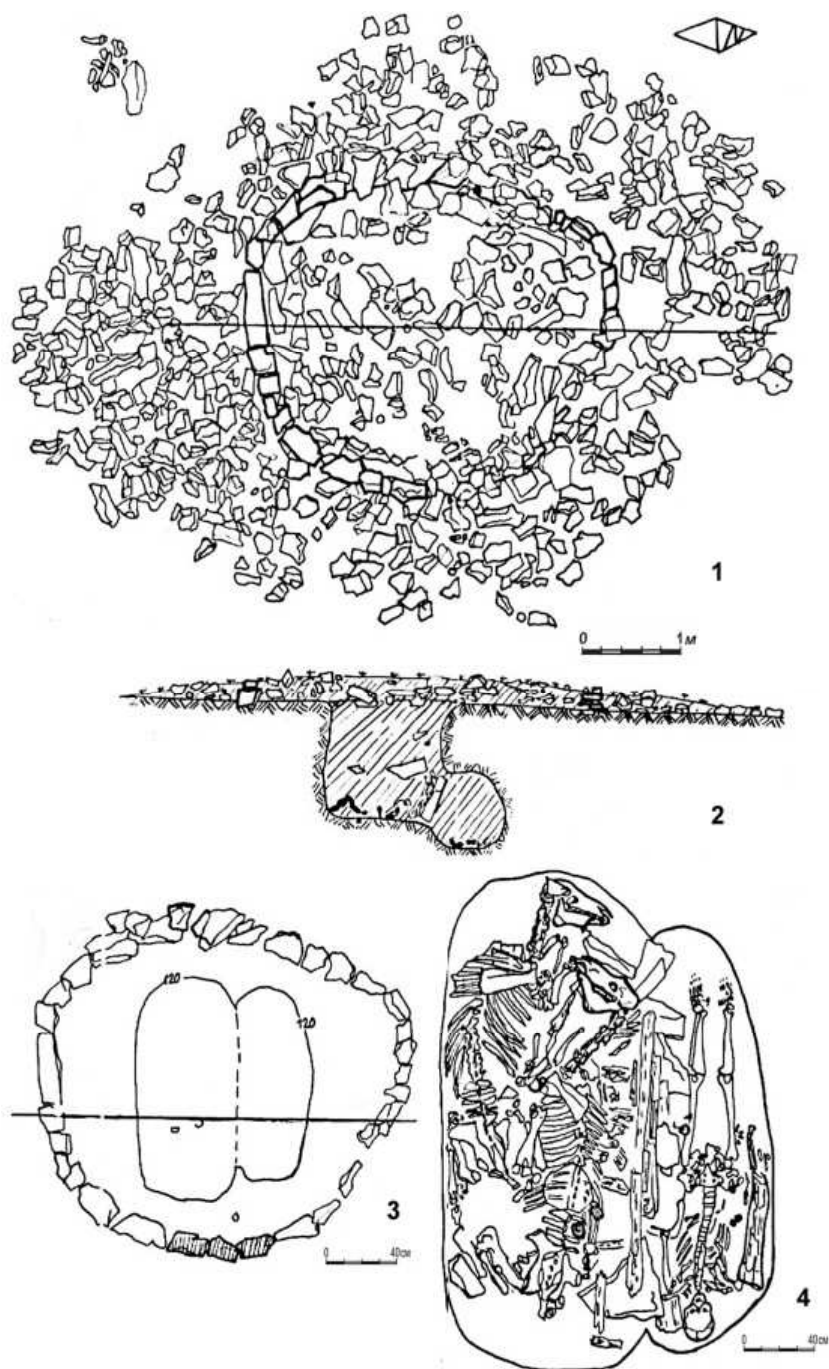


Табл. V Могильник ДА-П-14. 1 — план сооружения; 2 — разрез;
3 — основа наземного сооружения; 4 — план погребения человека с конем

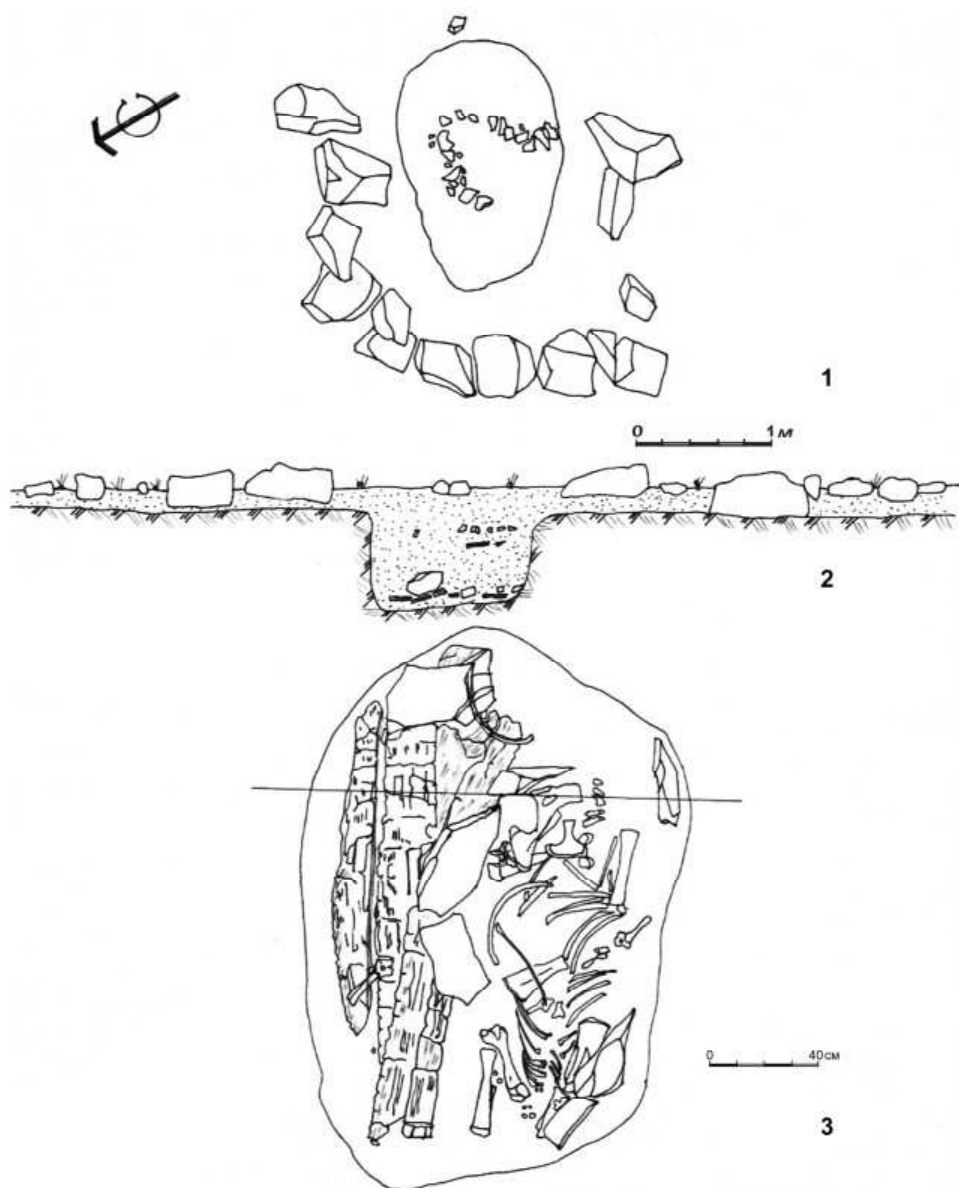


Табл. VI. Могильник ДА-III-8. 1 — основа наземного сооружения; 2 — разрез;
3 — план погребения человека с конем

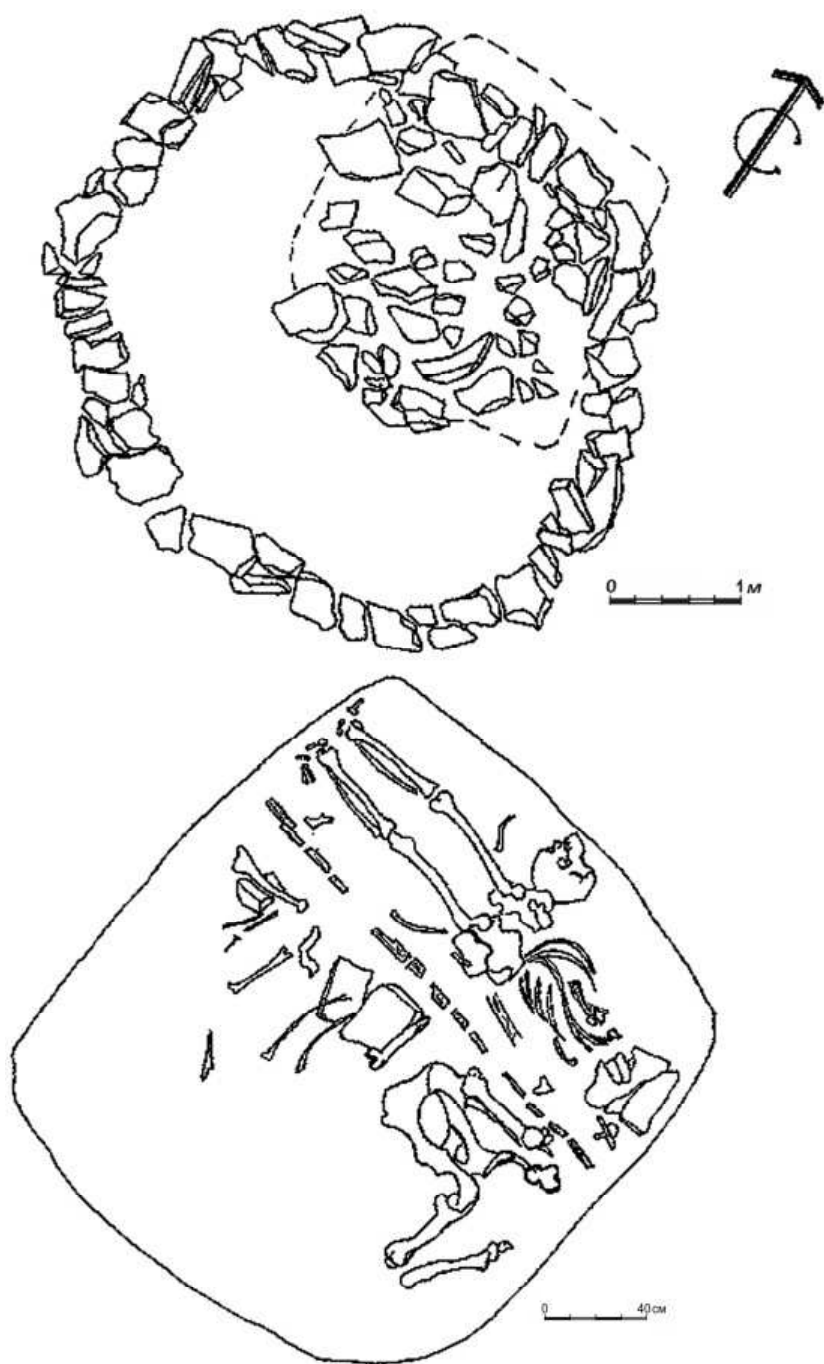


Табл. VII. Могильник ДА-III-10. 1 — план основы наземного сооружения;
2 — план погребения человека с конем

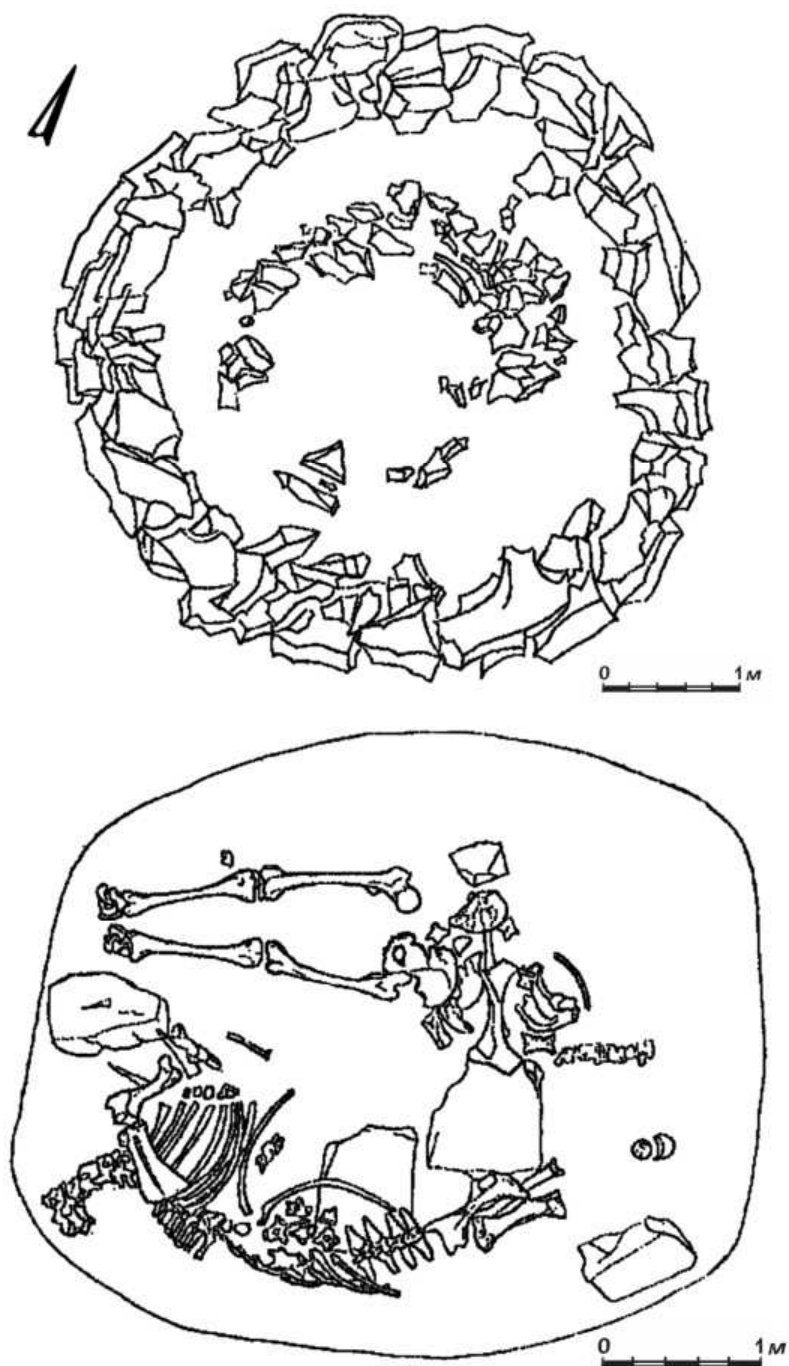


Табл. VIII. Могильник ДА-III-15. 1 — план основы наземного сооружения;
2 — план погребения человека с конем

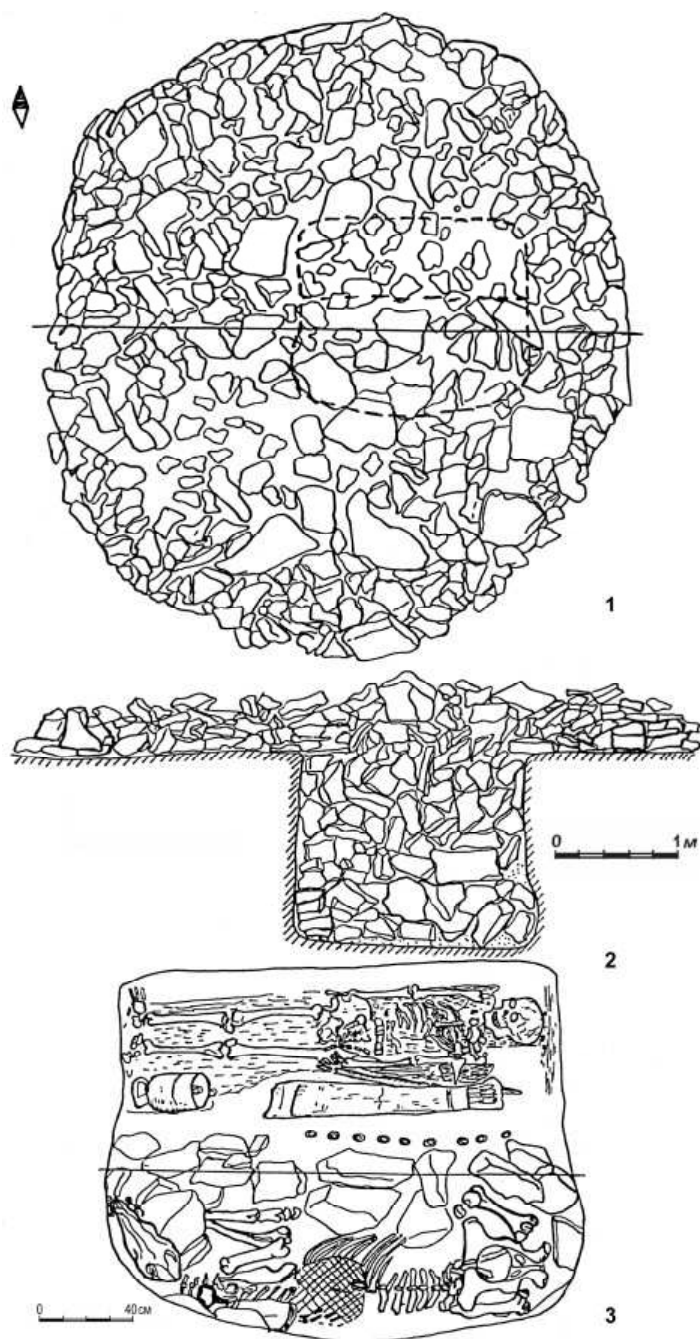


Табл. IX. Могильник ДА-V-1. 1 — план основы наземного сооружения;
 2 — разрез; 3 — план погребения человека с конем

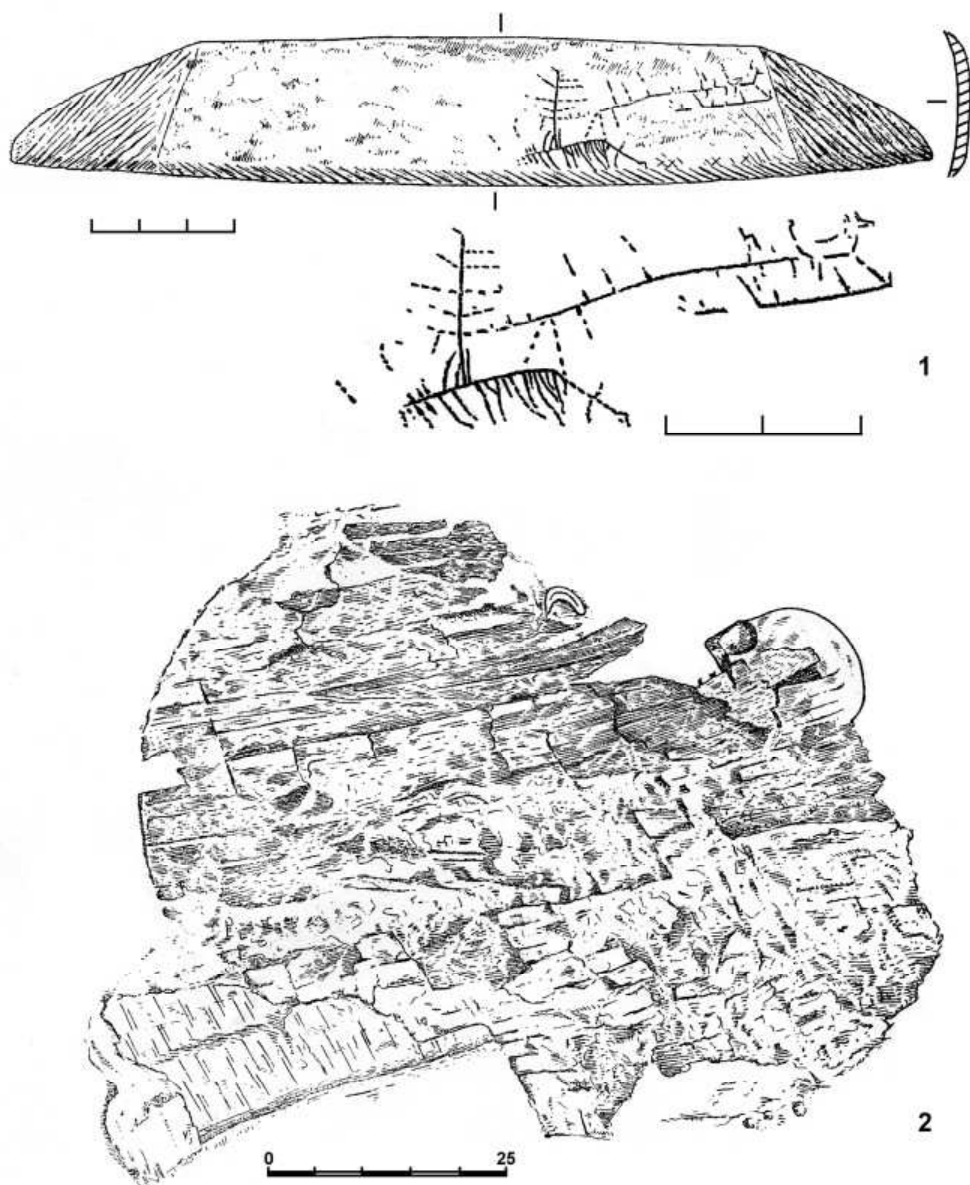


Табл. X. Могильник ДА-V-1. 1 — роговая срединная накладка лука и рисунок на ней;
 2 — щит и колчан, прикрывавшие грудь погребенного воина

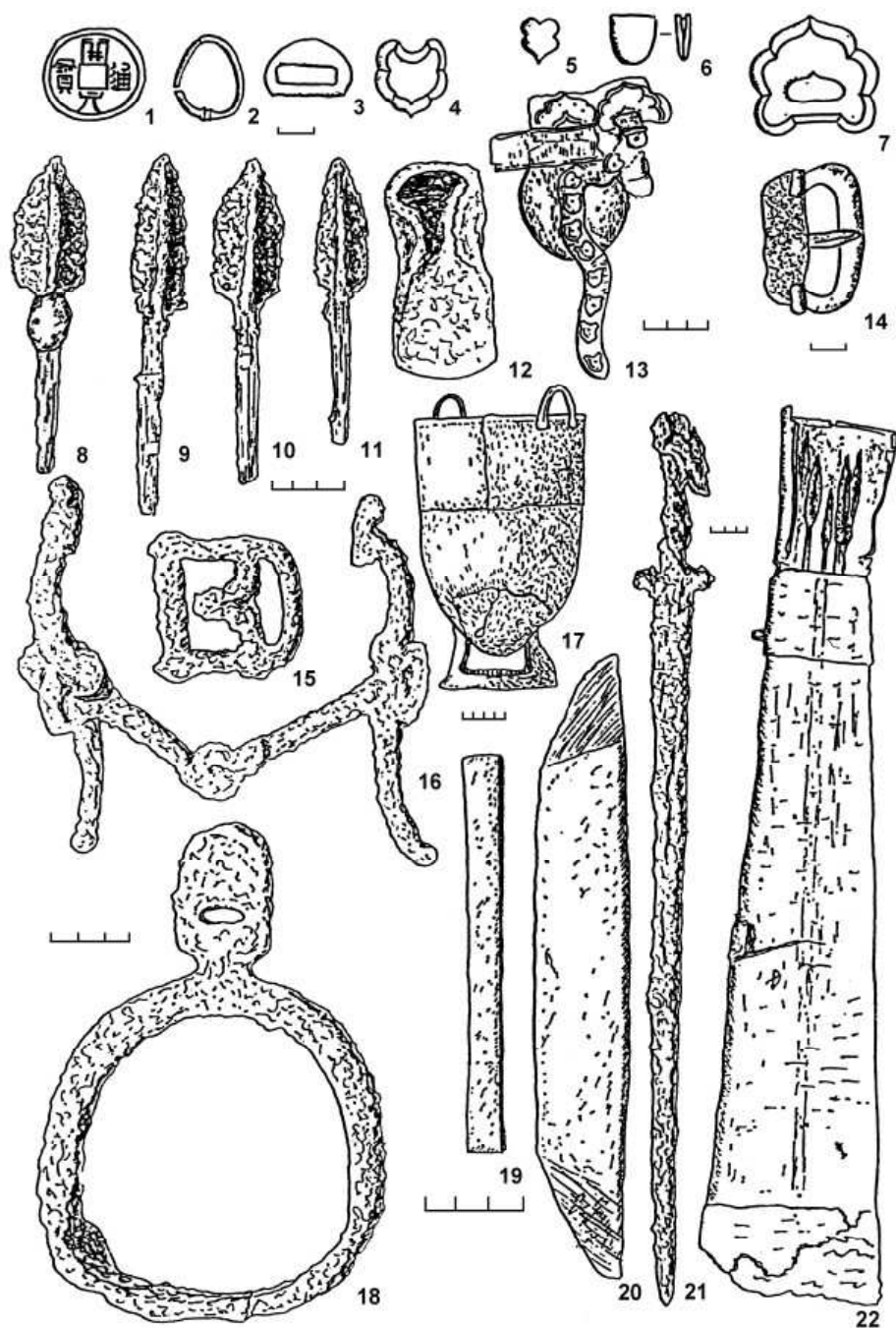


Табл. XI. Вещевой комплекс из погребения ДА-V-1. 1-7 — бронза; 8-12 — железо;
13 — фрагмент пояса с мешочком и подвесным ремешком (кожа, бронза);
14 — бронза, железо; 15-18, 21 — железо; 19-20 — кость; 22 — береста



Табл. XII. Вещевой комплекс из могильника Даг-Аразы. Детали одежды и украшения.
 ДА-V-1: 1 — наборный пояс (фрагмент); 7 — серьга; 19, 20 — бляхи; 23 — наборный пояс с кожаным мешочком в монолите на кости (фрагмент); ДА-III-14: 2 — серьга;
 ДА-III-10: 3, 5 — серьга; ДА-II-6: 4 — зеркало; ДА-II-13: 6 — серьга; 10 — пряжка;
 13–17 — пуговица и «бубенчики»; 21 — бляха; ДА-II-1: 8, 9 — пряжки; ДА-II-8:
 11, 12 — ременные бляхи; 22 — бляха; ДА-IV-1: 18 — бляха;
 4, 5, 7, 11, 12, 18, 19, 20, 22 — бронза; 2, 6 — золото, жемчуг; 3 — бронза, жемчуг;
 8, 9, 21 — железо; 10 — серебро; 13–17 — позолота

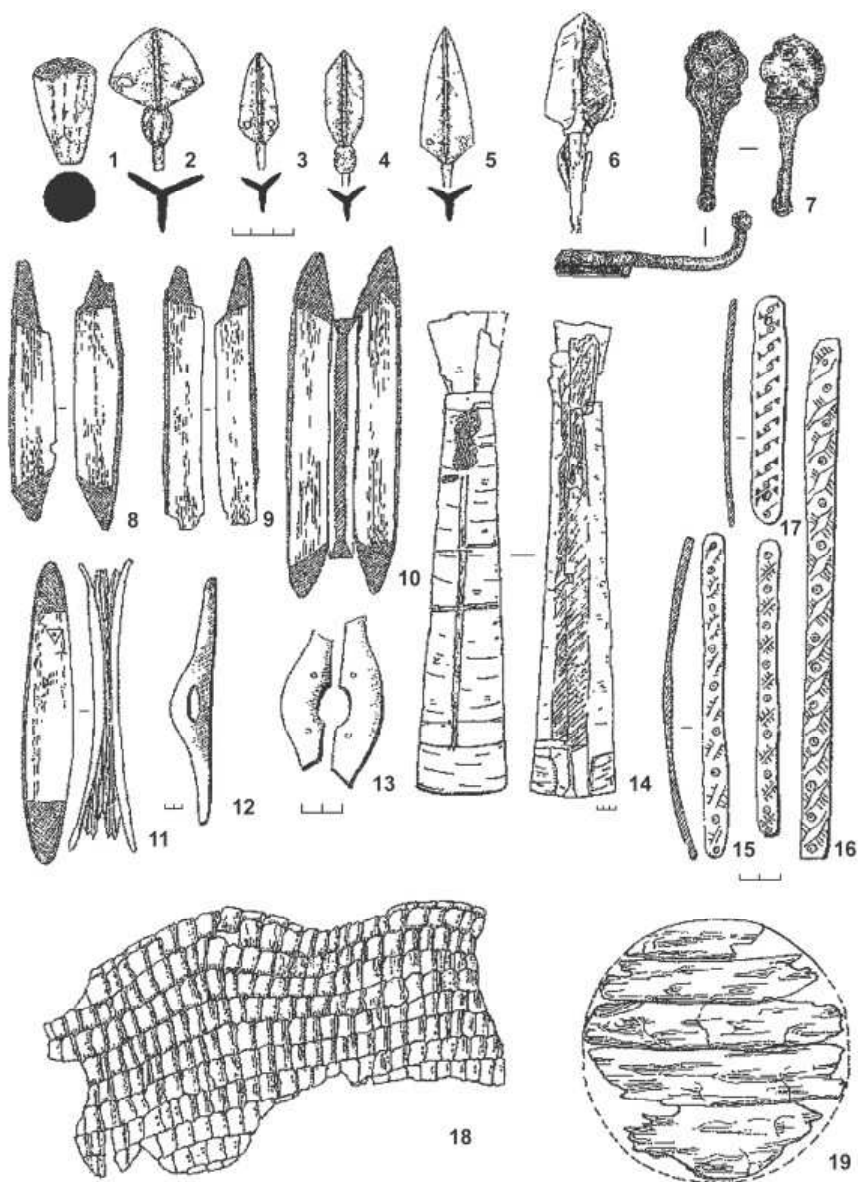


Табл. XIII. Вещевой комплекс из могильника Даг-Аразы. Предметы вооружения: ДА-V-1: 3-5 — наконечники стрел; 12 — петля для подвешивания колчана; 19 — щит; ДА-II-6: 7 — колчаный крючок; 18 — пластинчатая попона (фрагмент); ДА-II-13: 2 — наконечник стрелы; ДА-II-14: 1 — наконечник стрелы; 10 — срединная накладка на лук; 13 — петля для подвешивания колчана; 15-17 — орнаментированные накладки на колчан; ДА-II-8: 6 — наконечник стрелы; 9 — срединная накладка на лук; 14 — колчан со щитком; ДА-II-3: 8 — срединная накладка на лук; ДА-II-1: 11 — срединная накладка на лук; 1, 3, 4-5, 8-11, 13, 15-17 — кость; 12 — рог; 2, 6 — железо и кость; 3-5, 18 — железо; 7 — бронза; 14 — береста; 19 — дерево

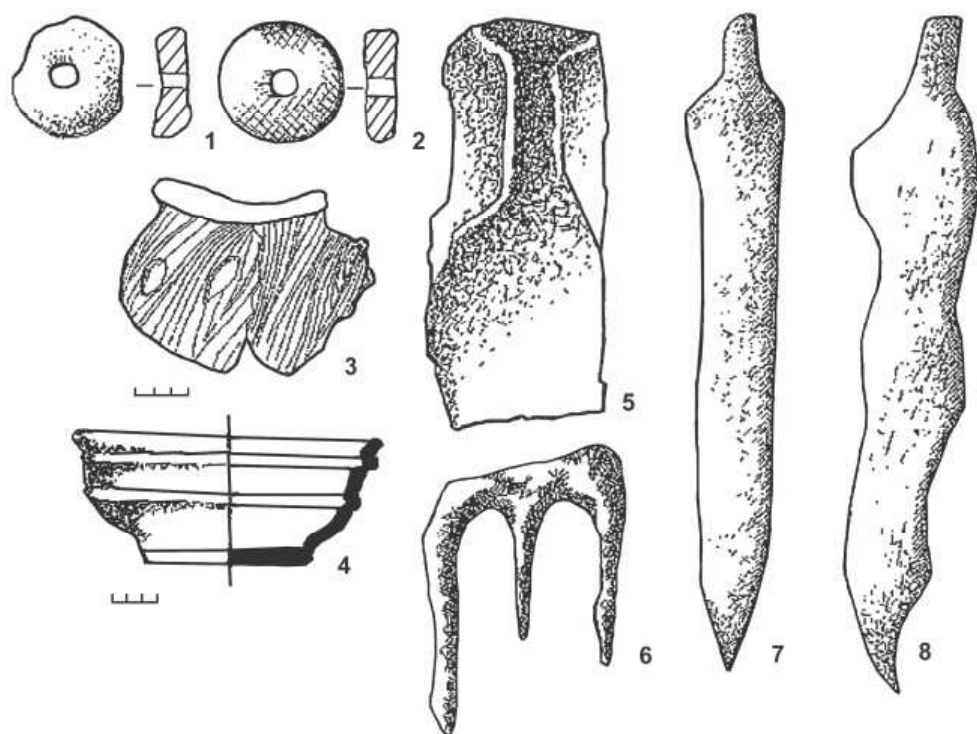


Табл. XIV. Вещевой комплекс из могильника Даг-Аразы. Предметы быта и обихода:
 ДА-II-13: 1 — пряслице; 4 — чашка чернолаковая; ДА-II-14: 3 — кружка; 5 — тесло;
 6 — трезубец; 8 — нож; ДА-III-14: 2 — пряслице; 7 — нож; 1, 2 — керамика;
 3 — дерево; 4 — черный лак; 5–8 — железо

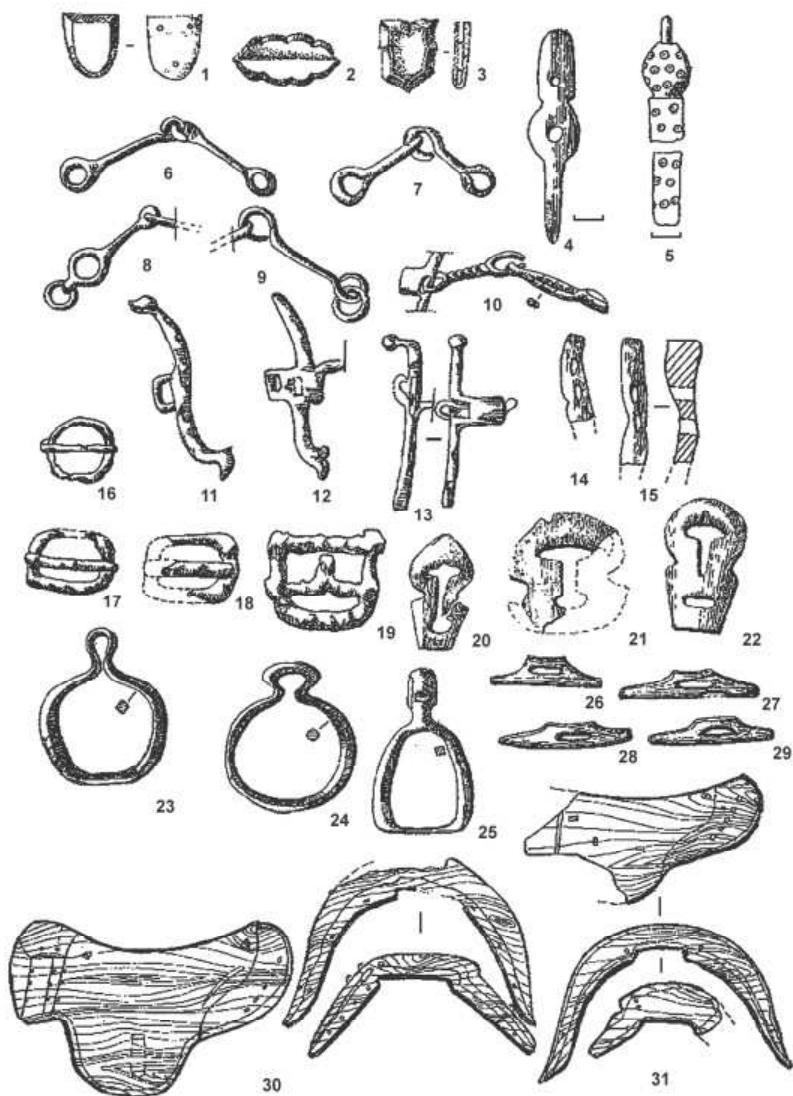
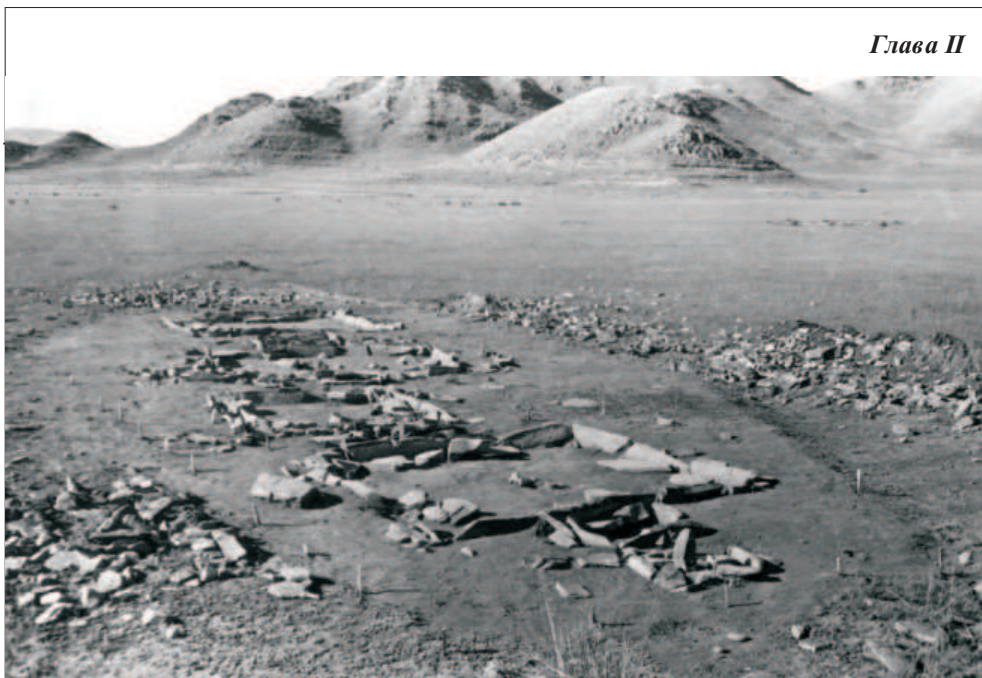


Таблица XV. Вещевой комплекс из могильника Даг-Аразы. Предметы сбруи верхового коня^ ДА-П-13: 1, 2 — наконечник и бляшка; 8 — составные удила; 30 — полки и луки седла; ДА-П-14: 4 — блок для чумбура; 13–15 — псалии; 23 — стремена; 31 — полки и луки седла\$ ДА-П-6: 3 — бляшка; 27 — застежка для пут; ДА-П-3: 5 — составной орнаментированный предмет; 21, 22 — подпружные пряжки; ДА-П-1: 6 — составные удила; 20 — подпружная пряжка; ДА-П-2: 7 — составные удила; ДА-П-8: 10 — составные удила; 12 — псалии; 19 — подпружная пряжка; 25 — стремя; 26 — застежка для пут; ДА-П-14: 9 — составные удила; ДА-П-4: 17 — сбруйная пряжка; ДА-П-10: 18 — подпружная пряжка; 24 — стремя; 28, 29 — застежки для пут; ДА-V-1: 11 — псалии; 16 — сбруйная пряжка.; 1–3 — бронза; 4, 14–15 — кость; 5 — кость и дерево; 20–22, 26–29 — рог; 6–10, 11–13, 16–19, 23–25 — железо; 30–31 — дерево



↑ Группа IX. Комплекс древнетюркских оградок по окончании работ,
вид с северо-востока

↓ Группа IX. Фрагмент комплекса: оградка 3 и северная пристройка оградки 2

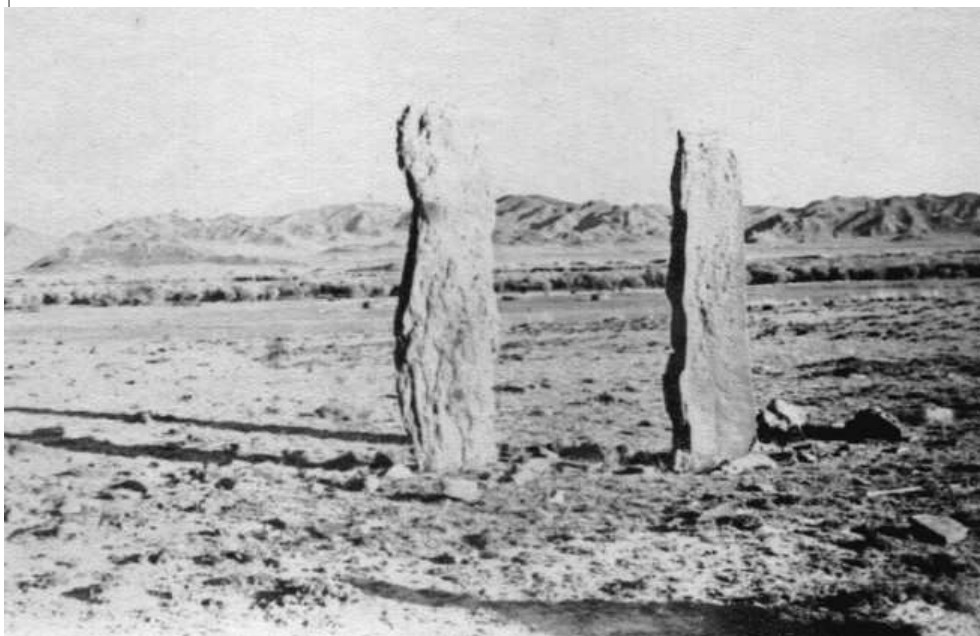


Глава II



← Группа X-1 Каменные стелы.
Вид с юга

↓ Группа X-1 Каменные стелы





↑ Могильник Даг-Аразы. Общий вид с юго-востока

↓ Могильник Даг-Аразы, группа II, курган 5. Основа наземного сооружения



Глава II



↑ Могильник Даг-Аразы, группа II, курган 5. Крепида и могильная яма

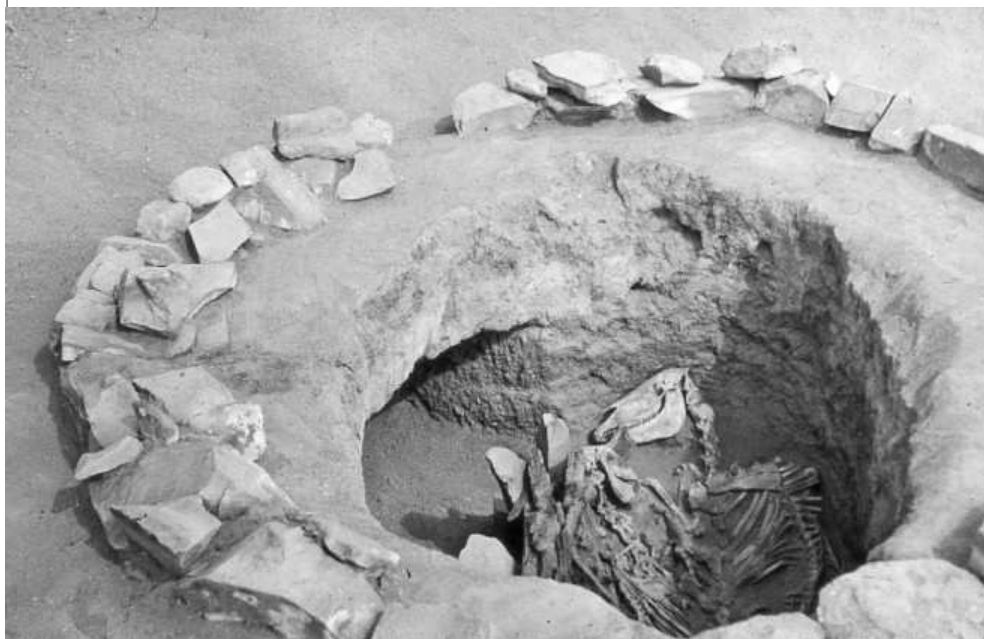
↓ Могильник Даг-Аразы, группа II, курган 14. Погребение человека с конем





↑ Могильник Даг-Аразы, группа II, курган 1. Погребение человека с верблюдом

↓ Могильник Даг-Аразы, группа II, курган 8. Погребение-кенотаф



Глава II



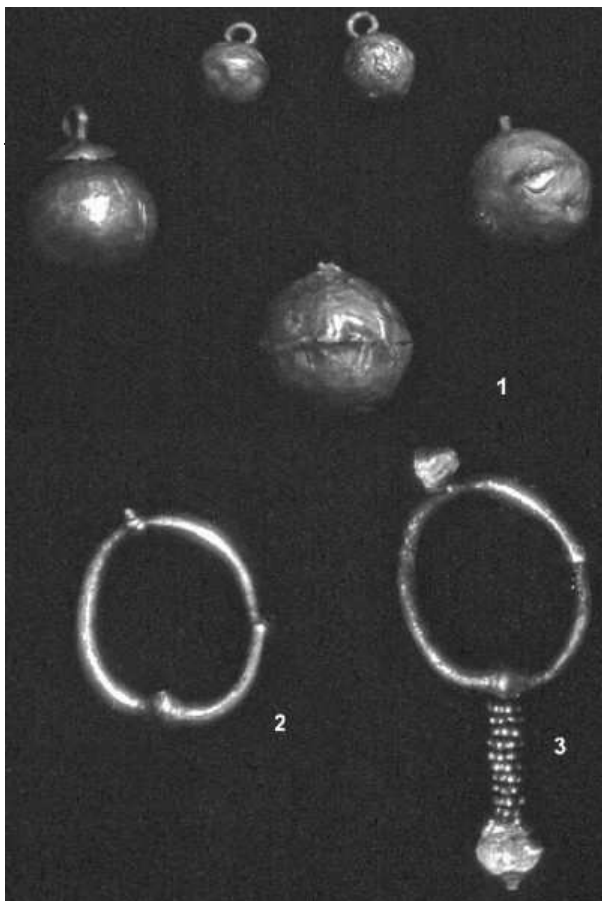
Могильник Даг-Аразы, группа II, курган 8. Оградка со сто



↑ Могильник Даг-Аразы, группа III, курган 21. Основа оградки

↓ Могильник Даг-Аразы, группа V, курган 2.
Основа трехкамерной оградки со стояками





↑ Могильник Даг-Аразы,
группа V, курган 1.
Бронзовая монета

← Могильник Даг-Аразы.
Серебряные украшения:
1, 3 — группа II, курган 13;
2 — группа III, курган 10

Могильник Даг-Аразы. →
группа II, курган 6.
Бронзовое зеркало



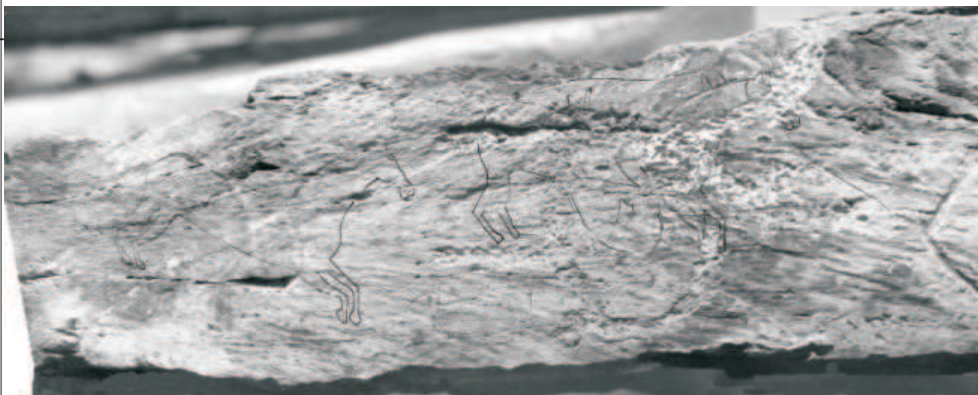
Глава IV



← Могильник Саргол. Стела-изваяние

Могильник Саргол. →
Стела-изваяние: лицо человека





↑ Могильник Саргол. Стела-изваяние: прорисовка изображений лошадей

↓ Могильник Саргол. Стела-изваяние: изображение козла
и тамгообразного знака

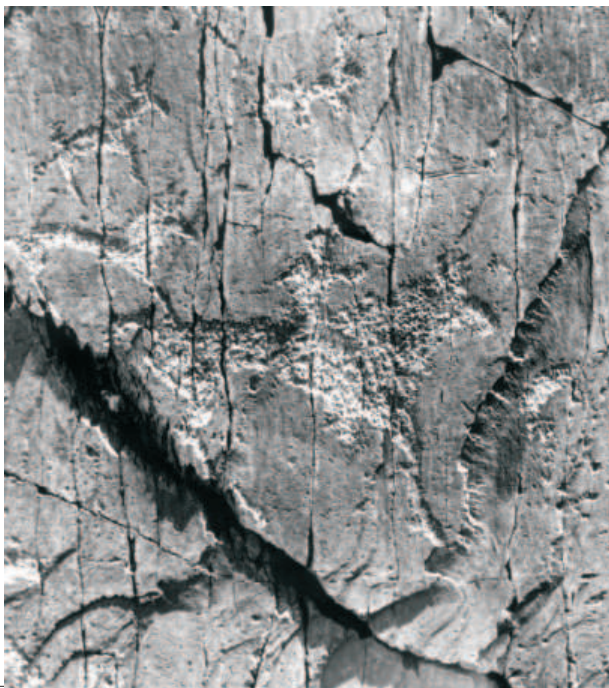


Глава IV



↓ Устю-Мозага

↑ «Дорога Чингисхана»



Устю-Мозага →

↓ Устю-Мозага,
камень 140



Глава IV



↑ Саянский каньон до затопления. Вид на гору Устю-Мозага

↓ Саянский каньон после затопления. Вид на гору Устю-Мозага



ГЛАВА III

ДРЕВНИЕ ТЮРКИ В САЯНСКОМ КАНЬОНЕ ЕНИСЕЯ

Г. В. Длужневская

Саянский каньон р. Енисей — участок реки, существовавший до строительства Саяно-Шушенской ГЭС и создания рукотворного Тувинского моря. Протяженность его около 300 км — от долины Карабей, откуда Енисей прорезал себе «дорогу» через южные отроги Западного Саяна, до выхода в Хакасско-Минусинские степи. Природа каньона делится на две экологические зоны: северную таежную и южную горно-лесостепную. Граница этих зон проходила по р. Ус, впадающей в Енисей справа, примерно в 100 км ниже пос. Старый Чаа-Холь (также ныне не существующий). Главной рекой южной части каньона, вливающейся в Енисей слева, является Хемчик, по берегам которого обнаружены разновременные археологические памятники.

«За Чакулем (Чаа-Холем) Енисей входит в Саянские теснины и отсюда начинается самая грозная и самая замечательная красота его. Он прорвал себе расщелину сажен от ста до двухсот шириной и мчится в ней со скоростью около 25 верст в час. Нет ни бечевника, ни тропки; пройти берегом немыслимо даже кулику, всюду отвесные погруженные в воду, синие, зеленые или красноватые скалы... Горные залитые сплошной тайгой цепи идут перпендикулярно к реке... обрывы и упиравшиеся в небо скалы чередовались с зелеными ущельями; из них грохоча и пенясь вырывались потоки; местами с высот неслись и рушились водопады. Белые облака то и дело опоясывали середины гор». Это красочное описание Саянского каньона принадлежит С. Р. Минцлову, посетившему Урянхайский край (ныне Республика Тыва) в 1914 г. и возвращавшемуся из «путешествия» на плоту сквозь теснины Саянских хребтов (Минцлов, б/г. С. 273–274).

Археологическая картина южной части каньона выглядит следующим образом: по левому берегу ниже Хемчика в долинах неприметных ручьев Йур-Сайыр и Калбак-Мыс находятся памятники кыргызского времени (по внешнему виду аналогичные исследованным в каньоне могильникам Хемчик-Бом II и Сарыг-Хая). Очень важными являются приустьевая часть р. Хем-Терек (курганы скифского времени), узкие долины речек Малые и Большие Уры (неоли-

тическая стоянка и неопределенные курганы), р. Хериме с довольно большим займищем (курганы скифского времени). По правому берегу в Енисей впадают ручьи Большой Шугур (памятники от скифского до монгольского времени) и Кургол (неопределенные курганы), речки Ургунь (курганы монгун-тайгинского типа) и Хадынных (курганы скифского времени, кыргызская стела, стоянки) (Длужневская, Субботин, 1998. С. 115–119). Главным правобережным притоком является р. Ус, в низовьях которого обнаружены курганы скифского времени и памятники эпохи камня.

В нижней (северной) части каньона работал, в основном, отряд С. Н. Астахова, исследовавший палеолитические памятники (Савинов, Длужневская, 2008). Ныне территория каньона залита морем. Практически все ранее исследовавшиеся памятники находятся под водой.

Памятники древнетюркского времени в Тувинской котловине располагались в ее степной части: могильники Бай-Даг (раск. С. А. Теплоухова, 1927 г.), Часкал (раск. А. М. Мандельштама, 1966 г.), Аргалыкты и Кара-Тал (раск. Ю. И. Трифонова, 1965–1971 гг.), Аймырлыг и Даг-Аразы (раск. А. М. Мандельштама и Б. Б. Овчинниковой, 1967–1982 гг.). Несколько курганов открыто в долине р. Хемчик, в 20 км от его устья (Дыттыг-Чарык-Аксы на правом берегу, раск. Ю. И. Трифонова, 1974 г.; курган и оградка со стелой в могильнике Улуг-Бюк II на левом, раск. Г. В. Длужневской, 1974 г.). Единственное погребение в Саянском каньоне находилось на левой приустьевой террасе р. Хемчик (Хемчик-Бом III, кург. 3, раск. Г. В. Длужневской, 1972 г.). Человек был захоронен с конем; сопроводительный инвентарь составляли два железных петельчатых стремени и двухсоставные удила с одним костяным двудырчатым псалием. Погребение может быть датировано VII — первой половиной VIII в. (Грач, Длужневская, 1972).

В 1970-е годы отрядом под руководством автора данной статьи были исследованы два древнетюркских комплекса — в долине Ортаа-Саргол и на левом берегу р. Хемчик в могильнике Улуг-Бюк II (Длужневская, 2000. С. 178–188; 2012. С. 90–94).

Комплекс, включавший стелу-изваяние в выкладке близ кургана, на могильнике Саргол был обнаружен А. Д. Грачом в 1970 г., но произвести раскопки в долине Ортаа-Саргол, не входившей в зону затопления Саяно-Шушенской ГЭС, удалось только спустя восемь лет, в связи с разворачиванием сопутствующих строительству ГЭС работ (Длужневская, 1979. С. 221).

Могильник Саргол находился в юго-западной части долины Ортаа-Саргол, у подножия гор, ограничивающих ее с юга. В 6 км к северу от него, на выходе из ущелья к р. Енисей, расположено известное петроглифическое святилище Мугур-Саргол, ныне также затопленное водами Тувинского моря (Дэвлет, 1980). Могильник включал 22 разновременных объекта. Комплекс сооружений древнетюркского времени: курган 1, поминальная выкладка (объект 2) и стела-изваяние в кольцевой обкладке — самый крайний восточный объект во всем памятнике.

Курган 1 до начала работ представлял собой каменно-земляное сооружение овальной в плане формы, вытянутое с запада на восток. Размеры его до разборки — вместе с примыкавшей к нему пристройкой — $13,8 \times 9,2$ м. Он был сложен из камней разного размера, более крупные образовывали два примыкающих друг к другу круга диаметром 5,5 (собственно курган) и 3 м (поминальная выкладка). После разборки развала выявлена основа первоначального сооружения округлой в плане формы диаметром 5 м, сложенная в два-три слоя из плохо подогнанных друг к другу камней. Внутренняя площадь была заполнена мелкими плитками, уложенными в несколько слоев на выкид из могильной ямы. Пространство между ними и основой сооружения занимали крупные камни, а центральная часть была закрыта массивными плитами, просевшими внутрь после ограбления.

Объект 2 — пристройка овальной в плане формы, вытянутая с севера на юг ($3,7 \times 2,0$ м), оконтуренная, как и курган 1, крупными камнями в один слой. На внутренней площади — подчетырехугольная выкладка $1,3 \times 1,2$ м из камней, грунт под которыми не был нарушен (Табл. I, А).

Грунтовая могильная яма с подбоем несколько смещена к северной стенке основного сооружения, входная яма и подбой овальной в плане формы вытянуты с запада на восток. Размеры входной ямы $2,7 \times 1,25$ м, глубина 1,6 м. В яме, начиная с глубины 0,8 м, встречались различные предметы сопроводительного инвентаря человека и конского убранства — железные наконечники стрел; костяные стерженек, рукоятка камчи и подвеска с обломанным концом; костяная срединная накладка на лук, фрагменты «распорки»; части прибора для добывания огня; фрагменты берестяного колчана и каких-то железных предметов.

На дне входной ямы было совершено захоронение лошади — на животе, с подогнутыми ногами, головой на запад. Не потревоженными остались задние ноги и часть ребер. Лошадь была положена оседланной и взнузданной: на спине обнаружены остатки деревянной основы седла, рядом с ними часть подножки железного стремени и фрагменты железных двухсоставных удил с S-овидным псалием. Кроме того, были найдены два роговых блока для чумбур и костяная застежка от пут. Голова лошади с остатками кожаной узды с накладными серебряными бляшками находилась в северо-западной части ямы. Бляшки трех форм: полусферические, плоские прямоугольные с округлыми завершениями с одной и с обеих сторон. Все выбиты из тонкого листа по деревянному (?) трафарету и посажены на органическую основу, прикреплялись к ремню при помощи шпеньков, которые у полусферических бляшек выходили на лицевую поверхность.

Подбой был выбран в северной стенке входной ямы, пол его на 10–15 см ниже пола входной ямы. Высота подбоя 1,1 м. Проникшие в погребение грабители вошли через входную яму в восточную часть подбоя, отбросив камни, закрывавшие его. Последние были установлены вертикально и имели две точки опоры — дно входной ямы и свод подбоя. Человек лежал на подстилке из

деревянных плах, вытянуто, на спине, головой на восток. Вся верхняя половина погребенного потревожена, череп отсутствовал (вытащен из могилы?). Выброс из грабительского хода был зафиксирован за пределами наземного сооружения с северной стороны (Табл. I, Б).

Из сопроводительного инвентаря при человеке сохранились нижняя часть берестяного колчана с деревянной накладкой, лежавшая поверх правой бедренной кости; концевая накладка на лук у дна колчана, части прибора для добывания огня — у левого колена. Слева, в районе пояса находились большой железный черешковый нож с уступами при переходе к лезвию; каменный оселок; заостренная кость животного с отверстием для подвешивания, по-видимому, предмет для развязывания узлов; рукоятка плети из эпифиза кости животного со сквозным отверстием в верхней части, а также костяная бляха, напоминающая по форме подвесные лировидные пряжки, известные по изображениям на изваяниях и среди находок в погребениях. В восточной части подбоя находились отброшенные сюда грабителями фрагменты колчана; костяная срединная накладка на лук, части прибора для добывания огня и фрагменты наконечников стрел.

Общая длина колчана 85 см, кармана — 13 см. Колчан расширяется книзу, свернут из двух слоев бересты, снизу и сверху укреплен дополнительно полосами шириной до 10 см. Дно деревянное, на лицевой стороне — две деревянные пластинки шириной около 1 см, нашитые на небольшом расстоянии друг от друга, которые сохранились только на оставшейся в подбое части, но, судя по отверстиям, они были прикреплены по всей длине колчана. В колчане находились остатки деревянных древков стрел с вырезами для тетивы, покрытые красной краской. Изначально в нем, вероятно, было до десяти железных черешковых наконечников стрел, трехлопастных с отверстиями в лопастях и с насаженными на древки костяными шариками, также с отверстиями. От лука обнаружены костяные срединные накладки, фрагмент «распорки» и одна концевая.

Пять роговых цилиндриков с продольными отверстиями и три заостренные деревянные палочки определенно являлись деталями прибора для добывания огня, так называемого «пенала».

Причины ограбления не ясны, так как большая часть инвентаря, сопровождавшего мужчину-воина, хотя и в разбросанном состоянии, находилась в могиле. Возможно, были какие-либо предметы из драгоценных металлов, унесенные грабителями (хотя узда с серебряными бляшками сохранилась на месте). Возможен акт осквернения погребения, поскольку черепа в могиле не найдено. Еще одна деталь — на погребенном не было наборного пояса, сохранилась только одна костяная подвесная пряжка. Однако костяные рукоятка камчи, подвеска, каменный оселок, железный кинжал как будто бы были подвешены на поясе. Конечно, пояс мог быть украшен бляхами из драгоценных металлов и его унесли с собой грабители, но обычно хотя бы отдельные вещи оказывались оброненными.

Изваяние с выгравированной на нем сценой — явление весьма редкое, требующее его изучения как самостоятельного памятника, так и по отношению к кургану.

О стеле-изваянии упоминалось в литературе (Савинов, 1981. С. 239; Кляшторный, Савинов, 2005. С. 209–212; Длужневская, Савинов, 2007. С. 130–131). Стела была доставлена в Кызыльский музей, а прорисовки сделаны по фотографиям. При подготовке данной работы фотографии были сканированы и выявились еще какие-то линии — и гравированные, и протертые. Однако они не образуют какого-либо определенно распознаваемого изображения (Длужневская, 2012. С. 90–94).

Стела-изваяние была установлена в центре кольцевой выкладки из крупных камней, уложенных в один-два слоя. До разборки выкладка сливалась с развалом наземного сооружения кургана 1. Ее размеры по осям СЮ–ЗВ — $1,2 \times 1,5$ м, высота 0,2 м. Стела возвышалась над уровнем современной дневной поверхности на 1,05 м и была вкопана на 0,4 м, то есть ее общая длина 1,45 м. Ширина лицевой стороны камня 0,2 м, толщина 0,25 м. Удлиненный обломок скалы специально не обрабатывался, для нанесения изображений была использована гладкая сторона. Нижняя часть камня слегка подтесана, клиновидная. На гладкой стороне изображены лицо человека в верхней части и три скачущие лошади, размещенные по вертикали и выполненные гравировкой. Две лошади видны совершенно четко, линия спины третьей прочерчена выше лошади с поводом, однако и ниже передней лошади видны какие-то линии, которые с некоторой долей вероятности можно принять за фрагментарное изображение лошади меньшего размера. Изображение третьей лошади сильно повреждено трещиной камня и выбивкой задней ноги козла — частично прослеживается только морда лошади с двумя торчащими ушами.

Поверх гравировок лошадей выбиты изображение козла и тамгообразный знак. Связь стелы с описанным выше погребением неоспорима, тем более что здесь она установлена «лицом» не на восток, а на запад, то есть смотрит на захоронение.

Техника рисунков различна: гравировка, протертость (или прорезка) и точечная выбивка, что позволило выделить, по крайней мере, два пласта изображений. Лошади и лицо человека нанесены раньше, причем кажется, что первичны рисунки лошадей; козел и тамгообразный знак — позже, так как выбивка перебивает гравировку. Лошади изображены в движении. Гривы выстрижены зубцами, уши стоят. Два зубца на спине верхней лошади, возможно, передают луки седла, а свисающий низко под брюхо полукруг — чепрак. Повод верхней, показанный тонкой линией, сливается с контуром лица. Еще одна деталь — лошади изображены без хвостов; правда, камень настолько покрыт трещинами, что линия/линии хвоста могли оказаться в трещине. Контур лица (именно лица, а не личины, маски) сначала был намечен прочерченной линией. В нескольких местах она осталась за пределами последующей «протёртости» (линия бровей правой стороны лица, левое ухо). Глубина линий этой раз-

метки и изображений коней близка, что позволяет предположить их синхронность. По-видимому, изображение лица близко по времени личине на Кудыргинском валуне, хотя имеются и некоторые отличия (Длужневская, 1974. С. 230–237; Мотов, 2001. С. 67–70).

По описанию стелы-изваяния Д. Г. Савинов отнес памятник к группе раннетюркских каменных изваяний «с повествовательными сценами» (Кляшторный, Савинов, 2005. С. 209–212, рис. 6). Причем к данному изображению лица как нельзя лучше подходит летописное выражение — «нарисованный облик покойного». Здесь, как и на «кудыргинском валуне», речь идет о жертвоприношении лошадей, хотя сцена на валуне значительно сложнее.

Стратиграфия изображений на стеле из Саргола позволяет относить рисунок козла к тому же или чуть более позднему времени, чем лицо и кони. Личина производит впечатление более ранней, хотя точная датировка вряд ли возможна. М. А. Дэвлет отмечает, что изображение козла на стеле имеет особое значение для хронологического определения большого пласта средневековых петроглифов святилища Мугур-Саргол, близ которого она была найдена (Дэвлет, 1980. С. 242). Аналогичная фигура козла и, что еще более важно, очень сходное изображение находящегося рядом с ней знака, напоминающего контурный рисунок котла скифского типа, в 1974 г. были обнаружены нами на стеле у оградки на могильнике Улуг-Бюк II в долине р. Хемчик (Длужневская, 1975. С. 201–202; 2000. С. 178–188).

Курган, исследованный на могильнике Улуг-Бюк II, находился на левом берегу р. Хемчик в 20 км выше устья, на второй надпойменной террасе. Зафиксировано около двух десятков разновременных объектов, наибольший интерес из которых представляют курган и оградка со стелой — комплекс древнетюркского времени, который был обнаружен во время аэрофотосъемки 1968 г. А. Д. Грачом, а затем в 1972 г. осмотрен С. Г. Кляшторным. Оба исследователя с самого начала отнесли комплекс к древнетюркскому времени.

Курган 1 до расчистки представлял собой наземное сооружение из разномасштабных обломков горных пород, слегка вытянутое по линии север–юг (8,0 × 7,0 м), высотой 0,54 м. С северной и восточной сторон еще до начала работ была видна кладка стенки первоначального сооружения из уложенных плашмя в несколько рядов массивных камней. Развал сооружения происходил в основном по склону террасы, в южном и западном направлениях (Длужневская, 1975. С. 201–202).

В 4–5 м к северо-востоку от кургана находилась выкладка округлой в плане формы из небольших уплощенных камней диаметром 1,5 м, высотой 0,1 м. Вокруг нее было несколько мелких камней, вероятно, выброшенных с внутренней площади выкладки. Каких-либо культурных остатков под ней и вокруг нее не обнаружено.

Последовательной расчисткой кургана и разборкой развала и заполнения внутренней площади выявлено каменно-земляное наземное сооружение из разновеликих уплощенных обломков горных пород и валунов. Форма его

в плане подпрямоугольная со скругленными углами, сооружение ориентировано стенками по сторонам света, но слегка вытянуто по линии запад–восток (3,1 × 3,8 м). Сооружение было возведено на специально подсыпанном участке поверхности. Стенка сложена в три-четыре слоя из обломков скальных пород, хорошо подобранных друг к другу. В северо-западной части она разобрана грабителями, что подтвердилось в дальнейшем обнаружении грабительского хода, разрушившего подбой. Однако первоначальное сооружение представляло собой, скорее всего, не сплошную каменную кладку, а кольцо шириной около 1,5 м, сложенное из камней по той же системе, что и сохранившаяся стенка (Табл. II). Внутренняя площадь, изначально свободная от камней, постепенно заполнялась сползавшими с кольца обломками горных пород. Среди них обнаружены каменное «пряслице» и фрагмент костяной накладки на лук. На уровне древней поверхности яма была отмечена камнями, провалившимися в грабительский ход.

Грунтовая могильная яма, подпрямоугольной со скругленными углами формы, повторяющая конфигурацию наземного сооружения, ориентирована по оси З–В с небольшим отклонением к северу. Ее размеры по дну: СВ–ЮЗ — 1,9 м, СЗ–ЮВ — 1,26 м. Грабители, проникшие в яму, разрушили не только подбой, но и погребение человека и коня. Последний был захоронен во входной яме, занимавшей южную часть, на земляной приступке высотой 0,15 м, а точнее — на полу входной ямы, который выше пола подбоя на 0,15 м. Глубина ямы 0,75 м. Конь находился в обкладке из камней, голова зажата двумя большими блоками. Захоронение коня, расположенное слева от человека, изначально было полностью перекрыто уложенными плашмя плитами, опиравшимися на камни обкладки — своеобразный каменный ящик. Конь лежал на правом боку с подогнутыми ногами, голова ориентирована на запад, морда опущена вниз. Был взнуздан и оседлан. При ограблении могилы смещены ребра левой половины животного, спинные позвонки и передние ноги (Табл. III). В зубах его были зажаты железные двухсоставные удила с железными S-овидными псалиями, среди спинного отдела ребер — две железные подквадратные подпружные пряжки (Табл. IV), роговая застежка от пут и деревянный предмет, возможно, фрагмент передней луки седла.

Погребение человека совершено в подбое, выбранном в северной стенке входной ямы и закрытом разделительной стенкой из вертикально поставленных плит. Плиты частично завалились в подбой шириной 0,55 м, высотой в средней части 0,6–0,7 м. Глубина пола, на котором совершено погребение человека, 0,9 м. Погребение человека потревожено очень сильно, и не перемещенными остались только длинные кости ног. По-видимому, он лежал на спине, с вытянутыми ногами, головой на восток. Не исключено, что первоначально человек был покрыт деревянной плахой, остатки которой зафиксированы выше длинных костей ног.

За головой человека, в восточной части подбоя, было положено мясо барана (часть таза в сочленении с костями ноги) и наиболее ценные вещи, ос-

тавшие не замеченными грабителями: китайское зеркало (Табл. V, 7), черноталовая чашечка с двумя иероглифами, нанесенными красной краской, костяной орнаментированный предмет с железными стерженьками внутри него (Табл. V, 1), роговой двухсоставной предмет с орнаментом, подобным нанесенному на названном выше костяном предмете — «рыбья чешуя» (Табл. V, 2, 5), бронзовая позолоченная воздушная пуговица (Табл. V, 3) и железная «булавка» с навершием в виде трилистника. Остальные предметы: золотая серьга, железный обоюдоострый черешковый кинжал (Табл. V, 4), круглый в сечении стерженек и деревянный стержень, напоминающий наконечник от прибора для добывания огня (Табл. V, 6), были смещены со своих первоначальных мест и находились в разных местах ямы.

После разборки развала основного сооружения кургана, у его юго-западного угла выявлена поминальная выкладка диаметром около 1 м, стенка которой была сложена в один-два слоя из уплощенных камней и разрушена с западной стороны. Культурных остатков не обнаружено.

Ограда (Табл. VI) из вертикально врытых длинных плит, подквадратной в плане формы (длина стороны 2,8 м), ориентирована углами по странам света. Высота стенок и сильно задернованной внутренней площади 0,2 м. В 0,8 м к северу от восточного угла ограды находилась вертикально установленная стела с выбитыми на ней древнетюркской тамгой и изображением горного козла. Стела высотой 1 м (над уровнем древней поверхности, общая длина 1,25 м), узкими гранями обращена на СЗ и ЮВ. Тамга и козел выбиты на широкой грани, обращенной на СВ. Вторая стела, без каких-либо знаков, вырыта из земли и лежит вдоль юго-восточной стенки ограды¹.

Плиты ограды, образующие ее северо- и юго-восточные стороны, плотно прижаты друг к другу, две другие сделаны менее аккуратно, плиты развалились в разные стороны, западный угол разрушен. Внутренняя площадь квадратной ограды заложена уплощенными камнями, уложенными в два-три слоя квадратами, с уменьшающейся к центру длиной стороны. В самом центре врыт небольшой камень, своеобразная стела, не превышающая по высоте стенки ограды. Плиты закладки восточной части выбраны, некоторые плиты ограды снаружи укреплены контрфорсами. Контрфорсами северо-восточной стенки служили камни округлых в плане оградок. Эти округлые выкладки диаметром 1,0 м (северная) и 1,4 м (южная), высотой обе по 0,15 м были сооружены из уложенных плашмя в один-два слоя камней, вплотную примыкая к большой ограде. Выкладка со стелой с упомянутыми знаками сильно разрушена, собственно сохранилась часть ее между стелой и оградой; остальные камни отброшены в сторону. Вторая выкладка из плохо подобранных друг к другу камней, уложенных в один-два слоя, сохранилась с небольшими перерывами по всей окружности. Внутренняя площадь перекрыта большим камнем, вероятнее всего, сползшим с ее стенки после того, как из нее вытащили

¹ К сожалению, рисунки этих стел и копии изображений не сохранились — Редактор.

стелу. Каких-либо следов сожжений, костных остатков или инвентаря ни в одной из оградок не обнаружено.

Как видим, не только погребальный обряд и конструктивное устройство могильной ямы, но и набор предметов сопроводительного инвентаря данного погребения перекликаются с погребением на могильнике Саргол. Улуг-бюкский курган удалось датировать по зеркалу из белого металла диаметром 7,8 см с изображениями голов львов и ромбов между ними, которое, по мнению Е. И. Лубо-Лесниченко, может быть датировано концом VII — первой половиной VIII в. Вероятно, на берега Енисея оно попало несколько позже, поскольку погребения в подбоях характерны для несколько более позднего времени — для второй половины VIII в. — начала IX в.

Улуг-бюкское погребение имеет прямую аналогию — погребение в Монгун-Тайге с зеркалом со львами, гребнем в шелковом мешочке, железным клепаным котлом, листовидным кинжалом, большим количеством шелка и золотыми уздечными украшениями (Грач, 1960. С. 18–31). Следует отметить также, что композиция изображения на монгун-тайгинском зеркале и сюжет перекликаются с размещением голов львов на внутреннем поле круглого зеркала с шишкой-петлей в центре. Зеркало из раскопок А. Д. Грача датируется периодом Тан (VIII–X вв.). Известно, что лев в качестве объекта изображения был широко распространен в Китае на зеркалах эпохи Тан (Лубо-Лесниченко, 1975. С. 52. Рис. 21).

Среди находок в Пенджикенте имеются фрагменты изделий, которые необходимо отметить, хотя они и не абсолютно идентичны изображениям с р. Хемчик. Во-первых, это фрагмент зеркала с петлей в виде фигурки льва, относящийся к группе танских зеркал и обнаруженный в слое середины VIII в. Во-вторых, серебряный с позолотой медальон от сосуда (?) и керамический налп на оссуарий в виде Киртимукхи. Передача образа Киртимукхи, фантастического существа, тем не менее, отдаленно напоминает более скупые изображения голов львов с предметов, найденных на р. Хемчик. Медальон и налп обнаружены на объектах и в слоях VI–VII вв. (Распопова, 1980. С. 119–123). Кроме того, рельефные головки львов близки декору накладных наременных блях из могильника Дыттыг-Чарык-Аксы в долине р. Хемчик, расположенного напротив могильника Улуг-Бюк (Трифонов, 1975. С. 236–237).

Из других изделий, которые имеют аналогии в находках древнего Пенджикента, поселении с устойчивыми датами слоев и их содержимого, отметим серьгу с «ребром» и шпеньком для бусины на кольце. В. И. Распопова относит их к IV группе и датирует по слою третьей четвертью VIII в. (Распопова, 1980. С. 112–113). По своей типологии, Б. Б. Овчинникова определяет подобные серьги как тип 10 и также считает их изделиями второй половины VIII в. (Овчинникова, 1990. С. 49–50). Г. В. Кубарев условно выделяет такие серьги в тип II. На Алтае обнаружено три экземпляра таких серег, но автор дает более широкую датировку — VIII–IX вв. (Кубарев Г.В., 2005. С. 61).

Таким образом, оба комплекса — на Улуг-Бюке и Сарголе — следует датировать, скорее всего, концом VII — третьей четвертью VIII в. (Длужневская, 2000. С. 178–188). Курганы относятся к центрально-тувинскому типу захоронений с подбоями, исследованных кроме названных на могильниках Аймырлыг I и Даг-Аразы в долине р. Чаа-Холь (Длужневская, Овчинникова, 1980. С. 81–85) и Дыттыг-Чарык-Аксы в долине р. Хемчик (Трифонов, 1975. С. 236–237). На Алтае изучена серия подобных памятников, например, курганы 4 и 5 могильника Узунтал, отнесенные к туэктинскому этапу курайской культуры VIII–IX вв. (Савинов, 1982. С. 108–117), а также погребение в могильнике Талдуаир, курган 6. В могильнике Юстыд XII, кург. 29 была сделана разделительная стенка, весьма напоминающая стенку подбоя, завалившуюся в сторону погребения человека (Кубарев Г.В., 2005. С. 369–370; 376–377). Г. В. Кубарев относит курган 29 могильника Юстыд XII к катандинскому этапу, то есть к VII–VIII вв., а погребение в могильнике Талдуаир — к позднетюркскому времени или эпохе «кыргызского великодержавия» — IX–X вв. (Кубарев Г.В., 2005. С. 140). В пользу столь поздней даты могут свидетельствовать пластинчатые стремена, одно из них с прорезями в подножке; удила с S-овидными псалиями с фигурными окончаниями, железные накладной крюк, сходные с ним по оформлению тройники-распределители ремней и наборный пояс с бляхами двух типов (Кубарев Г.В., 2005. С. 376–377).

Судя по планиграфии комплекса, на могильнике Саргол первоначально было совершено погребение человека с конем, над которым соорудили небольшой курган. Через некоторое время, а может быть и почти одновременно, сложили поминальную выкладку. Последней была выложена кольцевая обкладка со стелой-изваянием. Представляется, что выбитый на стеле-изваянии горный козел и тамгообразный знак, скорее всего, относятся к середине — третьей четверти VIII в., тогда как изображения лошадей и лица человека — к концу VII — первой половине VIII в. Улуг-Бюкский комплекс, видимо, сооружен в такой же последовательности — курган и затем поминальная оградка со стелой. Его датировка определяется по дате зеркала — *terminus post quem* — конец VII — третья четверть VIII в., хотя, думается, скорее середина VIII — начало IX в.

Литература

- Грач А. Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве (полевой сезон 1957 года) // Труды ТКАЭЭ. Т. 1. М.; Л., 1960. С. 18–31.
- Грач В. А., Длужневская Г. В. Исследования в Саянском каньоне Енисея и на р. Хемчик // АО 1972 года. М., 1973. С. 205.
- Длужневская Г. В. Исследования на плато Улуг-Бюк // АО 1974 года. М., 1975. С. 201–202.
- Длужневская Г. В. Еще раз о кудыргинском валуне (К вопросу об иконографии Умай у древних тюрков) // ТС 1974 г. М., 1978. С. 230–237.

- Длужневская Г. В.* Исследования погребальных памятников в Саянском каньоне Енисея // АО 1978 года. М., 1979. С. 221.
- Длужневская Г. В.* Комплекс древнетюркского времени на могильнике Улуг-Бюк II // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. Новосибирск, 2000. С. 178–188.
- Длужневская Г. В.* Каменное изваяние с сюжетной сценой из могильника Саргол // Археолого-этнографические исследования Северной Азии: от артефактов к прочтению прошлого. Томск, 2012. С. 90–94.
- Длужневская Г. В., Овчинникова Б. Б.* Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980. С. 81–85.
- Длужневская Г. В., Савинов Д. Г.* Памятники древности на дне Тувинского моря. — СПб., 2007. 196 с.
- Длужневская Г. В., Субботин А. В.* К истории изучения Саянского каньона Енисея // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998. С. 115–119.
- Дэвлет М. А.* Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980. 270 с.
- Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г.* Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 345 с.
- Кубарев Г. В.* Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск, 2005. 400 с.
- Лубо-Лесниченко Е. И.* Привозные зеркала Минусинской котловины: К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. М., 1975. 170 с.
- Минцлов С. Р.* Секретное поручение (путешествие в Урянхай). Рига, б/г.
- Мотов Ю. А.* К изучению идеологии раннесредневекового населения Алтая (по материалам могильника Кудыргэ) // История и археология Семиречья. Вып. 2. Алматы, 2001. С. 63–86.
- Овчинникова Б. Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990. 222 с.
- Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. 139 с.
- Распопова В. И.* Металлические изделия из Пенджикента. СПб., 1999. 60 с.
- Савинов Д. Г.* Антропоморфные изваяния и вопрос о ранних тюрко-кыргызских связях // ТС 1977 г. М., 1981. С. 232–248.
- Савинов Д. Г.* Древнетюркские курганы Узунтала (К вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982. С. 108–117.
- Савинов Д. Г.* Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л., 1984. 174 с.
- Савинов Д. Г., Длужневская Г. В.* Экология и культура раннесредневековых обществ Центральной Азии и Южной Сибири. СПб., 2008. 170 с.
- Трифонов Ю. И.* Работы в Туве и Хакасии // АО 1974 года. М., 1975. С. 236–237.

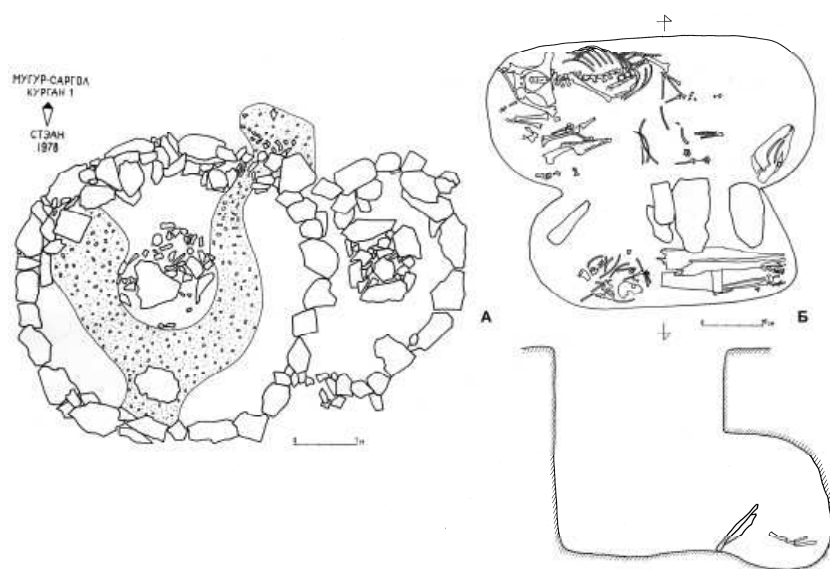


Табл. I. Могильник Саргол, курган I:
А — план основы сооружения; Б — план и разрез погребения

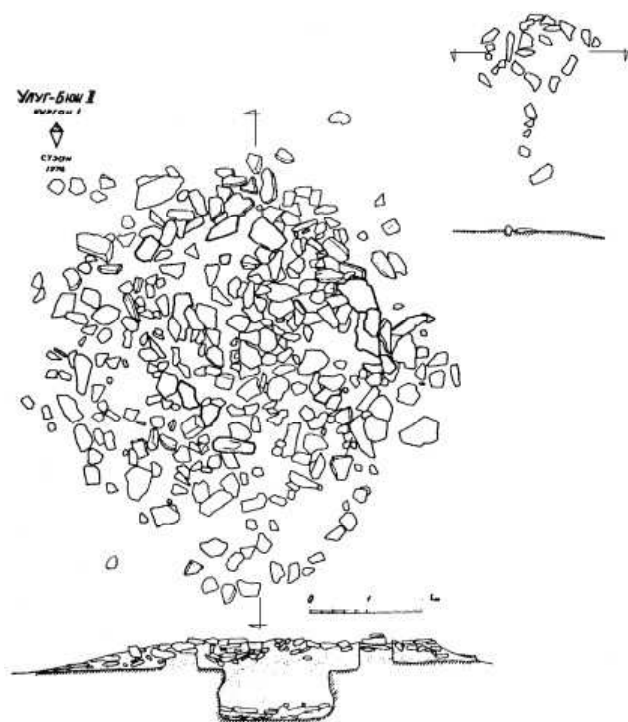


Табл. II. Насыпь кургана I могильника Улуг-Бук II

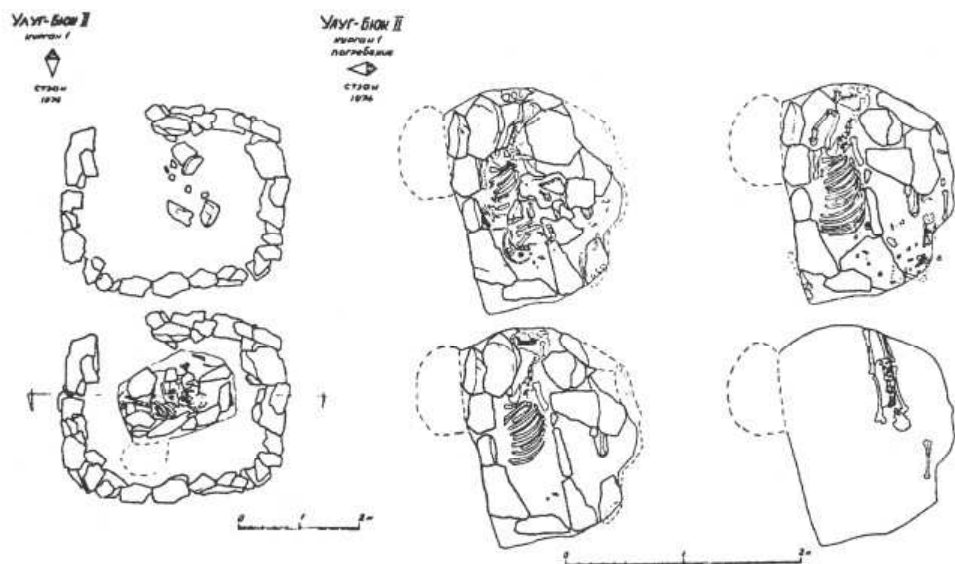


Табл. III. Погребение кургана I могильника Улуг-Бюк II (основные этапы расчистки)

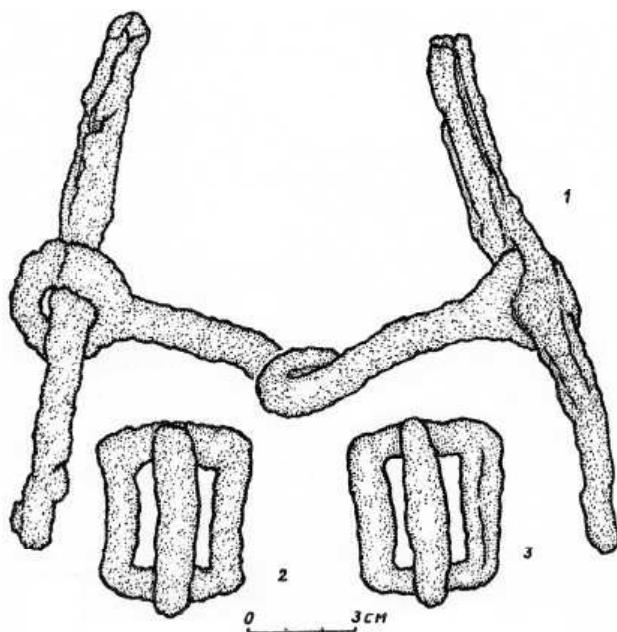


Табл. IV. Могильник Улуг-Бюк II. Сопроводительный инвентарь погребения: удила с псалями и подпружные пряжки

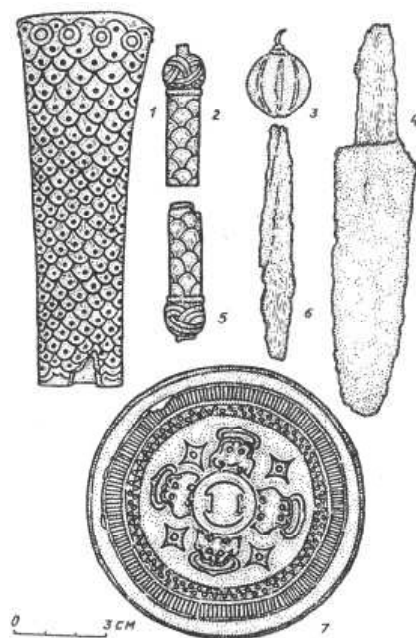


Табл. V. Могильник Улуг-Бук II. Сопроводительный инвентарь погребения: костяной и роговые предметы (1, 2, 5), позолоченная пуговица (3), железный кинжал (4), деревянная палочка (6), зеркало из белой бронзы (7)

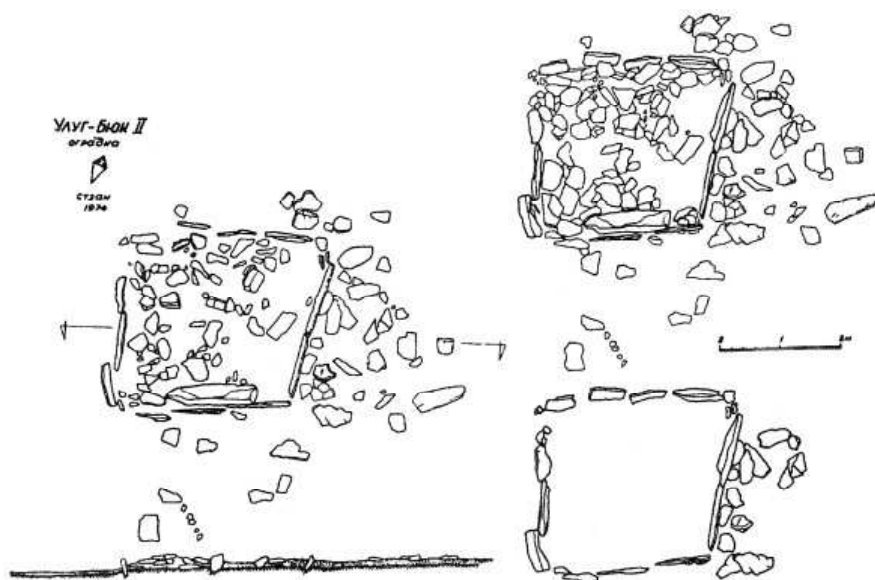


Табл. VI. Оградка комплекса на могильнике Улуг-Бук II (основные этапы разборки)

ГЛАВА IV

ПЕТРОГЛИФЫ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В САЯНСКОМ КАНЬОНЕ ЕНИСЕЯ

М. А. Дэвлет

По завершении строительства Саяно-Шушенской ГЭС в результате заполнения ложа водохранилища водами Енисея многочисленные памятники древности оказались на дне Тувинского моря. Полностью или частично ушли под воду такие крупные местонахождения наскального искусства на левобережье Енисея как Мугур-Саргол и «дорога Чингисхана»; на правом берегу Алды-Мозага, Бижиктиг-Хая, Мозага-Комужап, Устю-Мозага. Эти памятники были зафиксированы и опубликованы в полном объеме, петроглифы Устю-Мозага подготовлены к публикации. За пределами зоны затопления, но в непосредственной близости от нее остались местонахождения наскального искусства Куйлуг-Хем, Алага, Саргольское ущелье, Ортаа-Саргол, Бош-Даг. Здесь петроглифы, и ныне доступные для исследователей, зафиксированы не полностью.

Подавляющая часть материалов Отряда по изучению петроглифов уже введена автором в научный оборот. В первой книге «Петроглифы Улуг-Хема», опубликованной в 1976 г., приводился общий обзор к тому времени известных местонахождений наскального искусства и делалась попытка выделения культурно-исторических пластов изображений. В следующей монографии «Петроглифы Мугур-Саргола», вышедшей в свет в 1980 г., содержалась полная публикация этого выдающегося памятника наскального творчества. В исследовательской части книги основное внимание уделялось хронологическому определению и семантическому осмыслению композиций, по материалам наскальных изображений намечались возможные пути реконструкции идеологических представлений древнего населения данного региона. В опубликованной два года спустя книге «Петроглифы на кочевой тропе» рассматривались наскальные изображения, открытые на левобережье Верхнего Енисея на скальных выходах вдоль так называемой «дороги Чингис-хана» и в местности Ортаа-Саргол, причем разработанная ранее хронологическая шкала была существенно дополнена. Позднее увидело свет популярное издание «Листы ка-

менной книги Улуг-Хема» и большая статья, в которой осуществлена полная публикация наскальных изображений, скопированных на скалах Бижиктиг-Хая. В 1998 г. вышла в свет монография «Петроглифы на дне Саянского моря. Гора Алды-Мозага», в 2004 г. книга «Каменный “компас” в Саянском каньоне Енисея», в 2009 г. — «Мозага-Комужап — памятник наскального искусства в зоне затопления Саянской ГЭС» (Дэвлет, 1976; 1980; 1982; 1990; 1993; 1998; 2004; 2009).

Петроглифы Саянского каньона Енисея создавались их безымянными творцами от эпохи первобытности до этнографической современности. Подавляющее большинство наскальных рисунков выполнены в технике выбивки, которая преобладала в бронзовом веке, в скифское и гунно-сарматское время. Наряду с выбитыми встречаются гравировки, резные, процарапанные, протертые изображения, а также выполненные в комбинированной технике, хотя их совсем немного по сравнению с огромным пластом выбитых фигур. Резная техника на азиатских просторах получает широкое распространение с эпохи раннего средневековья.

Интерес исследователей наскального искусства к резным изображениям — гравировкам, или граффити, в последние десятилетия значительно возрос. Помимо нескольких монографических изданий, где гравировки занимают видное место, им посвящена серия специальных статей. Так, в одной из последних работ Е.А. Миклашевич опубликовала большую серию резных изображений скифского времени из различных азиатских регионов — Горного Алтая, Монголии, Тувы, Хакасии, юга Красноярского края, Казахстана, Киргизии. Исследовательница отмечает, что ею приведены практически все имеющиеся опубликованные гравировки скифской эпохи, привлечены также новые материалы, собранные ею самой — непревзойденным мастером копирования наскальных рисунков. Е.А. Миклашевич ищет ответ на вопрос, почему прежде гравировки «игнорировались» исследователями. Причин, как она полагает, несколько: легкие штрихи на скальной поверхности не видел глаз, нацеленный на поиски выбитых рисунков; сложность копирования; всеобщее увлечение микалентными натирками, на которых не проявляются фигуры, нанесенные тонкой резной линией и др. Автор констатирует, что наибольшее количество как собственно памятников, содержащих подобные изображения, так и опубликованных копий происходят из такого региона наскального искусства, как Горный Алтай. При этом Е.А. Миклашевич пришла к заключению, что в скифское время в количественном отношении резных изображений там было не меньше, чем выбитых (Миклашевич, 2012. С. 157–202). Это утверждение, возможно, справедливо в отношении памятников наскального искусства Алтая, однако, на Верхнем Енисее ситуация иная.

В Саянском каньоне граффити были обнаружены в ограниченном количестве, главным образом на периферийных участках ущелья и на вершине доминирующий в приречной долине горы Устю-Мозага. Гравированных изображений на горе Устю-Мозага было, пожалуй, не меньше, чем на всех ос-

тальных местонахождениях наскального искусства Саянского каньона вместе взятых. К сожалению, часть резных изображений, скопированных на этом памятнике на целлофан при посредстве шариковой ручки, была утрачена: паста высохла и осыпалась еще до того, как мы занялись переводом изображений на бумажные носители. В этих обстоятельствах некоторым утешением может служить только то, что почти все гравировки, находящиеся на вершине горы Устю-Мозага, не подверглись затоплению. В дальнейшем у будущих исследователей сохраняется возможность скопировать их вновь.

Техника гравировки наскальных изображений в Саянском каньоне прослеживается, начиная с эпохи бронзы. Характерно, что абрис наиболее сложных, технически трудновыполнимых сюжетов, в частности личин-масок на главном камне алтаря святилища Мугур-Саргол, первоначально наносился тонкой резной линией, затем внутриконтурное пространство «забивалось» точечными ударами — пикетажем. В результате «забивки» линии абриса как правило утрачивались, так что отразить их на прорисовках не представлялось возможным. Резные линии предварительного эскиза в процессе копирования были заметны лишь местами. Иногда в технике гравировки прорабатывались отдельные детали, к примеру, на камне 198 Мугур-Саргола это «антенны» на голове некоторых личин-масок, брови, глаза, усы. Самостоятельные гравированные изображения эпохи бронзы крайне редки. Любопытным примером того, как в процессе создания наскального изображения менялся замысел древнего художника, может служить фигура бегущего лося на камне 40 святилища Алды-Мозага. Первоначально создатель рисунка наметил резной линией контур подогнутой под брюхо передней ноги животного, а затем в точечной технике продублировал изображение этой ноги в другом положении — вытянутом на бегу. На этой же плоскости представлена еще одна фигура лося с вонзившейся в его тело стрелой, обозначенной резной линией.

У исследователей нет достаточно твердых «опорных точек» для определения времени создания писаниц более поздней поры. Приходится ограничиваться стилистическим анализом изображений и сравнением их с синхронными наскальными рисунками других территорий. Поэтому датировка резных фигур слабее аргументирована и, по всей вероятности, менее надежна, чем выбитых в точечной технике. И все же не вызывает сомнений, что резная техника в этом регионе стала популярной именно в эпоху средневековья, где она существовала наряду с пикетажем — точечной выбивкой.

С середины I тыс. территория Тувы входила в состав наиболее могущественных государственных объединений кочевников, созданных древними тюрками, уйгурами, енисейскими кыргызами, монголами. В Саянском каньоне СТЭАН были открыты и исследованы памятники древности, относящиеся к этим историческим периодам (Длужневская, Савинов, 2007. С. 119). В отношении наскального искусства древнетюркской эпохи Д. Г. Савинов писал: «Такая “скудность” наскальных рисунков древнетюркского времени, на фоне огромного пласта петроглифов эпохи бронзы и скифского времени во всех ме-

стонахождении Саянского каньона Енисея, странна и пока не имеет объяснения. Однако обращает на себя внимание, что в принципе это соответствует характеру распространения и других памятников древнетюркского времени — погребений с конем и каменных изваяний — и, следовательно, отражает какие-то внутренние закономерности, которые требуют дальнейшего изучения и осмысления» (Длужневская, Савинов, 2007. С. 13). По-видимому, схожая ситуация, требующая «дальнейшего изучения и осмысления», наблюдалась в последующие периоды господства уйгуров, енисейских кыргызов и монголов.

В данной работе мы рассматриваем наскальные изображения эпохи средневековья в технике гравировки — древнетюркские, уйгурские, кыргызские и монгольские, не разделяя их на хронологические пласты. На Среднем Енисее эталонным памятником при изучении средневекового искусства является Сулекская писаница, получившая мировую известность по копиям, изданным Финской экспедицией, руководимой И.Р. Аспелиным (Appelgren-Kivalo, 1931). Наряду с высочайшей художественной ценностью, ее научная значимость обусловлена тем, что петроглифы сопровождаются руническими надписями. Одна из них, находящаяся в верхней части главного скального фриза, гласит: «Памятная скала» — что само по себе символично. На писанице представлены сцены сражений, охоты, перекочевов, борьбы животных и др. В Саянском каньоне, как и на территории всей Тувы, комплексы петроглифов эпохи раннего средневековья равнозначные Сулекской писанице не известны. Пока что открыты только небольшие композиции и отдельные фигуры, процарапанные или прошлифованные на камне, или же выполненные в точечной технике.

Средневековые наскальные изображения распадаются на две стилистические группы. Первая включает в себя относительно натуралистические фигуры, иногда стилизованные, несколько орнаментализированные. Ко второй группе относятся в большинстве схематические наскальные рисунки геометрического стиля. Туловища животных, входящих в эту группу, зачастую имели П-образные очертания.

Обратимся к изображениям первой группы. На рубеже нашей эры в наскальном искусстве становятся все более популярными уже не мифологические, как в эпоху бронзы и раннего железа, а эпические сюжеты: воины, всадники, батальные и охотничьи сцены (Рис. 1). По образному выражению Г. А. Федорова-Давыдова, в раннесредневековый период «степной конный витязь вторгается в мир анимализма и вспугивает все животное царство, как на пластине от луки седла из Кудыргэ» (Федоров-Давыдов, 1976. С. 82).

В древнетюркскую эпоху конные витязи становятся неприменными персонажами изобразительного искусства кочевников на всем пространстве степного пояса Евразии — от Шишкинских писаниц Прибайкалья до Преславского камня на Дунае (Худяков, 1990. С. 112). Прежде преобладавшая техника точечной выбивки ограничивала возможности детализации фигуры человека. Силуэтные изображения эпохи первобытности обычно передавались без проработки деталей, персонажи в подавляющем большинстве были статичны.

Резная контурная техника позволила передать экспрессию, разнообразие поз, динамику фигур воинов, пеших или мчащихся верхом на породистых скакунах, стреляющих с колена или набегу; появилась возможность заполнить фон внутри абриса антропоморфов деталями одежды, причесок, аксессуарами предметов вооружения — луков, стрел, копий, колчанов, панцирей и пр. Герой-воин, всадник, запечатлен на скалах в батальных и охотничьих сценах, как и в героических сказаниях, в эпосе, что отражает возрастание его роли в общественной жизни (Рис. 2).

Антропоморфные фигуры в рассматриваемом регионе сравнительно немногочисленны, что препятствует их хронологическому членению. Пожалуй, наибольший интерес вызывают два уникальных изображения противостоящих лучников в боевых доспехах из Устю-Мозага, камень 140. Рисунки находятся на отвесной плоскости, плотно заполненной более ранними композициями, помещены на малопригодном для этой цели участке каменной поверхности, сильно поврежденном, с отслоившейся в нескольких местах скальной коркой. Фигура воина, находящегося справа, повреждена крупными глубокими выбоинами, которые, как мне представляется, сознательно нанес посетитель, который мысленно по неизвестным нам причинам «сочувствовал» персонажу, расположенному на некотором расстоянии слева, и пытался магическими действиями его «защитить». Удары остроконечного камня, оставившего после себя на скальной плоскости глубокие крупные выбоины, были нацелены в голову, грудь и конечности противника. Лучники представлены в панцирных доспехах (Рис. 3-1). Для тувинских петроглифов это уникальный случай, хотя в раннее средневековье азиатские гравированные рисунки воинов в защитных доспехах описаны и опубликованы в значительном числе, имеются их многочисленные реконструкции (Баркова, Горбунов, Тишкин, 2012; Борисенко, Худяков, 2005; Горбунов, 2003; Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011; Тишкин, Горбунов, Мухарева, 2012; Худяков, 1991; Худяков, 2003).

Своеобразен головной убор всадника на горе Бош-Даг. Очертаниями он напоминает так называемые антенны, линии с точкой на конце, которые венчают головы личин-масок и некоторых антропоморфных фигур на скалах Саянского каньона. Вероятнее, изображен металлический шлем с плюмажем. Другое средневековое изображение конного воина в подобном головном уборе выбито в точечной технике на небольшой плоской каменной плитке, обнаруженной нами в 1988 г. в степи у подножия горы Сыын-Чурек (Дэвлет, 2001, рис. 1).

Особое внимание уделялось воинским и охотничьим атрибутам, предметам вооружения дистанционного боя — луку и стрелам. Наряду с простым луком изображался сложный и, вероятно, сложносоставной лук с круто загнутыми концами, выгнутыми плечами, удлиненной прямой серединой кибити. В древнетюркское время происходит некоторое уменьшение размеров луков по сравнению с гуннскими (Савин, Семенов А.И., 1998. С. 295). Судя по хорошо сохранившимся древнетюркским образцам из курганов Тувы, луки достигали полутора метров (Овчинникова, 1998. С. 283–284).

Еще в гуннскую эпоху появляются изображения стрел, обозначенные тонкой резной линией, разящие живую мишень. В эпоху первобытности лучники — охотники и воины были представлены на скалах с натянутым луком и приготовленной к спуску стрелой. Позднее в тюркское и последующее время вплоть до эпохи этнографических наблюдений стрелы нередко бывают показаны в полете, иногда в сторону жертвы летит «град» стрел, у монголов они «словно дождем льются» (Худяков, 1991. С. 169, 187). Стрелы обычно изображались в виде отрезка прямой линии, расположенного перпендикулярно тетиве и кибити. Иногда обозначались наконечники различных форм. Некоторые наконечники стрел находят аналогии среди реалий, полученных в результате раскопок погребальных комплексов, однако известно и обратное.

Здесь мы сталкиваемся с загадочной ситуацией. На скалах появляются изображения наконечников, не свойственных ни охотничьим, ни боевым стрелам, подобных которым в реальной действительности не существовало. Это экземпляры в виде трезубой развилки, когда каждый из трех равновеликих отростков-зубцов (Рис. 4) начинается как бы из одной точки на конце древка. Очертаниями эти наконечники напоминают железные склепанные наверху в виде трезубцев из святилища у селения Арго в Дагестане (Марковин, 1989. С. 286, табл. 113, 13, 14). Однако сходство чисто формальное. Б. Б. Овчинникова упоминает находку железного трезубца древнехакасского образца в погребении с конем IX–X вв. (Овчинникова, 1990. С. 138). Иногда точно так же, то есть в виде трезубца, выглядит не наконечник, а оперенье стрелы (Тишкин, Горбунов, Горбунова, 2011. С. 38, рис. 7; Миклашевич, 2012, рис. 25-б). Иногда такие наконечники торчат из колчана (Рис. 5). Характерно, что подобные необычные изображения наконечников и оперенья стрел обнаружены не только в Саянском каньоне Енисея, но и на смежных территориях (Окладников и др., 1980, табл. 1-5). Может быть, подобным образом древний художник пытался передать на скальной поверхности трехлопастные наконечники стрел? Уподобляя стрелы трезубцу, автор рисунка изображал не то, что видел, а то, что знал о предмете, и самое главное — это три разящих острия (лопасти). Как отмечает И.В. Калинина, «В основе образов — отнюдь не зрительные ассоциации. Архаические образы представляют собой функциональный тип обобщений образного мышления. В отличие от понятий, характеризующих предметы, явления со стороны их признаков, образ является обобщением по действию» (Калинина, 2005. С. 138). Другой возможный вариант расшифровки таких изображений наконечников стрел связан с довольно редко встречающимися экземплярами реалий. Среди средневековых известны плоские наконечники стрел, которые В. В. Горбунов и А. А. Тишкин относят к ярусным (Горбунов, Тишкин, 1998. С. 264, рис. 19, 20), Ю. С. Худяков обращает внимание на выступающие у них крылья (Худяков, 1991, рис. 15, 20; Горбунов, 2006). Может быть, именно такие реалии послужили для художника основанием придавать изображениям стрел на скалах вид трезубца.

В Саргольском ущелье, как и на Куйлуг-Хеме, наряду с выбитыми петроглифами скифского времени, обнаружены и резные средневековые. По ущелью тувинцы-скотоводы перегоняли свои стада на новые пастбища. Безусловно не только в наши дни, но и в древности люди передвигались по ущелью как по своеобразному коридору, хотя периодически во время дождей в горах по нему с шумом и грохотом проносился разрушительный сель. В Саргольском ущелье на обрамляющих скалах нанесены тончайшей, слабо различимой резной линией относительно реалистичные средневековые изображения всадников, животных и даже енисейские рунические надписи. Фигуры конных воинов близки по размеру и стилистическим особенностям. Они выполнены в экспрессивной манере, очевидно, одновременно одним и тем же художником. Все же изображения различаются трактовкой фигур всадников и лошадей. Две фигуры воинов представлены в длинных подпоясанных кафтанах; один, видимо, в шароварах, у его ноги помещен расширяющийся книзу колчан. Конь, находящийся справа, стоит как вкопанный, повод свисает по шее. Изображение профильное, показаны две ноги. Другой конь с вытянутой вперед и вверх шеей представлен мчащимся во весь опор: две передние ноги в виде тонких линий с обозначенными копытами выброшены вперед, две задние — назад, хвост короткий, видимо, подстрижен. Изображенный слева конь распластался в стремительном беге. Задние ноги животного находятся почти на одной линии с туловищем, они обозначены в виде широкой полосы раздваивающейся на конце. Передняя нога изображена только одна. Фигуры других животных представлены в статичных позах или в момент прыжка, когда туловище, передние и задние ноги находятся почти на одной линии.

На камне 105 из Мозага-Комурак всадник на трехногом коне изображен анфас (точнее, анфас развернуто его туловище). Вероятно, так древний художник пытался передать посадку наездника. В эпоху раннего средневековья для изображений всадников характерно положение рук, при котором в одной он держит повод, другая положена на крупе коня. В наши дни тувинцы управляют лошастью одной левой рукой, в правой находится плеть. Специфична манера тувинцев сидеть верхом на лошади, когда человек несколько развернут левым боком вперед (Даржа, 2003. С. 42).

На скалах Куйлуг-Хема, камень XIX, представлен вооруженный воин со сложным луком и длинным копьем верхом на коне. Фигура всадника трактована условно и схематично (Рис. 3, 2). Его торс передан в виде прямой линии, заканчивающейся кружком-головой. Руки спускаются по дуге вниз. Черточка, идущая от нижней части головы через плечо на грудь, вероятно, означает косу. В связи с этим следует отметить, что в период Тюркского каганата в Туве мужчины заплетали волосы в косу, подобно жуань-жуаням и уйгурам. Эта традиция дожила до начала XX в. В Туве и женщины, и мужчины носили косы. Мужская косичка, которую впервые заплетали после первой стрижки волос, сохранялась на всю жизнь (Клюева, Михайлова, 1988. С. 118). Конь под седоком на камне XIX трактован условно и несколько статично. Ноги коня

переданы треугольными выступами. На поджаром туловище животного параллельными штрихами выделена защитная попона — пластинчатый доспех. По данным Б. Б. Овчинниковой, в результате раскопок открыт только один экземпляр панцирной попоны в рамках тюркской традиции погребения человека с конем (погребение Даг-Аразы). В основном же попона известна по изображениям (Овчинникова, 1990. С. 138). Фигуры всадников на курыканских Шишкинских писаницах в целом отличны от описываемого нами, к тому же большинство их выполнено в иной технике. Однако среди курыканских изображений есть и такие, которые в какой-то мере сопоставимы с куйлуг-хемскими (Николаев, Мельникова, 2008; Мельникова, Николаев, Демьянович, 2011; 2012).

Выделяются фигуры куйлуг-хемских неоседланных лошадей. Это высокие, статные, сухопарые кони с мускулистой грудью, сильным крупом, тонкими ногами, плавным «лебединым» изгибом шеи, небольшой головой, узкой мордой. Фигуры выгравированы настолько тонкой линией, что еле заметны, едва угадываются на фоне скалы. Только на photographиях при некотором увеличении удалось отчетливо рассмотреть отходящие от головы и верхней части шеи коней черточки, означающие определенным образом подстриженную гриву. Обычай подстригать гриву лошадей в виде зубцов с равными интервалами между ними известен с середины I тыс. до н.э. Например, на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана изображен конь с длинными зубцами на гриве. Подобная мода получила особое распространение в эпоху раннего средневековья от берегов Черного моря на западе и до Китая на востоке.

Обращает на себя внимание сходство экстерьера куйлуг-хемских и курыканских коней. Большинство курыканских писаниц протерты на поверхности песчаника. Однако часть их выполнена тонкими резными штрихами. А. П. Окладников проследил цепь памятников искусства, для которых типична трактовка гривы лошадей в виде зубцов. В монографии «Шишкинские писаницы», касаясь вопроса о зубчатой гриве курыканских коней, исследователь отмечал, что самые ранние образцы изображений лошадей с подобной гривой известны с V–IV в. до н.э., а самые поздние — в VIII в. н.э. (Окладников, 1959. С. 127). В книге «Ленские писаницы», вышедшей в свет в том же году, что и упомянутая выше работа, А. П. Окладников пересмотрел верхнюю хронологическую границу подобных изображений и предположительно отнес некоторые из них к более позднему времени (вплоть до XVIII в.). В этих рисунках он отметил устойчивые традиции старого курыканского искусства и в то же время подчеркнул, что точная датировка всех этих изображений пока невозможна. «Некоторые из этих рисунков могут быть одновременны курыканским рисункам лучшего стиля и оставлены менее опытными рисовальщиками, неумело подражавшими произведениям искусных художников своего времени» (Окладников, Запорожская, 1959. С. 131).

На петроглифах Куйлуг-Хема, как и на курыканских писаницах, изображены «потокровные» лошади. Тип легкой восточной скаковой лошади в I тыс. до н.э. был широко распространен в Средней Азии. Оттуда эти кони,

которых китайские авторы называли «небесными» и «совершенством Востока», попали на отдаленные территории древнего мира. Так, например, в I тыс. н.э. лучшие представители среднеазиатских пород лошадей проникли далеко на север, вплоть до Ангары и истоков Лены, о чем свидетельствуют, наряду с китайскими известиями о превосходных лошадях племени гулигань, наскальные изображения. «Исторические корни совпадений искусства курыканов с искусством енисейских кыргызов, алтайских тюрков, а также народов Ирана и Средней Азии, совершенно очевидны, — писал А. П. Окладников. — Дорога с запада на восток, из Ирана и Средней Азии на Ангару и Лену шла через Енисей, а с Енисеем курыканов объединяли прочные, старые и глубокие по происхождению связи» (Окладников, Запорожская, 1959. С. 124). Безусловно, и древних тюрков Верхнего Енисея эти связи охватили. Они не были изолированы в мире степных кочевников, подтверждением чему, в частности, служат петроглифы. При этом встречаются изображения невысоких, крупноголовых лошадей местных пород, одомашненных «монголоков».

Уникален фантастический куйлуг-хемский зверь с вытянутым длинным туловищем, плавно переходящим в шею, с ногами в виде треугольников, с опущенным длинным хвостом. Голова яйцевидной формы сужающаяся книзу, с двумя высокими рожками перечеркнута вертикальной и горизонтальной линиями, образующими фигуру в виде креста. Этот фантастический зверь не имеет близких аналогов среди известных нам наскальных изображений (Дэвлет, 2001, табл. 17-1). Интересной особенностью данного наскального рисунка являются вертикальные штрихи на туловище животного. С одной стороны, они могут означать полосы на шкуре хищника из семейства кошачьих, а с другой — отражать стилистическую традицию и являться в какой-то мере хронологическим признаком. На скалах Куйлуг-Хема имеется еще одна «полосатая» трудно определяемая фигура, которая, скорее всего, также представляет изображение лошади (камень XIX).

Для периода раннего средневековья свойственна заширированность туловища животных вертикальными и горизонтальными линиями, как у изображений Горного и Монгольского Алтая в VIII–IX вв. Применяли подобную штриховку и древние тюрки Прибайкалья. На Дальнем Востоке среди петроглифов Сакачи-Аляна также встречаются резные изображения животных, у которых туловище покрыто штриховкой (Окладников, 1971, табл. 90, 91). Особый интерес представляют фигуры оленей с продольной штриховкой на шее, подобные которым на Алтае в отдельных случаях сопровождаются древнетюркскими руническими надписями. Скорее всего, вертикальные и горизонтальные полосы покрывающие туловища оленей, имеют чисто орнаментальный характер.

Бесчисленные фигурки козлов как первой, так отчасти и второй стилистических групп в подавляющем большинстве лишены датирующих признаков. Изображения горных козлов, в большинстве случаев изолированы, реже включены в композиции в том числе эпохи первобытности (Рис. 5).

Ко второй стилистической группе средневековых наскальных изображений относятся П-образные фигуры животных. Две прямые параллельные линии передают прямое туловище животного, четыре вертикальные черточки обозначают ноги и только рога круто изогнуты. Эти изображения отражают определенную стилистическую традицию. Петроглифы, где фигуры животных очертаниями напоминают букву «П», были зафиксированы на верхнем Енисее на святилище Мугур-Саргол, под горой Алды-Мозага, у «дороги Чингисхана» и в других местах. Они встречаются на скалах Лены, на берегу оз. Байкал, на Байтоке — священной горе ленско-кудинских бурят и др.

По материалам своего первого полевого сезона, проведенного в Туве в 1953 г., А. Д. Грач предложил выделить из общей массы наскальных рисунков горных козлов группу фигур, названную им изображениями «типа Чурук-туг-Кырлан». Эти схематические профильные фигуры, по аналогии с тамгообразными изображениями на поминальных тюркских стелах, он датировал тюркской эпохой (Грач, 1957. С. 408–410). В дальнейшем эта точка зрения А. Д. Грача подверглась критике со стороны ряда исследователей (Маннай-оол, 1967 и др.). В одной из своих последних монографий, а именно в книге «Петроглифы Центральной Азии» А. П. Окладников подвел итог дискуссии. Он привел мнения различных исследователей по этому поводу, а также произвел сравнительный анализ фигур на тюркских каганских стелах и пришел к выводу, что лишь несколько изображений, приведенных в таблице А. Д. Грача, сближаются со стилистическим и хронологическим эталоном — рисунками на стеле Кюль-Тегина. Все остальные козлы, представленные на таблицах А. Д. Грача, по мнению А. П. Окладникова, «бесспорно принадлежат различным хронологическим этапам и представляют собой различные стилистические группы» (Окладников, 1980. С. 79).

П-образные схематические фигуры козлов представляют характерный сюжет древнетюркской эпохи. А. П. Окладников обратил внимание на совпадение между изображениями животных, туловища которых изображены в виде буквы «П», с Лены и аналогичными рисунками из других областей — на Кавказе, в Закавказье, на Дону и в Болгарии, где они не могут быть датированы временем позже IX–X вв. н.э. Подобные наскальные изображения, сопровождающиеся в ряде случаев руническими знаками, являются памятниками, оставленными древнетюркскими племенами, владевшими рунической письменностью. «Переселяясь, эти тюркские племена, — писал А. П. Окладников, — несли с собой на запад свои обычаи, свою культуру, художественные традиции, свое искусство. Наличие двух одинаковых стилей этого искусства на западе и на востоке — раннего, со скифо-сакскими традициями, и позднего, схематического, где фигуры животных приобретают П-образную форму, — может служить свидетельством о двух, по крайней мере, волнах расселения древних тюрков. Одна из них относится к началу тюркской истории, т.е. первым шести векам нашей эры, вторая к IX–X вв.» (Окладников, Запорожская, 1959. С. 132–133).

Изображения двугорбых верблюдов – бактрианов в средневековом искусстве кочевников Евразии зафиксированы на ограниченной территории, что позволяет соотнести круг их распространения с ареалом биологического вида. В природе бактрианы встречаются в зоне пустынь и сухих степей, их современная территория распространения почти совпадает с ареалом диких ископаемых верблюдов. В Монголии наскальное изображение верблюда, наряду с мамонтом и другими представителями фауны каменного века, зафиксировано в пещере Хойт-Цэнхэрийн-Агуй. В древности эти животные обитали на территории Средней и Центральной Азии, теперь, по некоторым данным, ареал дикого верблюда ограничен пустыней Гоби. Верблюд-бактриан был domesticiрован в III тыс. до н.э. на юге Средней Азии и в Восточном Иране. В Китае верблюды были приведены кочевниками с запада в эпоху Хань. Наскальные изображения верблюдов в Саянском каньоне Енисея относительно немногочисленны, наибольшее их число было отмечено на юге и в Центральной Туве. В Саянском каньоне природные условия мало благоприятны для разведения этих животных, что имело решающее значение при оценке их численности. Здесь зафиксированы две фигуры бактрианов на скалах Алды-Мозага, три на горе Устю-Мозага и одно животное с длинной шеей и двумя отростками на спине, отдаленно напоминающее верблюда, на местонахождении петроглифов Бижикиг-Хая (камень 66). Исключения составляют две средневековые композиции: караван груженых вьюками и связанных поводом бактрианов в местности Ортаа-Саргол близ Саянского ущелья и вереница верблюдов на «дороге Чингис-хана», где шествие группы из десяти разновеликих бактрианов возглавляет животное с солярным символом на горбе в виде отростка, на конце которого находится окружность с точкой в центре (Дэвлет, 2012) (Рис. 6).

На вопрос, когда появились верблюды в бассейне Верхнего Енисея, ответить затруднительно. Преобладало мнение, что это произошло сравнительно поздно и только в эпоху средневековья верблюды здесь получили распространение. Результаты исследования кургана Аржан-2 позволяют внести некоторые коррективы в рассмотрение этой проблемы. В процессе раскопок кургана были обнаружены три плиты с петроглифами, среди которых есть фигуры бактрианов (Чугунов, Наглер, Парцингер, 2006. С. 308). Две из них датируются эпохой бронзы (плиты 14-02 и 06-02) и одна скифским временем (плита 17-02). На плите 14-02 изображен, вооруженный луком охотник, целящийся в верблюда. Известно, что в прошлом тувинцы охотились на диких верблюдов, которые водились в юго-западных частях Тувы и Северной Монголии (Прокофьева, 2011. С. 181). Поскольку авторы раскопок относят данную композицию к эпохе бронзы можно высказать предположение, что в первобытные времена в этих местах мог обитать дикий верблюд, на которого местные племена охотились, если только в данном случае древним художником, автором изображения, не подразумевалось, что здесь представлено животное, приносимое в жертву. Возможно, данный сюжет заимствован с юга, как к примеру, образ фантастического хэланьшаньского зверя (Аржан-2, плита 3-01).

У многих народов Средней Азии верблюд был оберегом, кости его применялись в лечебной магии, мясо считалось очищающим. Верили, что бактриан помогает при родах, он был воплощением мужской силы, стимулирующей плодородие. Казахи считали верблюда самой дорогой жертвой. Показательно, что имя древнего арийского пророка Заратуштры означает примерно «Староверблюдный», то есть «владеющий старыми верблюдами» и относится к именам – оберегам (Гаты Заратуштры, 2009. С. 19). Мифы о небесном (часто огнедышащем) верблюде были распространены у различных народов Средней и Центральной Азии, воспринявших древний среднеазиатский цикл о верблюде — воплощении солярного бога-громовержца. У казахов была легенда о происхождении верблюда от солнца, а у таджиков — сказка о бактриане, высматривающем солнце на востоке. В калмыцком эпосе образ небесного верблюда Хавсала сохраняет космогоническую характеристику, по сюжету он является ужасающим чудовищем, с которым сражается богатырь. В монгольских сказках он считается ездовым животным тенгриев-громовержцев.

Сакральная сущность верблюда и его связь с культом правителя зафиксированы в письменных источниках, содержащих информацию о раннем средневековье в Средней Азии, и подтверждаются иконографическим материалом. В первые века новой эры в Средней Азии и Согде верблюд почитался как царский зверь. Его изображения чеканили на кушанских монетах. Вид золотых бактрианов имели троны раннесредневековых властителей из Средней Азии и Восточного Туркестана. На скалах урочища Арпаузен в Казахстане имеется сцена поклонения людей, воздевших к небу руки, двухметровой фигуре верблюда. Исследователи определяют содержание этой сцены как «гимн бактриану».

Среди произведений мелкой скульптуры в Сибири и Северном Китае известны всего лишь четыре фигурки верховых верблюдов, которые, как констатирует Е.Ф. Королькова, демонстрируют разные иконографические и стилистические варианты. «Общим является только сюжет, который можно рассматривать как эквивалентный изображениям всадников на других животных — конях, оленях и лосях, известных (в том числе и на территории Сирии) в разные эпохи и представляющих, возможно, персонажей, совершающих путешествие в “иной” мир» (Королькова, 1999. С. 73). Полагаю, что именно с таких позиций, то есть как путешествие в «иной» мир, следует рассматривать фигуру всадника верхом на верблюде, изображенного в точечной технике в левой части наскального панно под горой Бош-Даг (Рис. 7, 1, 5).

Гора Бош-Даг, что в переводе с тувинского означает «обособленно стоящая гора, с которой осыпается камень», расположена вблизи начала Саянского каньона Енисея, на левом берегу р. Чаа-Холь. Изображения на скальном панно у подножия горы занимают особое место среди скоплений петроглифов на этом памятнике. Скалы, на которые нанесены петроглифы, сложены из крупных блоков, образующих своеобразный каменный цоколь. Его разделяют трещины, направленные вертикально, реже наклонно. Петроглифы, выбитые

в точечной технике, сосредоточены на примыкающих друг к другу вертикальных плоскостях общей длиной 9,5 м и образуют три группы. Понятие «группа» условно, так как на центральном участке имеется только одно изображение — крупный тамгообразный знак (Рис. 7, 4). Своими очертаниями он схож с китайским «праиероглифом», означающим «приносящий жертву». Высказывалось предположение, что в основе этого пиктографического знака лежит фигура человека с молитвенно воздетыми руками. «Вероятно, это наиболее упрощенная форма идеи молящегося человека во время принесения жертвы» (Тиваненко, 2003. С. 62). Не вызывает сомнений, что в данном случае для расшифровки семантики всей композиции петроглифов понятие «жертвоприношение» — ключевое. Слева на изолированном скальном участке представлены два всадника, один на коне, другой верхом на верблюде. Рядом с ним маленькая фигурка третьего человечка — пешего. Справа — сцена охоты двух всадников на оленей и козлов. Три блока скального панно, включая средний со знаком-тамгой, вместе могут составлять фрагмент единого художественного повествования, осколок древнего мифа.

Если допустить, что обе композиции на скальном полотне созданы одновременно, то наиболее приемлемый вариант «прочтения» в семантическом аспекте, с нашей точки зрения, сводится к следующему. Справа — сцена героической охоты на гигантского оленя, фантастического обитателя подземного мира, олицетворяющего черное ночное солнце, — так называемого, «мамонта» с рыбьим хвостом. Другой олень тоже демонстрирует нездешнее существование, неживую жизнь — он сражен впившейся в его спину стрелой. Значение этих персонажей определяется их огромными размерами по сравнению со всеми остальными фигурами, включая всадников (Рис. 7, 2). Нижний подземный мир традиционно маркирует рыба, которая на скальном панно Бош-Даг одновременно означает хвост оленя-мамонта (Рис. 7, 3). Этнографы неоднократно свидетельствовали, что олени являются основными объектами для жертвоприношений. Слева — сцена посмертного путешествия, включающая «царского зверя» — верблюда. Всадник, сидящий на верблюде, судя по всему, держит пешего за руку и тянет за собой. Тот упирается, но все же идет. Возможно, что изображен плененный. Или же это сопроводительная жертва в мире мертвых? Представляется, таким образом, что путники направляются в страну мертвых подобно персонажу средневековой эпифании: «Я ушел в Золотую степь...».

Скалы Бош-Даг отвечают основным характеристикам сакрализованного пространства. Это наличие таких природных объектов как гора, река, «место за водой», доступность для человека при совершении обрядов. В долине р. Чаа-Холь пересекались кочевые и караванные пути, происходили военные столкновения. Показательно, что само слово «Чаа-Холь» означает «место битвы» (Королькова, 1999. С. 38). Должно быть, в эпоху раннего средневековья на краю могильного поля Аймырлыг в долине р. Чаа-Холь у подножия горы Бош-Даг, откуда открывается впечатляющий вид на Золотую степь, люди осущест-

вляли иллюзорное общение с высшими силами, совершали молебны. Залогом благополучной реинкарнации было жертвоприношение, символ-знак которого начертан в центре скального панно. Возможно, реальное жертвоприношение совершалось здесь же на фоне петроглифов, иллюстрирующих представления о «переходе» в иной мир, а также «связь через мертвых как “посланников” живых с потусторонним миром» (Окладников, 1964). Все это происходило вблизи кочевых троп, ведущих мимо скал Ортаа-Саргола, вдоль «дороги Чингисхана» и далее зимним путем на север в бассейн Среднего Енисея, где на правом берегу могучей реки, на горе Большой Улаз, находится писаница Улазы. Это один из самых северных памятников наскального искусства Минусинской котловины. Пласт петроглифов однородный по стилю и набору основных персонажей, в том числе бактрианов, предварительно датирован в пределах первой половины I тыс. н.э. (Мухарева, Советова, 2012. С. 67). Здесь известны наиболее близкие аналоги изображениям, запечатленным на панно Бош-Даг. Невольно напрашивается вопрос, не соплеменники ли или современники тех кочевников, что проезжали или могли проезжать долиной р. Чаа-Холь и чьи образы запечатлены на скалах Бош-Даг, выбили петроглифы и на горе Большой Улаз в Минусинской котловине?

В наскальном искусстве Северной и Центральной Азии представлены изображения жилищ в двух вариантах: во-первых, в плановой проекции, во-вторых, сбоку. Среди древнейших петроглифов Саянского каньона встречаются постройки круглые, квадратные и прямоугольные в основании, представленные в плане, как бы сверху с основаниями столбов, поддерживающих кровлю, с жилыми отсеками, лежанками, входом и порогом. Линии внутри контуров квадратных фигур могут рассматриваться как детали внутренних конструкций жилищ. Изображения жилищ в плановой проекции в бронзовом веке и в начале железного были немногочисленны, однако имели широкий ареал. Наибольшее их число было зафиксировано на святилище Мугур-Саргол. Аналогичные петроглифы известны на Алтае в Елангаше, в Средней Азии на святилище Саймалы-Таш, в Монголии в местности Сальхинд, во Внутренней Монголии в горах Инышань. Изображение жилища, представленного в плане, у подножия горы Алага в Саянском каньоне Енисея, можно сопоставить с так называемой черной палаткой тибетцев-скотоводов. До наших дней, наряду с тибетцами, палаткой и шатром продолжают пользоваться скотоводы Ирана, Афганистана, Передней Азии (Васильева, 2000. С. 24).

В скифское время и последующие эпохи жилища кочевников древние художники обычно изображали на скалах, подобно куйлуг-хемскому, сбоку. На камне XXII Куйлуг-Хема вырезано переносное жилище, имеющее вид полуовала, покрытого косой штриховкой (Дэвлет, 2006. Табл. 18).

Как известно, жилища тесно связаны с образом жизни их обитателей. Большинство исследователей склоняются к мысли, что решетчатая юрта — переносное разборное жилище кочевников и полукочевников — возникла в середине I тыс. в древнетюркской среде. Появлению юрты в том виде, в ка-

ком мы привыкли видеть ее теперь, предшествовали другие типы жилищ, приспособленных к подвижному образу жизни, способствующему пастушескому, а затем кочевому скотоводству. В качестве прототипа тюркской юрты Б. Х. Кармышева в середине 1950-х гг. рассматривала «карлукскую юрту». Основ этого жилища, характерного для карлуков, состоит из жердей, согнутых в дугу (Кармышева, 1956). В дальнейшем Б. Х. Кармышева уже не считала «карлукский шатер» исходной формой «тюркской юрты». Она пришла к заключению, что полусферический шалаш, подобный карлукским, крытый войлоком, — одна из ранних форм переносного жилища тюркских кочевников (Кармышева, 2000. С. 75, рис. 7, 2). Может быть, не юрта, а полусферический шалаш изображен на скалах Куйлуг-Хема?

Следует остановиться на так называемых линейных начертаниях, имеющих в большинстве своем геометрический характер. На скалах Куйлуг-Хема это различные прямые, ломаные, волнистые линии, образующие иногда сложные фигуры в виде лесенок, клеток, елочек, метелок, рядов косых черточек, которые в ряде случаев плохо прослеживаются из-за дефектов скального фона. В целом эта группа петроглифов в значительной части связана с изображениями в технике граффити. Некоторые из них отдаленно напоминают изображения так называемых тесинских «лабиринтов», выделенных Д. Г. Савиновым по материалам могильника Есино III на юге Хакасии (Савинов, 1995. С. 22–31; Savinov, 1999. Pl. XXIII–XXV).

В Саянском каньоне было обнаружено около двух десятков памятников рунической письменности. Это стелы и наскальные надписи, некоторые из них сопровождаются петроглифами и тамгами. Правда, в одном случае, надпись, по всей вероятности, не была связана с рисунками, созданными раньше чем она, в другой технике. Эта резная надпись была открыта в 1976 г. художником Отряда по изучению петроглифов В. К. Зенковым на камне с изображениями верблюдов и козлов на «дороге Чингис-хана». В период Уйгурского каганата на границе с враждебным государством кыргызов были возведены укрепления — «дорога Чингис-хана» (Длужневская, 2007. С. 113). В Саянском каньоне на левобережье Енисея ниже урочища Мугур-Саргол высадке противника на берег препятствовала каменная стена, сложенная из обломков скал и песчаниковых плит, уложенных сухой кладкой. Одновременно на некоторых участках она служила кочевой тропой (Дэвлет, 1982; Овчинникова, Трепавлов, 1989). В средние века вдоль «дороги Чингисхана» стояли сторожевые посты. Возможно, надписи и рисунки выполнялись одними и теми же лицами, охранявшими дорогу и оборонительные укрепления.

Ожесточенная борьба енисейских кыргызов (древних хакасов) завершилась в 840 г. победой над уйгурами. После победы енисейские кыргызы вступили на территорию Тувы и в дальнейшем расселились на огромных просторах Центральной Азии от Красноярской тайги на севере до пустыни Гоби на юге, от оз. Байкал на востоке до Иртыша на западе (Прокофьева, 2011. С. 40).

Вместе с притоком нового населения на Верхнем Енисее появились средневековые тамгообразные знаки. Вопросы их хронологического определения разрабатывал Л. Р. Кызласов в связи с проблемой датировки памятников енисейской письменности. Произведенный типологический анализ позволил ему датировать часть тамговых знаков второй половиной IX и X вв. — эпохой последующей разгрому центральноазиатского каганата древних уйгуров войсками енисейских кыргызов и считать их памятниками древнехакасской знати (Кызласов Л. Р., 1960. С. 103). Исследователь пришел к заключению, что в XI–XII вв. на стелах с надписями тамги уже не изображаются. По его предположению, в это время собственные имена стали писаться буквами (Там же. С. 117). Стелы, на которых высечены тамгообразные знаки и эпитафии, стояли у могил тех людей, чьей памяти были посвящены сами надписи (Кызласов Л. Р., 1965. С. 42). Личные знаки скрепляли надписи, высеченные на стелах-эпитафиях. Хотя имя человека, которому поставлен памятник, не названо, но на нем стоит тамга, являющаяся своеобразной «подписью». «Эта “подпись” для современников была, как правило, более важна, чем даже написанное буквами имя, ибо она отлично заменяла собой не только имя (достаточно известное тогда в степях), но и указывала на фамильную и, следовательно, родовую (этническую) принадлежность того человека, которому этот памятник был поставлен. Другой человек точно такой тамги в то время иметь не мог; отсюда обязательное изменение фамильной тамги у наследников» (Кызласов Л. Р., 1960. С. 109). Несанкционированное использование чужой тамги соседями могло привести к войне или кровной мести (Яценко, Марсадилов, 2005. С. 214).

Согласно расположению на местности памятников енисейской письменности и эволюции выбитых на них разнотипных личных тамг, Л. Р. Кызласов предпринял попытку установления генеалогии кыргызских военачальников — бегов, а также границ их феодальных владений (уделов) — багов (Кызласов Л. Р., 1960). В дальнейшем исследователь уточнил таблицы типологической взаимозависимости и генеалогической последовательности тамг. Каждая новая тамга — геральдический знак — заняла свое место в общей генеалогии тамгообразных знаков (Кызласов Л. Р., 1965. С. 39). Л. Р. Кызласов показал, что тамгообразные знаки, происходящие из Тувы, типологически распадаются на шесть групп, которые соответствуют шести багам, упоминаемым только в рунических надписях. «Наличие одинаковых тамг на различных скалах, — писал он, — говорит о том, что люди оставляли свои “отметки” в местах, где они побывали, а серии взаимосвязанных тамг, отличающихся незначительными деталями, доказывают личный характер каждой тамги, связанной вместе с тем, со своей семейной группой» (Кызласов Л. Р., 1965. С. 44). Основные типы тамг на памятниках енисейской письменности Тувы Л. Р. Кызласов приводит в специальной таблице (Кызласов Л. Р., 1960а, рис. 4).

Четвертый баг имел центром долину р. Чаа-Холь, занимая территорию от верховьев р. Чадана до р. Торгалыка и Енисея. Третий баг, располагавшийся от р. Чадана до р. Чаа-Холь сравнительно скоро был поглощен четвертым

(Кызласов Л. Р., 1960а. С. 67; 1969. С. 124). Г. В. Длужневская опубликовала тамги со ссылкой на «Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея», составленный и изданный Д. Д. Васильевым в 1983 г. Девять тамг, приведенных в работе Г. В. Длужневской, относятся к четвертому типу и только одна к третьему. В Саянском каньоне Енисея три тамги четвертого типа зафиксированы нами на скалах Бижикиг-Хая — камни 5, 44, 75, в двух случаях в окружении петроглифов, выбитых в точечной технике (Дэвлет, 1993) (Рис. 8).

Среди резных фигур на скалах Саянского каньона, которые в большинстве датируются эпохой раннего средневековья, привлекает внимание тамгообразный «ламповый» знак, подобный тем, что ко времени его открытия в значительном числе были зафиксированы в северной Хакасии. Еще в 1887 г. во время первой сибирской экспедиции в бассейне Среднего Енисея И. Р. Аспелин обратил внимание на изображения предметов похожих на лампу, вырезанных на скальных плоскостях и на курганных камнях. «Ламповые» знаки состоят из трех частей: наверху точка, ниже вогнутая дуга, под ней три радиально расходящиеся луча, каждый из которых завершается маленькой окружностью или точкой. К основной «схеме» серийных знаков, как правило, добавлялись или изымались детали, придающие тамге индивидуальный облик. «Ламповые» знаки из северной Хакасии различаются деталями: в некоторых случаях отсутствуют точки над вогнутой дугой или же, напротив, показаны две точки, а не одна. В других случаях в сторону отходит дополнительная черточка, иногда их две, по обе стороны дуги. Не все лучи «трилистника» завершаются окружностью или точкой. У одной из фигур два нижних луча соединены концами, образуя окружность. Иногда составляющие части «ламповых» фигур встречаются на скальных плоскостях раздельно, независимо друг от друга, и, возможно, не имеют между собой внутренней связи.

На Среднем Енисее «ламповые» фигуры имеют узколокальное распространение от Черного Июса до бассейна рек Ербы и Теси (Кызласов Л. Р., 1960. С. 109–111). Они концентрируются главным образом в бассейне верхнего Чулыма, также были обнаружены у Абакано-Перевоза и на Усть-Тубе (Семенов и др., 2003. С. 117). Вл. А. Семенов отмечал, что специфические для знаков Шарыповского района Красноярского края и севера Хакасии «ламповые» фигуры не известны за пределами указанного региона между оз. Большое и Ши́ра (Семенов, 2005. С. 288).

В середине 1980-х гг. классический «ламповый» знак был обнаружен в Саянском каньоне Енисея на вершине горы Устю-Мозага в западной ее части на камне № 4 (Рис. 8). Рядом на той же плоскости в точечной технике была выбита профильная фигура козла, обращенного головой вправо. Ниже тонкой резной линией изображен хищный зверь с мощной шеей, когтистыми лапами, закинутым за спину пушистым хвостом, возможно, это волк, ирбис — снежный барс или же какой-то иной, скорее всего, мифический персонаж. Сходство этого хищника с сулекскими, отмеченное И. Л. Кызласовым, неоспоримо. Между головой зверя и кончиком его хвоста размещается профильная резная

фигурка птицы с раздвоенным хохолком на голове, короткой шеей, туловищем овальной формы и длинными приподнятыми перьями хвоста. Крылья не прорисованы, должно быть подразумевается, что они сложены и прижаты к телу птицы. Обе резные фигурки, сопровождающие «ламповый» знак, крайне условны и схематичны (Рис. 9). Создается впечатление, что упомянутые гравированные изображения животных на камне № 4 были выполнены одновременно, одним и тем же мастером, скорее всего, тем самым, кто вырезал рядом с ними «ламповый» знак.

Из известных мне в Туве тамгообразных знаков к «ламповым» с определенной долей натяжки можно отнести экземпляр из Овюра (Грач, 1958. Табл. LVIII) и более надежно — недавно открытый знак из Чайлаг-Хема (Елизаров, Кузнецов, 2006. С. 38). Таким образом, в Туве мне известны две относительно сомнительные «ламповые» фигуры и одна безусловная. Это именно та, что запечатлена на вершине горы Устю-Мозага. Как показал Л. Р. Кызласов, простое сравнение некоторых знаков, зафиксированных в Туве, со знаками из северной Хакасии позволяет установить их северохакасское происхождение (Кызласов Л. Р., 1960. С. 114). Какая-то часть енисейских кыргызов осела в бассейне Верхнего Енисея, часть в дальнейшем вернулась на родину (Длужневская, Овчинникова, 1980. С. 93). «Уменьшение числа памятников в одном районе и появление абсолютно идентичных в другом, — пишет Г. В. Длужневская, — неизбежно указывают на перемещение носителей культуры и его направление. Об этом уже говорилось в связи с событиями середины IX в., аналогичная ситуация в последующие века подтверждает постепенное возвращение населения в Минусинскую котловину» (Длужневская, 1983. С. 45).

В прошлом у хакасов существовал культ писаных скал и утесов, около них совершались моления, сопровождавшиеся жертвоприношениями в честь духа-хозяина горы. «Съезжавшиеся на такие торжественные праздники хакасы оставляли на священных скалах свои отметки о пребывании там — они рисовали личные тамги, достаточно известные в те времена» (Кызласов Л. Р., Леонтьев, 1980. С. 65). «Есть основания полагать, — пишут Л. Р. Кызласов и Н. В. Леонтьев, — что нанесение собственной тамги на скалу во время культового праздника, сопровождаемого жертвоприношениями и камланием шамана, давало надежду на покровительство духа-хозяина горы — тайги, от которого во многом “зависело” благополучие в жизни человека» (Там же. С. 66–67). Сохранились древние легенды о нанесении тамговидных знаков на писаные скалы в бассейне Среднего Енисея, в том числе на Малоарбатскую скалу, которая расположена в самом начале древней конной тропы, ведущей через Саяны из Хакасии в Туву. По одной легенде эти изображения представляют родоплеменные тамги хакасов, угнанных врагами за Саянские горы, согласно другому преданию «всякий проезжающий хакасский всадник, желающий оставить навечно свою тамгу на этой скале, должен был подъехать к ней на коне боком, и тогда тамга его с крупа коня чудесным образом сама переходила на скалу». Эту писаницу хакасы именовали «Скала рыжего коня», «очевидно, по-

тому, что тамги на нее нанесены красно-бурой краской, т.е. “сошли” с рыжих коней» (Кызласов Л. Р., Леонтьев, 1980. С. 47). Клеймение скота было распространено очень широко у многих народов и практиковалось вплоть до современности. Так, в Кабарде и Осетии нанесение тамг на тела домашних животных считалось весьма важным ритуалом, после которого, по представлениям коренного населения, стада переходят под покровительство божества (Яценко, 2001. С. 17).

Следует заметить, что на Среднем Енисее ареал «ламповых» фигур совпадает с территорией распространения орнитоморфных тамг, хотя на одних и тех же скальных плоскостях они встречаются крайне редко. По свидетельству Санкт-Петербургских исследователей, орнитоморфные тамги не выходят за пределы северных регионов Минусинской котловины (Семенов Вл. А. и др., 2003. С. 68). Древний резчик по камню около «лампового» знака на горе Устю-Мозага, камень 4, тоже представил схематическую фигурку птицы, уникальную для здешних мест, иконография которой весьма далека от большинства изображений пернатых, известных в бассейне Среднего и Верхнего Енисея (Советова, 2003. Табл. 1–3). В тех редких случаях, когда на скалах в Саянском каньоне встречаются фигуры пернатых, они, как правило, бывают представлены с распростертыми крыльями, в полете, как бы парящими. Поскольку рассматриваемое нами орнитоморфное изображение с какой-либо конкретной реально существующей птицей отождествить не удастся, то вполне закономерно предположить, что уникальная фигурка, вблизи «лампового» знака, могла означать чудесную птицу феникса. Этот мифический персонаж был с глубокой древности чрезвычайно популярен на Востоке, в первую очередь в китайском искусстве, где воспринимался как вестник счастья (Баркова, 2009. С. 15).

Эволюцию образа феникса в культуре Китая по данным археологии в ряде статей прослеживает А. Н. Чистякова. Исследовательница свидетельствует, что «феникс» считается вторым по значимости (после дракона) образом и одним из наиболее распространенных изобразительных мотивов, сохранявшихся в традиционной культуре Китая в течение тысячелетий, начиная с эпохи неолита вплоть до современности. По ее мнению, для атрибуции орнитоморфных фигур как изображений «феникса» основное значение имеет не только иконография, но и сопутствующий символ, контекст изображения (Чистякова, 2007. С. 24). Основные иконографические и стилистические признаки образа окончательно не выработаны. Изображения феникса, близкие «классическим» (китайским), в основном IX–X вв., часто упрощенные или схематизированные, известны на Алтае, в Кузнецкой котловине, в Семиречье (Король, Конькова, 2012. С. 150). Фигуркой феникса завершаются головные булавки, украшавшие высокие парадные прически средневековых хакасов (Кызласов И. Л., 1977. Рис. 8–10; 2001. Рис. 7, 8). Основные потоки культурного влияния на раннесредневековый Саяно-Алтай и прилегающие территории проявляются в вариантах декоративного мотива «птицы-феникса», что подчеркивает синкретизм искусства кочевников (Король, 2012. С. 67). В декора-

тивно-прикладном искусстве Саяно-Алтая в эпоху раннего средневековья один из двух иконографических вариантов трактовки образа феникса представлял его в виде петушка «со сложенными крыльями и поднятым пышным хвостом птиц семейства фазановых» (Король, Конькова, 2012. С. 150). С конца эпохи Хань изображения фениксов становятся похожими на павлина (Чистякова, 2007. С. 23). Отличительные особенности феникса бывают связаны с наличием гребешка или хохолка, пышного хвоста, похожего на павлиний или состоящего из нескольких длинных хвостовых перьев (Рис. 10, 4–11).

Показательно, что публикуемая нами «ламповая» фигура находит наиболее близкие аналогии среди тамг, встречающихся на севере Хакасии, в частности на Сулекской писанице. Должно быть, предводитель енисейских кыргызов, выходец из знатного рода, исполнитель или заказчик тамги, запечатленной на вершине горы Устю-Мозага, был прямым потомком тех воинов, что оставили личные знаки на памятниках северной Хакасии.

Данных для каких-либо достоверных реконструкций, связанных с реальными историческими событиями, которые происходили в середине IX в. в Саянском каньоне Енисея, у нас явно недостаточно, однако можно предложить версию, воссоздающую, насколько это возможно, ситуацию, которая, на наш взгляд, могла иметь место в этих уединенных местах. Воображение рисует картину: в те далекие времена здесь, в теснинах Енисея, военачальник, выходец из северной Хакасии, представитель аристократического семейства с боями преодолевший по льду реки самый короткий зимний путь из Хакасии в Туву, поднялся на доминирующую на местности гору Устю-Мозага, у подножия которой бурлил огромный водоворот — Чингенская, или Большая воронка. В качестве символа победы над уйгурами и наступления долгожданного мира наш герой на вершине грозного утеса вырезал свою родовую тамгу. Полагаю, не случайно этот воин поместил рядом с «ламповым» знаком фигуру именно феникса — волшебной птицы, сопутствующей миру и процветанию (Рифтин, 1988. С. 574). Во многих мифологических системах птица считалась символом божественного предзнаменования (Полосьмак, 2011. С. 206). «Изображение птицы, — писал А. П. Окладников, — было не чем иным, как молитвой небу, а одновременно магической формулой, заклятием» (Окладников, Запорожская, 1970. С. 123). В древнехакасском орнаменте изображение феникса стало символом счастливого предзнаменования и благополучия (Кызласов Л. Р., Король, 1990. С. 167).

На вершине горы Устю-Мозага воин-победитель, закрепив на скале геральдическим знаком границу новых владений и отдавая дань традиции, надо полагать, совершил горное моление, надеясь тем самым заручиться поддержкой высших сил. Однако эти таинственные могущественные силы вряд ли и в дальнейшем оставались благосклонны к нему. У нас нет уверенности в том, что у этого древнехакасского воина были потомки по прямой линии. Л. Р. Кызласов опубликовал свыше 70 экземпляров средневековых тамг из Тувы, среди которых классические «ламповые» отсутствуют. Теперь в Туве, как отмечалось

выше, стали известны лишь единичные видоизмененные варианты тамг, очевидно, принадлежавшие дальним родственникам или потомкам обладателя начального «классического лампового» знака. В то же время весьма многочисленны типологически близкие тамги его сородичей, представителей одного из княжеских (кыргызских) родов северной Хакасии, оставшихся на родовых северных территориях или возвратившихся туда после завоевания территории древней Тувы. Это может означать, что на обладателе «лампового» геральдического знака знатный род прервался, если только автор тамги не вернулся на свои родовые земли на северной стороне Западного Саяна, где и продолжил свой земной путь. В то же время показательно, что на карте административного деления Тувы в XIX — нач. XX в. и расселения родоплеменных групп, в Саянском каньоне по правому берегу Енисея там, где возвышается гора Устю-Мозага, значатся владения рода Кыргыз (Урянхай. Тыва Дептер, 2007. С. 322–323).

Бывшая родоплеменная группа тувинцев с самоназванием кыргыс одна из многочисленных. В период маньчжурского господства в Туве кыргызы жили в долинах рек Эйлиг-Хем, Сенек, Хендерге, в местечках Улуг-Хая, Ийи-Тал современного Улуг-Хемского кожууна (Маннай-оол, 2004. С. 115), что в общих чертах совпадает с ареалом тамг четвертого типа. Общее число группы кыргыс, по данным Н. А. Сердобова, составляла 1462 семьи, проживающих в Туве в нескольких компактных местах расселения. В Улуг-Хемском районе проживала половина этих семей (Сердобов, 1971. С. 107). Судя по территориальному распределению и статистике тамг четвертого типа, кыргысы — потомки енисейских кыргызов, по сей день продолжают почти двенадцать веков проживать на местах обитания древних сородичей. Участие в этногенезе тувинцев кыргызского компонента получило отражение в родоплеменном составе тувинского народа и хорошо фиксируется вплоть до нашего времени (Длужневская, 1998. С. 277).

Литература

- Баркова Л. Л., Горбунов В. В., Тишкин А. А. Средневековые панцирные пластины с территории Алтая из коллекции П. К. Фролова // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул, 2012.
- Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Военное дело сяньбийских государств северного Китая IV–VI вв. н.э. // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005.
- Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изображения панцирных воинов на фресках Кызыла из Восточного Туркестана // Военное дело кочевников Центральной Азии в сяньбийскую эпоху. Новосибирск, 2005.
- Вайнштейн С. И. Историческая этнография тувинцев. М., 1972.
- Вайнштейн С. И. Мир кочевников Центра Азии. М., 1991.
- Васильева Г. П. Юрта – переносное жилище народов Средней Азии и Казахстана // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000.
- Гаты Заратуштры / Перевод с авестийского, вступительная статья и приложения И. М. Стеблин-Каменского. СПб., 2009.

- Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. I: Оборонительное вооружение (доспех). Барнаул, 2003.
- Горбунов В. В. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Ч. II: Наступательное вооружение (оружие). Барнаул, 2006.
- Горбунов В. В., Тишкин А. А. Вооружение населения Лесостепного Алтая в монгольское время (XIII–XIV вв.) // Военная археология. Материалы Международ. конф. СПб., 1998.
- Грач А. Д. Петроглифы Тувы. I // Сб. МАЭ. Вып. XVII. М.; Л., 1957.
- Грач А. Д. Петроглифы Тувы. II // Сб. МАЭ. Т. XVIII. М.; Л., 1958.
- Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Грязнов М. П. Миниатюры таштыкской культуры // АСГЭ. 1971. Вып. 13. Л.
- Даржа В. Лошадь в традиционной практике тувинцев. Кызыл, 2003.
- Длужневская Г. В. Средневековые погребения с трупоположением в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983.
- Длужневская Г. В. Типология и датировка металлических изделий енисейских кыргызов // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998.
- Длужневская Г. В., Овчинникова Б. Б. Кочевое население Тувы в раннем средневековье // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980.
- Длужневская Г. В., Савинов Д. Г. Памятники древности на дне Тувинского моря. СПб., 2007.
- Дэвлет М. А. Наскальные изображения Куйлуг-Хема // Этногенез народов Северной Азии. Материалы конф. Вып. 1. Новосибирск, 1969.
- Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976.
- Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М., 1980.
- Дэвлет М. А. Петроглифы на кочевой тропе. М., 1982.
- Дэвлет М. А. Листы каменной книги Улуг-Хема. Кызыл, 1990.
- Дэвлет М. А. Изображения на скалах Бижикиг-Хая в Саянском каньоне Енисея // Памятники наскального искусства. М., 1993.
- Дэвлет М. А. Три наскальные композиции из Тувы // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995.
- Дэвлет М. А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М., 1998.
- Дэвлет М. А. Два наскальных изображения средневековых воинов из Тувы // Вопросы военного дела и демографии Сибири в эпоху средневековья. Новосибирск, 2001.
- Дэвлет М. А. Петроглифы Куйлуг-Хема // Мировоззрение древнего населения Евразии. М., 2001а.
- Дэвлет М. А. Каменный «компас» в Саянском каньоне Енисея. М., 2004.
- Дэвлет М. А. Древние жилища народов Северной и Центральной Азии (по материалам петроглифов) // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М., 2006.
- Дэвлет М. А. Мозага-Комужап — памятник наскального искусства в зоне затопления Саянской ГЭС. М., 2009.

- Дэвлет М. А.* Об изображениях верблюдов в наскальном искусстве Тувы // Кочевые цивилизации народов Центральной Азии: история, состояние, проблемы. Красноярск; Кызыл, 2012.
- Дэвлет М. А., Теренин В. С.* О связях в искусстве древних тюрок Центральной Азии // КСИА. 1973. Вып. 136.
- Елизаров В. Н., Кузнецов В. П.* Путешествие в искусство древних. Кызыл, 2006.
- Иванов С. В.*, 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. // Сб. МАЭ. 1954. Т. 22. М.; Л.
- Калинина Н. В.*, 2005. Стрела в обрядах тюркских и монгольских народов // Древние кочевники Центральной Азии (история, культура, наследие). Улан-Удэ.
- Кармышева Б. Х.* Жилище узбеков племени карлук южных районов Таджикистана и Узбекистана // Изв. Отд. общественных наук. 1956. № 10–11. Сталинабад.
- Кармышева Б. Х.* Основные виды переносного жилища узбеков // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М., 2000.
- Клюева Н. И., Михайлова Е. А.* Накосные украшения сибирских народов // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сб. МАЭ. Т. 42. Л., 1988.
- Король Г. Г.* Средневековое искусство Саяно-Алтая (торевтика малых форм: возможности исторической интерпретации) // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. М., 2012.
- Король Г. Г., Конькова Л. В.* Коллекция первой трети XIX в. из Эрмитажа: средневековая торевтика малых форм с Алтая // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово, 2012.
- Королькова Е. Ф.*, 1999. Образы верблюдов и пути их развития в искусстве ранних кочевников Евразии // АСГЭ. 1999. Вып. 34. СПб.
- Кубарев В. Д., Цвээндорж Д., Якобсон Э.* Петроглифы Шивээт-Хайрхана // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2000. Т. VI. Новосибирск.
- Кызласов И. Л.* Булавки древних хакасов // Археология Южной Сибири. Изв. кафедры археологии. Вып. 9. Кемерово, 1977.
- Кызласов И. Л.* О свадебном наряде средневековых хакасов // Культуры Евразийских степей второй половины I тыс. н. э. (из истории костюма). Материалы III Междунар. археол. конф. Самарский областной историко-краеведческий музей. Т. 1. Самара, 2001.
- Кызласов Л. Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // СА. 1960. № 3.
- Кызласов Л. Р.* О южных границах государства древних хакасов в IX – XII вв. // УЗ Хак.НИИЯЛИ. 1960а. Вып. VIII.
- Кызласов Л. Р.* О датировке памятников енисейской письменности // СА. 1965. № 3.
- Кызласов Л. Р.* История Южной Сибири в средние века. М., 1969.
- Кызласов Л. Р., Король Г. Г.* Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.
- Кызласов Л. Р., Леонтьев Н. В.* Народные рисунки хакасов. М., 1980.
- Мандельштам А. М., Стамбульник Э. У.* Гунно-сарматский период на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. «Археология СССР». М., 1992.

- Маннай-оол М. Х. Древнее изображение горного козла в Туве // СА. 1967. № 1.
- Маннай-оол М. Х. Тувинцы: Происхождение и формирование этноса. Новосибирск, 2004.
- Марковин В. И. Дагестан и юго-восточная Чечня в скифо-сарматское время // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. (Археология СССР). М., 1989.
- Мартынов А. И., Марьяшев А. Н., Абетеков А. К. Наскальные изображения Саймалы-Таша. Алма-Ата, 1992.
- Мельникова Л. В., Николаев В. С., Демьянович Н. И. Шишкинская писаница. Т. 1. Иркутск, 2011.
- Мельникова Л. В., Николаев В. С., Демьянович Н. И. Шишкинская писаница. Т. 2. Иркутск, 2012.
- Миклашевский Е. А. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Тр. САИПИ. Вып. IX. М.; Кемерово, 2012.
- Мухарева А. Н., Советова О. С. О некоторых сюжетах петроглифов горы Большой Улаз на Среднем Енисее // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Тр. САИПИ. Вып. IX. М.; Кемерово, 2012.
- Николаев В. С., Мельникова Л. В. Петроглифы Кудинской долины. Иркутск, 2008.
- Новгородова Э. А. Мир петроглифов Монголии. М., 1984.
- Овчинникова Б. Б. Тюркские древности Саяно-Алтая в VI–X вв. Свердловск, 1990.
- Овчинникова Б. Б. Древнетюркские лучники Саяно-Алтая // Военная археология. Материалы Междунар. конф. СПб., 1998.
- Овчинникова Б. Б., Трепавлов В. В. Исследования на «дороге Чингис-хана» // Культура тувинцев: традиции и современность. Кызыл, 1989.
- Окладников А. П. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959.
- Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971.
- Окладников А. П. Петроглифы Центральной Азии. Л., 1980.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Ленские писаницы. М.; Л., 1959.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 1. Л., 1969.
- Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Ч. 2. Л., 1970.
- Окладников А. П., Окладникова Е. А., Запорожская В. Д., Скорынина Э. А. Петроглифы Горного Алтая. Новосибирск, 1980.
- Окладникова Е. А. Петроглифы Средней Катуни. Новосибирск, 1984.
- Октябрьская И. В., Черемисин Д. В. Охота среди скал (древние и современные петроглифы Джурамала) // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Археология и этнография. 1997. № 3. Новосибирск.
- Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. Кызыл, 2007.
- Полосьмак Н. В., 2011. Птицы в татуировке пазырыкцев // «Terra Scythica»: Материалы Междунар. симпозиума. Новосибирск.
- Прокофьева Е. Д., 2011. Процесс национальной консолидации тувинцев. СПб. (Серия «Кунсткамера-Архив». Т. IV).
- Рифтин Б. Л., 1988. Фэнхуан // Мифы народов мира. Энциклопедия. М. Т. 2.

- Савин А. М., Семенов А. И.* О центральноазиатских истоках лука хазарского типа // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. СПб., 1998.
- Савинов Д. Г.* Изображения эпохи бронзы на плитах из курганов юга Минусинской котловины // Современные проблемы изучения петроглифов. Кемерово, 1993.
- Савинов Д. Г.* Тесинские лабиринты // Древнее искусство Азии. Петроглифы. Кемерово, 1995.
- Савинов Д. Г.* Ранние кочевники Верхнего Енисея. СПб., 2002.
- Санжмятав Т.* Монголын хадны зураг. Улаанбаатар, 1999 (на монг. яз.).
- Семенов Вл. А.* Знаки и символы на курганных плитах и в наскальных изображениях Центральной Азии // Мир наскального искусства. Сб. докл. Междунар. конф. М., 2005.
- Семенов Вл. А., Килуновская М. Е., Красниченко С. В., Субботин А. В.* Петроглифы Каратага и горы Кедровой. СПб., 2000.
- Семенов Вл. А., Килуновская М. Е., Красниченко С. В., Субботин А. В.* Изображения на плитах тагарских курганов. СПб., 2003.
- Сердобов Н. А.* История формирования тувинской нации. Кызыл, 1971.
- Советова О. С.* Изображения птиц на писаницах Енисея // Археолого-этнографический сборник. Кемерово, 2003.
- Советова О. С., Миклашевич Е. А.* Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999.
- Тиваненко А. В.* Наскальная пиктографическая письменность Центральной Азии и Сибири (основные принципы дешифровки). Улан-Удэ, 2003.
- Тишкин А. А., Горбунов В. В., Горбунова Т. Г.* Алтай в эпоху средневековья: иллюстрированный исторический атлас. Барнаул, 2011.
- Тишкин А. А., Горбунов В. В., Мухарева А. Н.* Катафрактарии Хар-Хада (Монгольский Алтай) // История и культура средневековых народов степной Евразии. Материалы II Междунар. конгресса средневековой археологии Евразийских степей. Барнаул, 2012.
- Урянхай. Тыва дептер.* Антология / Составитель С.К. Шойгу. Т. 3. М., 2007.
- Федоров-Давыдов Г. А.,* 1976. Искусство кочевников и Золотой Орды. М.
- Худяков Ю. С.,* 1990. Образ воина в таштыкском изобразительном искусстве // Семантика древних образов. Первобытное искусство. Новосибирск.
- Худяков Ю. С.* Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск, 1991.
- Худяков Ю. С.* Защитное вооружение кочевников Центральной Азии. Новосибирск, 2003.
- Худяков Ю. С.* Развитие военного дела кочевников Центральной Азии на рубеже эпох раннего и развитого средневековья // История и культура средневековых народов степной Евразии. Барнаул, 2012.
- Цалкин В. О.* Сибирский горный козел // Материалы к познанию фауны и флоры СССР, новая серия, отдел зоологический. 1950. Вып. 21(36). М.
- Цэвээндорж Д.* История древнего искусства Монголии. Уланбаатар, 1999 (на монгольск. яз.).

- Чистякова А. Н. Происхождение и эволюция образа феникса в культуре Китая по данным археологии / Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2007.
- Чугунов К. В., Наглер А., Парцингер Г. Аржан 2: материалы эпохи бронзы // Окуневский сборник-2. СПб., 2006.
- Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.
- Шер Я. А., Миклашевич Е. А., Самашев З. С., Советова О. С. Петроглифы Жалтырак-Таша // Проблемы археологических культур степей Евразии. Кемерово, 1987.
- Эрэгдэндагва Д. Горные козлы и распространение наскальных изображений с горными козлами (на монг. яз. с резюме на русск. яз.) // *Studia arhaeologica*. 1977. Т. VII. Fasc. I. Улаанбаатар.
- Яценко С. А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.
- Яценко С. А., Марсадолов Л. С. Знаки-тамги на камнях ограды Большого Салбыкского кургана // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. Красноярск, 2005.
- Appelgren-Kivalo H.. Alt-altaische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von I.R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887-1889. Helsingfors, 1931.

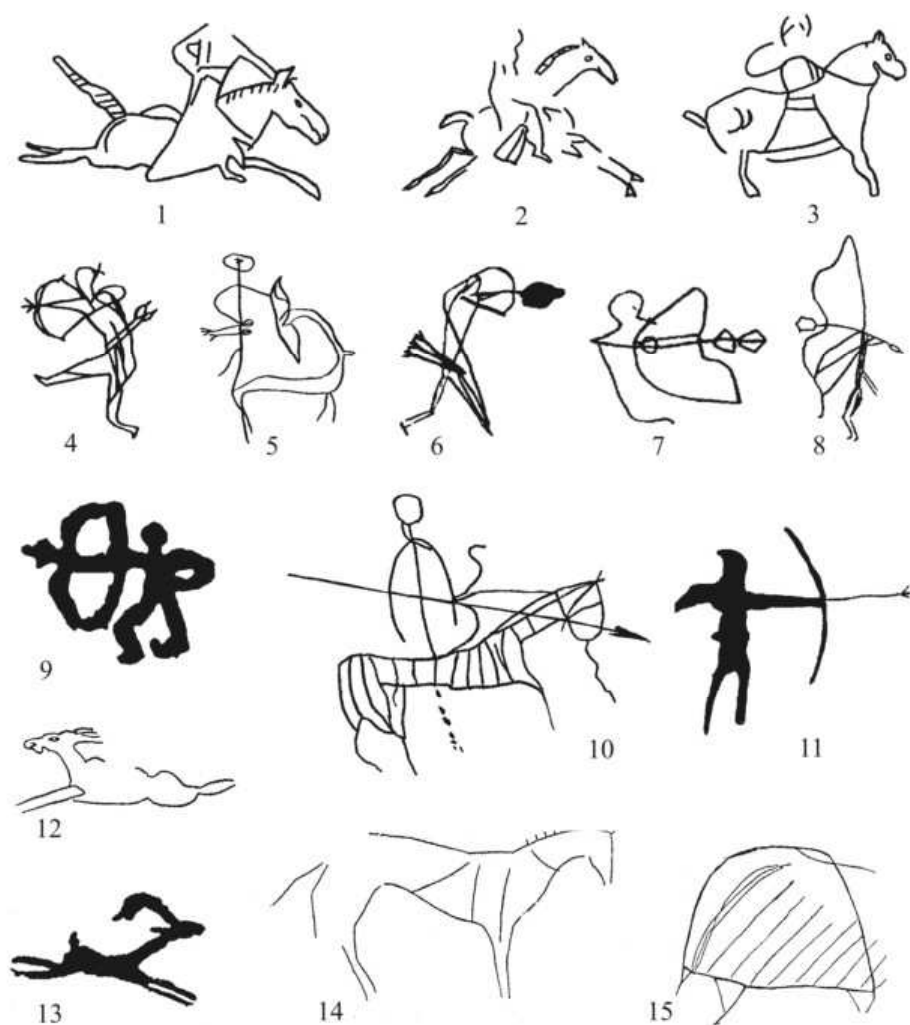


Рис. 1. 1–3, 12–13. Саргольское ущелье; 4–8. Устю-Мозага; 9. Мугур-Саргол; 10, 14, 15. Куйлуг-Хем

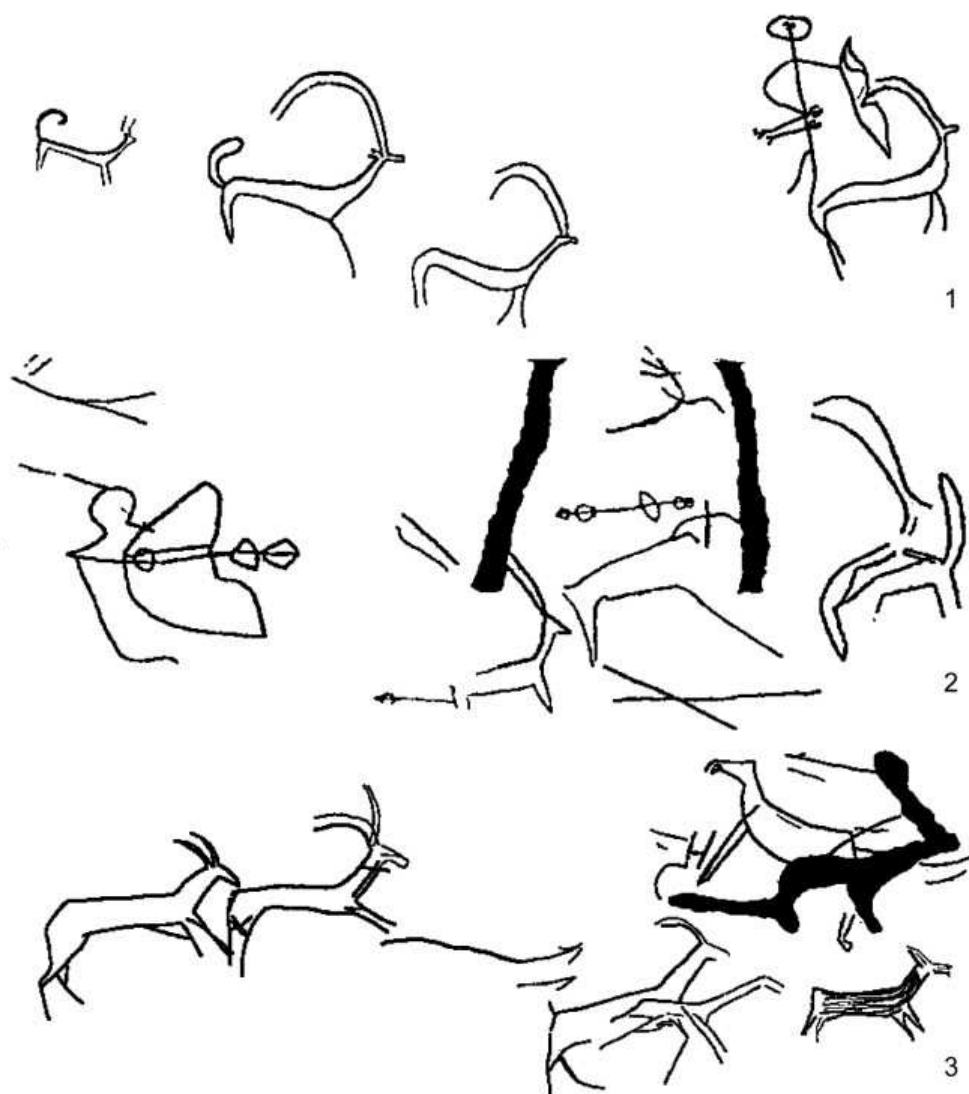


Рис. 2. Средневековые петроглифы на горе Устю-Мозага: 1 — камень 81;
2 — камень 105; 3 — камень 3

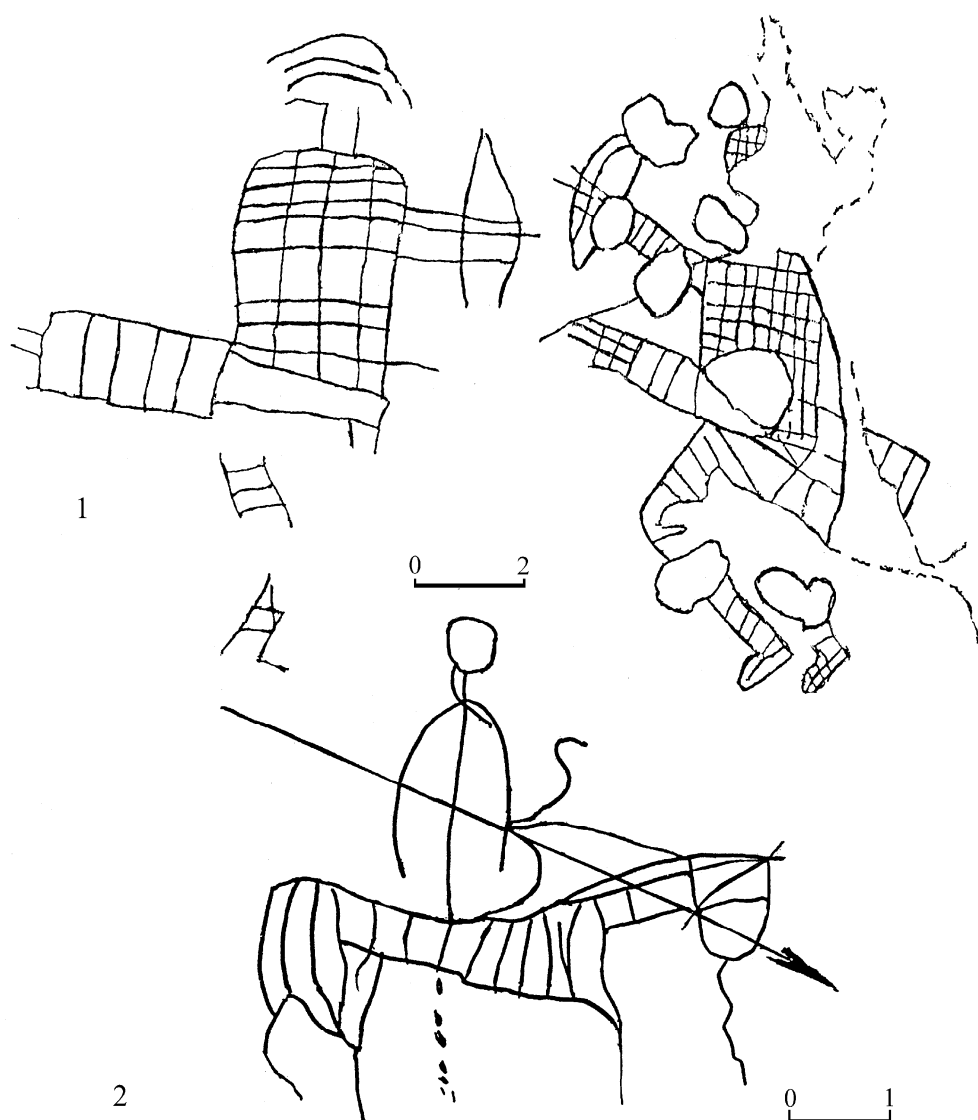


Рис. 3. 1 — Устю-Мозага; 2 — Куйлуг-Хем



Рис. 4. 1-2 — Устю-Мозага

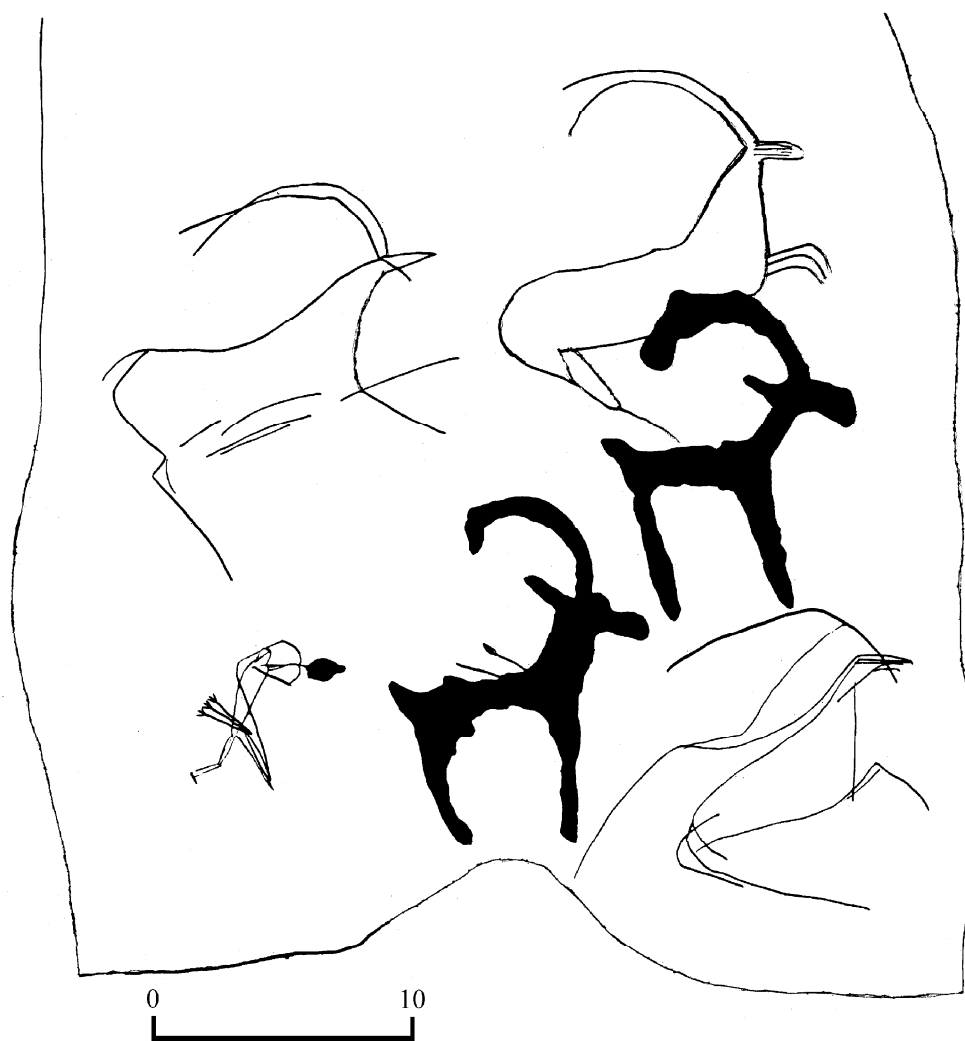


Рис. 5. Устю-Мозага



Рис. 6. 1–2 — Ортаа-Саргол; 3 — «Дорога Чингис-хана»

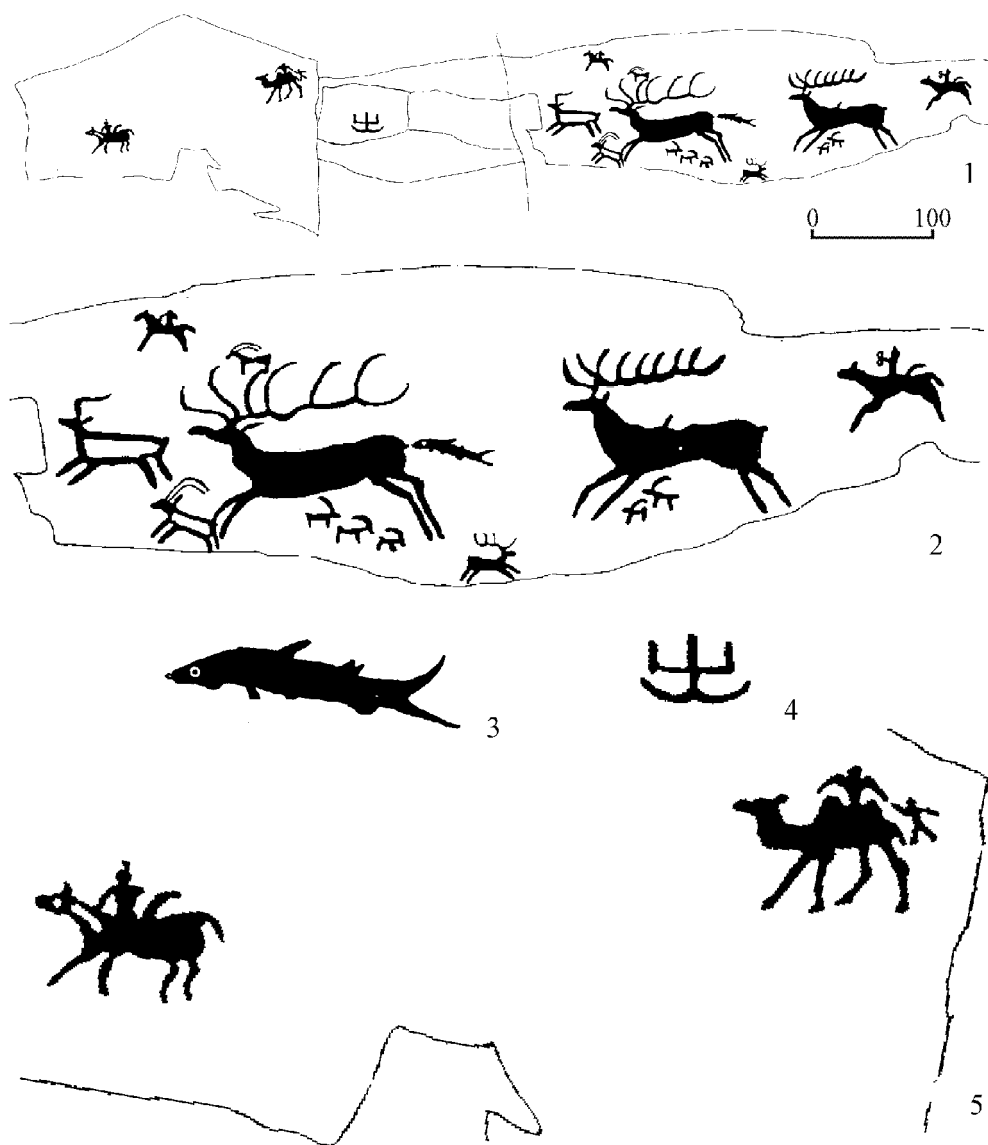


Рис. 7. 1–3 — у подножия горы Бош-Даг

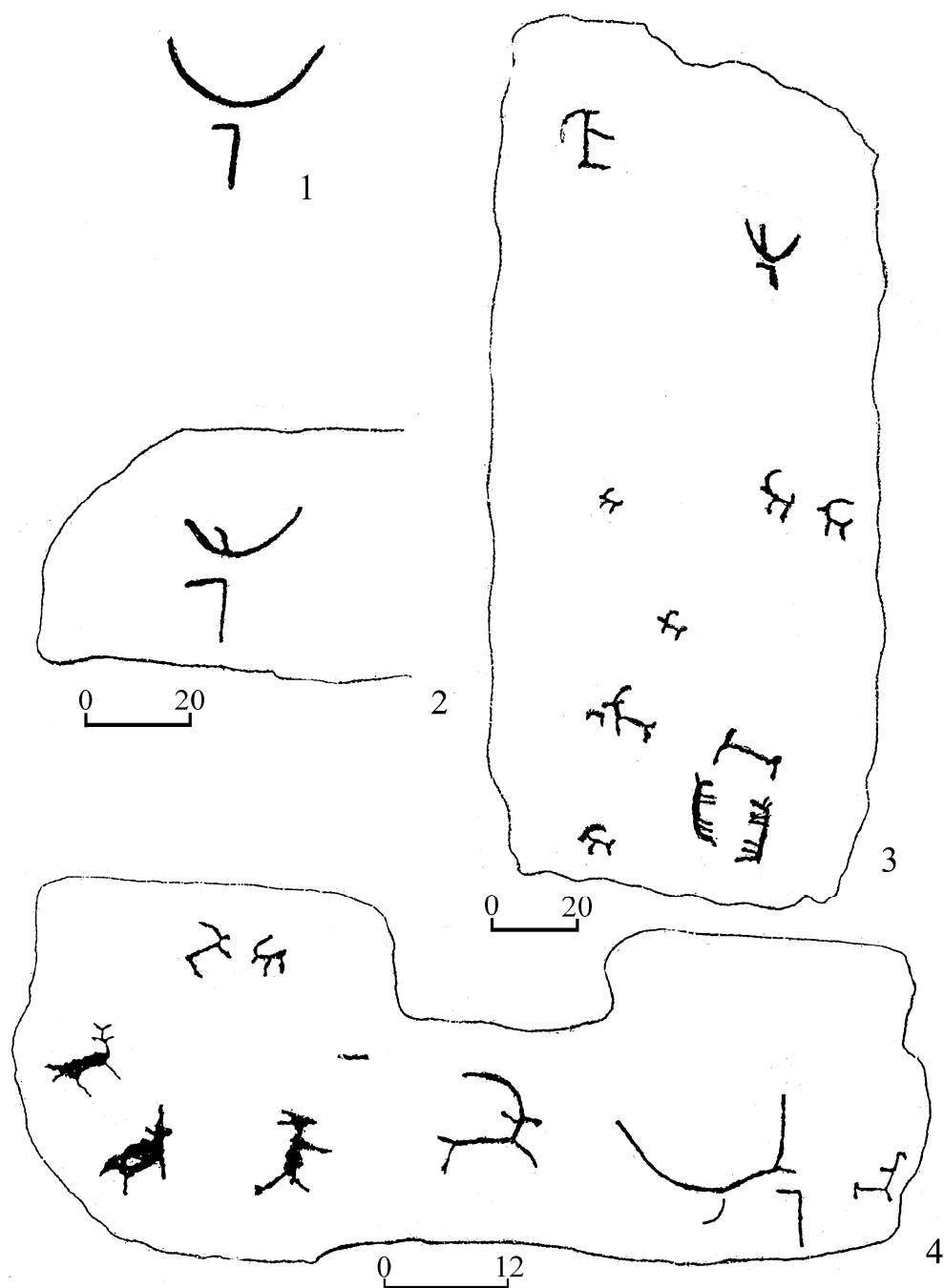


Рис. 8. 1 — тамга четвертого типа, по Л.Р. Кызласову;
2-4 — Бижиктиг-Хая в Саянском каньоне Енисея



Рис. 9. Устю-Мозага, камень 4

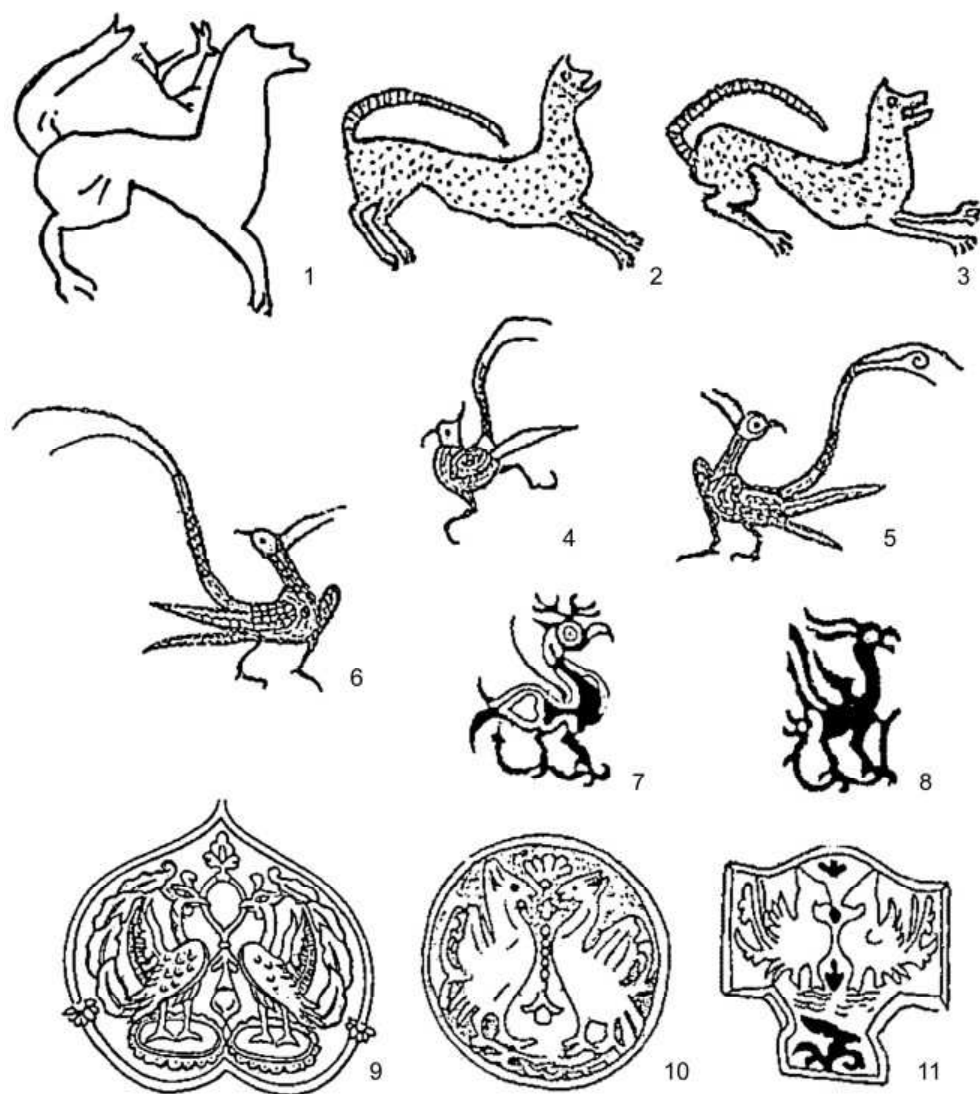


Рис. 10. Изображения хищника и птицы-феникса: 1 — Устю-Мозага;
2, 3 — Сулукская писаница; 4–6 — Пазырык, курган 5, вышивка шелком;
7–8 — изображения на бронзовых котлах из Китая;
9 — Копенский чаатас, курган 6, на золотом блюде;
10, 11 — Алтайский край. Собрание П.К. Фролова. Бронзовые накладки

ГЛАВА V

ВТОРАЯ БАЙ-БУЛУНСКАЯ СТЕЛА

С. Г. Кляшторный

В 1915 г. А. В. Адрианов, во время своего последнего археологического путешествия за Саяны, переправил на плотах по Енисею в Минусинский музей несколько стел с руническими надписями. Самая большая из этих стел ранее находилась в степи Бай-Булун на правом берегу реки Элегест, в нескольких километрах от ее впадения в Улуг-Хем.

В 1939 г. С. В. Киселев опубликовал надпись без точного указания первоначального места нахождения стелы, без прорисовки и фотографий текста и сделал попытку его прочтения и перевода (Киселев, 1939. С. 131–132). В 1952 г. надпись была переиздана С. Е. Маловым вместе с первой ее фотографией (МЕПТ, Е-49. С. 97–98, илл. 20). Более качественные фотографии и прорисовку надписи, ее описание и транскрипцию в 1983 г. опубликовал Д. Д. Васильев (КЕР. С. 29, 69, 107–108).

Новым этапом изучения памятника стало издание надписи И. В. Кормушиным (ТЕЭ-I. С. 169–174; ТЕЭ-II. С. 140–141). Критически оценив прежние издания (кроме упомянутых, также чтения и переводы И. А. Батманова и А. Ч. Кунаа, А. С. Аманжолова), И. В. Кормушин установил состав знаков и предложил наиболее точное чтение текста.

Опираясь на издания памятника предшественниками, прежде всего И. В. Кормушиным, я предлагаю здесь не только частные поправки к чтению знаков, но также иной перевод и интерпретацию текста.

Надпись вырезана на самой большой из обнаруженных в Туве стеле (оленном камне?): ее длина 370 см. Ранее на поверхность стелы уже была нанесена обширная руническая надпись (20 строк), тщательно стертая при подготовке камня к нанесению нового текста (ТЕЭ-I. С. 170). Вновь вырезанная надпись состояла всего из четырех строк по двум сторонам камня (три строки на широкой, одна строка — на узкой сторонах). Сам выбор стелы и трудоемкая работа по ее зачистке от предшествующей надписи возможно свидетельствуют не только о большом разрыве во времени между ранним и позднейшим

использованием камня, но и о высокой социальной значимости лица, которому посвящен поминальный текст.

Транскрипция

- (1) *esizim-e jüz qadaşym-a alty bodunym-a esizim-e adyrylytym-a*
- (2) *er atym aq baş atyq ynal öge ben eki jetmiş jaşymda*
- (3) *er erdemim eki elig tuşum jaýyda otuz erig ölürdim esni*
- (4) *alty bay bodunym küçligin üçün arqyş el(t)dim taşyn buja teti*

Примечания к транскрипции

Я принимаю предложенные И. В. Кормушиным чтения знаков и их идентификации за одним исключением: вслед за С. Е. Маловым (МЕПТ. С. 97–98), знак *𐰽* в стк. 2 я читаю как *baş*. У Кормушина принято условное чтение знака как *lyq*, а все слово (имя меморианта) он читает *Калыктык* (?) (ТЕЭ-I. С. 170–172). В стк. 3 Кормушин читает *tusum* (*tusu* «польза») и толкует как «мой (общий) вклад» (Там же). Следует отметить, что в надписи Кызыл-Чираа-II (Е-44), где также фиксируется слово *tusum* «моя польза», третий знак (для *-s-*) иной, чем в Е-49 (Там же. С. 222). Поэтому, с учетом контекста, я читаю *tuşum* «мои золотые бляхи» (ДТС, s.v. *tuş*. С. 590). С. Е. Малов (МЕПТ. С. 97) полагает здесь *toqum* — «мои бляхи» (ДТС, s.v. *toq* «пряжка, застежка»).

Чтение знаков в стк. 4 и их идентификация у И. В. Кормушина вполне корректны. Я полностью принимаю его транскрипцию, но ниже предлагаю совершенно иное понимание текста и его интерпретацию.

Перевод

(1) О жаль мне! Я разлучился с сотней моих побратимов-дружинников! Я разлучился с народом Шести (багов)! О жаль мне!

(2) Мое имя мужа-воина, мое звание (таковы) — я Ак Баш Атык Ынал-оге (букв.: «седоголовый и прославленный Ынал-оге»). Мне было шестьдесят два года, (когда я покинул этот мир).

(3) За мою воинскую доблесть я (носил пояс) с сорока двумя золотыми бляхами! Я убил тридцать вражеских воинов!

(4) Я унес (в иной мир) весть о могуществе моего народа Шести багов! (Этим поминальным) камнем он рассказал о своей скорби (или: выразил свою скорбь).

Примечания к переводу

Стк. 1. И. В. Кормушин переводит «сто моих сородичей» (Там же). Я полагаю, что *jüz* в контексте этой и некоторых других енисейских и орхонских надписей следует понимать не как числительное, а как название воинского подразделения «сотня», в котором реальное число воинов необязательно соответствует номинативному значению числительного (Ср.: Berta, 1995. S. 40–56). Очевидно, о той же сотне дружинников-побратимов идет речь в поминальной надписи эра (мужа-воина) Карши (Кара-Булун, Е-65. ТЕЭ-II. С. 150): *esizim jüz ynal qadaşim*; по переводу И. В. Кормушина «Жаль мне, о сто моих высоко-родных родичей» (Там же). Мой перевод — «Увы, моя сотня Ыналовых дру-

жинников-побратимов!». Очевидно, мемориант поминает здесь не сто своих родичей из ханского рода (см. ниже), а соратников-дружинников (побратимов) из Биналовой сотни. Еще одна надпись из Бай-Булуна (Е-42, Бай-Булун-I. ТЕЭ-II. С. 130–131) поминает *jüz er qadašim* «Сотню моих воинов-побратимов» и «тысячу воинов из моего народа». Здесь явно не количественное совпадение числа сородичей у трех разных лиц разной степени знатности, а указание на то воинское подразделение, воинское содружество, принадлежность к которому или связь с которым они столь же высоко ценили, как и родственные связи.

Еще более определенно о делении войска на княжескую дружину, состоящую из воинов-побратимов и ополчение мужей-воинов (эров), свидетельствует надпись из Бегре (Е-11. ТЕЭ. С. 102–104): *antlyr adašym* — «мои соратники, связанные клятвой (побратимства)» и *antsyz edgü ešim* «мои сотоварищи, не связанные клятвой (побратимства)». О частичном совпадении семантических спектров терминов *adašim* и *kadašim* свидетельствует их слияние в устойчивом парном сочетании (ДТС, s.v. *adaš*. С. 9). И. В. Кормушин также замечает, что термином *kadašim* «стали называться братья (при этом далеко не только родные)» (ТЕЭ-II. С. 280).

Сток. 3. Кормушин, не распознав в слове *tusum/tušum* значение «моя золотая бляха», предположил, что речь идет о сорока двух «захваченных в плен?» (Там же). В енисейской рунике встречаются несколько упоминаний знаков воинской доблести и символов власти, которые были, вместе с тем, и знаками положения их носителей во властной иерархии государства. Так, по надписи Элегест-I (Е-10), ее герой, памятник которому воздвигли «сотня из воинов-побратимов» и «сотня эров (воинов)» «водрузил на плечо алый штандарт (*al uruŋu*)», «(подвязал) на поясицу золотой колчан (*altunlyr keš*)», пожалованные ему Кёртле-ханом. Тут же отмечается, что его отец, Бегю-теркен, был обладателем штандарта (*uruŋu*) и бунчука (*tur*). Золотой колчан, как знак отличия, упомянут и в надписи из Уюк-Турана (Е-3).

Здесь, в Бай-Булунской надписи, упомянута другая вещь-символ — наборный пояс с золотыми бляхами. Собственно, упомянуты «сорок две мои золотые бляхи», но обозначение в тексте только ключевых слов обычно для лапидарных енисейских надписей, фоновый контекст которых был вполне очевиден для современников автора текста. Случай упоминания блях (пояса с бляхами) едва ли не единственный в енисейской рунике. Впрочем, следует оговорить, что С. Е. Малов предположил упоминание пояса с фигурной пряжкой в своем чтении и переводе Абаканского памятника (Е-48. С. 94–95). Однако при уточнении чтения знаков надписи И. В. Кормушиным, прежнее чтение отпало (ТЕЭ-I. С. 54–56).

«Золотой пояс» (*altunlyr belbay*), т. е. пояс, украшенный золотыми бляхами, упомянут также в древнеуйгурской легенде об Огуз-хане (ДТС, s.v. *belbay*. С. 93). Тематика наборных поясов у тюркских кочевников Евразии более подробно разработана археологами на вещевом и иконографическом материале (Торгоев, 2003. С. 285–289; Байпаков, 2010. С. 155–161).

Стк. 4. И. В. Кормушин переводит: «Благодаря могуществу моего народа Шести областей я водил караваны». Однако же титул правителя народа (см. ниже) и ремесло проводника торговых караванов плохо сочетаются. Поэтому я принял другое значение слова *arqyş*, обычное в древнетюркских памятниках — «весть, известие» (ДТС, s.v. *arqyş*. С. 54). В конечном предложении, которое Кормушин переводит «(поминальный) камень — печально водрузили», сказуемое глагол *te-*, означает не «водружать», а «рассказывать, говорить» (ДТС, s.v. *te-*. С. 545). Показатель инструментального падежа *-un* при слове *taş* предопределяет понимание фразы, которая завершает эпитафию не речью меморианта, а ремаркой создателя текста.

«Народ Шести багов» и его правитель

Слово *баг*, производное имя от глагола *ба-* «связывать привязывать, обвязывать», имело в древнетюркских языках значения «оковы, узы» «повязка, связка, узел» и наконец «группа, разряд» (ДТС, s.v. *bay*. С. 77). В енисейской рунике оно преобразуется в термин, имеющий социальное значение, и получает распространение почти исключительно в надписях из Тувы. В тувинских памятниках *баг* фиксируется, за одним исключением, в составе стереотипной формулы *алты баг бодун* «народ Шести багов», или сокращенно — *алты баг* «шесть багов».

Скорее всего, этот стереотип возник исторически и ему предшествовали два случая употребления термина *баг* без атрибутивного числительного (Е-27) или с числительным «два»: *eki baylyqa begim-e* «О мой бег, обладающий (властью?) в двух багах» (Е-73, надпись из Ийме; текст по ТЕЭ-II, с. 65). Так как в тексте надписи из Ийме биография меморианта как-то связана с его посольством (?) к уйгурскому кагану, то сама надпись относится ко второй половине VIII — началу IX в., т. е. ко времени до образования системы «Шести багов» (см. ниже). В надписи с р. Оя (Е-27) из Хакасии также ничто не указывает на связь с контекстом словоупотребления этого термина в Туве.

Единого понимания его реального значения в енисейских надписях не существует. Чаще всего оно толкуется как административно-территориальный термин «область» (ТЕЭ-I. С. 172) или «удел» (Там же. С. 284). Согласно Л. Р. Кызласову, «баг является феодальным уделом, собственностью одной семьи», а вся территория кыргызского государства «была разделена на феодальные уделы-баги» (Кызласов, 1984. С. 134–135).

Иное объяснение слова *баг* в енисейских памятниках дает С. Е. Малов. Седьмую строку надписи с р. Оя, *багым бодунымка адырылдым*, он переводит: «Я отделился от моего народа, моего родового подразделения». А в «Указателе» еще раз повторяет: «баг — родовое деление народа» (МЭПТ. С. 52, 103).

Совершенно по другому подходит к объяснению слова *баг* в енисейской рунике Джерар Клосон. Он пишет: «В древней политической терминологии *баг* имеет значение «конфедерация», что означает некоторое число кланов, объединенных договорными отношениями. Оно противостоит слову *бод* «клан», так как клан состоит из членов объединения, связанных кровными узами, а также слову *бодун*,

т. е. группе нескольких кланов... *Алты баг* «шесть конфедераций» — политическое объединение в Туве в древнекыргызский период» (Clouston, 1972. Р. 310).

Итак, предложены четыре семантические линии для объяснения термина *баг*: административно-территориальная («область»); социально-территориальная («удел», т. е. феодальное владение как единица государственного устройства); родоплеменная (родовое подразделение); политическая (группа кланов, связанных договорными отношениями). Все интерпретаторы термина, так или иначе, исходили из его включенности в клише «народ Шести багов» и локальную изолированность этого образования в Туве. Каково же было положение Тувы в составе государства енисейских кыргызов?

Кыргызский каганат может быть назван так по титулу его государя в памятниках Второго Тюркского каганата (первая половина VIII в.). Но в памятниках Уйгурского каганата (вторая половина VIII в.) и в енисейских надписях государь кыргызов именуется *хан* (ср. также в *Худуд ал-алам*, X в.: «Их государь называется хырхыз-хакан». Minorsky, 1937. Р. 96). Административная структура и территориальная протяженность Кыргызского каганата в VIII–X вв. несколько раз менялись. Период своего «великодержавия» каганат пережил в середине IX в. Тогда в его состав входило не менее четырех достаточно обособленных владений. Рассмотрим их обозначения в рунических памятниках, не обращаясь к иным свидетельствам.

Коренным юртом кыргызов была нынешняя Хакассия. В орхонских памятниках эти земли названы Кёгменская (т. е. Саянская) страна (*kögmen jer sub*), а население страны именовалось «народ азов и кыргызов» (*az qyrqyz bodun*), которыми правил «кыргызский каган» (ПДП. С. 30–31, 38–39).

Страна к югу от Кёгменских гор, вверх по течению Кема (Енисей), т. е. Тува, в VIII в. была страной народа чик (*čik bodun*). По отношению к хану кыргызов она была, согласно уйгурской надписи середины VIII в., «союзной землей» (*iši jer*) (Кляшторный, 2010. С. 57, 63) при явном силовом преобладании кыргызов. Так, во время уйгуро-карлукской войны 756 г. глава карлуков направляет кыргызскому хану просьбу: «Вы сами выступайте в поход (против уйгуров) и заставьте выступить чиков!» (Там же). Конный отряд кыргызов пришел в страну чиков, но был разгромлен уйгурским тутуком, стоявшим во главе войсковой тысячи, после чего тутук стал управителем страны чиков, а чикская знать получила новые титулы от уйгурского хана (Там же). Однако этноним *чик* в енисейских памятниках отсутствует.

Не ранее IX в. Тува стала страной «народа Шести багов», подвластной кыргызскому хану. Ее другое возможное название — Кешдим. Во всяком случае, в надписи на скале Хая-Ужу, что на берегу р. Хемчик (Е-24), сохранилась строка, гласящая: *ynal alty bay Kešdimde ben* «Я ынал в Шести багах и Кешдима»; столь же возможное понимание: «Я ынал в шестибаговом Кешдима» (Батманов, 1968. С. 241). В *Худуд ал-алам* упоминается «народ из хырхызов *кесим*, живущий в шатрах на склонах гор». Однако в Мешхедской рукописи Ибн ал-Факиха сообщается о городе (области) *Кешим* (Minorski, 1937. Р. 97, 286).

Третьей провинцией кыргызского каганата стала после 840 г. «Уйгурская земля» (*uyğur jer*), т. е. северо-западная Монголия, коренной юрт уйгурских племен. Четвертой провинцией стала после разгрома уйгуров, т. е. в середине IX в., а возможно и ранее, какая-то часть Алтая (Кызласов, 1984. С. 74–75).

Каждое из этих четырех владений имело двойную систему управления — местную и имперскую. Местная система зиждилась на традиционной власти *бе-гов*, возглавлявших местные племена и носивших пожалованные ханом титулы. Они находились по отношению к имперской власти в вассальной зависимости. В их эпитафиях постоянно упоминается верная служба хану и воинские подвиги ради «божественного эля». Главы имперской администрации в провинции носили самые высокие титулы и нередко были родичами хана. Так, в издаваемой здесь надписи, глава «народа Шести багов» именуется *ыналом*, т. е. лицом из ханского рода, и *оге*, т. е. чиновным лицом высшей категории (условно «министр»).

Главой вновь завоеванной Уйгурской земли стал бывший уйгурский вельможа, восставший против своего кагана и оказавший помощь кыргызскому *ажо* (китайская транскрипция титула *ынал*; Яхонтов, 1970. С. 119), Кутлуг Бага таркан-оге. Его буюруком был кыргыз Бойла Кутлуг-ярган, возможно, контролировавший уйгурского управителя; их имена сохранила Суджинская надпись (Е-47; МЕРП. С. 84–85). На Алтае ханский наместник носил привычный для времени тюркских каганатов титул главы западного крыла войска и управителя западными землями каганата — *ябгу* (Е-110; ТЕЭ-I. С. 269).

Возможность более определенного толкования понятия «народ Шести багов» открывается одним случаем замены слова *баг* в этом устойчивом сочетании иным термином. Как установил И. В. Кормушин, в надписи Барлык-I (Е-5), предпочтительно следующее чтение второй строки: *öz jigen alp turan alty oguş bodunda eñ jegirmi alty qanyta adyryldym* «[Мое имя] — Оз Йиген Алп Туран. У народа Шести родов (племен) [я служил с] шестнадцати лет. О мое государство, мой хан — я разлучился (с вами)» [ТЕЭ-I. С. 210–211].

Слово *огуш* «род, племя», заменившее слово *баг* как его семантический эквивалент, в устойчивом словосочетании сразу переводит *баг* из разряда терминов территориального устройства в этнополитическую терминологическую сферу. Теперь более предпочтительным становится толкование обсуждаемого клише, с учетом этимологического фактора, как «народ Шести связанных (привязанных) племен», или «народ Шести связок (групп) племен». Но столь же правомерно и иное понимание клише: «народ шести вассальных (групп) племен», т. е. племен, вассальных («привязанных») по отношению к хану и «божественному элю».

Если это последнее понимание клише правомерно, то, скорее, здесь фиксируется утрата племенами Тувы в конце VIII — начале IX в. прежнего статуса «союзной земли» (*iši jer*) и замены его статусом «народа Шести вассальных (групп) племен».

Сиглы

- ДТС – Древнетюркский словарь. Л., «Наука». 1969.
КЕР – Д. Д. Васильев. Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983.
МЕПТ – С. Е. Малов. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.; Л., 1952.
ПДП – С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951.
ТЕЭ-I – И. В. Кормушин. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.
ТЕЭ-II – И. В. Кормушин. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология. М., 2008.

Литература

- Байтаков К. М. Западнотюркский и тюркешский каганаты: тюрки и согдийцы, степь и город. Алматы, 2010.
Батманов И. А. Еще о надписи на скале Хая-Ужу // Труды Кызыльского пед. Института. Кызыл, 1968. Вып. 3.
Киселев С. В. Неизданные надписи енисейских кыргызов // ВДИ. 1939. Т. 3.
Кляшторный С. Г. Рунические памятники Уйгурского каганата и история евразийских степей. СПб., 2010.
Кызласов Л. Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984.
Торгоев А. И. К периодизации наременных украшений Семиречья // Диалог цивилизаций. Материалы Международной научной конференции. Бишкек, 2003.
Яхонтов С. Е. Древнейшие упоминания названия «киргиз» // СЭ. 1970. Т. 2.
Berta A. Die Verteilung der militärischen Termini in der runen Inschriften // Acta Orientalia Hungarica. Budapest. 1995. Vol. XLVII, pts. 1–2.
Clouston G. An etymological dictionary of Pre-thirteenth-century Turkish. Oxford, 1972. The Clarendon Press.
Minorsky V. Hudud al-Alam. The Region of the World A Persian Geography 372 A. H. – 982 A.D. London, 1937.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	—	Археологические открытия. М.
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа. СПб
ВДИ	—	Вестник древней истории
ИАЭ СО РАН	—	Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск
ИИАЭ АН Казахстана	—	Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Казахской ССР
ИИМК РАН	—	Институт истории материальной культуры Российской академии наук. СПб.
ИЛАИ	—	Известия лаборатории археологических исследований. Кемерово
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	—	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера). СПб.
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ	—	Материалы по этнографии
РА	—	Российская археология. М.
СА	—	Советская археология. М.
САИ	—	Свод археологических источников
Сб. МАЭ	—	Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.
СЭ	—	Советская этнография
ТД	—	Тезисы докладов
Тр. ГИМ	—	Труды Государственного исторического музея
Тр. ТКАЭЭ	—	Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции АН СССР
Тр. САИПИ	—	Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Кемерово
ТС	—	Тюркологический сборник
УЗ ТНИИЯЛИ	—	Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
УЗ Хак. НИИЯЛИ	—	Ученые записки Хакасского научно-исследовательского Института языка, литературы, истории. Абакан

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора. ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ В УЛУГ-ХЕМСКОЙ КОТЛОВИНЕ <i>Д. Г. Савинов</i>	3
Глава I. ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ВРЕМЕНИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ТУВЕ. <i>Ю. И. Трифонов</i>	13
Глава II.. ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ ЭПОХИ МОГИЛЬНИКА АЙМЫРЛЫГ. <i>Б. Б. Овчинникова</i>	115
ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ДРЕВНИХ ТЮРОК НА МОГИЛЬНИКЕ ДАГ-АРАЗЫ. <i>Б. Б. Овчинникова</i>	139
Глава III. ДРЕВНИЕ ТЮРКИ В САЯНСКОМ КАНЬОНЕ ЕНИСЕЯ. <i>Г. В. Длужневская</i>	173
Глава IV. ПЕТРОГЛИФЫ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В САЯНСКОМ КАНЬОНЕ ЕНИСЕЯ. <i>М. А. Дэвлет</i>	187
Глава V. ВТОРАЯ БАЙ-БУЛУНСКАЯ СТЕЛА. <i>С. Г. Кляшторный</i>	223
Список сокращений	230

